ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 31. № 4 2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

Эволюция власти и общества: от исторических рубежей к цифровому будущему

Evolution of Power and Society: From Historical Boundaries to the Digital Future

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 31. No. 4 2026

Издательство Волгоградского государственного университета

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, U.V. Naumova, I.V. Smetanina*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina*

Passed for printing on Aug. 9, 2026.
Date of publication: Dec. 1, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 21.9. Published pages 23.5.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 107. «C» 29.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль, У.В. Наумова, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *Ю.А. Никитиной*

Подписано в печать 09.08 2026 г.
Дата выхода в свет: 01.12 2026 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 23,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 107. «С» 29.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. сайт: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026
Том 31. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2026
Volume 31. No. 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2026. Vol. 31. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue:

Evolution of Power and Society: From Historical Boundaries to the Digital Future

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *E.S. Tseluykina* – Associate Editor (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Dr. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Magdolna Agoshton* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Tomash Bokhun* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *A.P. Buzhilova* (Moscow);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *M.D. Bukharin* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E.Yu. Girya* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Musagalieva* (Astana, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Norman E. Saul* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Gyula Szvák* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Anh Thuan Truong* (Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

© Volgograd State University, 2026

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026. Т. 31. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера:

Эволюция власти и общества: от исторических рубежей к цифровому будущему

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.С. Целуйкина* – отв. секретарь (г. Волгоград);
А.С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П.И. Лысиков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Магдолна Агоштон* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Томаш Бохун* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, акад. РАН *М.Д. Бухарин* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Мусагалиева* (г. Астана, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Норман Е. Саул* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Дьюла Свак* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Анх Тхуан Труонг* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА И СУДОХОДСТВА

Кияшко Я.А. Конструктивные особенности судоходного канала Джона Перри в Камышинском районе Волгоградской области (по данным археологических исследований) 6

Гоманенко О.А. К вопросу о капитальных вложениях на водном транспорте СССР в предвоенный период (на примере Верхней Волги в 1934–1940 гг.) 19

Рыблова М.А. Строительство Волжской ГЭС и сооружение Волгоградского водохранилища: итоги и перспективы исследований 30

Митюков Н.В. Метод идентификации судов по приказам о кадровом составе (на материалах Удмуртского и Молотовского управлений малых рек 1950-х гг.) ... 42

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР

Баранов А.В., Касьянов В.В. Политика в отношении дисперсных этнических меньшинств в 1921–1927 гг. (на материалах Кубани и Черноморья) [*На англ. яз.*] 58

Вирабян В.Г., Геворгян Э.Г. Межэтнические отношения в Республике Армения и проблемы национальных меньшинств в 1920-х годах [*На англ. яз.*] 72

Сағнайқызы С., Сартаев С.А. Адаптация правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе (1925–1932 гг.) 86

В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ: ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО ПОДВИГА

Черепанов К.В. Вклад высшего руководства Казахской ССР в укрепление обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны 99

Головина Е.Л. Деятельность Сталинградской областной чрезвычайной полномочной противоэпидемической комиссии в 1942–1943 годах 110

Сидоров С.Г. Состояние садоводства в Красноармейском районе Сталинградской области в 1941–1945 годах 121

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Истоки борьбы великих держав за Британскую Колумбию (к постановке проблемы) [*На англ. яз.*] 133

Левин Я.А. ФБР и маккартизм: связь спецслужбы с развитием и угасанием радикального политического движения 145

Борщевский Г.А., Белова В.В. Операционализация лоббистских практик (на примере Конгресса США) 155

ГЕОПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Голунов С.В. Приграничное сотрудничество между Казахстаном и сопредельными странами Центральной Азии: траектории развития в постсоветский период [*На англ. яз.*] 164

Батырбаев К.М., Кожирова С.Б., Карымсакова Д.А. Внешняя политика Казахстана в сфере региональной безопасности: от постсоветского становления к институционализации в рамках ШОС (1991–2024 гг.) 174

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ

Бессчетнова Е.В. Католический интегризм contra «соловьевский модернизм» (по материалам фонда Умберто Бениньи) 187

Смертин Ю.Г. Корейский вон-буддизм: практическое учение о спасении человека и мира ... 199

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Володенков С.В. Социальная архитектура будущего России: ключевые вызовы и риски в условиях актуальных цифровых трансформаций (по материалам экспертного исследования) 212

Макаренко К.М. Потенциал ИИ-моделирования в преодолении парадоксов развития малых муниципальных образований Российской Федерации (на примере Волгоградской области) [*На англ. яз.*] 224

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF WATER TRANSPORT AND SHIPPING

Kiyashko Ya.A. Design Features of John Perry's Navigation Channel in the Kamyshinsky District of the Volgograd Region According to the Data of Archaeological Studies 6

Gomanenko O.A. On Capital Investments in the USSR Water Transport in the Pre-War Period (The Upper Volga Case in 1934–1940) 19

Ryblova M.A. Construction of the Volga Hydroelectric Power Station and the Volgograd Reservoir: Results and Prospects of Research 30

Mitiukov N.W. Method of Identification of Vessels by Orders on Personnel Structure (Based on the Materials of the Udmurt and Molotov Small Rivers Departments of the 1950s) 42

NATIONAL POLICY AND INTERETHNIC RELATIONS IN THE USSR

Baranov A.V., Kasyanov V.V. Policy in Relation to Dispersed Ethnic Minorities in 1921–1927 (Based on Materials from Kuban and the Black Sea Region) 58

Virabyan V.H., Gevorgyan E.G. Interethnic Developments in the Republic of Armenia and National Minority Issues in the 1920s 72

Sagnaikyzy S., Sartaev S.A. Adaptation of Law Enforcement Agencies of Kazakhstan to the Administrative and Command System (1925–1932) 86

IN THE REAR AND AT THE FRONT: THE CHRONICLE OF A GREAT FEAT

Cherepanov K.V. The Contribution of the Top Leadership of the Kazakh SSR to Strengthening the Defense Capability of the USSR During the Great Patriotic War 99

Golovina E.L. Activities of the Stalingrad Regional Emergency Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission in 1942–1943 110

Sidorov S.G. State of Gardening in the Krasnoarmeiskiy District of the Stalingrad Region in 1941–1945 121

NORTH AMERICAN RESEARCH

Petrov A.Yu., Troitskaia L.M. Origins of the Struggle of the Great Powers for British Columbia (To the Problem Statement) 133

Levin Ya.A. FBI and McCarthyism: Relation of the Intelligence Agency with Rise and Fall of the Radical Political Movement 145

Borshchevskiy G.A., Belova V.V. Operationalization of Lobbying Practices Using the U.S. Congress as an Example 155

GEOPOLITICS OF CENTRAL ASIA

Golunov S.V. Cross-Border Cooperation Between Kazakhstan and Neighboring Central Asian Countries: Post-Soviet Trajectories 164

Batyrbaev K.M., Kozhirova S.B., Karymsakova D.A. Kazakhstan's Foreign Policy in the Field of Regional Security: From Post-Soviet Formation to Institutionalization Within the SCO (1991–2024) 174

INTERRELIGIOUS DIALOGUE

Besschetnova E.V. Catholic Integrism contra "Solovyov's Modernism" (Based on Materials from Umberto Benigni Archival Collection) 187

Smertin Yu.G. Korean Won Buddhism: Practical Teaching on the Salvation of Man and the World 199

POLITICAL DESIGN IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Volodenkov S.V. Social Architecture of Russia's Future: Key Challenges and Risks in the Context of Current Digital Transformations (Based on Expert Research Materials) 212

Makarenko K.M. The Potential of AI Modeling in Overcoming the Paradoxes of the Development of Small Municipalities of the Russian Federation (Using the Example of the Volgograd Region) 224

www.volsu.ru

ИЗ ИСТОРИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА И СУДОХОДСТВА

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.1

UDC 902.21
LBC 63.4(2)

Submitted: 16.10.2024
Accepted: 24.03.2025

DESIGN FEATURES OF JOHN PERRY'S NAVIGATION CHANNEL IN THE KAMYSHINSKY DISTRICT OF THE VOLGOGRAD REGION ACCORDING TO THE DATA OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES

Yakov A. Kiyashko

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This paper presents the results of archaeological studies that were carried out at the archaeological heritage sites of the Peter the Great era in the Kamyshinsky district of the Volgograd region. It is about the monuments of hydraulic engineering, which were erected by the order of Peter I to unite two rivers, the Don and Volga, through their tributaries, the Ilovlya and the Kamyshinka rivers, in the late 17th – early 18th centuries. This study is a continuation of archaeological research that was done by the team of the State Budgetary Institution "Volgograd Scientific and Practical Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments" under the supervision of the author in 2022. During the first year of study the main attention was paid to the archaeological heritage site "Selimov val, 1550," but the second year of research was devoted to identifying the design features of the second site – "Petrov val, 1698." This name refers to the remains of the navigation channel that was constructed under the direction of the Englishman John Perry in 1699–1701. *Methods and materials.* During the archaeological work, a visual inspection of the channel along its length from the Ilovlya River to the Kamyshinka River was carried out in order to determine the places where it was possible to trace the structural features of the object and localize the gateways. The presence of these gateways is well known from historiography. Particular attention was paid to the "unfinished" section of the channel, which enters the Kamyshinka River's gully. The archaeological testing pits were dug in this area to identify the cultural layer of the 18th century. *Results.* As a result of work, a previously unaccounted section was discovered, which is located between the eastern parts of the channels "Selimov val, 1550" and "Petrov val, 1698" at the point of their closest convergence. In this area it was possible to trace a connecting ditch that unites both hydraulic structures into one system. The location of one of the gateways, which is now used as a dam by local residents, was also identified. In conclusion, it is important to say that this project would have been completed in the early 18th century if it had been facilitated by a political decision of the Russian government.

Key words: Peter I, Petrov val, Johann Brekkel, John Perry, Kamyshinka, Ilovlya, archaeological explorations.

Citation. Kiyashko Ya.A. Design Features of John Perry's Navigation Channel in the Kamyshinsky District of the Volgograd Region According to the Data of Archaeological Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 6-18. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.1

© Киящко Я.А., 2026

УДК 902.21
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 16.10.2024
Дата принятия статьи: 24.03.2025

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДОХОДНОГО КАНАЛА ДЖОНА ПЕРРИ В КАМЫШИНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Яков Алексеевич Кияшко

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной работе представлены результаты археологических исследований, которые были проведены на объектах археологического наследия Петровской эпохи, расположенных в Камышинском районе Волгоградской области. Речь идет о памятниках гидротехнической мысли, которые возводились по приказу Петра I с целью объединения двух рек Дона и Волги через их притоки – реки Иловля и Камышинка – в конце XVII – начале XVIII века. Данное исследование является продолжением археологических изысканий, которые были предприняты коллективом ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников истории и культуры» под руководством автора в 2022 году. Если в первый год основное внимание было уделено объекту археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.», то второй год исследований был посвящен установлению конструктивных особенностей второго объекта – «Петров вал, 1698 г.». Под данным названием следует понимать сохранившиеся остатки судоходного канала, который создавался под руководством англичанина Джона Перри в 1699–1701 годах. *Методы и материалы.* В ходе археологических работ был произведен визуальный осмотр канала на всем его протяжении от р. Иловля до р. Камышинка с целью определения мест, где можно было проследить конструктивные особенности объекта, локализовать месторасположение шлюзов, наличие которых хорошо известны из историографии. Особое внимание было уделено «недостроенному» участку канала в месте вхождения его в балку р. Камышинка. В данном районе были заложены археологические шурфы с целью выявления культурного слоя XVIII века. *Результаты.* В результате проведенных работ был обнаружен ранее не учтенный участок, который располагается между восточными частями каналов «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал, 1698 г.» в месте их наибольшего сближения. На этом участке был прослежен соединительный ров, который объединяет оба гидротехнических сооружения в одну систему. Также было локализовано месторасположение одного из шлюзов, который сегодня используется как дамба местными жителями. Был сделан общий вывод о перспективности завершения данного проекта в начале XVIII в., если этому способствовало бы политическое решение руководства российского государства.

Ключевые слова: Петр I, Петров вал, Яганн Брёккель, Джон Перри, Камышинка, Иловля, археологические разведки.

Цитирование. Кияшко Я. А. Конструктивные особенности судоходного канала Джона Перри в Камышинском районе Волгоградской области (по данным археологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 6–18. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.1

Введение. На территории Камышинского района Волгоградской области расположено два объекта культурного наследия, которые являются остатками гидротехнических сооружений – соединительных судоходных каналов, возводимых в годы правления Петра I. В официальной документации они фигурируют под названием «Селимов вал, 1550 г.» (в Едином государственном реестре объектов культурного наследия зарегистрирован под номером 341540306650006) и «Петров вал, 1698 г.» (в Едином государственном реестре объектов культурного наследия зарегистрирован под номером 341540306420006) (рис. 1). Данные объекты должны были создать водный путь из р. Дон через приток Иловлю в р. Камышинка, которая являлась притоком р. Волга. Соединение двух крупных водных артерий Волги и Дона позволило бы сформировать благоприятные условия для дальнейшего освоения волго-донских степей в XVIII веке.

Оба проекта не были завершены в силу различных обстоятельств, что серьезно осложнило историческое изучение данных сооружений. Так, были допущены ошибки при отождествлении памятников с данными пись-

менной традиции. В качестве примера можно привести название «Селимов вал, 1550 г.», который является гидротехническим каналом, возводимым под руководством шведского инженера Я. Брёккель в 1697–1698 гг. [3]. Кроме этого, среди исследователей существует определенный скепсис в отношении успешной реализации задумки Петра I по соединению двух рек [6]. Основанием для сомнений является перепад высот между реками Иловля и Камышинка, которые не создавали условия для обводнения судоходных каналов. Данная особенность была отмечена еще исследователями в XIX в. [12, с. 57]. Однако приведенные сведения не согласуются с точкой зрения английского инженера-гидротехника Джона Перри, который верил в успех проекта и после завершения строительства шлюза на р. Воронеж в 1704 г. предлагал Петру I возобновить работу по строительству Волго-Донского канала на р. Камышинка [8, с. 86].

Наличие противоречий в истории строительства соединительных каналов требует привлечения дополнительных исторических источников. Поэтому было решено использовать методы археологической науки, которые позволили проследить новые конструктивные элементы каналов, созданные Я. Брёккелем и Дж. Перри. Археологическое изучение памятников Петровской эпохи проходило в течение двух лет – с 2022 по 2023 год. Промежуточные результаты по итогам 2022 г. были опубликованы в статье [4]. Следовательно, основной целью археологических изысканий в 2023 г. являлось определение всех функциональных частей канала Джона Перри (Петров вал, 1698 г.), которые должны были обеспечить проход судов из р. Иловля в р. Камышинка. Полученная информация позволяет по-новому реконструировать процесс соединения рек Дона и Волги в конце XVII – начале XVIII века.

Идея объединения рек Волги и Дона оставалась актуальной вплоть до 50-х гг. XX в., поэтому на протяжении длительного времени проекты судоходных каналов Петра I привлекали внимание историков и инженеров. Наиболее полный историографический анализ приведен в статье А.Л. Клейтмана [7].

Несмотря на то что следы каналов хорошо фиксировались на местности, специального археологического изучения памятников не проводилось. Только 30 августа 1960 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», где было указано, что объекты археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал, 1698 г.» подлежат государственной охране [5]. По всей видимости, в ходе изучения канала Я. Брёккеля не была прослежена вся его трасса до соединения с р. Иловля. Это привело к тому, что только одна часть памятника (вал на возвышенности) была исследована и интерпретирована как вал, созданный по приказу турецкого султана Селима II. Данная ошибка не была исправлена при составлении паспортов объектов в 2001 г., когда проводилась топографическая съемка. В 2013 г., согласно приказу Министерства культуры Волгоградской области, были установлены границы территории объектов культурного наследия федерального значения «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал, 1698 г.».

В ходе археологической разведки, проведенной сотрудниками ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников истории и культуры» под руководством Я.А. Кияшко в 2022 г., удалось установить характерные особенности объекта культурного наследия «Селимов вал, 1550 г.». По итогу визуального осмотра памятника стало ясно, что данное название ошибочно по причине неверной интерпретации объекта в середине XX века. Земляной вал был частью масштабного строительства под руководством Я. Брёккеля в конце XVII века.

Таким образом, археологические исследования 2023 г. являются логическим продолжением работ 2022 г. по изучению гидротехнических сооружений эпохи правления Петра I.

Методы и материалы. С учетом того факта, что главной задачей являлось археологическое исследование каналов Я. Брёккеля и Дж. Перри, в качестве основного источника информации выступал картографический материал. Прежде всего это карта конца 1760-х гг., составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым [2]. В ходе археологической разведки в 2022 г. была подтверждена информация, которая была получена при анализе вышеуказанной карты. Следовательно, при планировании маршрута археологической разведки в 2023 г. данный документ стал основным.

Для локализации шлюзов, которые возводил Дж. Перри для регулирования воды в канале, также была использована карта «Атласа реки Дон Крюйса или Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря» [1].

В процессе археологической разведки применялись методы археологической науки, которые включали в себя визуальное изучение местности, где располагались объекты культурного наследия, поиск подъемного материала, а также закладка археологических шурфов с целью выявления культурного слоя.

Анализ. Прежде чем перейти к обзору основных результатов исследований, необходимо дать небольшой экскурс в историю создания первого соединительного канала, который ошибочно называется «Селимов вал, 1550 г.».

Как хорошо известно, строительство первого соединительного канала было поручено шведскому инженеру Я. Брёккелю в 1697 году. Личность шведского инженера представляет особый интерес, так как это позволяет понять причины постигнувшей его неудачи при реализации задания Петра I. Я. Брёккель поступил на русскую службу в 1695 г. и считался хорошим специалистом по созданию фортификационных сооружений. Известно, что он принимал участие в Азовских походах в 1695–1696 гг. и после захвата Азова руководил строительством укреплений, где и произвел хорошее впечатление на военных специалистов [9]. В связи с этим неудивительно, что судоходный канал, строительством которого он руководил, имеет ряд фортификационных элементов.

Как было установлено в 2022 г., канал Я. Брёккеля представлял собой составной объект из двух частей [4] (рис. 2). Первая часть находилась в пойменной местности р. Иловля и представляла собой небольшой канал (на карте разрез N-O: ров второго канала, проложенный в низменности), который был прикрыт от возможного нападения артиллерийской батареей (Batterie zu Canonen), которая находилась на искусственной возвышенности и также была укреплена валом и двумя кольцевыми рвами. Вторая часть канала проходила по надпойменной части (на карте разрез L-M: сухой ров второго канала). Земляной отвал, который был получен в ходе копки канала, был использован для сооружения защитного вала с южной стороны канала. Данные конструктивные особенности были отмечены позже на карте конца 1760-х гг., составленной Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым. Вероятно, выбор места прокопки канала также делался исходя из логики фортификатора, а не инженера-гидротехника. Ошибка в выборе места строительства привела к тому, что при пуске воды в канал шлюзы сорвало и шведский специалист, опасаясь наказания, бежал из России [9; 11, с. 3]

В ходе археологической разведки в 2022 г. вышеупомянутые конструктивные элементы канала были найдены. Кроме этого, были локализованы места предположительного расположения шлюзов. Сейчас на их месте два озера, которые, по всей видимости, сформировались в ходе их разрушения. Стоит отметить, что на карте 1760-х гг. данные объекты тоже присутствуют и имеют подпись «Thor» – «ворота».

После бегства Я. Брёккеля работы по соединению рек продолжил английский гидротехник Джон Перри, который был рекомендован Петру I Перегрином Осборном, маркизом Кармартеном и интендантом военно-морского флота Эдмундом Даммером, когда царь находился в Лондоне. В отличие от своего предшественника Дж. Перри имел опыт по строительству гидротехнических сооружений [8, с. 84]. Поэтому, когда англичанин прибыл на место строительства в 1698 г., он сразу отметил неверный выбор места прокладки канала. Свою трассу Дж. Перри проложил на несколько сот метров южнее, где течение р. Иловля не такое сильное.

Если обратить внимание на схему канала, которая отражена на карте, то можно заметить, что вода полностью не заполняла канал (рис. 2). Так, разрезы C-D (в переводе: наполненный водой ров того же канала) и F-E (в переводе: ров того же канала, заполненный весенними водами) фиксировали уровень воды. Разрез A-B (в переводе: сухой ров первого канала) указывает на отсутствие воды в канале. Все это подводит к мысли о невозможности реализации проекта Дж. Перри по причине маловодности трассы канала. Однако английский инженер решил воспользовать-

ся трудами своего предшественника и использовать первую трассу канала как «резервуар» с водой.

Наиболее сложным участком для прохода кораблей являлось место перехода судоходного канала в балочную систему р. Камышинка (рис. 2). Для того чтобы в нее попасть, необходимо было преодолеть переход из трассы канала через балку р. Грязнуха (часть балочной системы р. Камышинка). Следовательно, требовалось наполнить водой не только восточную часть канала, но и саму балку. Для реализации данной задачи были проложены соединительные каналы – это разрезы P-Q (в переводе: ров между каналами для их коммуникации) и R-S (в переводе: ров для отвода воды). По всей видимости, уровень воды в канале Я. Брёккеля был настолько высок, что ее хватало не только на обводнение балки р. Грязнуха (разрез R-S), но и на «сухую» часть канала Дж. Перри (разрез P-Q). При этом была создана система шлюзов для регулирования уровня воды не только в канале, но и в балочной системе р. Камышинка. Полученная информация при анализе карты, составленной Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым, сформировала задачи археологической разведки, а именно: установить наличие каналов, которые отмечены разрезами R-S и P-Q и локализовать возможные места шлюзов, которые отмечены на карте канала, приведенной в атласе р. Дон К. Крюйса.

В ходе визуального изучения территории исследования было установлено, что восточная граница объекта культурного наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «ров для отвода воды» R-S уничтожены в ходе хозяйственной деятельности человека (см. рис. 3–5). На сегодняшний день на этом месте располагаются хозяйственные постройки. Месторасположение соединительного канала P-Q удалось определить. Он подходит к восточной границе канала Дж. Перри, где трасса канала вплотную подходит к балке р. Грязнуха. Вероятно, с помощью дополнительных конструктивных элементов Дж. Перри планировал накопить достаточно воды, чтобы упростить переход кораблей в балочную систему. Данное предположение подтверждается и общей структурой канала. Как хорошо видно на профилях разрезов, указанных на карте, у трассы канала существовала довольно значительная берма по обе стороны. Земляные отвалы располагаются на значительном расстоянии от основного русла (рис. 1, 2). Такая конфигурация может быть объяснена использованием тягловой силы животных, которые способствовали движению кораблей по каналу. В восточной части из-за особенностей рельефа реализовать данную функцию не представлялось возможным, поэтому так важно было увеличить уровень воды.

В процессе работ было заложено два археологических шурфа. Первый располагался непосредственно на соединительном канале P-Q. Второй шурф – в восточной части канала Дж. Перри, где русло соединяется с «соединительным каналом» от канала Я. Брёккеля (P-Q) и балкой Грязнуха (рис. 2). Данные места были выбраны по причине перспективности найти возможные остатки от различных конструкций, а также археологический материал. К сожалению, в ходе археологических работ культурный слой обнаружен не был.

Для определения мест расположения шлюзов была использована карта канала, приведенная в атласе р. Дон Крюйса (рис. 6). На ней обозначено два шлюза, где один перекрывал р. Иловля, другой располагался на месте соединения канала с р. Иловля. Также пунктиром отмечены места запланированных 6 шлюзов по р. Камышинка и уже ближе к р. Волга еще 4 шлюза и деривационных канала. Дж. Перри в своей книге жаловался, что не мог найти специалистов, которые умели хорошо конопатить [11, с. 23]. На строительство канала на протяжении двух сезонов набирались более 500 плотников [10]. Отталкиваясь от этой информации, можно предположить, что определенное количество шлюзов было построено, а некоторая часть могла находиться в стадии строительства.

В настоящее время локализовать места расположения шлюзов на р. Камышинка крайне затруднительно, поскольку из-за активной хозяйственной деятельности рельеф очень сильно изменился, речка практически полностью пересохла и ее русло застроено. В письменных источниках нет упоминания об отправке мастеров каменных дел на р. Камышинка. Следовательно, основным материалом для постройки шлюзов было дерево. С учетом того,

что строительные работы были прерваны и больше не возобновлялись, вполне возможно, что шлюзы были разобраны местными жителями для хозяйственных или иных нужд.

Предположительно, один шлюз располагался в месте, где разветвленная балочная система объединялась в единую балку р. Камышинка. План гидротехнического проекта требовал, чтобы все «источники» воды были собраны в одном месте для дальнейшего регулирования уровня при переходе в основное балочное русло. Со слов местных жителей, остатки такого «шлюза» существовали на месте, где сейчас проходит дорога, пересекающая балку Грязнуха (рис. 7, 8). Однако, несмотря на удобное место для расположения шлюза, данное наблюдение весьма условно и не находит отражения на картографическом материале.

Результаты. По итогам археологических исследований в 2023 г. удалось установить месторасположение дополнительных конструкций, которые возводил Дж. Перри в процессе строительства «своей» трассы судоходного канала. Это «соединительный канал» (P-Q) между объектом Я. Брёккеля и восточной окраиной канала Дж. Перри, а также дополнительный «ров для отвода воды» (R-S) в балку р. Грязнуха с целью ее обводнения. Возведение шлюзов по всей линии строительства, а также по руслу р. Камышинка, должны были способствовать регулированию уровня воды для продвижения кораблей.

По результатам двухлетних исследований объектов культурного наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал, 1698 г.» можно предположить следующую последовательность событий. В 1697 г. Я. Брёккель неверно выбрал место прокладки канала, что привело к неконтролируемому сбросу воды и срыву шлюзов. В 1698 г. на его место назначен гидротехник Джон Перри, который, верно оценив трансгрессию воды в р. Иловля, заложил свою трассу ниже по течению. Западная часть канала Дж. Перри заполнялась водой от р. Иловля, а также благодаря таловым водам. Это позволяло при помощи тягловой силы животных продвигать суда по каналу. Восточная часть (так называемый сухой ров), особенно место, где канал соединялся с балочной системой р. Камышинка, требовала дополнительных источников воды. Именно здесь были проложены дополнительные конструктивные элементы, чтобы использовать канал Я. Брёккеля в качестве отдельного резервуара с водой, которая могла бы способствовать обводнению восточной части канала, а также балочной системы р. Камышинка. Таким образом, судоходный канал, строительством которого руководил Джон Перри, представляет собой сложный гидротехнический комплекс, состоящий как из непосредственной трассы судоходного канала (объект культурного наследия «Петров вал, 1698 г.), так и дополнительного «канала» (объект культурного наследия «Селимов вал, 1550 г.»), где происходило накопление воды.

Данное наблюдение позволяет понять желание Джона Перри вернуться к строительству Волго-Донского канала в 1704 году. С учетом того, что большая часть работ была проделана, объединение двух крупных рек могло бы состояться, однако политические события начала XVIII в. не позволили этому осуществиться.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Статья посвящается Игорю Евгеньевичу Курочкину, который внес существенный вклад в реализацию научного проекта, направленного на изучение гидротехнических каналов Петровской эпохи. К сожалению, данное исследование стало последним совместным с автором статьи научным мероприятием, после завершения которого И.Е. Курочкин отправился в зону специальной военной операции, где пропал без вести.

DEDICATION

This article is devoted to the person who made the greatest contribution to the implementation of a scientific project aimed at studying the hydraulic structures of the Peter the Great era. His name is Igor Kurochkin. Unfortunately, this research was the last joint scientific work with the author of the article; after its completion, Kurochkin went to the zone of the Special Military Operation, where he went missing.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Спутниковый снимок объектов археологического наследия «Селимов вал 1550 год» и «Петров вал»
Fig. 1. The satellite image of the archaeological heritage sites “Selimov val of 1550” and “Petrov val”

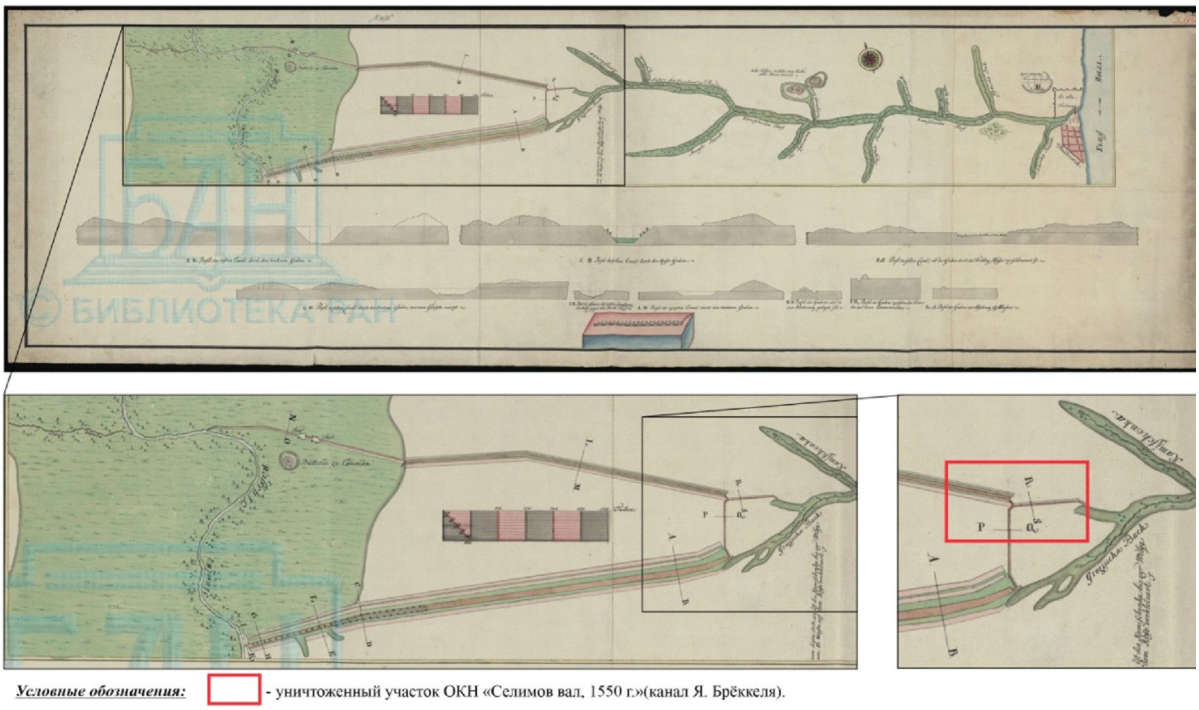


Рис. 2. Карта, составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым в конце 1760-х годов
Fig. 2. The map made by G.M. Lovitz and P.B. Inokhodtsev in the late 1760s

Примечание. Источник: [2].

Рис. 3. Спутниковый снимок территории изучения на ОКН «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал,1698 г.»
Fig. 3. The satellite image of the study area of the archaeological heritage sites “Selimov val, 1550” and “Petrov val, 1698”

Рис. 4. Общий вид на разрушенную часть судоходного канала Я. Брёккеля.
Точка фотофиксации 1. Вид с СЗ

Fig. 4. The general view of the destroyed part of the Y. Brekkel navigation channel.
Photo fixation point 1. The view from the northwest

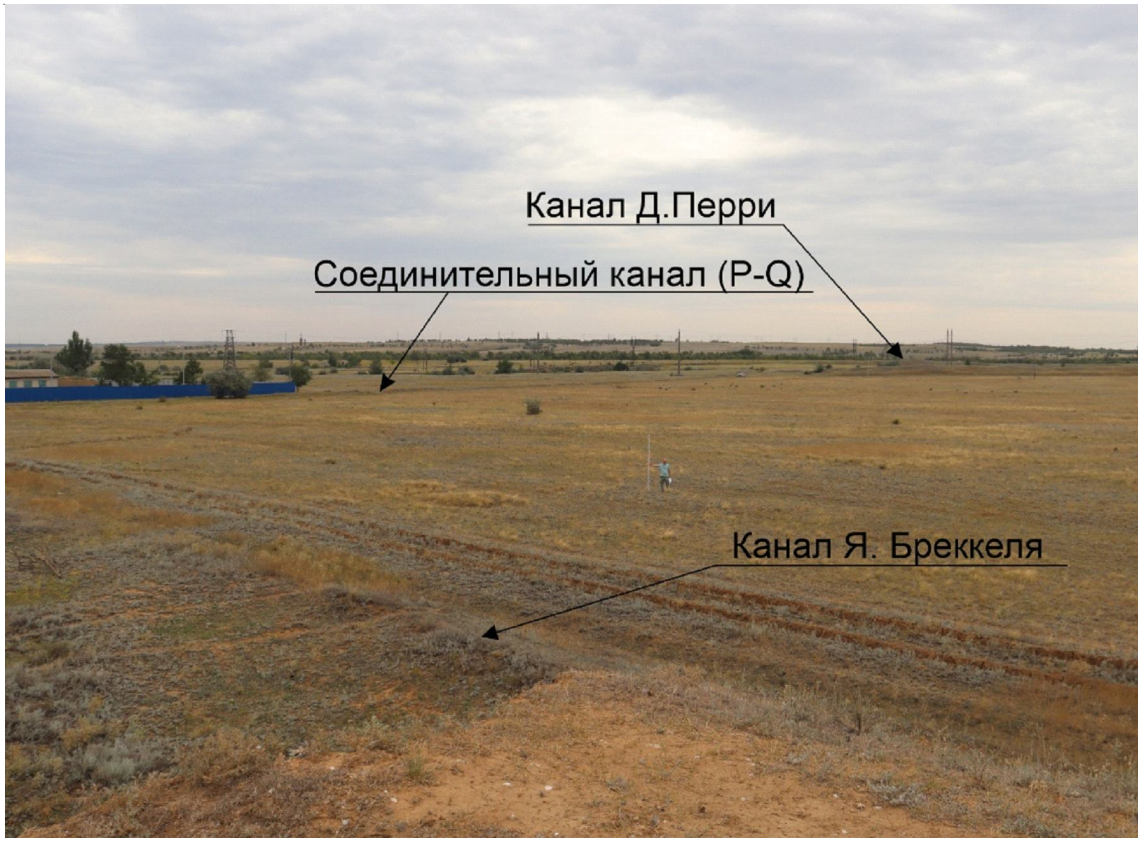


Рис. 5. Общий вид на территорию исследования в 2023 году. Точка фотофиксации 2. Вид с С
Fig. 5. The general view of the research area in 2023. Photo fixation point 2. The view from the north

Условные обозначения

- места запланированных шлюзов на реке Камышинка.

- места шлюзов и деривационных каналов на р. Иловля и р. Камышинка.

Рис. 6. Карта из атласа реки Дон К. Крюйса, 1704 год

Fig. 6. The map from the atlas of the Don River by K. Kruys, 1704

Примечание. Источник: [1].

Рис. 7. Вид на предположительное месторасположение шлюза. Точка фотофиксации 3. Вид с ЮВ
Fig. 7. The view of the estimated location of the gateway. Photo fixation point 3. The view from the southeast

Рис. 8. Вид на основное русло балки Грязнуха. Точка фотофиксации 4. Вид с З
Fig. 8. The view of the main channel of the Gryaznukha beam. Photo fixation point 4. The view from the west

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас реки Дон Крюйса К.И. или Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 1331 сч. Оп. 4. Ед. хр. 746.

2. Карта, составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Собрание рукописных карт. Основное собрание. Ед. хр. 193.

3. Кияшко Я. А. Археологическое исследование памятников петровской эпохи на территории Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 27–39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.3

4. Кияшко Я. А., Клейтман А. Л. История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 805–820.

5. Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». URL: https://docs.cntd.ru/document/9012089

6. Клейтман А. Л., Тюменцев И. О., Иванова Т. Б. Вопрос о строительстве Волго-Донского канала в научной мысли России XVIII – середины XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 107–115. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.7

7. Клейтман А. Л. История строительства Петровского канала Волга – Дон (Камышинка – Иловля): источники, историография, перспективы исследования // Материалы международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2022. С. 162–165.

8. Клейтман А. Л. Инженер-гидротехник Джон Перри (1670–1732) и его научно-техническая деятельность в России и Англии // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2023. Т. 1, № 1. С. 82–94.

9. Клейтман А. Л. Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695–1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 154–162. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39839

10. Клейтман А. Л. Делопроизводственные источники по истории строительства Волго-Донского канала (на Камышинке) в фондах приказных изб низовых городов // Юрнал регионалистики, культуры, истории и науки. М.: Янус-К, 2023. С. 225–234.

11. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. унте, 1871. 205 с.

12. Хорошунов Е. В. Камышин далекий и близкий: записки краеведа. Камышин: Камыш. тип., 2000. 358 с.

REFERENCES

1. Atlas reki Don Kryuysa K.I. ili Prilezhnoe opisanie reki Donu ili Tanaisa, Azovskogo morya ili Ezera Meotskogo, Ponta Euksinskogo ili Chernogo morya [Atlas of the Don River by Kruis K.I. or A Diligent Description of the Don River or Tanais, the Sea of Azov or the Meotian Yezer, the Euxine or the Black Sea]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-morskogo flota* [Russian State Archive of the Navy], f. 1331, inv. 4, dep. item 746.

2. Karta, sostavlennaya G.M. Lovitsem i P.B. Inokhodtsevym [The Map Compiled by G.M. Lovits and P.B. Inokhodtsev]. *Nauchno-issledovatelskiy otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk. Sobranie rukopisnykh kart. Osnovnoe sobranie* [Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Collection of Handwritten Cards. Main Collection], dep. item 193.

3. Kiyashko Ya.A. Arkheologicheskoe issledovanie pamyatnikov petrovskoy epokhi na territorii Volgogradskoy oblasti [Archaeological Research of Sites of the Peter the Great Era in Volgograd Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 27-39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.3

4. Kiyashko Ya.A., Kleitman A.L. Istoriya stroitelstva pervogo Volgo-Donskogo kanala Petra Velikogo [History of the Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great]. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no. 3, pp. 805-820.

5. *Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR № 1327 ot 30 avgusta 1960 g. «O dalneyshem uluchshenii dela okhrany pamiatnikov kultury v RSFSR»* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 1327 of August 30,

1960 “On the Further Improvement of the Protection of Cultural Monuments in the RSFSR”]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9012089

6. Kleytman A.L., Tyumentsev I.O., Ivanova T.B. Vopros o stroitelstve Volgo-Donskogo kanala v nauchnoy mysli Rossii XVIII – serediny XX veka [On the Problem of the Volga-Don Channel Construction in the Scientific Thought of Russia of the 18th – the Middle of the 20th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 107-115. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.7

7. Kleytman A.L Istoriya stroitelstva Petrovskogo kanala Volga – Don (Kamyshinka – Ilovlya): istochniki, istoriografiya, perspektivy issledovaniya [The History of Construction of Peter’s Volga-Don Canal (Kamyshinka-Ilovlya): Sources, Historiography, Study Prospects]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo nacionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tehniki RAN, posvjashhennoj 90-letiju instituta istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN* [Proceedings of the International Conference of Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Devoted to the 90th Anniversary of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN, 2022, pp. 162-165.

8. Kleitman A.L. Inzhener-gidrotekhnik Dzhon Perri (1670–1732) i ego nauchno-tekhnicheskaya deyatelnost v Rossii i Anglii [Hydraulic Engineer John Perry (1670–1732) and His Scientific and Technical Activites in Russia and England]. *Zhurnal Rossiyskogo natsionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki* [Journal of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology], 2023, vol. 1, no. 1, pp. 82-94.

9. Kleitman A.L. Pervy rukovoditel rabot po stroitelstvu Volgo-Donskogo kanala (na Kamyshenke) Yagan Brekkel i ego deyatelnost v Rossii v 1695–1698 gg. [The First Head of the Construction of the Volga-Don Canal (on Kamyshenka) Yagan Brekkel and His Activities in Russia in 1695–1698]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], 2023, no. 1, pp. 154-162. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39839

10. Kleitman A.L. Deloproizvodstvennye istochniki po istorii stroitelstva Volgo-Donskogo kanala (na Kamyshinke) v fondakh prikaznykh izb nizovykh gorodov [Record Keeping Sources on the History of the Construction of the Volga-Don Canal (on Kamyshinka) in the Funds of the Order Huts of the Lower Cities]. *Yurnal regionalistiki, kultury, istorii i nauki* [Yurnal of Regional Studies, Culture, History and Science]. Moscow, Janus-K Publ., 2023, pp. 225-234.

11. Perry Dzh. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare* [The State of Russia, under the Present Tsar]. Moscow, O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1871. 205 p.

12. Khoroshunov E.V. *Kamyshin dalekiy i blizkiy: zapiski kraeveda* [Kamyshin Far and Near: Notes of Local Historian]. Kamyshin, Kamysh. tip., 2000. 358 p.

Information About the Author

Yakov A. Kiyashko, Senior Lecturer, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, kiyashko.yakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5529-8375

Информация об авторе

Яков Алексеевич Кияшко, старший преподаватель кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, kiyashko.yakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5529-8375

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.2

UDC 94(47+57):355«1934/1940»
LBC 63.3(2)621

Submitted: 26.11.2025
Accepted: 05.04.2026

ON CAPITAL INVESTMENTS IN THE USSR WATER TRANSPORT IN THE PRE-WAR PERIOD (THE UPPER VOLGA CASE IN 1934–1940)

Olesya A. Gomanenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper covers the issue of capital construction in Volga River transport in the 1930s. During this period, the share of traffic on the Volga ranged from 30 to 60% of all river transportation in the USSR. This determined its importance in the country's economy. Three Volga steamship lines established in 1934 were of exceptional importance. The economy of the Upper Volga river transport was the largest among the rest of the Volga steamship lines. Therefore, the issue of capital investments on the Upper Volga is an illustrative example of the development of all water transport in the USSR. The goal of the study is to establish the capital investments in the Upper Volga steamship line. *Methods and materials.* The article applies specific historical methods (historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative). The paper is mainly based on unpublished official documents of the federal (Russian State Archive of Economy) and regional (Central Archive of the Nizhny Novgorod Region) archives. *Analysis.* In the second half of the 1930s, the Volga steamship lines equipment modernization was slow. It was allotted in four directions: shipbuilding and repair, communications, port facilities, and inventory. The planned and actual data of investment in the Upper Volga steamship line during the second half of the 1930s are analyzed in detail. *Results.* The investments in the river transport were extremely low if compared to those in the railway transport. The renovation of the worn fleet and port facilities required much investment. Apart from lack of investments, miscalculation in planning and management hindered the development of river transport, that of the Upper Volga as well. Lack of capital investments affected the profitability of the steamship line. It could not fully cope with the growing traffic. On the eve of World War II, the processes of the river fleet updating slowed down.

Key words: river transport, Volga, Upper Volga steamship line, capital construction, investments, reconstruction.

Citation. Gomanenko O.A. On Capital Investments in the USSR Water Transport in the Pre-War Period (the Upper Volga Case in 1934–1940). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 19-29. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.2

УДК 94(47+57):355«1934/1940»
ББК 63.3(2)621

Дата поступления статьи: 26.11.2025
Дата принятия статьи: 05.04.2026

К ВОПРОСУ О КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЯХ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ СССР В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ В 1934–1940 гг.)

Олеся Александровна Гоманенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Гоманенко О.А., 2026

Аннотация. *Введение*. В статье рассматривается капитальное строительство на волжском речном транспорте в 1930-е годы. В этот период доля перевозок по Волге составляла от 30 до 60 % всех речных перевозок СССР, что определяло его важность в экономике страны. Образованные в 1934 г. три волжских пароходства имели исключительное значение. Хозяйство Верхневолжского транспорта являлось крупнейшим среди остальных пароходств Волги. Поэтому проблема капитальных вложениях на Верхней Волге является показательным примером развития всего водного транспорта СССР. Цель статьи – выяснить уровень капитальных

вложений в развитие хозяйства Верхневолжского пароходства в период второй и третьей пятилеток. *Методы и материалы*. В подготовке статьи использовались специальные исторические методы исследования (историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный). Источниковую базу составили в основном неопубликованные документы официального делопроизводства из федерального (Российский государственный архив экономики) и регионального (Центральный архив Нижегородской области) архивов. *Анализ*. Во второй половине 1930-х гг. модернизация материально-технической базы волжских пароходств проходила медленно. Капитальные вложения шли в четырех направлениях – на строительство нового подвижного состава (и его капремонт), пути и связи, береговых объектов, а также на приобретение инвентаря. Детально анализируются плановые и фактические показатели капиталовложений в Верхневолжское пароходство во второй половине 1930-х годов. *Результаты.* Инвестиции в развитие речного флота были крайне низкими по сравнению с железнодорожным транспортом. Для обновления устаревшего флота и берегового хозяйства требовались более существенные вливания. Установлено, что помимо недостатка финансирования просчеты планирования и недочеты организационно-управленческого характера тормозили развитие речного транспорта, в том числе Верхневолжского. Недостаток капвложений отражался на рентабельности пароходства, которое не могло в полной мере справиться с ростом перевозок. Накануне Второй мировой войны процессы обновления речного флота затормозились.

Ключевые слова: речной транспорт, Волга, Верхневолжское речное пароходство, капитальное строительство, инвестиции, реконструкция.

Цитирование. Гоманенко О. А. К вопросу о капитальных вложениях на водном транспорте СССР в предвоенный период (на примере Верхней Волги в 1934–1940 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 19–29. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.2

Введение. Развитие народного хозяйства невозможно без систематических капитальных вложений со стороны государства. Одной из важнейших отраслей экономики является речной флот. Для его эффективной деятельности требуются мощные инвестиции. Показателен опыт капитального строительства на водном транспорте Волги в годы второго и третьего пятилетних планов. Целью статьи является выяснение уровня капитальных вложений в развитие Верхневолжского речного пароходства (далее – ВВРП) в предвоенный период. Мощная материальная база необходима была для рентабельной эксплуатационной работы речного флота. Задача, стоявшая перед водным транспортом, заключалась в наращивании перевозок (особенно индустриальных грузов). ВВРП являлось одним из крупнейших хозяйствующих субъектов этой отрасли народного хозяйства.

Методы и материалы. В работе применялись специальные исторические методы исследования. С помощью историко-системного метода выявлены основные тенденции в развитии капитального строительства в народном хозяйстве страны, в том числе в транспортной системе как на региональном, так и государственном уровне. Использование историко-генетического метода дало возможность проследить изменения в капиталовложениях с момента организации трех пароходств на Волге вплоть до Второй мировой войны. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить результаты капитального строительства в разные годы.

Источниковую основу составили делопроизводственные документы о капитальном строительстве на речном флоте из фондов Российского государственного архива экономики и Центрального архива Нижегородской области. В историографии исследуемая тема частично затронута в общих работах о развитии речного транспорта страны [1; 23]. В двух работах рассматривалось капитальное строительство в целом на Волге, в том числе на Нижней [6; 7]. Таким образом, вопрос о капиталовложениях в Верхневолжское пароходство фактически остался неосвещенным, что обусловливает новизну работы.

Анализ. В 1934–1935 гг. в структуре водного транспорта СССР происходила реорганизация, вызванная накопившимися системными проблемами и переходом от функционального к территориально-производственному принципу функционирования. Если на рубеже 1920–1930-х гг. удельный вес волжских речных перевозок доходил до 50–60 %, то к середине 1930-х гг. он снизился до трети. Основной причиной являлась устаревшая материальная база, непозволявшая сохранять и наращивать объе-

мы перевозок, несмотря на экономическую значимость магистрали. В 1934 г. на Волге были организованы речные пароходства – Верхневолжское, Средневолжское (далее – СВРП) и Нижневолжское (далее – НВРП). Начался новый этап строительства, направленный на модернизацию всего волжского водного транспорта, основная деятельность которого приносила убытки. Одна из главных причин крылась в том, что материальная база речных коммуникаций была устаревшей и маломощной. Это обусловливало отставание от железнодорожного вида сообщения.

Основная деятельность пароходств заключалась в эксплуатационной работе (выполнение грузо-пассажирских перевозок). Другими направлениями являлись работа промышленных предприятий и капитальное строительство. Последнее определялось соответствующими капвложениями в развитие материально-технической инфраструктуры.

Капстроительство на водном транспорте сначала проходило в четырех направлениях. Во-первых, строительство нового флота, а также капитальный ремонт судов, различного оборудования, заводов, мастерских, верфей. Во-вторых, возведение пути и связи. Однако данное направление работы просуществовало до 1937 г., когда путевые хозяйства вышли из ведомства пароходств. В-третьих, сооружение береговых объектов, в том числе социально-бытовой инфраструктуры, а также их капитальный ремонт. В-четвертых, закупка различного инвентаря и все прочие работы, не вошедшие в первые три направления.

В системе Наркомата водного транспорта (далее – НКВТ) капитальные вложения производились через отделы капстроительства пароходств. Все строительные работы (кроме судостроения и судоремонта) осуществлялись хозспособом через технические группы капстроительства. Волжские пароходства входили в состав Волжско-Камского Центрального управления речного транспорта (далее – ВКЦУРТ), который утверждал все титульные списки строительства. Финансирование поступало напрямую хозяйственным единицам, где производились строительные работы.

Финансирование капстроительства производилось в основном через Промышленный банк (далее – Промбанк). Ассигнования поступали на строительство нового флота, сооружение гидротехнических объектов, верфей, заводов, мастерских и др., а также на капремонт вышеперечисленного. В среднем десятая часть инвестиций поступала из Коммунального банка (далее – Комбанк) на жилищно-бытовое и социально-культурное строительство. К тому же сами пароходства вкладывали в капстроительство около 10 % своих оборотных средств [7, с. 83].

Наибольшие капитальные вложения в 1934 г. среди трех волжских пароходств приходились на Верхнюю и Нижнюю Волгу (примерно по 23 млн рублей). СВРП отводилось в два раза меньше [6, с. 33]. На протяжении всего предвоенного периода плановые показатели по капстроительству для ВВРП оставались на уровне 22 млн рублей при среднем освоении средств в 18,5 млн рублей. В отличие от Верхней, на Нижней и Средней Волге присутствовали серьезные разрывы в показателях [7, с. 83]. Такое положение объяснялось тем, что наибольшие инвестиции в течение второй половины 1930-х гг. по объектам речного транспорта СССР приходились на Горьковскую область. Все это время продолжалось строительство Горьковского порта с грузовыми причалами. В остальных волжских пароходствах капвливания носили точечный кратковременный характер в соответствии с объектами строительства. Помимо этого, основная часть судостроения шла на Верхней Волге.

Так, на 1934 г. план капитальных вложений для ВВРП составил 24,3 млн рублей. Фактически в пароходство поступило 70 % от Промбанка и 84 % от Комбанка. Наибольшие доли финансирования из Промбанка направлялись на судостроение (38 %) и капремонт флота (22 %). Почти половина средств из Комбанка поступала на жилищное строительство, и менее трети – на культурно-бытовое. Кроме того, ВВРП вложило 2,6 млн рублей собственных оборотных средств, минуя спецбанки [9, л. 1, 14]. В части гидротехнического строительства ВВРП имело две наиболее крупные стройки. Это четыре грузовых Горьковских причала на левом берегу Оки, водный подход от г. Горького к мельницам в Сеймском затоне с устройством причалов. Недостаточное и несво-

евременное финансирование в 1934 г. этих объектов не позволили ВВРП полностью освоить ассигнования [9, л. 4].

Недофинансирование капстроительства происходило постоянно, что сказывалось на выполнении заданий. Это влекло за собой затягивание строек и ввода объектов в эксплуатацию, изменения в плановых показателях, корректировку стоимости, перерасход средств, удорожание работ. Управлениям пароходств приходилось балансировать, перебрасывать ассигнования на «горящие» стройки, изыскивать собственные резервы (за счет доходов по перевозкам), чтобы минимизировать издержки. Однако в условиях скромных капиталовложений полностью решить все трудности с помощью внутренних сил – финансовых, организационных, повышающих производительность труда (соцсоревнования, рационализаторство и т. д.) – было невозможно.

Большой проблемой являлась нехватка строительных материалов (особенно дерева, железа), что непосредственно влияло на процесс строительства (в том числе ремонта). Промпредприятия пароходств осуществляли постройку и ремонт флота как для своих, так и других пароходств. Так, на собственное судостроение ВВРП в 1934 г. отводилось 4,3 млн рублей, но с судостроительной программой пароходство не справилось, в частности из-за отсутствия необходимого количества строительного леса. В итоге деревянное судостроение было выполнено на 77 % и с опозданием, в том числе из-за задержки финансирования [9, л. 4]. По капремонту произошло удорожание стоимости работ и изменение титульных списков, что было частым явлением. Судостроительные и судоремонтные заводы, входившие в состав пароходств, испытывали все те же трудности. Поступавшие сверху задания часто менялись по несколько раз (и под конец года). Оторванность от реальных условий работы пароходств не могла не отразиться на их основных показателях деятельности.

В течение всего рассматриваемого периода кроме недофинансированности присутствовала и распыленность средств. Не всегда ассигнования распределялись целесообразно, что свидетельствовало о недостатках планирования, недочетах в управленческой и организационной деятельности как на уровне НКВТ, так и ВКЦУРТ, и непосредственно самих управлений пароходств. Пробелы в этих сферах, с одной стороны, были связаны с еще не налаженной работой всех звеньев в системе речного флота в первые два года реструктуризации НКВТ. С другой стороны, сохранялись те же системные проблемы. Основные направления деятельности волжского водного транспорта остались прежними (как и до организации самостоятельных пароходств), что в определенной степени могло сгладить трудности переходного периода. Так, в 1934 г. программа жилищного строительства ВВРП состояла из переходящего строительства (с большим процентом готовности). Однако управление пароходства своевременно не обеспечило стройки материалами (штукатурка, алебастр, известь, цемент, гвозди, пиломатериалы и др.). В результате произошел перерасход ассигнований на 20 %, а в эксплуатацию было сдано только 62 % жилых построек [9, л. 19–21].

Второе направление капитальных вложений шло на строительство пути и связи. Изыскательские работы путевого хозяйства ВВРП в 1934 г. были выполнены с экономией средств. Несмотря на значимость этого вида капстроительства, на Верхней Волге на него приходилось менее полупроцента ассигнований. Например, в 1936 г. проектно-изыскательские работы по освоению малых рек (боковых притоков Волги) в пределах ВВРП проводились за счет капиталовложений. Предусматривались работы по увеличению протяженности судоходных путей до 2 000 км. Затраты на освоение малых рек составили относительно небольшую сумму – почти 100,0 тыс. рублей, но покрывались за счет других объектов. Например, треть средств была переброшена с благоустройства пристани Чебоксары [13, л. 1 об.].

Вплоть до 1937 г. путевому хозяйству не уделялось пристального внимания, и развитие водного пути сообщения оставалось на низком уровне. Без надлежащего развития судоходства невозможно было повышать грузопассажирские перевозки. Поэтому впоследствии в феврале 1937 г. в системе НКВТ было организовано Центральное управление речных путей. По причине вывода путевого хозяйства из структур пароходств это направление кап-

строительства ликвидировалось. Что касается средств связи, то они также не были должным образом развиты, а капвложения по ним в ВВРП были невысоки. Так, в 1934 г. они составили лишь 2,4 %. При этом план не был выполнен при перерасходе средств [9, л. 21].

Из-за нехватки финансирования пароходству приходилось оперативно решать вопросы капитального строительства и систематически расставлять приоритеты, перебрасывая средства на наиболее важные или внеплановые (внелимитные) объекты. Например, в ВВРП насущной являлась проблема острой нехватки санитарных пунктов. Предприятия пароходства Верхней Волги нуждались в ремонте и постройках новых бань, санпропускников, водопровода. Однако в 1934 г. план капработ по ним также был не выполнен. Отчасти это происходило из-за перераспределения средств между объектами. Например, лимиты первого квартала по бане в затоне Красный Волгарь были израсходованы на достройку больницы Водздрава этого же затона. Лимиты второго квартала по стадиону в Горьком пароходство перебросило на ремонт клуба в Казани [9, л. 20]. Социально-бытовое строительство относилось к третьему направлению капвложений, уступая по значимости судостроению и развитию путевого хозяйства.

Четвертое направление капстроительства, включавшее покупку инвентаря, расходных материалов, спецодежды и др., фактически финансировалось по остаточному принципу. К примеру, Верхневолжскому пароходству на 1934 г. ВКЦУРТ выделило около полумиллиона рублей на заготовку такелажа и судового инвентаря (в том числе постельных принадлежностей). Не хватало спецодежды для судовых команд и берегового контингента. Однако именно на приобретение такелажа были израсходованы почти все средства вследствие его сильного износа. Недостаточным было обеспечение электроматериалами, а также материалами общего снабжения, инструментами, арматурой, но заложенного на это бюджета не хватало [15, л. 56 об.].

Таким образом, в 1934 г. Верхневолжское пароходство смогло на 70 % освоить капвложения, столкнувшись с рядом трудностей. В течение года проводилось внеплановое строительство, на которое был затрачен 1 млн рублей эксплуатационных средств ВВРП (доход по основной деятельности). Весомое невыполнение плана пришлось на капстроительство по механизации погрузо-разгрузочных операций, с которым ВВРП справилось лишь на 23 % [9, л. 21, 22]. Нужно учитывать, что в пароходствах на перегрузочных работах использовался преимущественно ручной труд. Внедрение и освоение механизированной обработки грузов требовало дополнительных условий организации работ, квалифицированных кадров и др.

Необходимо заметить, что в ВВРП не было отдела капстроительства, объединявшего все виды строительства, так как это вызывало дополнительные расходы. Все строительные площадки находились в ведении конкретных объектов, которые подчинялись соответствующим оперативным службам и отделам пароходства. В этом случае работы выполнялись общим аппаратом. Линейные структуры пароходства также заинтересованы были в быстром и качественном строительстве на своих участках. Еще одна причина отсутствия общего отдела капстроительства на Верхней Волге крылась в острой нехватке специалистов [12, л. 1]. Пробелы в системе управления заключались и в недостатке квалифицированных руководителей во всех звеньях, а также общей кадровой проблеме. Пароходства постоянно испытывали дефицит, в том числе строительных кадров.

Задание по капитальным вложениям 1935 г. ВВРП выполнило на 97 % (22,1 млн рублей). В учетом прошлогодних показателей план финансирования был уменьшен на 6 %, так как в 1934 г. пароходство его существенно недовыполнило. С пониженным заданием капстроительства 1935 г. ВВРП почти справилось, но по ремонту флота, строительству портов и пристаней наблюдался перерасход средств [12, л. 2]. Возведение отдельных видов социально-бытовых объектов было значительно недовыполнено [22, л. 111]. По остальным направлениям строительства сметная стоимость оказалась меньше плановой. Однако произошло удорожание работ, на что влияли изменения цен на стройматериалы, условия проводившихся работ, ошибки плановых показателей и др.

В 1935 г. ВВРП имело 32 стройплощадки, в том числе три с законченной отчетнос-

тью по сверхлимитному строительству: Горькпортстрой, Сеймовский канал и причалы, Калининские мастерские. Задание по капстроительству Горьковского порта было выполнено неудовлетворительно. Продолжалось возведение Окских причалов в Горьком как одного из главных объектов строительства всесоюзного значения. Стройплощадки выполняли все виды строительства, которые находились под руководством Строительного отдела и судно-механической службы ВВРП [12, л. 1]. Хозрасчет на пристанях и промпредприятиях проводился не должным образом, так как имели место перерасходы, отклонения от плана. Перевод работы стройплощадок на подрядный способ, а также запрет на изменение сметной себестоимости должны были улучшить ситуацию Стройотдела ВВРП. Однако и в следующем году сохранялись те же проблемы. Так, план капвложений 1936 г. ВВРП выполнило на 85 %. Треть кредитов осталась не освоена, при этом перерасход достиг 7 % [11, л. 1 об.].

Рентабельность работы волжского флота напрямую зависела от материально-технического состояния подвижного состава. Поступление флота новой постройки происходило медленно. Техническое состояние судов ухудшалось. На средний и капитальный ремонт почти не отводилось средств. Несмотря на то, что это наряду с судостроением относилось к первому наиболее важному направлению капстроительства, но и на текущий ремонт (особенно мелкого флота и дебаркадеров) ассигнований было недостаточно.

Почти 40 % инвестиций в развитие водного транспорта СССР приходилось на новое судостроение, но постоянно ощущалась острая нехватка флота, что не позволяло наращивать объемы перевозок. Тяжелой оставалась ситуация с дебаркадерами. Так, в ВВРП за 1936 г. добавилось 14 ед., а убыло 43 ед. [16, л. 64]. За последние 20 лет отремонтировано было лишь 10 верхневолжских дебаркадеров [18, л. 130].

Таким образом, в годы первых пятилеток основные инвестиции шли в промышленный сектор. При распределении средств между разными видами путей сообщений приоритетные позиции занимал железнодорожный транспорт, работавший круглогодично. Положение пароходств Волги осложнялось не до конца проработанными организационно-управленческими решениями и недостатками планирования. В итоге вливания в развитие речного транспорта были низкими и недостаточными для существенного обновления его инфраструктуры, что позволило бы пароходствам стать рентабельными и наращивать перевозки. Требовалась мощная реконструкция одновременно и подвижного состава, и пристанских объектов. Развитие берегового хозяйства по сравнению с флотом протекало еще медленнее. Так, в 1934–1935 гг. доля вложений на строительство и модернизацию речных портов и пристаней страны составила 7,5 % (53 млн рублей) [1, с. 136].

Как отмечалось, причалы пароходств Волги испытывали ограниченность в использовании механизации, несмотря на капвливания в это направление. В большинстве своем на пристанях механизированный процесс оставался незавершенным. Однако присутствовало и несоответствие оборудования своему назначению, что приводило его к постоянным поломкам. Подавляющее количество погрузо-разгрузочных работ осуществлялось ручным способом. Если на долю механизированной обработки грузов на речном транспорте СССР приходилось 33 %, то в среднем в волжских пароходствах на 1937 г. охват механизацией составлял 42 %, к 1940 г. – половину, что несколько больше, чем по стране [2, с. 114; 27, л. 227 об.].

За вторую пятилетку инвестиции в железнодорожный транспорт были в 7,4 раза (19 млрд рублей) выше, чем в речной (2,6 млрд рублей). При этом если ежегодно до 1936 г. росли капиталовложения, то в 1937 г. произошло их снижение по всем отраслям народного хозяйства [24, л. 119–128]. В условиях форсированной индустриализации в короткие сроки удовлетворить возраставшие потребности в перевозках мог железнодорожный транспорт, поэтому ассигнования на него превышали в разы капвложения в речной флот. Последний требовал долговременных и мощных инвестиций, а без этого приносил убытки. Изменившийся грузооборот в сторону увеличения промышленных грузов не соответствовал техническому состоянию флота и пристанского хозяйства, которые не были приспо-

соблены к перевозке и обработке таких грузов. Произошло снижение удельного веса речного транспорта, сильно отставшего от железнодорожного. К 1937 г. этот разрыв увеличился. На долю железной дороги в грузообороте всей страны приходилось 82 %, а речной коммуникации – 7,5 % [23, с. 138].

План капстроительства ВВРП в 1937 г. выполнило на 85,4 %, освоив 18,8 млн рублей [3, л. 9 – 9 об.; 10, л. 1; 14, л. 32 – 32 об.]. Верхневолжское пароходство справилось с заданием по строительству нового флота с возведением портов и пристаней (вместе со сверхлимитным строительством Окских причалов в Горьком). Однако план по причалам был реализован на 67 %. Преодолеть трудности, в том числе в организации строительных работ, не удалось. Невыполнение задания по капвложениям пришлось в основном на жилищную постройку (69 %). Объемы инвестиций по ВВРП остались примерно на таком же уровне, как и прошлые годы, так как продолжалось строительство Горьковского порта [7, с. 83–84].

Выполнение работ по береговому капстроительству ВВРП производилось через подрядчиков (Волгостройвод, Волгострой, Чувашстройстрест) и хозспособом. Последний подразумевал организацию самостоятельных площадок (подчиненных непосредственно Стройотделу ВВРП) или выполнение работ силами местных строительных групп (в ведении пристани, завода). К примеру, в 1938 г. сооружение Окских причалов, хлебного бункера, солевой площадки, дома инженерно-технических работников, детского сада в Горьком осуществлялось Волгостройводом (в системе Центрального управления строительства НКВТ). Хлебные бункеры в Рыбинске и Ярославле возводились Волгостроем, который находился в ведомстве Наркомата внутренних дел и занимался строительством Угличского и Рыбинского гидротехнических узлов [5, л. 2].

В рассматриваемый период водный транспорт столкнулся с существенными недоработками в планировании, управлении, финансировании всей его деятельности. В течение отчетного года спускаемые сверху задания могли изменяться по несколько раз, так как они не учитывали реалии и технические возможности хозяйств. Это не позволяло пароходствам заранее подготовиться к стройкам, составить техническую документацию и т. д. Так, в 1938 г. титульный список по капитальным вложениям поступил в пароходство Верхней Волги в конце апреля и вплоть до декабря менялся четыре раза. Внеплановое строительство и отсутствие перспективного планирования тоже повлияли на выполнение годовой программы. С перебоями шло снабжение основными фондируемыми материалами, электрооборудованием [5, л. 2].

Ситуация осложнялась острой нехваткой как стройматериалов, так и кадров, в том числе квалифицированных. По совокупности всех причин плановые задания систематически не выполнялись, что особенно сказывалось на несвоевременном вводе в действие новых объектов. Руководству пароходств приходилось самостоятельно составлять планы капитальных работ, опираясь на предполагаемые объемы инвестиций. Финансирование поступало не полностью, неравномерно и постоянно задерживалось, что не позволяло проводить полномасштабное строительство. Такое положение провоцировало замораживание строек. Помимо этого, речные пароходства не могли в установленный срок и в полном объеме внести амортизационные отчисления, поэтому выделение средств из Промбанка проходило с перебоями. Базовым источником финансирования капитальных работ являлась амортизация, которая вносилась, как правило, в последнем квартале отчетного года. Однако к этому времени таких отчислений не было достаточно для покрытия задолженности по судостроительным предприятиям других областей. В свою очередь, Промбанк старался сначала закрыть именно эти долги.

Модернизация флота проходила медленно. Поддерживать изношенный подвижной состав удавалось в межнавигационный период. На зимнем судоремонте 1938/39 г. находилось 2 580 волжских судов, что составляло 20 % от общего количества ремонтировавшегося флота страны. При этом несамоходных судов ремонтировалось в 2,7 раза больше, чем самоходных. Так, в ВВРП на зимнем судоремонте стояло 388 паровых и 1 114 непаровых единиц [8, л. 8 об. – 9]. В результате израсходовано было в два раза больше от запланированных средств (15,8 млн рублей), что на четверть выше, чем в прошлом году [26, л. 6 об.].

По видам ремонта в 1939 г. на первом месте стоял повторный, который возрос в 1,8 раза относительно 1938 года. Это свидетельствовало о недостаточно качественном проведении заводами ВВРП ремонтных работ (ввиду нехватки стройматериалов), а также о старении флота [26, л. 11]. Основная масса судов имела возраст свыше 35 лет, треть флота – до 15 лет (в основном за счет газоходов). Техническое состояние судов требовало повышения объемов капремонта, а в отношении дебаркадеров – новой постройки [26, л. 17]. Однако ремонт протекал в тяжелых условиях. Так, на капитальный ремонт барж в зимний судоремонт 1939/40 г. ВВРП получило только 20 % от необходимой суммы. В 1940 г. ни одного судна новой постройки не поступило в пароходство [27, л. 29 об. – 30].

С 1938 г. капитальные вложения в речной транспорт понизились, в том числе в связи с окончанием строительства заявленных объектов, в 1939 г. они уменьшились на 17 % (около 330 млн рублей). Однако в 1940 г. за счет нового судостроения капстроительство возросло по отношению к 1939 г. на 46 % (и на 21 % относительно 1938 г.) и в среднем составило более 350 млн рублей [17, л. 4]. Однако инвестиции в строительство нового флота были на уровне 1937 года. Для транспортировки увеличивавшихся промышленных грузов требовалось продолжение реконструкции всей материальной базы. Пропускная способность портов и пристаней не отвечала потребностям растущих перевозок. Начало Второй мировой войны сократило инвестиции в водный транспорт, строительство нового речного флота приостановилось. Руководство страны недооценивало не только экономическое, но и стратегическое значение речной инфраструктуры.

Накануне Великой Отечественной войны на водном транспорте системные проблемы не были решены. План капстроительства 1939 г. Верхневолжское пароходство выполнило на 85 % и освоило 17 млн рублей. Несмотря на то что задание менялось больше 10 раз, поступление средств в течение года проходило относительно удовлетворительно. По береговому строительству половина инвестиций по-прежнему отводилась порту Горького [4, л. 5 об.].

В 1940 г. в результате реорганизации в Наркомате речного флота подрядные строительные конторы Центрального строительного управления ликвидировались. Строительные работы передавались стройотделам пароходств. Так, Горьковский трест Волгоречстрой перешел Стройотделу ВВРП [19, л. 78–84]. Задание капстроительства на Верхней Волге в 1940 г. также реализовывалось неудовлетворительно [20, л. 7]. План берегового строительства в ВВРП менялся в течение года [25, л. 111]. В итоге затянулось строительство Окских причалов в Горьком, дома грузчиков в Рыбинске и др. [21, л. 25]. Если в 1939 г. задание по капстроительству пароходства Верхней Волги было на уровне 20 млн рублей, то уже в 1941 г. оно снизилось на 30 % [7, с. 85].

Результаты. Таким образом, в период индустриализации транспорт как отрасль народного хозяйства не находился в приоритете, что обусловило невысокие капитальные вливания в этот сектор, особенно водный. Экономическое значение речного флота недооценивалось, несмотря на низкую стоимость этих перевозок. При этом по Волге осуществлялась треть всех речных перевозок, что подчеркивало важность коммуникации. Проводившаяся модернизация водного транспорта СССР осуществлялась медленно. Это отражалось на темпах грузо-пассажирских перевозок, так как флот и пристанское хозяйство устаревали. В итоге к началу Великой Отечественной войны доля речных перевозок по Волге упала до 22 %. Для крупнейших хозяйствующих субъектов водного транспорта необходимы были мощные инвестиции, направленные на параллельную коренную реконструкцию флота и береговых объектов. С началом Второй мировой войны судостроение переключилось на военный флот.

На государственном уровне должным образом не учитывалось стратегическое положение водных путей сообщения, что проявилось в военные годы, особенно в период Сталинградского сражения. Всю вторую половину 1930-х гг. помимо финансово-технических проблем речной флот ощущал системные трудности управленческо-организационного характера. Образованные по производственно-территориальному принципу самостоятельные волжские пароход-

ства испытывали серьезные проблемы по всей вертикали отраслевой структуры.

Основные инвестиции шли на индустриализацию страны, поэтому проводившиеся меры в отношении водного транспорта оказались ожидаемо недостаточными, что определило его сильное отставание от железнодорожного. Уровень капвложений в волжские пароходства, в том числе Верхневолжское, являлся низким для того, чтобы быть рентабельными предприятиями. Пароходства оказывались убыточными, не могли успешно выполнять задания растущих объемов перевозок (в первую очередь промышленных грузов), которые требовала экономика СССР, и быть конкурентоспособными железной дороге. ВВРП являлось крупнейшим среди остальных пароходств Волги и относительно легче справлялось с экономическими трудностями. Однако при отсутствии должного финансирования и наличии системных противоречий его внутренние резервы не позволяли ему развиваться более эффективно. Общая ситуация с капстроительством в ВВРП характеризовалась малыми размерами инвестиций, недочетами планирования, управления, а также нехваткой кадров, стройматериалов. Начало Второй мировой войны затормозило его развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амусин М. Д. Речной транспорт в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1933–1937 годы). М.: Речной транспорт, 1963. 238 с.

2. Водный транспорт в 1937 г. Статистические сведения о речном и морском транспорте НКВТ. М.: Водный транспорт, 1938. 435 с.

3. Годовой отчет ВВРП по капвложениям. 1937 г. // Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1631. Оп. 7. Д. 262. 117 л.

4. Годовой отчет по капвложениям Горьковского речного порта ВВРП за 1939 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 653. 88 л.

5. Годовой отчет по капиталовложениям ВВРП за 1938 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4917. 56 л.

6. Гоманенко О. А. Капитальное строительство на речном транспорте во второй половине 1930-х гг. (на примере Нижневолжского речного пароходства) // Войны в истории. Генезис, предпосылки, причины международных военных конфликтов в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М.: Полит. энцикл., 2021. С. 32–35.

7. Гоманенко О. А. Капитальное строительство на речном транспорте СССР к началу Великой Отечественной войны (на примере волжских пароходств) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 81–90. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7

8. Доклад о работе НКРФ за 1939 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 1. Д. 77. 141 л.

9. Заключение по отчету ВВРП по капстроительству за 1934 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1618. 48 л.

10. Объяснительная записка к годовому отчету ВВРП по капвложениям. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 263. 316 л.

11. Объяснительная записка к отчету ВВРП за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3558. 48 л.

12. Объяснительная записка к отчету ВВРП по капвложениям за 1935 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2385. 61 л.

13. Отчет ВВРП по капвложениям за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3557. 146 л.

14. Отчет ВВРП по капвложениям за 1937 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4250. 82 л.

15. Отчет ВВРП по основной деятельности за 1934 г. Т. 1 // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1612. 91 л.

16. Отчет ВВРП по эксплуатации за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3555. 122 л.

17. Отчет НКРФ по основной (эксплуатационной) деятельности за 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 422. 111 л.

18. Переписка с Наркомом водного транспорта по вопросу ликвидации последствий вредительства на водном транспорте и компрометирующие данные на работников. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 8 а. Д. 18. 238 л.

19. Приказы НКРФ СССР № 256–266 и материалы к ним. 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 1. Д. 202. 100 л.

20. Приказы НКРФ СССР № 283–295 и материалы к ним. 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 1. Д. 204. 89 л.

21. Приказы НКРФ СССР № 468–500 и материалы к ним. 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 1. Д. 218. 145 л.

22. Протоколы заседаний балансовых комиссий по утверждению отчетов по ВВРП, СВРП, НВРП и др. за 1935 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2380. 125 л.

23. Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М.: Транспорт, 1967. 335 с.

24. Сборник таблиц ЦУНХУ СССР «Финансы социалистического хозяйства». Общие итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР за 1933–1937 гг. Т. 1 // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 16. Д. 74. 162 л.

25. Титульные списки по капвложениям и пояснительная записка к ним ВВРП. 1940 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 713. 114 л.

26. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1939 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 571. 190 л.

27. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1940 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 717. 268 л.

REFERENCES

1. Amusin M.D. *Rechnoy transport v period zaversheniya sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva SSSR (1933–1937 gody)* [River Transport in the Final Stage of the USSR Economy Reconstruction (1933–1937)]. Moscow, Rechnoy transport Publ., 1963. 238 p.

2. *Vodnyj transport v 1937 g. Statisticheskie svedenija o rechnom i morskom transporte NKVT* [Water Transport in 1937. Statistical Data on River and Sea Transport of People's Commissariat of Water Transport]. Moscow, Vodnyj transport Publ., 1938. 435 p.

3. Godovoy otchet VVRP po kapvlozheniyam. 1937 g. [The Annual Report on the Capital Investments of the Upper Volga Steamship Line in 1937]. *Tsentralny arkhiv Nizhegorodskoy oblasti* (hereinafter – TsANO) [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 262. 117 l.

4. Godovoy otchet po kapvlozheniyam Gorkovskogo rechnogo porta VVRP za 1939 g. [The Annual Report on the Capital Investments in the Gorky River Port of the Upper Volga Steamship Line in 1939]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 653. 88 l.

5. Godovoy otchet po kapvlozheniyam VVRP za 1938 g. [The Annual Report on the Capital Investments of the Upper Volga Steamship Line in 1938]. *Rossiyskiy gosudarstvenny arkhiv ekonomiki* (hereinafter – RGAE) [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 4917. 56 l.

6. Gomanenko O.A. Kapitalnoe stroitelstvo na rechnom transporte vo vtoroy polovine 1930-kh gg. (na primere Nizhnevolzhskogo rechnogo parokhodstva) [The Capital Construction in the River Transport in the Second Half of the 1930s (The Case of the Lower Volga Steamship Line)]. *Voyny v istorii. Genezis, predposylki, prichiny mezhdunarodnykh voennykh konfliktov v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshhey istorii novogo i noveyshego vremeni* [Wars in History. The Genesis, Preconditions and Causes of International Military Conflicts in History. Historical Documents and Current Problems of Archaeography, Source Studies, Russian and World History in the Modern Era]. Moscow, Polit. encikl., 2021, pp. 32-35.

7. Gomanenko O.A. Kapitalnoe stroitelstvo na rechnom transporte SSSR k nachalu Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere volzhskikh parokhodstv) [Capital Construction in the USSR River Transport Industry by the Great Patriotic War (The Volga Steamship Lines Case)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 81-90. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7

8. Doklad o rabote NKRF za 1939 g. [Report on the Work of the People's Commissariat of River Fleet in 1939]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 77. 141 l.

9. Zaklyuchenie po otchetu VVRP po kapstroitelstvu za 1934 g. [Conclusion on the Upper Volga Steamship Line Report on Capital Construction in 1934]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 1618. 48 l.

10. Ob'yasnitelnaya zapiska k godovomu otchetu VVRP po kapvlozheniyam. 1937 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the Upper Volga Steamship Line on the Capital Investments in 1937]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 263. 316 l.

11. Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu VVRP za 1936 g. [Explanatory Note to the Report of the Upper Volga Steamship Line in 1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 3558. 48 l.

12. Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu VVRP po kapvlozheniyam za 1935 g. [Explanatory Note to the Report of the Upper Volga Steamship Line on the Capital Investments in 1935]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 2385. 61 l.

13. Otchet VVRP po kapvlozheniyam za 1936 g. [Report of the Upper Volga Steamship Line on the Capital Investments in 1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 3557. 146 l.

14. Otchet VVRP po kapvlozheniyam za 1937 g. [Report of the Upper Volga Steamship Line on the Capital Investments in 1937]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 4250. 82 l.

15. Otchet VVRP po osnovnoy deyatelnosti za 1934 g. T. 1 [Upper Volga Steamship Line Report on the Basic Activities in 1934. Vol. 1]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 1612. 91 l.

16. Otchet VVRP po ekspluatacii za 1936 g. [Upper Volga Steamship Line Report on the Operational Activity in 1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 3555. 122 l.

17. Otchet NKRF po osnovnoy (ekspluatacionnoy) deyatelnosti za 1940 g. [People's Commissariat of River Fleet of the USSR Report on the Operational Activity in 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 2, d. 422. 111 l.

18. Perepiska s Narkomom vodnogo transporta po voprosu likvidatsii posledstviy vreditelstva na vodnom transporte i komprometiruyushchie dannye na rabotnikov. 1937 g. [Correspondence with the People's Commissar of Water Transport on the Eliminating of the Consequences of Sabotage on Water Transport. 1937]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 8 a, d. 18. 238 l.

19. Prikazy NKRF SSSR № 256–266 i materialy k nim. 1940 g. [Orders of the People's Commissariat of River Fleet USSR No. 256–266 and Materials to Them. 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 202. 100 l.

20. Prikazy NKRF SSSR № 283–295 i materialy k nim. 1940 g. [Orders of the People's Commissariat of River Fleet USSR No. 283–295 and Materials to Them. 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 204. 89 l.

21. Prikazy NKRF SSSR № 468–500 i materialy k nim. 1940 g. [Orders of the People's Commissariat of River Fleet USSR No. 468–500 and Materials to Them. 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 218. 145 l.

22. Protokoly zasedaniy balansovykh komissiy po utverzhdeniyu otchetov po VVRP, SVRP, NVRP i dr. za 1935 g. [Minutes of the Balance Committees Meetings on Approval of the Reports of the Upper Volga, Middle Volga, Lower Volga Steamship Lines and Others in 1935]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 2380. 125 l.

23. *Rechnoy transport za 50 let Sovetskoy vlasti* [River Transport for 50 Years of Soviet Power]. Moscow, Transport Publ., 1967. 335 p.

24. Sbornik tablits CUNHU SSSR «Finansy socialisticheskogo hozyaystva». Obshchie itogi vypolneniya vtorogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyaystva SSSR za 1933–1937 gg. T. 1 [Collection of Tables of the Central Administration of National Economic Accounting of the USSR "Finances of the Socialist Economy". General Results of the Implementation of the Second Five-year Plan for the Development of the USSR National Economy in 1933–1937. Vol. 1]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 16, d. 74. 162 l.

25. Titulnye spiski po kapvlozheniyam i poyasnitelnaya zapiska k nim VVRP. 1940 g. [Itemized Lists of Capital Investments and an Explanatory Note on Them by the Upper Volga Steamship Line. 1940]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 713. 114 l.

26. Ekspluatacionny otchet VVRP. 1939 g. [The Operational Report of the Upper Volga Steamship Line in Navigation of 1939]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 571. 190 l.

27. Ekspluatacionny otchet VVRP. 1940 g. [The Operational Report of the Upper Volga Steamship Line in Navigation of 1940]. *TsANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 717. 268 l.

Information About the Author

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9178-1145

Информация об авторе

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9178-1145

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.3

UDC 930(470.45)
LBC 63.3(2Рос-4Вог)632.2

Submitted: 18.03.2026
Accepted: 20.07.2026

CONSTRUCTION OF THE VOLGA HYDROELECTRIC POWER STATION AND THE VOLGOGRAD RESERVOIR: RESULTS AND PROSPECTS OF RESEARCH

Marina A. Ryblova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article presents the history of research on the problems associated with the construction of the Volga Hydroelectric Power Station and the Volgograd Reservoir, as reflected in publications from the second half of the 20th century to the first quarter of the 21st century. *Methods and materials.* General and special works by Russian researchers published from the 1952 to the present are used as historiographical sources. The author relies on the principle of historicism and the systematic approach, using methods of logical and historiographical analysis, periodization, comparative-historical, and problem-chronological methods. *Analysis.* During the analysis of the collected material, four groups of publications were identified: 1) technical-oriented works; 2) historical studies based primarily on written sources, such as newspaper and archival materials and official documents; 3) studies related to the assessment of economic and environmental changes that followed the implementation of these projects; 4) studies with an ethnographic, anthropological, and cultural focus. *Results.* The conducted historiographical analysis allowed us to identify four main areas of research that have been conducted in the past. Over the decades since the Volga Hydroelectric Power Station and the Volgograd Reservoir were put into operation, the focus of scientific research has changed dramatically. Technical studies have not been published for a long time, and research focused on identifying and analyzing problems, primarily environmental ones, has taken center stage. The few works by historians are directly related to the hydroelectric power plant, but they do not address the issue of the flooding of rural settlements and their relocation due to the construction of the reservoir. In general, the topic of the Volgograd Reservoir and the sociocultural issues associated with its creation has not only not been explored but has also not even been brought to the forefront. The author outlines the prospects for ethnographic and anthropological research of settlements relocated to new locations and the introduction of previously unused materials from the Volgograd archives, regional periodicals, and the results of field ethnographic surveys of these villages into scientific circulation. *Funding.* The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (No. 26-28-20183) and the budget of the Volgograd region.

Keywords: Volga Hydroelectric Power Station, Volgograd Reservoir, resettlement from flooded areas, socio-cultural problems of resettlers, new sources on the topic, further research prospects.

Citation. Ryblova M.A. Construction of the Volga Hydroelectric Power Station and the Volgograd Reservoir: Results and Prospects of Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 30-41. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.3

УДК 930(470.45)
ББК 63.3(2Рос-4Вог)632.2

Дата поступления статьи: 18.03.2026
Дата принятия статьи: 20.07.2026

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЛЖСКОЙ ГЭС И СООРУЖЕНИЕ ВОЛГОГРАДСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марина Александровна Рыблова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Рыблова М.А., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье представлены итоги изучения проблем, связанных со строительством Волжской ГЭС и сооружением Волгоградского водохранилища, которые отражены в публикациях второй половины XX – первой четверти XXI в., и обозначены перспективы дальнейших научных разработок. *Методы и материалы*. В качестве источников используются обобщающие и специальные работы российских исследователей, вышедшие с 1952 года. Автор опирается на принцип историзма и системный подход, использует методы периодизации, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический. *Анализ.* В ходе анализа собранного материала было выделено четыре группы научных публикаций: 1) работы технической направленности; 2) исторические исследования, основанные преимущественно на письменных источниках: газетных и архивных материалах и официальных документах; 3) исследования, связанные с оценкой экономических и природных изменений, последовавших после реализации этих проектов; 4) исследования, имеющие этнографическую, антропологическую и культурологическую направленность. *Результаты*. Проведенный анализ показал, что за десятилетия, прошедшие с момента ввода в эксплуатацию Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища, ракурс научных исследований кардинально изменился. Работы технического характера публикуются все реже, на первый план вышли исследования, посвященные выявлению и анализу не достижений, а проблем, в первую очередь экологических. Немногочисленные публикации историков связаны непосредственно с гидроэлектростанцией, при этом оставлена в стороне проблема затопления сельских поселений и переноса их на новые места по причине сооружения водохранилища. Автор определяет перспективы этнографического и антропологического исследования перенесенных на новые места поселений и ввода в научный оборот невостребованных до сих пор материалов из фондов волгоградских архивов, областной периодики, а также результатов полевых этнографических обследований этих сел. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 26-28-20183) и средств бюджета Волгоградской области.

Ключевые слова: Волжская ГЭС, Волгоградское водохранилище, переселение из мест затопления, социокультурные проблемы переселенцев, новые источники по теме, дальнейшие перспективы исследований.

Цитирование. Рыблова М. А. Строительство Волжской ГЭС и сооружение Волгоградского водохранилища: итоги и перспективы исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 30–41. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.3

Введение. В 2026 г. исполняется 65 лет с момента ввода в эксплуатацию Волжской (Сталинградской) ГЭС имени XXII съезда КПСС. Постановление Совмина СССР № 3555 о сооружении севернее г. Сталинграда гидроузла мощностью не менее 1,7 млн кВт И.В. Сталин подписал 6 августа 1950 года. Для работы над проектом было привлечено 11 научно-исследовательских институтов под руководством института «Гидропроект». Разработка котлована для ГЭС началась в 1952 г., первый агрегат был пущен 22 декабря 1958 г., а весь комплекс принят в эксплуатацию 9 сентября 1961 года. Сооружение ГЭС послужило образованию крупнейшего (второго по размерам в стране) Волгоградского (Сталинградского) водохранилища, для сооружения которого также потребовалась большая проектная и организационная работа. Масштабы строительства были поистине грандиозными, а его последствия далеко не однозначными. Сооружения на Волге сыграли значительную роль в развитии экономики страны, а также оказали такое воздействие на природную среду и жизнь советских людей, что не могли не вызвать повышенный интерес со стороны научного сообщества. Имеющиеся на сегодняшний день публикации заслуживают отдельного анализа и оценки, что, собственно, и составляет одну из задач настоящей статьи, направленной на выявление тенденций и обобщение результатов исследований проблем, связанных с сооружением Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища. При этом автор предполагает не только подвести итоги осуществленным исследованиям, но и обозначить перспективы дальнейшего развития этой темы. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1952 г. по настоящее время.

Методы и материалы. Материалами для статьи послужили обобщающие и специальные работы российских ученых, посвященные истории возведения Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища, вышедшие с 1952 г. по настоящее время. Их анализ осуществлялся с опорой на принцип историзма и системный подход при использовании методов логического и историографического ана-

лиза, периодизации, сравнительно-исторического и проблемно-хронологического.

Анализ. Ситуация с сооружением Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища была весьма сходной с теми, что возникали при сооружении других гидроузлов (Волжского каскада гидроузлов, Волгодонстроя и др.). По этой причине исследования, связанные с историей строительства Волжской ГЭС, сооружения Волгоградского водохранилища и оценкой его последствий, иногда оказывались включенными в работы, посвященные другим гидросооружениям на Волге и Дону.

Ведущий специалист в области истории гидростроительства на Волге Е.А. Бурдин представил историографию проблемы в статье, вышедшей в 2010 г. [15]. Рассмотрев научные работы, посвященные созданию Волжского каскада гидроузлов в 1930–1980-х гг., исследователь выделил три историографических периода, отражающие основные тенденции в изучении данной проблемы. Он отметил, что для первого периода (1928–1967 гг.) характерно повышенное внимание авторов работ к вопросам проектирования, строительства и эксплуатации гидроузлов Волжского каскада. Несмотря на преимущественно технический характер большинства публикаций, их отличал ярко выраженный пропагандистский характер, основной упор делался на огромную социально-экономическую значимость волжских проектов.

Значительное расширение тематики и количества исследований наблюдалось на протяжении второго периода (1968–1989 гг.). В связи с некоторым ослаблением партийного контроля в это время изменился и характер публикаций: впервые в некоторых работах были сформулированы сомнения в правильности выбранной концепции хозяйственного освоения водных ресурсов Волги [15, с. 218].

В рамках третьего историографического периода (1989–2009 гг.) на фоне происходившей демократизации российского общества стали появляться критические работы, в которых преобладали резкие негативные оценки процесса строительства и эксплуатации Волжских гидроузлов. Авторы работ указывали на множество отрицательных экологических и социокультурных последствий воплощения этих проектов. Еще одна особенность публикаций этого периода – введение в научный оборот значительного количества новых (ранее недоступных) источников [15, с. 220].

В итоге Е.А. Бурдиным был сделан вывод о том, что гидростроительство в Поволжье на тот момент изучалось в основном представителями технических, естественных и экономических наук, а среди публикаций гуманитарной направленности преобладали работы краеведов; комплексные обобщающие исследования с точки зрения исторического анализа не проводились. Преобладание в историографии проблемы гидростроительства на Нижней Волге работ технологической направленности показал и историографический обзор, сделанный Е.М. Глуховой в кандидатской диссертации и монографии [19].

В историографическом обзоре Е.А. Бурдин анализировал в основном исследования, посвященные истории гидростроительства на Верхней Волге (Волжско-Камский каскад гидроэлектростанций), однако в его статье упоминаются три работы, связанные с сооружением Волжской (Сталинградской) ГЭС.

Проведенный нами анализ, направленный на выявление основных тенденций и итогов исследований истории создания Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища, позволил разделить их на четыре группы:

1) работы технической направленности;

2) исторические исследования, основанные преимущественно на письменных источниках: газетных и архивных материалах и официальных документах;

3) исследования, связанные с оценкой экономических и природных изменений, последовавших после реализации этих проектов;

4) работы, имеющие этнографическую, антропологическую и культурологическую направленность.

1. В исследованиях первой группы освещались общие вопросы строительства, были представлены технические описания Волжской гидроэлектростанции, методов строительства, механизмов, использовавшихся при создании ГЭС, а также было показано ее значение для экономического развития страны и области [2; 3; 29; 33–35]. Основная часть этих работ выходила в 1950-х – начале 1960-х гг., то есть непосредственно в период возведения гидроузла и отсутствия на тот момент его истории. Во всех исследованиях этого направления на-

шли отражение как общий трудовой энтузиазм послевоенного времени, так и официальные идеологические и пропагандистские установки. Авторы работ этого периода единодушно утверждали мысли о грандиозности стройки и ее благоприятных последствиях для экономики и жителей страны. В небольшой по объему книге А.А. Аграновского Сталинградский гидроузел впервые получил статус «великой стройки», растиражированный впоследствии во многих других публикациях [2].

Особая ценность этих работ обусловлена тем, что их писали непосредственные участники процесса проектирования гидроузла и его строительства. Так, опытом организации проектных работ делился А.В. Михайлов – участник проектировочной группы [33], а о начале строительства рассказывал Ф.Г. Логинов – с 1950 по 1954 г. бывший начальником строительства Сталинградской ГЭС и вновь созданной строительной организации «Сталинградгидрострой» [29].

В числе работ технической направленности в начале 1960-х гг. стали появляться и первые публикации результатов исследования береговой линии Волгоградского водохранилища [31].

2. Историки в своих работах воссоздавали основные этапы великих строек на Волге и Дону, уделяя основное внимание выявлению роли в этом процессе и отдельных личностей, и официальных органов власти. В их работах нашла также отражение история строительства г. Волжского, который изначально создавался для гидростроителей на месте с. Безродного с активным использованием труда заключенных ГУЛАГа. Волжский стал горячо любимым для тех, кто сначала жил в палатках в открытой степи, работал на сооружении ГЭС, а потом осваивал пространства вновь рожденного города. История этого детища Волжской ГЭС нашла отражение в ряде обобщающих работ, а также в работах Д.П. Сысоева, Е.П. Жоровой, Т.А. Башлыковой и др. [5; 7; 21; 27; 38; 42]. Эти публикации имеют краеведческий, описательный характер, но тем не менее они представляют безусловный интерес для дальнейших научных штудий в качестве источников.

Весьма показательно, что в советский период история Волжского преподносилась в научно-популярной и публицистической литературе исключительно как комсомольская стройка. Впервые о роли в строительстве города заключенных написал в вышедшей в 1999 г. книге «Левобережцы» бывший начальник лагерного отделения А.А. Марфенко, работавший вместе с Ф.Г. Логиновым, ставший впоследствии известным журналистом [30]. Не будучи научной, эта книга, по сути, открыла новое направление в исследовании истории Волжского гидроузла: в послеперестроечное время ученые стали обращаться к закрытым ранее проблемам, связанным со строительством и эксплуатацией гидростанции.

В числе исследований исторического направления особо выделяются статьи Е.А. Бурдина, в которых он затронул некоторые аспекты сооружения Волжской (Сталинградской) ГЭС и водохранилища. Так, им была осуществлена оценка деятельности властных структур при сооружении Волгоградского водохранилища [13], показана работа Нижневолжской археологической экспедиции, занимавшейся раскопками памятников, подлежащих затоплению [14].

В 2005 г. вышла книга Е.А. Бурдина «Волжская Атлантида: трагедия великой реки», посвященная проблемам, возникшим в связи с сооружением Куйбышевской ГЭС [10]. Продолжив развитие этой темы [8], Е.А. Бурдин издал две монографии – «Гидростроительство в России: от самарского Волгостроя к Большой Волге (1930–1980 гг.)» [17] и «Волжский каскад: триумф и трагедия России», посвященную всему волжскому каскаду ГЭС [11]. Исследуя в этих книгах государственную политику в области гидростроительства в 1930–1980-е гг., автор обращался также и к проблемам применения принудительного труда заключенных ГУЛАГа, осветил процесс подготовки территорий водохранилищ к затоплению, а также дал оценку последствиям гидростроительства для всего Поволжского региона и страны в целом. Обобщающим трудом по истории Волжского каскада стала докторская диссертация Е.А. Бурдина «Разработка и практическая реализация планов советского руководства в сфере гидростроительства в 1930–1980-е гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов)» [16]. На сегодняшний день работы Е.А. Бурдина представляют собой наиболее полное, обстоятельное исследование проблем

советского гидростроительства на Волге, включая Нижневолжский регион.

В начале 2000-х гг. стала разрабатывать проблемы строительства Сталинградской ГЭС волгоградская исследовательница Е.М. Глухова. В своих работах она освещала трудовые аспекты темы, сосредоточившись на выявлении особенностей формирования коллектива строителей в 1950–1953 гг. [19; 20; 22]. Показательно, что через год после выхода книги Е.М. Глуховой, посвященной оценке вклада в строительство Сталинградской ГЭС не только вольнонаемных работников, но и заключенных советских лагерей, вышла монография Е.Ю. Свечниковой (исследовательницы из г. Волгодонска), в которой оценивалась работа заключенных на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя в 1948–1953 гг. [40]. В 2019 г. вышла книга ростовских ученых, также сформулировавших «трудные» и не исследованные в советское время проблемы, связанные с экспериментами над природой и людьми на примере Волгодонстроя [32].

3. Вопросы, касающиеся последствий строительства ГЭС и сооружения водохранилища на территории нынешней Волгоградской области, широко обсуждаются биологами, географами, экологами и экономистами начиная с 1960-х годов. Они нашли отражение в работах А.И. Баранова, В.В. Зелепухина, А.М. Шубина, Н.В. Буторина, С.Я. Семененко, В.А. Шашуловского, С.С. Мосияша и др. [4; 6; 18; 26; 31; 36; 39; 41; 43–45]. Отмечая безусловные экономические выигрыши для страны от строительства Волгоградской ГЭС, авторы этих работ концентрировали свое внимание и на массе проблем, возникших в связи с сооружением Волгоградского водохранилища и затоплением земель, – и в природной среде, и в социальной сфере.

Географы, биологи и экологи двояко оценивали результаты этого грандиозного проекта. С одной стороны, Волжская ГЭС позволяла вырабатывать относительно дешевую электроэнергию, способствовала развитию народного хозяйства благодаря устройству железнодорожного и автодорожного переходов через Волгу, давала возможности для орошения больших засушливых территорий Заволжья и обводнения некоторых территорий Калмыкии и Казахстана, развития крупного водного транспорта. С другой стороны, создание гидроузла породило массу экологических проблем. Катастрофически ухудшились условия для воспроизведения рыб, регулируемое перераспределение стока Волги нарушило естественный гидрологический режим, что привело к загрязнению и зарастанию водохранилища. Возникла масса проблем у населения Волгоградского Заволжья (обрушение берегов водохранилища, трудности с питьевой водой и пр.). Наконец, ученые и специалисты стали осознавать и оценивать возникшую опасность для существования Волго-Ахтубинской поймы как уникального природного образования.

В 2017 г. волгоградский ученый-эколог С.Я. Семененко подвел итоги многолетним наблюдениям географов и экологов за Волгоградским водохранилищем. Не вдаваясь в подробности тех проблем, которые возникали у жителей поселений, подвергшихся затоплению, исследователь в целом очень жестко оценивал социально-экономические и социокультурные проблемы, возникшие после осуществления этого проекта: «С устройством водохранилища потерялись не только леса, ценные земли и рекреации большой емкости, потерялись моральные, исторические, этнические и культурные ценности» [41]. С.Я. Семененко считает, что проектировщики Волжского гидроузла недооценили многие негативные последствия проекта, их продолжительный и незатухающий характер, в связи с чем возникла необходимость разработки технологий, направленных на восстановление социальной, экологической и рекреационной значимости Волгоградского водохранилища [41].

В настоящее время специалисты сходятся во мнении, что связанные с водохранилищем экологические проблемы усугубляются с каждым годом, а на восстановление реки и ее берегов потребуются огромные денежные вложения. При этом мониторинг ситуации продолжается [4].

4. Выделяя четвертое направление в истории изучения Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища, связанное с определением культурных, этнографических и социальных последствий этого проекта, автор настоящей статьи учитывал, что такой опыт широко представлен на материалах исследований и дру-

гих гидроузлов. Так, Е.А. Бурдин, не только детально воссоздал историю Куйбышевского гидроузла, но и дал общую оценку масштабным социальным и культурным последствиям реализации этого проекта [10].

Исследователя также заинтересовала судьба археологических памятников, которые подлежали затоплению при сооружении Волгоградского водохранилища. По сдержанной оценке Е.А. Бурдина, благодаря работе археологической экспедиции на Нижней Волге по проведению охранно-спасательных раскопок в зоне затопления Волжской ГЭС удалось частично сохранить ценные археологические материалы по истории практически всех народов, населяющих Нижнее Поволжье, начиная с каменного века и заканчивая XIV в. [14, с. 12–13]. Е.А. Бурдин отметил ограниченность работы экспедиции во времени и частичную сохранность памятников.

Если говорить об этой проблеме, то стоит отметить, что переносу и сохранению не подлежали архитектурные и культовые памятники более позднего времени. При этом они не были даже зафиксированы архитекторами, а об их наличии на прежних местах обитания переселенцев в настоящее время можно судить лишь по фотографиям, сохранившимся в фондах Государственного архива Волгоградской области, и единственному изданию, зафиксировавшему некоторые из затопленных культовых сооружений [37]. Других работ, посвященных проблеме затопленных при сооружении Волгоградского водохранилища территорий, а также анализу возникших на новых местах социокультурных и антропологических проблем переселенцев, на сегодняшний день не имеется.

Результаты и перспективы исследований. Анализ работ, связанных с проблемами строительства Волгоградской ГЭС и Волжского водохранилища, показал, что за прошедшие с момента ввода их в эксплуатацию десятилетия кардинально изменился ракурс научных исследований. Работы технического характера давно не публикуются, на первый план со временем вышли исследования, посвященные выявлению и анализу не достижений, а проблем. Особенно актуализировались в последнее время исследования биологов, географов и экологов, которые призывают к решению острейших проблем в сфере природопользования и экологии, возникших после сооружения Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища.

Немногочисленные исторические исследования, связанные с сооружением Волжской ГЭС, сосредоточены непосредственно на гидроэлектростанции. При этом историки оставили в стороне возникшую при сооружении Волгоградского водохранилища проблему затопления сельских поселений и переноса их на новые места. В целом тема Волгоградского водохранилища и связанных с его созданием социокультурных проблем до настоящего времени не только не разрабатывалась, но даже и не актуализировалась.

Меж тем затопление и перенос населенных пунктов представляют проблему не только экологическую, но и антропологическую. При создании Волгоградского водохранилища в период наполнения его чаши было затоплено 269 тыс. га земель, в том числе сельскохозяйственных – 137 тыс. га. Из зоны затопления было переселено 125 населенных пунктов (15 157 домовладений). Более 50 тыс. человек оказались на новых местах жительства, где им приходилось заново налаживать всю систему жизнеобеспечения в новых природно-географических условиях. И тем не менее эта проблема не заинтересовала местных (волгоградских) исследователей в отличие от ученых других регионов, которые изучали истории создания и функционирования «своих» водохранилищ. Некоторые из них обратились к этой теме еще в конце 1990-х годов.

Обращение к работам ученых, исследовавших проблемы российских гидроузлов, сооружавшихся в других регионах, может обозначить горизонты будущих исследований истории Волгоградского водохранилища и связанных с ним проблем. Так, последствия затопления значительных массивов береговых земель и переноса населенных пунктов при строительстве Иркутской, Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций изучались Р.Л. Ермошкиной [22–25]. Социокультурные проблемы, связанные с созданием Куйбышевского водохранилища, освещались в книге Е.А. Бурдина [10]. Ученый использовал свидетельства очевидцев исследуемых им событий, отмечая, что иногда они были единствен-

ным источником по некоторым вопросам о ходе переселения из зоны затопления [9; 12]. Только они, например, могли отразить морально-психологическое состояние переселявшихся людей и их отношение к происходившим событиям. Подводя итог исследованию социокультурных последствий создания Куйбышевского водохранилища, Е.А. Бурдин отмечал, что оно оказало негативное воздействие на материальную и духовную культуру края, привело к разрушению объектов культурно-исторического наследия (культовых, гражданских сооружений и памятников археологии), в результате чего переселенцы были оторваны от традиционных материальных и духовных ценностей. В целом, оценивая итоги создания Куйбышевского водохранилища и его последствия, исследователь назвал их трагическими. Этот вывод вполне соотносится с тем, что был сделан исследователями проблем переселения жителей донских станиц и хуторов в связи с сооружением Волго-Донского канала и возникновением Цимлянского водохранилища [32]. Основной акцент на проблемах переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала и создания Цимлянского водохранилища сделали в своей статье ростовские ученые В.А. Агеев, А.А. Волвенко и М.П. Мерзлякова [1]. Они использовали рассказы старожилов перенесенной на новое место казачьей станицы Калининской, записанные Е.Н. Капкановым. Впоследствии эти интервью были опубликованы полностью на страницах журнала «Русский архив» [28].

Что касается оценки последствий переселения жителей затопляемых сел в зоне сооружения Волгоградского водохранилища, то их нет до сих пор. В связи с этим, опираясь на опыт изучения этих проблем в других регионах, можно обозначить возможные перспективы дальнейших исследований и истории Волжской ГЭС, и судеб переселенцев из зоны Волгоградского водохранилища:

1) для формирования корпуса источников по этой проблеме – собрать и обобщить материалы областной периодики, на страницах которой масштабно отражалась история сооружения Волжской ГЭС и Волгоградского водохранилища;

2) для воссоздания истории сооружения Волгоградского водохранилища, затопления старых поселений и переноса их на новые места – обратиться к архивным документам Государственного архива Волгоградской области (фонд 6684) и Центра научной документации новейшей истории Волгоградской области (фонд 113);

3) для выявления социокультурных проблем переселенцев из зоны затопления – осуществить полевые этнографические исследования на территориях перенесенных сел, записать и подвергнуть анализу рассказы очевидцев тех событий.

В конечном счете можно сформулировать в качестве важнейших перспектив дальнейших исследований обращение к антропологическим, этнографическим и социокультурным аспектам проблемы переселения сел из зон затопления при создании Волгоградского водохранилища как абсолютно не исследованной до настоящего времени. Решение этой большой проблемы возможно путем постепенной реализации конкретных задач:

– на основе архивных и газетных материалов реконструировать историю затопления и переноса на новые места сел, попавших в зону Волгоградского водохранилища;

– методами полевой этнографии осуществить комплексное исследование культуры жителей, перенесенных на новые места сел и оказавшихся в иной природно-географической среде, что повлекло ломку прежних устоев хозяйственной жизни и систем жизнеобеспечения;

– выявить общие признаки кризисности изучаемых сельских сообществ (совокупность экологического, социального, социокультурного кризисов);

– определить основные элементы выработанного переселенцами в кризисных условиях жизни культурного адаптационного механизма;

– выявить выработанный переселенцами механизм формирования личностной и коллективной памяти о кризисном событии.

Представляется, что решение этих задач позволит значительно расширить наши представления не только об истории сооружения Сталинградского гидроузла, но и о возникшем в связи с этим комплексе антропологических проблем, до сих пор не включенных в исследовательское поле современных ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В. А., Волвенко А. А., Мерзляков М. П. Проблемы переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала в нач. 1950-х гг. через призму повседневности // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 166–170.

2. Аграновский А. А. Сталинград – великая стройка коммунизма. М.: Госполитиздат, 1963. 88 с.

3. Александров А. П., Кузнецов А. Я. Из опыта строительства Сталинградской ГЭС. М.: [б. и.], 1960. 59 с.

4. Баранова А. И. Геолого-геоморфологическая характеристика побережий Волгоградского водохранилища // Материалы к изучению переформирования берегов Волгоградского водохранилища. М.; Л.: Наука, 1964. С. 6–40.

5. Башлыкова Т. М. Волжскому – 55. Летопись продолжается. Волгоград: Панорама, 2009. 384 с.

6. Белявская Л. И. Прогноз и фактическое развитие бентоса в Волгоградском водохранилище // Труды комплексной экспедиции Саратовского госуниверситета по изучению Волгоградского и Саратовского водохранилищ. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. Вып. 4. С. 73–77.

7. Брыкин А. П. Мой светлый город Волжский. Волжский: Графика, 1999. 86 с.

8. Бурдин Е. А. Военно-техническое и хозяйственное значение верхневолжских гидроузлов в период Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 59–69. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.5

9. Бурдин Е. А. «И деревня моя Комаровка уходила на волжское дно»: (Из истории переселения населенных пунктов в связи со строительством Волжской ГЭС) // Эхо веков. 2006. № 2. С. 15–18.

10. Бурдин Е. А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: Печ. двор, 2005. 288 с.

11. Бурдин Е. А. Волжский каскад: триумф и трагедия России. М.: РОССПЭН, 2011. 397 с.

12. Бурдин Е. А. Волжское – Старая Грязнуха: затопленная история // Эхо веков. 2015. № 1. С. 271–276.

13. Бурдин Е. А. Деятельность властных структур по организации Сталинградского и Саратовского водохранилищ // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2011. Вып. 4. С. 7–9.

14. Бурдин Е. А. Деятельность Сталинградской археологической экспедиции (1951–1957 гг.) // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. Вып. 3. С. 12–13.

15. Бурдин Е. А. Историография проблемы гидростроительства в Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 6. С. 217–223.

16. Бурдин Е. А. Разработка и практическая реализация планов советского руководства в сфере гидростроительства в 1930–1980-е гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов): дис. … д-ра ист. наук. Ульяновск, 2012. 639 с.

17. Бурдин Е. А. Гидростроительство в России: от самарского Волгостроя к Большой Волге (1930–1980 гг.). Ульяновск: УлГПУ, 2010. 222 с.

18. Буторин Н. В. Гидрологические процессы и динамика водных масс в водохранилищах Волжского каскада. Л.: Наука, 1969. 322 с.

19. Глухова Е. М. Вольнонаемные и заключенные на строительстве Сталинградской ГЭС (1950–1953 гг.). Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 258 с.

20. Глухова Е. М. Строительство Сталинградской ГЭС: источники комплектования кадрами (1950–1953 гг.) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Спец. вып. С. 6–11.

21. Город Волжский в зеркале истории: К 50-летию города : материалы науч.-практ. конф., г. Волжский, 19 марта 2004 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 246 с.

22. Гузев М. М., Глухова Е. М. История стройки в зеркале эпохи: опыт формирования трудового коллектива при строительстве крупнейшей в Европе Волжской ГЭС // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 5. С. 176–183.

23. Ермошкина Р. Л. Особенности переноса населенных пунктов при строительстве Иркутской ГЭС // Иркутский историко-этнографический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 121–125.

24. Ермошкина Р. Л. Переселение населения при строительстве Братской ГЭС // Иркутский историко-этнографический ежегодник. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 109–115.

25. Ермошкина Р. Л. Процесс переселения населения и переноса населенных пунктов при строительстве Усть-Илимской ГЭС // Иркутский историко-этнографический ежегодник. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 148–152.

26. Зелепухин В. В. Динамика рыбного промысла в водохранилищах, образованных на территории Волгоградской области в середине XX в. // Грани познания. 2014. № 4. С. 54–64.

27. История и культурное наследие Волжского (1954–2004). Волгоград: Панорама, 2007. 192 с.

28. Капканов Е. Н. «Там сейчас плещутся воды Цимлянского моря…»: переселения жителей при строительстве Волго-Донского канала // Русский архив. 2021. № 9 (1). С. 93–109. DOI: 1013187/ra.2021.1.93

29. Логинов Ф. Г. Сталинградская гидростанция на Волге. М.: Знание, 1952. 16 с.

30. Марфенко А. А. Левобережцы. Волгоград: Издатель, 1999. 160 с.

31. Материалы к изучению переформирования берегов Волгоградского водохранилища. М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. 125 с.

32. Матишов Г. Г., Савельева О. С., Слюнина Е. Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. 216 с.

33. Михайлов А. В. Строительство Волжской гидроэлектростанции имени XXII съезда КПСС: (Опыт проектирования и производства работ). М.; Л.: Энергия, 1964. 487 с.

34. На великих стройках коммунизма. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. работы, 1952. 248 с.

35. Научные исследования по гидротехнике в 1969 г. Л.: Энергия, Ленингр. отд-ние, 1971. 264 с.

36. Небольсина Т. К. Экосистема Волгоградского водохранилища // Известия Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства. Т. 94. Л.: ГосНИОРХ, 1980. С. 19–27.

37. Никольские храмы, приделы и иконы юга Российской империи. Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского общества из собраний Государственного музея религии: Астраханская, Донская и Ставропольская епархии. М.: Сэм Полиграфист, 2023. 316 с.

38. Новский С. В. Мой город Волжский: воспоминания, размышления очевидца. Волгоград: Издатель, 2006. 96 с.

39. Объедкова О. А., Кочеткова А. И., Баранова М. С., Брызгалина Е. С. Некоторые гидрохимические особенности заливов озерного участка Волгоградского водохранилища // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград: Сфера, 2020. С. 81–87.

40. Свечникова Е. Ю. Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948–1953 гг. Ростов н/Д: Ростиздат, 2009. 219 с.

41. Семененко С. Я. Волгоградское водохранилище: история решения проблемы // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2017. № 1 (45). URL: http://www.elibrary.ru/download/elibrary_29357466_65151040.pdf

42. Сысоев Д. П. Город юности. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. 95 с.

43. Филиппов О. В. Переформирование берегов Волгоградского водохранилища // Геоморфология. 2012. № 2. С. 34–43.

44. Шашуловский В. А., Мосияш С. С. Формирование биологических ресурсов Волгоградского водохранилища в ходе сукцессии его экосистемы. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2010. 250 с.

45. Шубин А. М. Экологическая безопасность прибрежных территорий и эффективность берегоукрепительных мероприятий // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 14 (33). С. 182–187.

REFERENCES

1. Ageeva V.A., Volvenko A.A., Merzlyakov M.P. Problemy pereseleniya zhiteley v khode stroitelstva Volgo-Donskogo kanala v nach. 1950-kh gg. cherez prizmu povsednevnosti [Problems of Resettling Residents During the Construction of the Volga-Don Canal in the Early 1950s Through the Prism of Everyday Life]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*, 2018, no. 2, pp. 166-170.

2. Agranovskiy A.A. *Stalingrad – velikaya stroyka kommunizma* [Stalingrad – Great Construction Project of Communism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 88 p.

3. Aleksandrov A.P., Kuznetsov A.Ya. *Iz opyta stroitelstva Stalingradskoy GES* [From the Experience of Constructing the Stalingrad Hydroelectric Power Station]. Moscow, s.n., 1960. 59 p.

4. Baranova A.I. Geologo-geomorfologicheskaya kharakteristika poberezhiy Volgogradskogo vodokhranilishcha [Geological and Geomorphological Characteristics of the Coasts of the Volgograd Reservoir]. *Materialy k izucheniyu pereformirovaniya beregov Volgogradskogo vodokhranilishcha* [Materials for the Study of Shoreline Reformation of the Volgograd Reservoir]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 6-40.

5. Bashlykova T.M. *Volzhskomu – 55. Letopis prodolzhaetsya* [Volzhsky is 55. Chronicle Continues]. Volgograd, Panorama Publ., 2009. 384 p.

6. Belyavskaya L.I. Prognoz i faktycheskoe razvitie bentosa v Volgogradskom vodokhranilishche [Forecast and Actual Development of Benthos in the Volgograd Reservoir]. *Trudy kompleksnoy ekspeditsii Saratovskogo gosuniversiteta po izucheniyu Volgogradskogo i Saratovskogo vodokhranilishch* [Proceedings of the Complex Expedition of Saratov State University for the Study of the Volgograd and Saratov Reservoirs]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1975, iss. 4, pp. 73-77.

7. Brykin A.P. *Moy svetly gorod Volzhsky* [My Bright City Volzhsky]. Volzhskiy, Grafika Publ., 1999. 86 p.

8. Burdin E.A. Voenno-tekhnicheskoe i khozyaystvennoe znachenie verkhnevolzhskikh gidrouzlov v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Military-Technical and Economic Importance of the Upper Volga Hydroelectric Power Plants During the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 59-69. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.5

9. Burdin E.A. «I derevnya moya Komarovka ukhodila na volzhskoe dno»: (Iz istorii pereseleniya naselennykh punktov v svyazi so stroitelstvom Volzhskoy GES) ["And My Village of Komarovka Sank to the Volga Bottom". (From the History of the Resettlement of Populated Areas in Connection with the Construction of the Volga Hydroelectric Power Station)]. *Ekho vekov*, 2006, no. 2, pp. 15-18.

10. Burdin E.A. *Volzhskaya Atlantida: tragediya velikoy reki* [Volga Atlantis: The Tragedy of a Great River]. Ulianovsk, Pechat. dvor Publ., 2005. 288 p.

11. Burdin E.A. *Volzhsky kaskad: triumf i tragediya Rossii* [Volga Cascade: Triumph and Tragedy of Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 397 p.

12. Burdin E.A. Volzhskoe – Staraya Gryaznukha: zatoplennaya istoriya [Volzhskoye – Staraya Gryaznukha: A Flooded History]. *Ekho vekov*, 2015, no. 1, pp. 271-276.

13. Burdin E.A. Deyatelnost vlastnykh struktur po organizatsii Stalingradskogo i Saratovskogo vodokhranilishch [Activities of Government Structures in Organizing the Stalingrad and Saratov Reservoirs]. *Vestnik Ulianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 2011, iss. 4, pp. 7-9.

14. Burdin E.A. Deyatelnost Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (1951–1957 gg.) [Activities of the Stalingrad Archaeological Expedition (1951–1957)]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 2012, iss. 3, pp. 12-13.

15. Burdin E.A. Istoriografiya problemy gidrostroitelstva v Povolzhye [Historiography of the Problem of Hydropower Construction in the Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 6, pp. 217-223.

16. Burdyn E.A. *Razrabotka i prakticheskaya realizatsiya planov sovetskogo rukovodstva v sfere gidrostroitelstva v 1930–1980-e gg. (na primere Volzhskogo kaskada gidrouzlov): dis. ... d-ra ist. nauk* [Development and Practical Implementation of the Soviet Leadership's Plans in the Field of Hydroconstruction in the 1930s – 1980s (On the Example of the Volga Cascade of Hydraulic Structures). Dr. hist. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2012. 639 p.

17. Burdyn E.A. *Gidrostroitelstvo v Rossii: ot samarskogo Volgostroya k Bolshoy Volge (1930–1980 gg.)* [Hydroconstruction in Russia: From the Samara Volgostroy to the Great Volga (1930–1980)]. Ulyanovsk, UlGPU. 222 p.

18. Butorin N.V. *Gidrologicheskie protsessy i dinamika vodnykh mass v vodokhranilishchakh Volzhskogo kaskada* [Hydrological Processes and Dynamics of Water Masses in the Reservoirs of the Volga Cascade]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 322 p.

19. Glukhova E.M. *Volnonayomnye i zaklyuchennye na stroitelstve Stalingradskoy GES (1950–1953 gg.)* [Civilian Employees and Prisoners at the Construction of the Stalingrad Hydroelectric Power Station (1950–1953)]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2008. 258 p.

20. Glukhova E.M. Stroitelstvo Stalingradskoy GES: istochniki komplektovaniya kadrami (1950–1953 gg.) [Construction of the Stalingrad Hydroelectric Power Station: Sources of Staffing (1950–1953)]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, special issue, pp. 6-11.

21. *Gorod Volzhsky v zerkale istorii: K 50-letiyu goroda: materialy nauch.-prakt. konf., g. Volzhskiy, 19 marta 2004 g.* [The City of Volzhsky in the Mirror of History: On the 50th Anniversary of the City. Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Volzhsky, March 19, 2004]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 246 p.

22. Guzev M.M., Glukhova E.M. Istoriya stroyki v zerkale epokhi: opyt formirovaniya trudovogo kollektiva pri stroitelstve krupneyshey v Evrope Volzhskoy GES [History of the Construction in the Mirror of the Era: Experience of Forming a Labor Collective during the Construction of the Largest Hydroelectric Power Station in Europe, the Volga HPP]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya* [Economic History of Russia: Problems, Searches, Solutions]. Moscow; Volgograd, Izd-vo VolGU, 2003, iss. 5, pp. 176-183.

23. Ermoshkina R.L. Osobennosti perenosa naselennykh punktov pri stroitelstve Irkutskoy GES [Peculiarities of Relocating Populated Areas During the Construction of the Irkutsk Hydroelectric Power Station]. *Irkutskiy istoriko-etnograficheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Ethnographic Yearbook]. Irkutsk, Izd-vo BGUEP, 2003, pp. 121-125.

24. Ermoshkina R.L. Pereselenie naseleniya pri stroitelstve Bratskoy GES [Resettlement of the Population During the Construction of the Bratsk Hydroelectric Power Station]. *Irkutskiy istoriko-etnograficheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Ethnographic Yearbook]. Irkutsk, Izd-vo IGEA, 1999, pp. 109-115.

25. Ermoshkina R.L. Protsess pereseleniya naseleniya i perenosa naselennykh punktov pri stroitelstve Ust-Ilimskoy GES [The Process of Resettlement of the Population and Transfer of Settlements During the Construction of the Ust-Ilimsk Hydroelectric Power Station]. *Irkutskiy istoriko-etnograficheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Ethnographic Yearbook]. Irkutsk, Izd-vo IGEA, 2002, pp. 148-152.

26. Zelepukhin V.V. Dinamika rybnogo promysla v vodokhranilishchakh, obrazovannykh na territorii Volgogradskoy oblasti v seredine XX v. [Dynamics of Fishing in Reservoirs Formed on the Territory of the Volgograd Region in the Mid-20th Century]. *Grani poznaniya*, no. 1, 2014, pp. 54-64.

27. *Istoriya i kulturnoe nasledie Volzhskogo (1954–2004)* [History and Cultural Heritage of Volzhsky (1954–2004)]. Volgograd, Panorama Publ., 2007. 192 p.

28. Kapkanov E.N. «Tam seychas pleshchutsya vody Tsimlyanskogo morya…»: pereseleniya zhiteley pri stroitelstve Volgo-Donskogo kanala ["There is the Water of the Tsimlyansk Sea Now Flowing...": Relocation of the Inhabitants During the Construction of the Volga-Don Canal]. *Russkiy arkhiv*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 93-109. DOI: 1013187/ra.2021.1.93

29. Loginov F.G. *Stalingradskaya Gidrostantsiya na Volge* [Stalingrad Hydroelectric Station on the Volga]. Moscow, Znaniye Publ, 1952. 16 p.

30. Marfenko A.A. *Levoberezhtsy* [Left-Bank Dwellers]. Volgograd, Izdatel Publ., 1999. 160 p.

31. *Materialy k izucheniyu pereformirovaniya beregov Volgogradskogo vodokhranilishcha* [Materials for the Study of Shoreline Reformation of the Volgograd Reservoir]. Moscow, Leningrad, Leningr. otd-nie Nauka Publ., 1964. 125 p.

32. Matishov G.G., Savelieva O.S, Slyunina E.Yu. *Tsimlyanskaya plotina: posledniy akkord raskazachivaniya na Donu* [The Tsimlyansk Dam: The Last Chord of De-Cossackization on the Don]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2019. 216 p.

33. Mikhaylov A.V. *Stroitelstvo Volzhskoy gidroelektrostantsii imeni XXII s'ezda KPSS: (Opyt proektirovaniya i proizvodstva rabot)* [Construction of the Volga Hydroelectric Power Station Named After the 22nd CPSU Congress. (Experience in Design and Construction Work)]. Moscow, Leningrad, Energiya Publ., 1964. 487 p.

34. *Na velikikh stroykakh kommunizma* [At the Great Construction Sites of Communism]. Moscow, Gos. izd-vo kulturno-prosvetitelnoy raboty, 1952. 248 p.

35. *Nauchnye issledovaniya po gidrotekhnike v 1969 g.* [Scientific Research in Hydraulic Engineering in 1969]. Leningrad, Energiya Publ., Leningr. otd-nie, 1971. 264 p.

36. Nebolsina T.K. Ekosistema Volgogradskogo vodokhranilishcha [The Ecosystem of the Volgograd Reservoir]. *Izvestiya Gosudarstvennogo nauchno-issledovatelskogo instituta ozernogo i rechnogo rybnogo khozyaystva. T. 94* [Proceedings of the State Research Institute of Lake and River Fisheries. Vol. 94]. Leningrad, GosNIORKh, 1980, pp. 19-27.

37. *Nikolskie khramy, pridely i ikony yuga Rossiyskoy imperii. Kollektsiya fotografiy Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva iz sobraniy Gosudarstvennogo muzeya religii: Astrakhanskaya, Donskaya i Stavropolskaya eparkhii* [St. Nicholas Churches, Chapels, and Icons of the South of the Russian Empire. Collection of Photographs by the Imperial Orthodox Palestinian Society from the Collections of the State Museum of Religion: Astrakhan, Don, and Stavropol Dioceses]. Moscow, Sam Poligrafist Publ., 2023. 316 p.

38. Novskiy S.V. *Moy gorod Volzhskiy: vospominaniya, razmyshleniya ochevidtsa* [My City Volzhsky: Memoirs and Reflections of an Eyewitness]. Volgograd, Izdatel Publ., 2006. 96 p.

39. Obiedkova O.A., Kochetkova A.I., Baranova M.S., Bryzgalina E.S. Nekotorye gidrokhimicheskie osobennosti zalivov ozernogo uchastka Volgogradskogo vodokhranilishcha [Some Hydrochemical Features of the Bays in the Lake Section of the Volgograd Reservoir]. *Problemy ustoychivogo razvitiya i ekologo-ekonomicheskoy bezopasnosti regionov: materialy XV Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf*. [Problems of Sustainable Development and Environmental and Economic Security of Regions. Proceedings of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 81-87.

40. Svechnikova E.Yu. *Spetskontingent velikoy stroyki: zaklyuchennye sovetskikh lagerey na stroitelstve gidrotekhnicheskikh sooruzheniy Volgodonstroya. 1948–1953 gg.* [Special Contingent of the Great Construction Project: Prisoners of Soviet Camps at the Construction of Hydrotechnical Facilities of Volgodonstroy. 1948–1953]. Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 2009. 219 p.

41. Semenenko S.Ya. Volgogradskoe vodokhranilishche: istoriya resheniya problemy [Volgograd Reservoir: History, Problems, Solutions]. *Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: nauka i vysshee professionalnoe obrazovanie* [Izvestia of the Lower Volga Agro-University Complex: Science and Higher Professional Education], 2017, no. 1 (45). URL: http://www.elibrary.ru/download/elibrary_29357466_65151040.pdf

42. Sysoev D.P. *Gorod yunosti* [City of Youth]. Volgograd, Nizh.-volzh. kn. izd-vo, 1984. 95 p.

43. Filippov O.V. Pereformirovanie beregov Volgogradskogo vodokhranilishcha [Reformation of the Banks of the Volgograd Reservoir]. *Geomorfologiya*, 2012, no. 2, pp. 34-43.

44. Shashulovskiy V.A., Mosiyash S.S. *Formirovanie biologicheskikh resursov Volgogradskogo vodokhranilishcha v khode suktsessii ego ekosistemy* [Formation of Biological Resources of the Volgograd Reservoir During the Succession of Its Ecosystem]. Moscow, T-vo nauch. izd. KMK Publ., 2010. 250 p.

45. Shubin A.M. Ekologicheskaya bezopasnost pribrezhnykh territoriy i effektivnost beregoukrepitelnykh meropriyatiy [Ecological Safety of Coastal Areas and Efficiency of Bank Protection Measures]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering], 2009, no. 14 (33), pp. 182-187.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1451-2579

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1451-2579

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.4

UDC 94(470.51)«1950/59»:656.6
LBC 63.3(2)63

Submitted: 24.09.2024
Accepted: 23.03.2025

METHOD OF IDENTIFICATION OF VESSELS BY ORDERS ON PERSONNEL STRUCTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE UDMURT AND MOLOTOV SMALL RIVERS DEPARTMENTS OF THE 1950s)

Nicholas W. Mitiukov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Personnel documentation is one of the valuable historical sources, which, if properly analyzed, can replace the lack of documentation on the main activity. *Methods and materials.* The source base of the work was made up of orders on personnel of the Udmurt and Molotov Small Rivers Departments of the 1950s. Based on the systems analysis, a methodology was proposed that allows reconstructing information on the renaming of vessels. In accordance with it, each vessel is coded by the personnel on it, and information on the movement of the vessel is reconstructed based on its movement. *Analysis.* As shown by the analysis, the method gives the greatest effect when reconstructing orders on the renaming of vessels, since, in addition to documentation on the main activity, this information is reflected in other sources extremely eclectically, without creating a complete picture. *Results.* An illustration of the capabilities of the methodology is given using the example of the successive renaming of the boats "Rossia" and "Yubileiny" received by the Udmurt Small Rivers Department in 1957, when the intuitively understandable scheme turns out to be false upon analysis. The second illustration is given using the example of renaming the entire fleet of the Molotov Small Rivers Department in 1955. Verification was carried out using individual eclectic references to renaming in orders on personnel and demonstrated good concurrence.

Key words: orders on personnel, systems analysis, water transport, Udmurt Small Rivers Department, Molotov Small Rivers Department, 1950s.

Citation. Mitiukov N.W. Method of Identification of Vessels by Orders on Personnel Structure (Based on the Materials of the Udmurt and Molotov Small Rivers Departments of the 1950s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 42-57. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.4

УДК 94(470.51)«1950/59»:656.6
ББК 63.3(2)63

Дата поступления статьи: 24.09.2024
Дата принятия статьи: 23.03.2025

МЕТОД ИДЕНТИФИКАЦИИ СУДОВ ПО ПРИКАЗАМ О КАДРОВОМ СОСТАВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ УДМУРТСКОГО И МОЛОТОВСКОГО УПРАВЛЕНИЙ МАЛЫХ РЕК 1950-х гг.)

Николай Витальевич Митюков

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Документация по личному составу является одним из ценных исторических источников, который при должном анализе может заменить отсутствие документации по основной деятельности. *Методы и материалы.* Источниковую базу работы составили приказы по личному составу Удмуртского и

© Митюков Н.В., 2026

Молотовского управлений малых рек 1950-х годов. На основе системного анализа предложена методика, позволяющая реконструировать информацию о переименованиях судов. В соответствии с ней каждое судно кодируется находящимся на нем личным составом, и по его перемещению восстанавливается информация о движении судна. *Анализ.* Как показал проведенный анализ, наибольший эффект методика дает при реконструкции приказов по переименованию судов, поскольку, за исключением документации об основной деятельности, эта информация в остальных источниках отражается крайне эклектично, не создавая целостной картины. *Результаты.* Иллюстрация возможностей методики дана на примере последовательного переименования поступивших в Удмуртское управление малых рек в 1957 г. катеров «Россия» и «Юбилейный», когда интуитивно понятная схема при анализе оказывается ложной. Вторая иллюстрация дается на примере переименования всего флота Молотовского управления малых рек в 1955 году. Верификация проводилась по отдельным эклектичным упоминаниям о переименовании в приказах по личному составу и продемонстрировало хорошее совпадение.

Ключевые слова: приказы по личному составу, системный анализ, водный транспорт, Удмуртское управление малых рек, Молотовское управление малых рек, 1950-е годы.

Цитирование. Митюков Н. В. Метод идентификации судов по приказам о кадровом составе (на материалах Удмуртского и Молотовского управлений малых рек 1950-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 42–57. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.4

Введение. Реконструкция судовых и корабельных биографий представляет собой одно из направлений исследований в исторической науке. Рассмотрение процессов через призму отдельных судеб дает возможность выявить ранее неизвестные закономерности, в связи с чем судовые и корабельные биографии можно рассматривать как часть индивидуальной истории. Несмотря на популярность этого жанра за рубежом, в Советском Союзе наиболее ранние труды С.П. Мосеева [16], Ф.Ф. Веселаго [5] и др. представляли собой скорее справочники по характеристикам кораблей и судов, а не по их биографиям.

Аналогичные справочники выходили во многих странах, поскольку для их составления обычно используется береговая и бортовая документация, а по боевым кораблям у нее довольно хорошая сохранность, в частности по русским и советским – имеются богатые фонды Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ). К сожалению, для судов гражданского флота этот корпус источников практически отсутствует, а реконструкции биографий торговых судов производились лишь для по-настоящему этапных или знаменитых судов типа «Титаника» или «Лузитании» [11].

В Российской империи издавались списки судов по министерствам, например Министерства путей сообщения, которое регистрировало имевшиеся на тот момент суда. «Русский Регистр» также издавал свои списки судов, поскольку наличие записи в регистре было необходимым условием для страхования. И таким образом, складывались два массива источников, взаимно дополнявшие и корректировавшие друг друга [13].

Первой работой, где давалось относительно полное описание биографий судов торгового флота, стала монография под редакцией С.С. Бережного [3], но она посвящена военно-морскому флоту, и в ней рассматривались лишь мобилизованные в годы Великой Отечественной войны суда. Самым ранним исследованием о речном торговом флоте, где прослежены биографии отдельных пароходов, является диссертация Г.В. Алексушина об обществе «Кавказ и Меркурий» (1858–1917 гг.) [2].

В начале 2000-х гг. стали появляться работы, содержащие реконструкции судовых биографий, что, в отличие от корабельных, потребовало новых методов работы с информацией. В первую очередь внимание привлекали статистические источники. Реконструкция судовых биографий с опорой на данные «Списков судов…» и Регистров была выполнена, например, А.С. Павловым [17] для волжских судов.

Последнее издание Регистра было предпринято в СССР в 1926–1927 годах. Предполагалось издание в 1940 г., но этому помешала война. Корректировка его в 1948–1949 гг. выявила, вероятно, множество проблем с регистрацией имевшихся судов, в связи с чем издание так и не увидело свет, в среде коллекционеров ходят лишь копии рукописи этого регистра. Однако по линии Минречфлота в советское время издавались расписания движения флота, диспетчерские справочники и т. п. С учетом информа-

ции из достаточно подробных приказов по основной деятельности и судовых списков, сохранившихся в архивных фондах пароходств, это полностью решило проблему. Так, в исследовании Н.В. Селюниной, посвященном работе речников на юге России в годы Великой Отечественной войны [24], все наблюдения сделаны на основе архивных фондов Черноморского сухогрузного и нефтеналивного пароходств, Азовского морского, Доно-Кубанского речного пароходств и других пароходств, подчиненных наркоматам морского и речного флотов. В работах О.А. Гоманенко использованы документы фондов Волжского пароходства [7].

Не затронута история судов Наркомлеспрома, Наркомата внутренних дел и т. д. Главное управление речного транспорта (Главречтранс) также имело достаточно крупный флот, оказавший существенное влияние на историю судостроения. А целые типы судов, распространяемые только через сеть управлений, оказались совершенно забыты отечественными историками. Так, теплоходы проекта 543 сталинградской и каширской постройки (на котором отрабатывались технические решения перед запуском в серию знаменитых «Москвичей» – теплоходов проекта 544) работали только в управлениях малых рек (далее – УМР). Аналогично ярославские катера типа Я-7 (первый послевоенный гражданский тип, представлявший собой конверсию военного проекта) также распространялись только через сеть управлений, а, например, последние суда производства Воткинского завода, теплоходы «Москва» и «Ленинград», практически неизвестны в Удмуртии, поскольку работали в Сталинградском УМР [12].

Несмотря на численность флота управлений малых рек и его значимость в решении транспортных проблем регионов, работ по его истории многократно меньше таковых, чем по истории пароходств. Вероятно, причины следует искать в имеющейся источниковой базе.

В качестве объекта исследования в данной статье были выбраны Молотовское и Удмуртское УМР. Первое возникло на основании постановления СНК СССР № 26 от 9 января 1944 г., а второе – решения Совмина РСФСР № 6021 от 23 мая 1947 года. Несмотря на тесные связи между обоими УМР, цели их создания и поставленные задачи радикально различались. Так, в Удмуртии одной их постоянных нерешаемых проблем были пассажирские перевозки по Ижевскому и Воткинскому прудам, а также паромная переправа через Каму. До 1947 г. главным пассажирским перевозчиком по Ижевскому пруду был оборонный завод № 71, по Воткинскому – Воткинский леспромхоз. Переправу через Каму обеспечивал Сарапульский жилкомхоз. Именно Удмуртское УМР, обновив флот и кадры, смогло впервые эффективно решить эту задачу. Так что, например, Ижевская пристань фактически стала правопреемником Ижевской эксплуатационной конторы Удмуртского УМР.

В отличие от Удмуртской АССР, в Молотовской области существовало Агентство пригородного сообщения в составе Камского речного пароходства, занимавшееся паромной переправой и пассажирскими перевозками. Однако для этого региона критически важным было налаживание коммуникаций для грузовых перевозок между отдаленными районами области по малым рекам. Эту задачу можно было успешно решить мобилизацией всех имеющихся мелкосидящих буксирных судов, что и было произведено при организации УМР. По окончании Великой Отечественной войны флот управления удалось насытить мелкосидящими судами уже специальной постройки, также успешно решившими эту проблему. В итоге, преодолев послевоенный транспортный кризис, в начале 1960-х гг. флоты как Молотовского, так и Удмуртского УМР были переданы в Камское речное пароходство.

Методы и материалы. Источниковая база Удмуртского УМР и Молотовского УМР сводится к трем группам:

1. Ежегодные отчеты Главречтрансу – фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, ф. А439, оп. 1).

2. Ежегодные статистические отчеты Центрального статистического управления (фонды региональных отделов статистики): для Удмуртского УМР это фонды Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР, ф. Р-845, оп. 4), для Молотовского – Государственного архива Пермского края (ГАПК, ф. Р-196, оп. 3).

3. Документация по личному составу: для Удмуртского УМР это фонды Управления по делам архивов Администрации Сарапула (СГА, ф. Р-82, оп. 2б), для Молотовского – Архива города Перми (АГП, ф. 960, оп. 1).

Первая группа хоть хронологически и перекрывает период существования Главречтранса без пропусков по годам, но, несмотря на подробность отчетов и детального описания дел в управлениях, относительно судового состава она довольно эклектичная, так что создание системной картины по ней затруднено. И разумеется, она не дает информации по переименованиям судов. Вторая группа ценна не столько статистическими формами, расшифровке которых были посвящены наши предыдущие публикации [14], сколько достаточно информативными пояснительными записками, где в числе прочего обычно дается список поступивших и списанных судов. Однако и здесь названия судов приняты на момент составления документа, а информация по переименованиям отсутствует. С точки зрения информативности и объема наиболее ценна третья группа – документация по личному составу. Фактически она может дать до 90 % всей эксплуатационной информации, в том числе о происшествиях, авариях, поощрениях, передаче судов другим организациям и т. п. Иногда в приказах встречаются и данные по переименованиям, но это не дает системной картины, а отдельные упоминания представляют собой скорее исключение.

Таким образом, при отсутствии приказов по основной деятельности вопрос о переименованиях судов является наиболее важным и сложным, поскольку без него биография одного судна разбивается на две или более. В связи с этим можно сформулировать рабочую гипотезу о возможности замены документации по основной деятельности информацией, извлеченной из документации по личному составу: если установить соответствие между судном и имеющимся на нем личным составом, то по перемещению последнего можно судить о перемещениях самого судна.

Анализ. ***Случай последовательного переименования нескольких судов.*** В 1957–1958 гг. Ижевская эксплуатационная контора (ЭК) Удмуртского УМР пополнилась двумя небывало крупными для Ижевска катерами «Россия» и «Юбилейный». В обоих случаях наименование катеров при доставке на Ижевский пруд изменили. Приказы о переименовании отсутствуют.

Катер проекта 287 «Юбилейный» с пассажирской вместимостью 450 чел. доставили в Ижевск специально, чтобы использовать при пиковых нагрузках – во время праздников или выходных дней, когда происходил интенсивный пассажиропоток, в связи с чем он долгое время был самым крупным судном в Ижевске. Поэтому резонно предположить, что выделенная в 1957 г. Отделу по освоению малых рек довольно значительная сумма в 81 тыс. руб. для доставки в Ижевск катера «Мышкин» [8, л. 20] как раз и пошла на будущий «Юбилейный» (то есть «Мышкин» стал «Юбилейным»). Для сравнения: 81 тыс. руб. – это сумма, соответствующая балансовой стоимости катера проекта 792 (тип ПС). Как следует из документа, ее предполагалось затратить только на транспортировку. Вероятно, речь может идти о разборке и последующей сборке катера большого размера, каковым и был «Юбилейный». Таким образом, если «Юбилейный» – это бывший «Мышкин», второй катер, доставленный на пруд под другим именем, должен быть «Россией». Однако это предположение вызывает массу противоречий при сопоставлении с документацией по личному составу из фондов СГА.

С «Юбилейным» – «Мышкиным» картина выстраивается более-менее логичная. 10 сентября 1957 г. на «Мышкин» назначается новый капитан – О.П. Груздин [18, л. 33], понятно, что это могло произойти, когда катер был еще на Каме, что подтверждается приказом от 17 сентября с указанием на его командировку [18, л. 33 об.]. О месте командировки не сообщается, но можно предположить, что это Гольяны или Сарапул. 30 октября очередной приказ гласит: «*На основании приказа начальника отдела по транспортному освоению и эксплуатации малых рек т. Хаминтова от 25.10.57 г. № 39 о немедленной организации работ по транспортировке с р. Камы катера "Мышкино"* (так в документе. – *Н. М.*) *приказываю: назначить на подъем и транспортировку катера следующих людей…* (затем идет список из шести человек. – *Н. М.*)» [18, л. 46]. И далее: «*…осуществить транспортировку катера "Мышкино" в трехдневный срок, т.е. за 1-е, 2-е и 3-е ноября с[его] г[ода]*» [18, л. 46 об.].

Из дальнейших приказов становится ясным, что транспортировка омрачилась серьезной аварией: оказался сильно помят винт, изуродован гребной вал и выбиты его опорные под-

шипники. Приказом № 4 по Ижевской ЭК от 20 января 1958 г. причиной этого признана халатность личного состава, и виновные должны были оплатить изготовление новой валовой группы [18, л. 54 об. – 55]. На этом упоминания о «Мышкине» пропадают, но из информации уже по «Юбилейному» получается, что 28 июля приказом № 94 для вытаскивания катера из воды, находящегося в Гольянах, формируется бригада в составе шести человек во главе с его новым капитаном В.С. Стрелковым. Бригаде надлежало заготовить необходимые бревна и пиломатериал и 30 июля выехать в Гольяны [19, л. 35 – 35 об.]. В итоге «Юбилейный» доставили в Ижевск лишь зимой 1958/59 года.

Упомянутая авария выглядит вполне уважительной причиной для отмены транспортировки и проведения довольно сложного ремонта на Каме, например в Симонихинских мастерских в Сарапуле. Однако в целом картина доставки «Юбилейного» получается вполне логичной, чего не скажешь о процессе доставки «России» в Ижевск, где возникают многочисленные логические нестыковки.

Первое упоминание о «России» в приказах по Ижевской ЭК происходит в приказе № 12 от 1 февраля 1958 г., в соответствии с которым капитан катера В.И. Черепанов входил в комиссию по приему катеров после зимы [19, л. 1]. Это очень странно, поскольку получается, что к 1 февраля катер уже находится в Ижевске. Понятно, что раз «Россия» уже на пруду, то логично предположить, что это ее новое имя и доставка на пруд произведена под каким-то другим именем.

В этой связи стоит обратить внимание на два приказа за ноябрь 1957 года. Приказом № 183 от 1 ноября 1957 г. выводится из эксплуатации для зимнего отстоя катер «Бондюг» [18, л. 44 об.], а 10 ноября другим приказом его капитану В. Волкову предоставлялся очередной отпуск [18, л. 45]. Двойное упоминание названия катера исключает описку. До этого катер с таким наименованием находится на балансе Сарапульской ЭК. В приказе по Ижевской ЭК № 191 от 20 ноября, где назначаются капитаны на все наличные катера, «Бондюг» уже не упомянут [18, л. 46]. Это позволяет предполагать, что в данный период катер уже возвращен на баланс Сарапульской ЭК или переименован.

В фондах СГА имеются ведомости на начисление заработной платы Сарапульской ЭК, где среди прочих судов упоминается и «Бондюг». Из документации Центрального статистического управления известно, что «Бондюг» передали в Сарапул в 1955 г. из состава Молотовского УМР с балансовой стоимостью 97 тыс. руб. [6, л. 25]. Однако в ведомости на передачу катеров из ликвидированной Ижевской ЭК в состав Сарапульского порта за 1962 г. балансовая стоимость «России» указана в 29 870 руб. [1, л. 54]. В 1961 г. в СССР произошла деноминация, так что «старые» 97 тыс. стали соответствовать «новым» 9,7 тыс. рублей. Расхождение суммы почти в три раза. Даже если предположить, что речь идет об остаточной балансовой стоимости, это все равно представляется сомнительным.

С другой стороны, в Ижевской ЭК имелся еще один однотипный «России» катер проекта 543 – «Победа». Судя по зарплатным ведомостям [4], команда «Победы», которая одно время тоже была на балансе Сарапульской ЭК, состояла из шести человек: капитана, механика, помощников капитана и механика и двух матросов. Точно такая же команда числится и у «Бондюга», что может свидетельствовать об его однотипности с «Победой». Однако летом 1957 г., когда «Победу» готовили к транспортировке в Воткинск (там располагался филиал Ижевской ЭК), его команда сокращается всего до двух человек. В отличие от «Победы», летом 1957 г. на «Бондюге» полный штат, но судно пропадает из ведомостей с июля 1957 г. по апрель 1958 г., то есть как раз на период его возможной доставки в Ижевск. В том, что в 1958 г. работникам катера зарплату платят по Сарапульской ЭК, нет ничего странного: команда могла числиться в командировке. В октябре 1958 г. катер упоминается в зарплатных ведомостях в последний раз, после чего пропадет уже навсегда. Логично предположить, что его доставили в Ижевск и, пока личный состав не овладел техникой, в навигации работают прикомандированные из Сарапула работники.

В связи с этим остается сравнить личный состав «Бондюга» и «России». Капитаном «Бондюга» в 1956 г. значится Ф.М. Киселев, в 1957 г. – Ю. Красноперов. В последний раз в зарплатных ведомостях катер с этим капита-

ном упомянут в июле 1957 г., после чего следует перерыв до апреля 1958 г., когда его капитаном уже числится А.П. Казанцев, а с августа и до выбытия катера – Лобанов.

Однако в 1958 г. в команде «России» на Ижевском пруду числятся другие люди. В начале 1958 г. – В.И. Черепанов. В приказе от 15 марта командиром «России» упомянут Ф.Ш. Бигашев [19, л. 7 об.], 5 апреля капитаном назначен П.А. Афонасов [19, л. 10], который упомянут и в приказах летнего периода. На «Бондюге» и «России» также числится разный личный состав, однозначно доказывающий, что это два разных катера. Поэтому выходит, что «Бондюг» на период доставки «Мышкина» передали в распоряжение Ижевской ЭК, в связи с чем он мог даже не покидать Каму и быть поставлен на зимовку, например, в Гольянах.

В приказе по Ижевской ЭК № 191 от 20 ноября назначаются капитаны на все наличные катера [18, л. 46], из новых катеров там лишь «Мышкин». «Бондюг» в приказе вообще не упомянут, что подтверждает предположение о том, что его прикомандировали к Ижевской ЭК лишь временно, до зимней стоянки. Однако, что интересно, в соответствии с этим приказом командиром «Мышкина» назначен Ф.Ш. Бигашев, механиком – Н.Ф. Яковлев. Но это тот же самый личный состав, что звучит в приказе от 15 марта на «России»! Таким образом, получается, что «Мышкин» и «Юбилейный» – разные катера и, соответственно, «Россия» – это бывший «Мышкин».

Предположение о тождественности «России» и «Мышкина» подтверждается приказом № 29 от 15 марта 1958 г., в котором капитану катера «Россия» т. Бигашеву надлежало ночью следить за состоянием катера, поскольку на нем обнаружилось поступление воды в машинном отделении [19, л. 7 об.]. Если при транспортировке на нем повредили дейдвуд, это совсем не удивительно! В дальнейшем из-за поврежденного дейдвуда «Россия» будет испытывать многочисленные проблемы. По свидетельству ветерана Ижевской пристани В.К. Луняшина, в 1964 г. «Россия» просто затонула на месте зимней стоянки. Что касается «Юбилейного», то получается, что его доставили прямо с завода в Гольяны безымянным. А наименование он получил уже будучи в Ижевской ЭК.

Таким образом, анализ серии приказов об одном событии дает возможность реконструировать отсутствующую информацию о переименованиях. Относительно катеров, появившихся в составе Ижевской ЭК зимой 1957/58 г,. можно сделать вывод, что «Мышкин» стал впоследствии «Россией» (а не «Юбилейным», как это интуитивно предполагается), а «Юбилейный» имел это наименование с момента появления на Ижевском пруду. «Бондюг» был лишь временно прикомандирован к Ижевской ЭК на период доставки «Мышкина».

Возможности применения методики в случае одновременного переименования всех судов управления. 8 декабря 1954 г. вышел приказ Главречтранса № 45 «Об упорядочивании учета судов». В соответствии с ним предлагалось суда управлений называть в честь городов. Данный вопрос применительно к Удмуртскому УМР мы рассматривали в работе при анализе зарплатных ведомостей [15]. Для некоторых катеров схема переименования выглядит достаточно логичной: так, «Енисей» стал «Енисейском», «Ярославец» – «Ярославлем» и т. д. В итоге радикальной перемене наименований подверглись не более десятка судов.

Применительно к Молотовскому УМР ситуация более сложная. Все катера в 1954 г. имели номерные обозначения, и в результате выполнения приказа в апреле 1955 г. их переименовали все сразу. Это дает возможность проверить предлагаемую методику «в экстремальных» условиях. В качестве верификации результатов можно использовать отдельные упоминания в тексте приказов, когда в них одновременно фигурируют старые и новые наименования.

Из-за достаточно объемного исследования приведем лишь его результаты, сведенные в таблице 1. Порядок работы был следующий. Сначала из приказа о распределении личного состава № 56 от 30 апреля 1955 г., в котором указаны новые названия судов, были выписаны все команды (см. табл. 1). В случае, если фамилия отсутствовала и потом написана от руки, дается прочерк и фамилия указана курсивом. Если же указанная фамилия вычеркивалась, информация об этом маркировалась как «(зач.)». В случае катера «Оханск» фамилия Н. Сасикова была вписана от руки уже после выхода приказа и потом вычеркнута.

Таблица 1. **Список личного состава катеров Молотовского УМР в соответствии с приказом № 56 от 30 апреля 1955 г.**

Table 1. **List of personnel of the Molotov Small Rivers Department boats in accordance with Order No. 56 of April 30, 1955**

Судно	Должность	Ф. И. О.	Катер предыдущего приказа
«Питер»	Капитан	Климов И.В.	№ 4 (№ 22 от 11.04.1955)
80 л. с.	Пом. капитана	Поляков И.Г.	№ 4 (№ 17 от 28.03.1955)
	Механик	– *Фадюшин Л.М.*	№ 4 (№ 25 от 22.04.1955)
	Пом. механика	Лядов А.И.	№ 4 (№ 21 от 08.04.1955)
	Матрос	Дибров Е.И.	№ 38 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Гилев Н.А.	№ 4 (№ 19 от 04.04.1955)
«Нердва»	Капитан	Лемзяков Н.А.	№ 5 (№ 20 от 05.04.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	Козельков А.И.	№ 5 (№ 13 от 09.03.1955)
	Механик	Хлебников И.А.	№ 5 (№ 24 от 16.04.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Абазов Я.С.	№ 5 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Варин С.И.	№ 5 (№ 19 от 04.04.1955)
«Таман»	Капитан	Ширинкин В.М.	№ 7 (№ 24 от 16.04.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Власов С.И.	№ 7 (№ 12А от 15.01.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Широбоков М.А.	№ 7 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Стряпунин Г.П.	№ 7 (№ 19 от 04.04.1955)
«Пыскор»	Кап.-механик	Клименко И.Г.	№ 10 (№ 11А от 04.03.1955)
90 л. с.	Мех.-капитан	Никифоров А.Д.	№ 10 (№ 21 от 08.04.1955)
	Матрос	Ратышев П.Д.	№ 1 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Бухлов Ю.А.	№ 10 (№ 20 от 05.04.1955)
«Боровск»	Капитан	Шишкин П.В.	№ 11 (№ 15 от 17.03.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Трутнев Н.П.	№ 11 (№ 15 от 17.03.1955)
	Пом. механика	Некрасов А.П.	№ 11 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Лядов В.М.	№ 11 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Трутнев В.И.	№ 11 (№ 20 от 05.04.1955)
«Сива»	Капитан	Пичкалев Ф.Я.	№ 13 (№ 12А от 15.01.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Нефедов С.И.	№ 13 (№ 1 от 02.02.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Сидоркин В.С.	№ 13 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Сасиков Н.Г. (зач.)	№ 13 (№ 20 от 05.04.1955)
«Ветляны»	Капитан	Ермошин П.П.	–
80 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Каменских И.П.	№ 14 (№ 9 от 25.02.1955)
	Пом. механика	Аксенов Е.У.	№ 14 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Субботин Г.П.	№ 14 (№ 17 от 28.03.1955)
	Матрос	Ермошина З.И. (зач.)	№ 14 (№ 9 от 25.02.1955)
«Очер»	Капитан	Санников Л.П.	№ 15 (№ 14 от 16.03.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	Понькин Н.П.	–
	Механик	Тютин П.К.	№ 15 (№ 28 от 26.01.1955)
	Пом. механика	– *Серов В.С.*	–
	Матрос	Гайнулов Ф.	№ 15 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Бородкин А.С.	№ 15 (№ 22 от 11.04.1955)
«Слудка»	Капитан	Печенкин И.Г.	№ 16 (№ 9 от 25.02.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Чернов А.Н.	№ 16 (№ 44 от 11.03.1955)
	Пом. механика	Еговцев С.Г.	№ 16 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Отинов Л.А.	№ 16 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Аксанов С.И.	–

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

Судно	Должность	Ф. И. О.	Катер предыдущего приказа
«Гайны»	Капитан	Никитин В.Н.	–
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Черкашин Л.А.	№ 17 (№ 1 от 02.02.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Вотинов Г.А.	№ 17 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Волков А.П.	№ 17 (№ 24 от 16.04.1955)
«Пентег»	Капитан	Паже Г.А.	№ 18 (№ 27 от 26.01.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Соболев Д.Д.	№ 18 (№ 9 от 25.02.1955)
	Пом. механика	Сотрудинов Х.Г.	№ 18 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Михайлов И.И. (зач.)	№ 18 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Галкин А.А.	№ 18 (№ 20 от 05.04.1955)
«Дивья»	Капитан	Хасанов Р.Ф.	№ 33 (№ 22 от 11.04.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Рожков С.Н.	№ 23 (№ 44 от 11.03.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Стрелков Б.С.	№ 23 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Гребенкин В.П.	№ 23 (№ 22 от 11.04.1955)
«Нытва»	Капитан	Тараканов А.М.	–
90 л. с.	Пом. капитана	Подвинцев А.Е. (зач.)	–
	Механик	Смирнов В.С.	№ 25 (№ 22 от 11.04.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Шардин Ю.И.	–
	Матрос	*– Жупанов А.М.*	–
«Оханск»	Капитан	Белозеров	–
90 л. с.	Пом. капитана	Афоничкин	–
	Механик	Лядов В.Н.	№ 26 (№ 15 от 17.03.1955)
	Пом. механика	– Матвеев Ю.И.	–
	Матрос	Шардин В.И.	№ 26 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	*– Сасиков Н. (зач.)*	№ 13 (№ 20 от 05.04.1955)
«Буй»	Капитан	Филиппов И.А.	№ 27 (№ 4 от 10.02.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Плотников Н.Г.	№ 27 (№ 13 от 09.03.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Некрасов В.П.	№ 27 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	*– Чапкасов А.Ф.*	№ 27 (№ 24 от 16.04.1955)
«Бондюг»	Капитан	Шкаликов	–
90 л. с.	Пом. капитана	Кашин	–
	Механик	Зуев В.В.	№17 (№ 11 от 03.03.1955)
	Пом. механика	*– Пупышев В.Г.*	–
	Матрос	Перевощиков Ю.П.	№ 29 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Гладышев Е.Н.	–
«Насадка»	Капитан	Боровиков Г.С.	№ 30 (№ 44 от 11.03.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Выломов С.Н.	№ 40 (№ 22 от 11.04.1955)
	Пом. механика	Рогозин А.М. (зач.)	№ 30 (№ 44 от 11.03.1955)
	Матрос	Руткин А.Ю.	№ 30 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Перевозчиков В.В.	–
«Кунгур»	Капитан	Спешилов И.А.	№ 31 (№ 15 от 17.01.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	Сибиряков Н.Я.	№ 31 (№ 44 от 11.03.1955)
	Механик	Ошвинцев В.В.	№ 31 (№ 44 от 11.03.1955)
	Пом. механика	Данилов Ю.П.	№ 31 (№ 12А от 15.01.1955)
	Матрос	Сыстеров Н.В.	№ 31 (№ 19 от 14.04.1955)
	Матрос	Штейников В.Н.	№ 31 (№ 17 от 28.03.1955)

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

Судно	Должность	Ф. И. О.	Катер предыдущего приказа
«Талица»	Капитан	Поспелов П.Н.	№ 32 (№ 22 от 11.04.1955)
90 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Баталов И.П.	№ 32 (№ 22 от 11.04.1955)
	Пом. механика	Баранов О.П. (зач.)	№ 32 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Жуланов А.М.	№ 32 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	– *Макаров*	–
«Ашап»	Капитан	Бухалов Н.А.	№ 33 (№ 19 от 04.04.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	Бухалов Ю.Н.	№ 33 (№ 25 от 22.04.1955)
	Механик	Веснин В.А.	№ 33 (№ 12А от 15.01.1955)
	Пом. механика	– *Баранов О.П.*	–
	Матрос	Воронин Б.П.	№ 33 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Садилов И.В.	№ 25 (№ 19 от 04.04.1955)
«Посад»	Капитан	Кокшаров И.М.	№ 34 (№ 17 от 28.03.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Медведев С.И.	–
	Пом. механика	Кайгародов В.И.	№ 34 (№ 12 от 15.01.1955)
	Матрос	Ракшин В.П.	№ 34 (№ 20 от 05.04.1955)
	Матрос	Геттих В.Х.	№ 34 (№ 19 от 04.04.1955)
«Серьга»	Капитан	Филиновский Е.И.	№ 35 (№ 44 от 11.03.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Потравных В.Д.	№ 35 (№ 23 от 15.04.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Кадычагов В.И.	№ 35 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Попов Е.Н.	–
«Суксун»	Капитан	–	–
150 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Милованов И.Г.	–
	Пом. механика	–	–
	Матрос	Костарев Г.Н. (зач.)	№ 36 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	–	–
«Чад»	Капитан	Нечаев М.П.	№ 37 (№ 21 от 08.04.1955)
80 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Тараканов Г.А.	№ 37 (№ 1 от 02.02.1955)
	Пом. механика	Гловатских А.Ф.	№ 37 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Сесюнин И.	№ 23 (№ 5 от 11.02.1955)
	Матрос	Баранов И.И.	№ 37 (№ 19 от 04.04.1955)
«Бисер»	Капитан	Ромашев П.И.	№ 38 (№ 9 от 25.02.1955)
80 л. с.	Пом. капитана	–	–
	Механик	Лепешкин Н.А.	№ 38 (№ 44 от 11.03.1955)
	Пом. механика	Климов Г.Н.	№ 38 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Куликов В.В.	№ 38 (№ 18 от 31.03.1955)
	Матрос	Наборщиков М.	–
«Ныроб»	Капитан	Казымов Е.Д.	№ 39 (№ 44 от 11.03.1955)
80 л. с.	Пом. капитана	Килунин В.М.	№ 39 (№44 от 11.03.1955)
	Механик	Ваулин К.В.	№ 39 (№ 15 от 17.01.1955)
	Пом. механика	Стрелков Е.П.	–
	Матрос	Ерыкалов А.И.	№ 39 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Мальков В.Я.	№ 39 (№ 22 от 11.04.1955)
«Чусовой»	Капитан	Лядов М.И.	№ 40 (№ 17 от 28.03.1955)
150 л. с.	Пом. капитана	Тишинский В.А.	–
	Механик	Симонов А.Г.	–
	Пом. механика	– *Баталов*	–
	Матрос	Костарев Г.А.	№ 40 (№ 19 от 04.04.1955)
	Матрос	Смирнов И.М.	№ 40 (№ 25 от 22.04.1955)

Окончание таблицы 1

End of Table 1

Судно	Должность	Ф. И. О.	Катер предыдущего приказа
Газоход «Елец» 60 л. с.	Капитан	Еремеев П.А.	ТХ № 1 (№ 1 от 03.01.1955)
	Пом. капитана	Шумилов М.И.	–
	Механик	Веснин В.Н.	ТХ № 1 (№ 2 от 03.02.1955)
	Пом. механика	Митрошин Н.Т.	ТХ № 1 (№ 2 от 03.02.1955)
	Матрос	Веснина Н.М.	ТХ № 1 (№ 4 от 10.02.1955)
	Матрос	Акаева Н.Е.	–
Газоход «Ельник» 60 л. с.	Капитан	Кетов Ф.Ф.	ТХ № 5 (№ 11 от 03.03.1955)
	Пом. капитана	–	–
	Механик	Горшков В.Ф.	ТХ № 5 (№ 1 от 03.01.1955)
	Пом. механика	Ермаков Д.И.	ТХ № 5 (№ 5 от 11.02.1955)
	Матрос	Кетова Т.В.	ТХ № 5 (№ 16 от 22.03.1955)
	Матрос	Горшкова В.А.	ТХ № 5 (№ 9 от 25.02.1955)
ГК-601 60 грт.	Капитан	Преснов В.П.	СБ № 1 (№ 22 от 11.04.1955)
	Пом. капитана	*– Кашин А.А.*	–
	Механик	Казаков Г.И.	СБ № 1 (№ 12А от 15.01.1955)
	Пом. механика	*– Бессов Т.А.*	–
	Матрос	Алексеев В.И.	СБ № 1 (№ 22 от 11.04.1955)
	Матрос	Ахметзянов Г.	СБ № 1 (№ 22 от 11.04.1955)
ГК-602 60 грт.	Капитан	Козырев Ю.Ф.	СБ № 2 (№ 28 от 26.01.1955)
	Пом. капитана	Щицын М.А.	–
	Механик	Рожков Н.С.	СБ № 2 (№ 22 от 11.04.1955)
	Пом. механика	–	–
	Матрос	*– Вешкуров Ю.И.*	–
	Матрос	–	–
Полуглиссер № 24	Механик	Григорьев С.С.	№ 29 (№ 28 от 26.01.1955)

Примечание. Источник: [20, л. 46–54]. В таблице используются следующие обозначения: ТХ – теплоход; СБ – самоходная баржа.

Note. Source: [20, l. 46-54]. The following designations are used in the table: ТХ – motor ship; СБ – self-propelled barge.

После этого при просмотре приказов в обратном хронологическом порядке от приказа № 56 выписывались первые упоминания о членах команд (наиболее близкие к моменту переименования) с указанием старого номера катера, а также номера и даты приказа [19; 20] (см. табл. 1).

У катера «Пыскор» все члены команды значатся на катере № 10, кроме П.Д. Ратышева, у которого в приказе написано «катер № 1», но поскольку катер с этим номером был списан управлением в 1949 г., можно предположить, что это банальная описка и следует читать № 10, означающее, что все члены команды числятся на катере № 10. Катер «Суксун» укомплектован всего одним механиком и матросом, при чем последний в приказе зачеркнут. Можно подумать, что судно находится на долгосрочном ремонте. Однако в приказе № 13 от 4 марта 1955 г. из состава управления были уволены капитан катера № 36 Т.М. Бурдин и матрос того же катера В.В. Бурдина, так что новую команду для судна просто не удалось собрать к началу навигации. Этот факт подтверждается еще и тем, что по приказу № 3 от 7 февраля 1955 г. механиком судна числится И.М. Макарченко. Очевидно, его перевели на другие работы, поставив на вакантное место нового человека (И.Г. Милованова), который впервые упоминается в приказе № 56.

Тем не менее, несмотря на отдельные флуктуации, старый номер катеров устанавливается достаточно надежно, за исключением катера «Бондюг». В его новой команде один с бывшего катера № 17 и один с № 29. Но в данном случае, скорее всего, верно последнее. Что касается полуглиссера, то он свой номер сохранил, и тот факт, что на нем работает механик, упоминавшийся в составе ко-

манды катера № 29, лишь подтверждает, что № 29 – это катер «Бондюг».

Соответствия старых номеров и новых наименований сведены в таблице 2. В нее же дополнительно внесены все упоминания о двойных старых и новых названиях с указанием даты и номера приказа, где это произошло [19–23]. Чаще всего дублирование дается в форме типа «№ 4 Питер».

Совпадения в таблице 2 доказывают работоспособность предлагаемой методики. Также видно, что в приказе № 56 катера указаны в порядке возрастания их бывшего номера. Это дает возможность провести реконструкцию приказа о перенумерации барж. Результаты формального применения методики сведены в таблице 3. Исходя только из этого, сделать какие-то обоснованные заключения о схеме переименования сложно. Основная причина – более низкая квалификация шкипера и матроса баржи по сравнению с командой катера (кроме матросов), как следствие – более низкая зарплата и вызванная этим текучесть кадров.

Тем не менее определенные заключения можно сделать, учитывая, что, скорее всего, суда расположены также в порядке возрастания их старых номеров. Аббревиатура БД означает «баржа деревянная», а БС – «баржа стальная». Как видно, список идет в порядке возрастания с БД-5 до БД-37 и при этом старые и новые номера совпадают. Исключения в виде БД-19 и БД-36, вероятно, объясняются текучкой кадров.

В аналогичном приказе о распределении команд при начале навигации за прошлый, 1954 г. все несамоходные суда расположены, как и самоходные, в порядке увеличения номеров. Это же подтверждается данными по судам предыдущего приказа.

Поскольку нумерация барж велась в Молотовском УМР с момента его возникновения, к 1955 г. часть барж оказалась списанной, и в общей нумерации получились пробелы. В связи с этим, очевидно, одна задач перенумерации как раз и состояла в заполнении лакун в номерах.

Таблица 2. **Список катеров, номера которых упоминаются в приказах**

Table 2. **List of boats whose numbers are mentioned in the orders**

Название	Номер из таблицы 1	Номер из приказа	Приказ
«Питер»	№ 4	№ 4	№ 56 от 30.04.1955
«Нердва»	№ 5	№ 5	№ 56 от 30.04.1955
«Таман»	№ 7	№ 7	№ 56 от 30.04.1955
«Пыскор»	№ 10	№ 10	№ 56 от 30.04.1955
«Боровск»	№ 11	№ 11	№ 46 от 01.06.1955
«Сива»	№ 13	–	–
«Ветляны»	№ 14	–	–
«Очер»	№ 15	–	–
«Слудка»	№ 16	–	–
«Гайны»	№ 17	–	–
«Пентег»	№ 18	–	–
«Дивья»	№ 23	№ 23	№ 47 от 02.06.1955
«Нытва»	№ 25	–	–
«Оханск»	№ 26	–	–
«Буй»	№ 27	№ 27	№ 40 от 12.04.1954
«Бондюг»	№ 29	–	–
«Насадка»	№ 30	–	–
«Кунгур»	№ 31	–	–
«Талица»	№ 32	№ 32	№ 36 от 30.05.1955
«Ашап»	№ 33	–	–
«Посад»	№ 34	№ 34	№ 41А от 21.05.1955
«Серьга»	№ 35	–	–
«Суксун»	№ 36	№ 36	№ 41А от 21.05.1955
«Чад»	№ 37	–	–
«Бисер»	№ 38	–	–
«Ныроб»	№ 39	№ 39	№ 51 от 07.06.1955
«Чусовой»	№ 40	№ 40	№ 47 от 02.06.1955

Таблица 3. **Список личного состава несамоходного флота Молотовского УМР в соответствии с приказом № 56 от 30 апреля 1955 г.**

Table 3. **List of personnel of the Molotov Small Rivers Department non-self-propelled fleet in accordance with Order No. 56 of April 30, 1955**

Судно	Должность	Ф. И. О.	Судно предыдущего приказа
БД-5	Шкипер	Булдаков Д. (зач.)	–
100 грт.	Матрос	Булдакова К. (зач.)	–
БД-6	Шкипер	Баров Г.М.	–
100 грт.	Матрос	Барова Н.В.	–
БД-7	Шкипер	Лялько В.Н. (зач.)	№ 7 (№ 13 от 09.03.1955)
40 грт.	Матрос	Мудрик Л.П. (зач.)	–
БД-8	Шкипер	–	–
40 грт.	Матрос	–	–
БД-9	Шкипер	Сивков Н.Г.	–
40 грт.	Матрос	–	–
БД-13	Шкипер	Баландин В.И.	№ 13 (№ 17 от 28.03.1955)
Дебаркадер	Матрос	–	–
БД-14	Шкипер	Бузмаков А.И. (зач.)	–
35 грт.	Матрос	–	–
БД-15	Шкипер	Ганцев А.А.	№ 15 (№ 50 от 23.04.1955)
86 грт.	Матрос	Ганцева Н.И.	№ 15 (№ 17 от 28.03.1955)
БД-16	Шкипер	– *Шатров*	–
? грт.	Матрос	– *Шатрова*	–
БД-17	Шкипер	Беляев А.И.	№ 17 (№ 50 от 23.04.1955)
80 грт.	Матрос	Беляева Р.Г.	–
БД-18	Шкипер	Шемина М.	–
80 грт.	Матрос	Боровкова М.В.	–
БД-19	Шкипер	Аликина Е.Д.	№ 35 (№ 12 от 15.01.1955)
80 грт.	Матрос	– *Галкин А.Ф.*	–
БД-20	Шкипер	Паньков Н.Я.	№ 20 (№ 24 от 16.04.1955)
80 грт.	Матрос	Панькова А.И.	–
БД-21	Шкипер	Долганов С.И.	№ 21 (№ 50 от 23.04.1955)
80 грт.	Матрос	Долганова Е.Р.	–
БД-22	Шкипер	Порошин Д.Д.	№ 22 (№ 8 от 10.01.1955)
80 грт.	Матрос	Боброва Е.Я.	№ 22 (№ 23 от 15.04.1955)
БД-23	Шкипер	Костарев И.С.	№ 23 (№ 18 от 31.03.1955)
80 грт.	Матрос	Костарева А.И.	№ 23 (№ 18 от 31.03.1955)
БД-24	Шкипер	Токарев И.С.	№ 24 (№ 20 от 05.04.1955)
80 грт.	Матрос	Корлякова А.П.	№ 24 (№ 24 от 16.04.1955)
БД-28	Шкипер	Марьина А.М. (зач.)	№ 28 (№ 24 от 16.04.1955)
32 грт.	Матрос	–	–
БД-29	Шкипер	– *Безматерных*	–
32 грт.	Матрос	–	–
БД-30	Шкипер	Попов В.П. (зач.)	–
85 грт.	Матрос	Попова А.А.	№ 30 (№ 28 от 26.01.1955)
БД-31	Шкипер	Соболев С.П. (зач.)	Без № (№ 17 от 28.03.1955)
85 грт.	Матрос	Соболева А.И. (зач.)	Без № (№ 17 от 28.03.1955)
БД-32	Шкипер	Ямщиков А.Т.	№ 32 (№ 24 от 16.04.1955)
85 грт.	Матрос	Ямщикова Н.А.	№ 32 (№ 26 от 25.04.1955)
БД-33	Шкипер	Поспелов М.М.	№ 33 (№ 6 от 06.01.1955)
85 грт.	Матрос	Злыднева Н.П.	№ 33 (№ 11 от 03.03.1955)
БД-34	Шкипер	Никитин Г.В. (зач.)	№ 34 (№ 50 от 23.04.1955)
85 грт.	Матрос	Никитина Н.Я. (зач.)	–
БД-36	Шкипер	Ястребова Л.А.	№ 29 (№ 2 от 05.01.1955)
250 грт.	Матрос	Плешков В.Г.	–
БД-37	Шкипер	Сергеев К.И.	№ 37 (№ 24 от 16.04.1955)
85 грт.	Матрос	Конина А.М.	–

Окончание таблицы 3
End of Table 3

Судно	Должность	Ф. И. О.	Судно предыдущего приказа
БД-27	Шкипер	Нечаев И.П.	–
85 грт.	Матрос	Редькина М.И.	–
БД-13	Шкипер	Бояршинов Д.С.	№ 39 (№ 50 от 23.04.1955)
100 грт.	Матрос	Бояршинов А.А.	№ 39 (№ 13 от 09.03.1955)
БД-10	Шкипер	Кузнецова М.П.	№ 40 (№ 28 от 26.01.1955)
90 грт.	Матрос	–	–
БД-11	Шкипер	Зотов В.И.	№ 41 (№ 12 от 15.01.1955)
90 грт.	Матрос	Зотова К.Д.	№ 41 (№ 12 от 15.01.1955)
БД-12	Шкипер	Емельянова В.И.	№ 42 (№ 24 от 16.04.1955)
90 грт.	Матрос	Беляева П.Р.	№ 42 (№ 26 от 25.04.1955)
БД-25	Шкипер	Шатров П.И. (зач.)	№ 53 (№ 2 от 05.01.1955)
50 грт.	Матрос	Шатрова Е.В. (зач.)	–
БД-26	Шкипер	Пермяков Г.Д.	№ 54 (№ 3 от 07.02.1955)
130 грт.	Матрос	Пермякова Е.Я.	–
БС-3	Шкипер	–	–
40 грт.	Матрос	–	–
БС-4	Шкипер	Лапшин В.Я.	№ 45 (№ 17 от 28.03.1955)
40 грт.	Матрос	–	–
БД-35	Шкипер	Мутовкин Г.М.	Паром № 1 (№ 17 от 28.03.1955)
Паром № 1	Матрос	Мутовкина Е.В.	Паром № 1 (№ 17 от 28.03.1955)

Примечание. Источник: [20, л. 46–54].

Старая баржа № 13 упоминается в приказе как БД-13, но этот номер корректируется на «Дебаркадер», у которого дописан номер БР-1. В связи с этим возникает первая лакуна из четырех номеров с БД-10 по БД-13. Как видно из таблицы 3, ее заместили бывшие баржи № 39–42. При этом № 39 стала БД-13, а остальные БД-10, БД-11 и БД-12 соответственно.

Вторая лакуна из трех номеров возникла в интервале БД-25, БД-26 и БД-27. Первые два номера получили бывшие баржи № 53 и 54, на этом наличные несамоходные суда закончились. Возможно, оставшийся БД-27 был взят с учетом перспективы получения новых судов.

Что касается стальных барж БС-3 и БС-4, то, судя по приказам, они были получены в 1954 г. и имели № 45 и № 46. В традиционном весеннем приказе 1954 г. о назначении личного состава на суда наибольший номер барж был № 42, не считая № 53 и 54 [10, л. 184]. И имеется приказ № 44 от 9 июля 1954 г., в соответствии с которым «*обязанности шкиперов барж № 45, 46 по совместительству на т. Клименко И.Г. и т. Никифоров А.Д. отменить*» [9, л. 20]. Должность шкипера по совместительству можно исполнять лишь на период транспортировки самой баржи. В данном случае, вероятно, с завода-строителя. Приказом № 453 от 13 июля 1954 г. на баржу № 46 назначался шкипером В.Я. Лапшин, которому надлежало принять ее «*со всем имуществом и инвентарем… по акту от начальника суд[оремонтных] мастерских*» [9, л. 28]. Это также подтверждает, что судно проходит небольшой ремонт после доставки с завода. Больше новых барж в управлении в этом году не принималось.

Таким образом, можно заключить, что и для несамоходных судов текст приказа о перенумерации реконструируется также достаточно уверенно.

Результаты. Гипотезу о возможности отслеживания перемещений судов по информации о личном составе можно считать доказанной, и, таким образом, документация по личному составу представляет собой ценный исторический источник, к сожалению имеющий ограничение для свободного пользования из-за закона о защите персональных данных. Его применение дает возможность реконструировать текст отсутствующей документации по основной деятельности, в частности приказов о переименовании судов.

На примере Удмуртского УМР удалось показать биографию судов, принятых в 1957–

1958 гг.: катер «Мышкин» стал «Россией», а «Юбилейный» прибыл в Ижевск безымянным. Интуитивно понятная схема переименований на деле оказалась ложной. На примере судов Молотовского УМР удалось реконструировать информацию из приказа о переименовании всего флота управления в апреле 1955 года. Верификация, проведенная по отдельным эклектичным упоминаниям о переименовании в приказах по личному составу, продемонстрировала хорошее совпадение с результатами реконструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты и материалы передачи э[ксплуатационных] / контор речного транспорта из ведения Управления речного транспорта при СМ УАССР в ведение Минкомхоза УАССР 1 апреля 1962 г. // Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. 102 л.
2. Алексушин Г. В. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий» : дис. … канд. ист. наук. Самара, 1995. 281 с.
3. Бережной С. С. и др. Корабли и вспомогательные суда советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.). М.: Воениздат, 1981. 589 с.
4. Ведомости начисления заработной платы рабочим и служащим флота малых рек УАССР за 1954–1962 годы // Управление по делам архивов администрации города Сарапула (далее – СГА). Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 27. 401 л.
5. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1872. 799 с.
6. Годовой отчет отдела речного транспорта при СМ УдАССР // ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3847. 30 л.
7. Гоманенко О. А. Волжская водная коммуникация в дни Сталинградского сражения // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 21–29.
8. Дело по годовому отчету за 1957 г. Отдела речного транспорта // ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 5057. 21 л.
9. Книга приказов за 1954 год с 3.VII-54 по 31.XII-54 эксплуатационной конторы // Архив города Перми (далее – АГП). Ф. 960. Оп. 1. Д. 43. 300 л.
10. Книга приказов за 1954 год, начиная с 4 января, кончая 23 июня эксплуатационной конторы // АГП. Ф. 960. Оп. 1. Д. 42. 362 л.
11. Лорд У. Последняя ночь «Титаника». Л.: Судостроение, 1986. 104 с.
12. Митюков Н. В. Воткинские катера на Хопре // History and Historians in the Context of the Time. 2019. № 17 (1). С. 9–19. DOI: 10.13187/hhct.2019.1.9
13. Митюков Н. В. Морские и речные регистры как исторический источник // Былые годы. 2016. № 2 (40). С. 469–478.
14. Митюков Н. В., Баутина С. Л. Реконструкция судового состава по статистическим отчетам // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi04
15. Митюков Н. В., Тощевикова Н. В. Зарплатные ведомости как источник для реконструкции судовых биографий на примере Сарапульской эксплуатационной конторы 1954–1962 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 224–240. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.18
16. Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воен. изд-во, 1948. 576 с.
17. Павлов А. С. Волга. Пароходы 1815–1918 гг. Якутск: Тип. им. Ю.А. Гагарина, 2023. 252 с.
18. Приказы начальника Ижевской эксплуатационной конторы «Удмуртречтранса» по личному составу (27.04.57–20.01.58) // СГА. Ф. Р-82. Оп. 2 б. Д. 36. 56 л.
19. Приказы начальника Ижевской эксплуатационной конторы «Удмуртречтранса» по личному составу (1.02.58–6.09.58) // СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 39. 47 л.
20. Приказы начальника Молотовского эксплуатационного участка по личному составу. 02.02.55–25.04.55 // АГП. Ф. 960. Оп. 1. Д. 47. 46 л.
21. Приказы начальника управления по личному составу 10.01.55–07.12.55 // АГП. Ф. 960. Оп. 1. Д. 45. 57 л.
22. Приказы начальника эксплуатационного участка У[правления] Р[ечного] Т[ранспорта] по личному составу (03.01.1955–13.07.1955) // АГП. Ф. 960. Оп. 1. Д. 46. 57 л.
23. Приказы начальника эксплуатационного участка упр[авления] речного транспорта по личному составу 1955 год. 29.04.55–31.12.55 // АГП. Ф. 960. Оп. 1. Д. 48. 274 л.
24. Селюнина Н. В. Водный транспорт юга России в 1941–1945 гг. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 2004. 236 с.

REFERENCES

1. Akty i materialy peredachi ekspluatatsionnykh / kontor rechnogo transporta iz vedeniya Upravleniya rechnogo transporta pri SM UASSR v vedenie Minkomkhoza UASSR 1 aprelya 1962 g. [Acts and Materials on the Transfer of River Transport Operating Offices from the Jurisdiction of the River Transport Directorate Under the Council of Ministers of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic to the Jurisdiction of the Ministry of Public Utilities of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic on April 1, 1962]. *Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Udmurtskoy Respubliki* (hereinafter – TsGA UR) [Central State Archives of the Udmurt Republic], f. R-905, inv. 1, d. 778. 102 l.

2. Aleksushin G.V. *Parokhodnoe obshchestvo «Kavkaz i Merkurii»: dis. ... kand. ist. nauk* [Shipping Company "Caucasus and Mercury". Cand. hist. sci. diss.]. Samara, 1995. 281 p.

3. Berezhnoi S.S. et al. *Korabli i vspomogatelnye suda sovetskogo Voenno-morskogo flota (1917–1927 gg.)* [Ships and Auxiliary Vessels of the Soviet Navy (1917–1927)]. Moscow, Voenizdat, 1981. 589 p.

4. Vedomosti nachislenia zarabotnoi platy rabochim i sluzhashchim flota malykh rek UASSR za 1954–1962 gody [Payroll Sheets for Workers and Employees of the Small River Fleet of the Udmurt ASSR, 1954–1962]. *Upravleniye po delam arkhivov administratsii goroda Sarapula* (hereinafter – SGA) [Archives Department of the Sarapul City Administration], f. R-82, inv. 2b, d. 27. 401 l.

5. Veselago F.F. *Spisok russkikh voennykh sudov s 1668 po 1860 god* [List of Russian Military Ships from 1668 to 1860]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1872. 799 p.

6. Godovoi otchet otdela rechnogo transporta pri SM UdASSR [Annual Report of the River Transport Department Under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR]. *TsGA UR* [Central State Archives of the Udmurt Republic], f. R-845. inv. 4, d. 3847. 30 l.

7. Gomanenko O.A. Volzhskaya vodnaya kommunikatsiya v dni Stalingradskogo srazheniya [Volga Waterway Communication During the Battle of Stalingrad]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2019, no. 1 (41), pp. 21-29.

8. Delo po godovomu otchetu za 1957 g. Otdela rechnogo transporta [File on the Annual Report for 1957 of the River Transport Department]. *TsGA UR* [Central State Archives of the Udmurt Republic], f. R-845, inv. 4, d. 5057. 21 l.

9. Kniga prikazov za 1954 god s 3.VII-54 po 31.XII-54 ekspluatatsionnoi kontory [Book of Orders for 1954 from 3.VII-54 to 31.XII-54 of the Operational Office]. *Arkhiv goroda Permi* (hereinafter – AGP) [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 43. 300 l.

10. Kniga prikazov za 1954 god, nachinaya s 4 yanvarya, konchaya 23 iyunya ekspluatatsionnoi kontory [Book of Orders for 1954, Starting from January 4, Ending on June 23 of the Operational Office]. *AGP* [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 42. 362 l.

11. Lord W. *Poslednyaa noch «Titanika»* [The Last Night of the Titanic]. Leningrad, Sudostroyenie Publ., 1986. 104 p.

12. Mitiukov N.W. Votkinskiye katera na Khopre [Votkinsk-Built Boats on Khoper]. *History and Historians in the Context of the Time*, 2019, no. 17 (1), pp. 9-19. DOI: 10.13187/hhct.2019.1.9

13. Mitiukov N.W. Morskie i rechnye registry kak istoricheskiy istochnik [Sea and River Registers as a Historical Source]. *Bylye gody*, 2016, no. 2, pp. 469-478.

14. Mitiukov N.W., Bautina S.L. Rekonstruktsiya sudovogo sostava po statisticheskim otchetam [Reconstruction of the Ship Composition Based on Statistical Reports]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 2, pp. 51-65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi04

15. Mitiukov N.W., Toshchevikova N.V. Zarplatnye vedomosti kak istochnik dlya rekonstruktsii sudovykh biografiy na primere Sarapul'skoi ekspluatatsionnoi kontory 1954–1962 godov [Payrolls as a Source for the Reconstruction of Ship Biographies on the Example of the Sarapul Operating Office 1954–1962]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 224-240. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.18

16. Moiseev S.P. *Spisok korabley russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 g.)* [List of Ships of the Russian Steam and Armored Fleet (From 1861 to 1917)]. Moscow, Voen. izd-vo, 1948. 576 p.

17. Pavlov A.S. *Volga. Parokhody 1815–1918 gg*. [Volga. Steamships of 1815–1918]. Yakutsk, Tip. im. Yu.A. Gagarina, 2023. 252 p.

18. Prikazy nachalnika Izhevskoy ekspluatatsionnoy kontory «Udmurtrechtransa» po lichnomu sostavu (27.04.57–20.01.58) [Orders of the Chief of the Izhevsk Operational Office of Udmurtrechtrans on Personnel (27.04.57–20.01.58)]. *SGA* [Archives Department of the Sarapul City Administration], f. R-82, inv. 2 b, d. 36. 56 l.

19. Prikazy nachalnika Izhevskoy ekspluatatsionnoy kontory «Udmurtrechtransa» po lichnomu sostavu (1.02.58–6.09.58) [Orders of the Chief of the Izhevsk Operational Office of Udmurtrechtrans on Personnel (1.02.58–6.09.58)]. *SGA* [Archives Department of the Sarapul City Administration], f. R-82, inv. 2b, d. 39. 47 l.

20. Prikazy nachalnika Molotovskogo ekspluatatsionnogo uchastka po lichnomu sostavu. 02.02.55–25.04.55 [Orders of the Chief of the Molotov's Operational Section on personnel. 02.02.55–25.04.55]. *AGP* [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 47. 46 l.

21. Prikazy nachalnika upravleniya po lichnomu sostavu 10.01.55–07.12.55 [Orders of the Head of the Personnel Department 10.01.55–07.12.55]. *AGP* [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 45. 57 l.

22. Prikazy nachalnika ekspluatatsionnogo uchastka Upravleniya Rechnogo Transporta po lichnomu sostavu (03.01.1955–13.07.1955) [Orders of the Head of the Operational Section of the River Transport Department on Personnel (03.01.1955–13.07.1955)]. *AGP* [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 46. 57 l.

23. Prikazy nachalnika ekspluatatsionnogo uchastka upravleniya rechnogo transporta po lichnomu sostavu 1955 god. 29.04.55–31.12.55 [Orders of the Head of the Operational Section of the River Transport Department on Personnel 1955. 29.04.55–31.12.55]. *AGP* [Perm City Archive], f. 960, inv. 1, d. 48. 274 l.

24. Selyunina N.V. *Vodny transport yuga Rossii v 1941–1945 gg.* [Water Transport in the South of Russia in 1941–1945]. Rostov-on-Don, Rost. kn. izd-vo, 2004. 236 p.

Information About the Author

Nicholas W. Mitiukov, Doctor of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mechanics, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, T. Baramzinoy St, 34, 426067 Izhevsk, Russian Federation, Nico02@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

Информация об авторе

Николай Витальевич Митюков, доктор технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт механики, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, 426067 г. Ижевск, Российская Федерация, Nico02@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0968-9353

www.volsu.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.5

UDC 94(470.62)«1921/1927»
LBC 63.3(2Рос-4Кра)

Submitted: 04.09.2025
Accepted: 12.02.2026

POLICY IN RELATION TO DISPERSED ETHNIC MINORITIES IN 1921–1927 (BASED ON MATERIALS FROM KUBAN AND THE BLACK SEA REGION)

Andrey V. Baranov
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Valery V. Kasyanov
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The national policy of the 1920s in relation to dispersed ethnic groups is of interest for understanding the historical context of the management of interethnic relations. The topic has not been sufficiently studied in the territories of Kuban and the Black Sea region, which are multiethnic, densely populated regions subject to mass migration. The authors of the article seek to identify the regional conditions and features of the implementation of the national policy of the 1921–1927 in relation to the dispersed ethnic minorities of Kuban and the Black Sea region. *Methods and materials.* The theoretical basis of the research is the constructivist approach, historical-system, and historical-comparative methods. *Analysis and results.* The regional conditions for the implementation of the national policy of the 1920s in relation to the dispersed ethnic minorities of the Kuban and Black Sea region have been established: the borderline location of ethnic areas; the influence of diasporas on the social activity of ethnic minorities; the increased level of international and interregional migration; the dominance of the rural type of residence and agricultural occupations; and significant differences in interethnic interactions in the regions of the region. The specifics of the implementation of the national policy of the 1920s in the Kuban and the Black Sea region consisted of the slow creation of national sections under the Soviets and party committees of the Communist Party, the conflict between the tendencies of government bodies to rely on the working people as a whole and the poor strata of a multiethnic society. The strategy of korenizatsiia realized in interrelated aspects: personnel policy, the elimination of illiteracy, raising the status of ethnic minority languages, and land reform. The authors argue that the Soviet national policy of the 1921–1927 period in relation to dispersed ethnic minorities involved the creation of local autonomies (the cantonization strategy). In Kuban and the Black Sea region, a territorial variant of local autonomy applied to Armenians, Greeks, Germans, and Shapsugs. Extraterritorial autonomy realized in relation to other peoples. *Authors' contribution.* A.V. Baranov has provided research conceptualization, methodology development, source text writing, and final conclusions. V.V. Kasyanov has participated in the development of curricula and their implementation, the collection and interpretation of archival materials, the follow-on revision of the text, and final conclusions. *Funding.* The research was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and at the expense of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/

Key words: national policy, 1921–1927, dispersed ethnic minorities, Kuban, Black Sea region.

Citation. Baranov A.V., Kasyanov V.V. Policy in Relation to Dispersed Ethnic Minorities in 1921–1927 (Based on Materials from Kuban and the Black Sea Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 58-71. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.5

© Baranov A.V., Kasyanov V.V., 2026

УДК 94(470.62)«1921/1927»
ББК 63.3(2Рос-4Кра)

Дата поступления статьи: 04.09.2025
Дата принятия статьи: 12.02.2026

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДИСПЕРСНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В 1921–1927 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ)

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Валерий Васильевич Касьянов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Национальная политика 1920-х гг. в отношении дисперсных народов представляет интерес для понимания исторического контекста управления межэтническими отношениями. Тема недостаточно исследована на материалах Кубани и Черноморья – полиэтничных густозаселенных регионов, подверженных массовым миграциям. Авторы статьи стремятся выявить региональные условия и особенности реализации национальной политики в 1921–1927 гг. в отношении дисперсных этнических меньшинств Кубани и Черноморья. *Методы.* Теоретической основой исследования выбраны конструктивистский подход, историко-системный и историко-компаративный методы. *Анализ и результаты.* Установлены региональные условия реализации национальной политики 1920-х гг. в отношении дисперсных этнических меньшинств Кубани и Черноморья: пограничное размещение этнических ареалов; влияние диаспор на общественную активность этнических меньшинств; повышенный уровень международной и межрегиональной миграции; доминирование сельского типа проживания и аграрных занятий; значительные различия межэтнических взаимодействий в местностях региона. Особенности реализации национальной политики на Кубани и в Черноморье состояли в замедленном создании национальных секций при советах и партийных комитетах РКП(б), конфликте между тенденциями опоры органов власти на трудящихся в целом и малоимущие слои полиэтничного общества. Стратегия коренизации реализовалась во взаимосвязанных аспектах: кадровой политике, ликвидации неграмотности, повышении статуса языков этнических меньшинств, земельной реформе. Авторы пришли к выводу, что советская национальная политика 1921–1927 гг. в отношении дисперсных этнических меньшинств предполагала создание локальных автономий (стратегию кантонизации). На Кубани и в Черноморье территориальный вариант локальной автономии применен в отношении армян, греков, немцев и шапсугов. В отношении иных народов реализовалась экстерриториальная автономия. *Вклад авторов*. А.В. Баранов – концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы. В.В. Касьянов – участие в разработке концепции исследования и ее реализации, сбор и интерпретация архивных материалов, доработка текста, итоговые выводы. *Финансирование.* Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/

Ключевые слова: национальная политика, 1921–1927 гг., дисперсные этнические меньшинства, Кубань, Черноморье.

Цитирование. Баранов А. В., Касьянов В. В. Политика в отношении дисперсных этнических меньшинств в 1921–1927 гг. (на материалах Кубани и Черноморья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 58–71. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.5

Introduction. The national policy of the 1920s in relation to dispersed peoples is of interest for understanding the historical context of managing interethnic relations. The topic has not been sufficiently studied using materials from the Kuban and the Black Sea region – multiethnic, densely populated regions subject to migration. The authors of the article seek to identify the areas of settlement of dispersed ethnic minorities of the Kuban and the Black Sea region in the context of the history of settlements and the gradual integration of dispersed peoples into a multiethnic Soviet society.

The purpose of the article is to identify regional conditions and features of the implementation of the national policy of the 1920s in relation to dispersed ethnic minorities of Kuban and the Black Sea region.

The topic is studied during the period 1921–1927. The criterion for choosing the framework of the analysis was the dating of the new economic

policy in the region. In March 1921, the Tenth Congress of the Russian Communist Party (b) adopted a resolution on the goals and methods of national policy. Prior to this, a full-scale civil war continued in the Kuban-Black Sea region, and only the first steps were taken by the party organs of the RCP(b) to create institutions specialized in policies towards dispersed peoples. The curtailment of the NEP from the beginning of 1928 was accompanied by the recentalization of power and the gradual abandonment of the course of "korenization" in national politics.

The geographical limits of the study are the Kuban-Black Sea region, which existed from 1920 to the summer of 1924. Later, in 1924–1930, the Armavir, Kuban, Maykop, and Black Sea districts existed on this territory. The problems of national policy require taking into account the identity (self-awareness) of the population. These territories together were consistently referred to in the public opinion of the region as "Kuban" or "Kuban-Black Sea region." The ethnopolicy of the RCP(b) in the Adygea-Cherkess and Karachay-Cherkess Autonomous Regions (AO), Shapsug district, is not considered, since this aspect has already been studied by the authors [4].

National policy is understood as a set of purposeful actions of party and state authorities, as well as public organizations controlled by them (Komsomol, trade unions, women's councils, etc.). The set of actions of these bodies in relation to dispersed ethnic groups implemented a single communist ideology, legislative acts, and organizational scheme, and sometimes national sections were created under party committees, uniting representatives of several small ethnic groups.

Dispersed ethnic minorities are understood as population groups that do not have a compact geographic area. The specificity of Kuban and the Black Sea region as a border region was the presence of many peoples who lived partly in foreign countries (Greeks, Germans, Assyrians, Poles, Bulgarians, etc.).

The level of development of the topic is insufficient; articles on narrow specialized aspects prevail. During the Soviet period, the policy of the RCP(b) – VKP(b) in relation to dispersed ethnic minorities of the region was not studied. Attention to the topic began to be shown in the 1990s. A manifestation of this stage was a collection of articles edited by N.F. Bugay [7], in which the course in relation to dispersed ethnic groups was first illuminated. In modern Russian historiography, conceptual works on the national policy of the USSR were written by D.A. Amanzholova, K.S. Drozdov, T.Yu. Krasovitskaya, V.V. Tikhonov [2], and V.N. Kruglov [18].

Special studies of the policy towards dispersed ethnic minorities of the South of the RSFSR were conducted by V.G. Schneider [52], V.Z. Akopyan and A.A. Magometov [1], E.F. Krinko [17], and A.V. Averyanov [3]. Changes in the ethnic composition of the population of Kuban and the Black Sea region in the 1920s were identified by V.N. Rakachev and Ya.V. Rakacheva [50]. General studies of national districts and village councils were conducted by M.E. Ignatova [13] and I.G. Ivantsov [15]. O.V. Bershadskaya [6], K.V. Romanchenko [51], and M.V. Belozerova [5] give priority attention to the national policy in the Black Sea region, the most multiethnic subregion.

Among foreign works, the monograph by T. Martin [20] is important, in which the concept of the "empire of positive action" in the USSR is substantiated. G. Lieber [19] and J.R. Smith [53] conducted a critical analysis of "indigenization" and assessed the possibilities and obstacles of the Bolshevik Party's course. W. Denninghaus studied the specifics of the policy towards "Western" ethnic minorities on the scale of the USSR [8]. However, systematic studies of the topic based on materials from Kuban and the Black Sea region in the 1920s have not yet been created. The source base of the works is quite narrow.

Methods of the study. The theoretical basis of the study is the constructivist approach and historical-systemic and historical-comparative methods. The use of constructivism makes it possible to show that ethnicity is determined to the greatest extent by self-awareness; identification can be changed by the policy of government bodies in a fairly short period of time. The historical-systemic method involves revealing the relationships and interactions between participants in national policy and between the all-Russian and regional levels of implementing political strategy. The historical-comparative method was used to identify patterns and features of the stages of national policy in Kuban and the Black Sea region, policy towards various ethnic groups, and multi-ethnic localities.

The source basis is the results of the 1920 and 1926 population censuses, materials of current

statistical accounting, directive documents, and reports of the bodies of the Communist Party and local Soviets. Particularly valuable are the resolutions and reports of the national sections of the Agitation and Propaganda Department of the Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b), district party committees. The bulk of the documents are stored in the funds of the Documentation Centers of Contemporary History: Krasnodar Territory and Rostov Region, the State Archive of Rostov Region.

Analysis. *Objectives and conditions of national policy in relation to dispersed ethnic minorities.* The national policy of the USSR in the period under study carried out in accordance with the priorities of the "indigenization" strategy – ensuring equality of peoples, creating territorial autonomies, and achieving representation of peoples in government bodies, economic and public organizations. This national policy was adopted at the X Congress of the RCP(b) (March 1921) and was implemented on a full-scale basis on the basis of the resolution of the XII Congress of the RCP(b) "On the National Question" (April 1923) [16, pp. 79-88]. It intended to promote representatives of ethnic minorities to leadership positions, eliminate illiteracy in native languages, and achieve the use of languages in the official sphere. Various forms of territorial and extraterritorial autonomies are used.

The implementation of the national policy of the RCP(b) in the Kuban and the Black Sea region was complicated by a number of circumstances: the negative historical memory of the Adyghe and Karachays about the Caucasian War, the inequality of ethnic groups in land use, and the powerful migration influx of new settlers during the years of the First World War and the Civil War (among them Armenians, Greeks, and Assyrians – refugees from Turkey). Until the autumn of 1924, the rebel movement of the "green cause" continued. The threat of intervention remained, which forced the authorities to be wary of the peoples' connections with foreign countries, especially the facts of dual citizenship and calls for emigration.

According to the All-Russian Census of 1920, among the residents of the Kuban-Black Sea region there were 91% Russians (including 11% Malo-Russians (future Ukrainians) and 1% Belarusians), 3% "highlanders" (before the separation of the Karachay-Cherkess and Adygea-Cherkess Autonomous Regions), 2% Armenians and Greeks, and less than 2% in total – Jews, Germans, and Poles [21, p. 62]. The ethnic structure of the localities varied significantly. The most polyethnic were the Black Sea District and the cities.

The results of the All-Union Population Census of 1926 provide the most reliable data on the ethnic structure (see Table, which contains

Ethnic composition of the population of Armavir, Kuban, Maikop and Black Sea districts according to the All-Union population Census on December 17, 1926 (people)

Ethnic groups	Armavir district	Kuban district	Maykop district	Black Sea district	Kuban – Black Sea Region
Russians	552 176	498 102	212 549	96 169	1 358 996
Ukrainians	305 126	915 450	94 322	103 922	1 418 820
Armenians	19 198	21 023	9 801	27 729	77 751
Belorussians	8 386	8 434	1 600	4 882	23 302
Bulgars	509	545	94	171	1 319
Greeks	464	5 747	1 926	15 134	23 271
Georgians	601	703	246	3 479	5 029
Jews	717	1 965	641	2 358	5 681
Latvians	243	933	100	535	1 811
Moldovans	142	2 543	161	6 158	9 004
Mordvins	311	152	410	208	1 081
Germans	21 856	7 255	962	2 968	33 041
Poles	1 632	2 611	1 131	2 020	7 394
Tatars	1 297	1 729	557	807	4 390
Gypsies	935	1 383	242	106	2 666
Circassians	3 722	490	38	4 228	8 478
Czechs and Slovaks	102	212	65	2 728	3 107
Estonians	1 185	166	89	1 797	3 237
The whole population	927 392	1 489 088	330 135	291 437	3 038 052

Note. Sources: [57–60].

information about the populations of over 1,000 people across the region). Within the four districts into which the Kuban-Black Sea Region was divided in 1924, not counting Karachay-Cherkessia and Adygea, 3,038.0 thousand people lived there.

Russians (now understood to mean only Great Russians) made up 1,359.0 thousand people, including 33.5% of the residents of the Kuban District, 59.5% of the Armavir District, 64.4% of the Maikop District, and 33.0% of the Black Sea District. Ukrainians, whose numbers were unjustifiably inflated by an order of magnitude due to the determination of nationality by origin, made up 1,418.8 thousand people – 61.5% of the population of the Kuban District, 32.9% of the Armavir District, 28.6% of the Maikop District, and 35.7% of the Black Sea District. Armenians numbered 77.8 thousand people, of which 1.41% were residents of the Kuban District, 2.07% of the Armavir District, 2.97% of the Maikop District, and 9.51% of the Black Sea District (especially numerous in the Sochi District). There were 33.0 thousand Germans in the Kuban-Black Sea Region, including 0.49% of the residents of the Kuban District, 2.36% of the Armavir District, 0.29% of the Maikop District, and 1.02% of the Black Sea District. Greeks (23.3 thousand people) made up 0.39% of the population of the Kuban District, 0.05% of the Armavir District, 0.58% of the Maykop District, and 5.19% of the Black Sea District (mainly in Novorossiysk, Gelendzhik, and the Krymsk District). Belarusians (23.3 thousand people) settled in the Kuban District (0.57% of the district's residents), in Armavir (0.9%), in Maykop (0.48%), and in the Black Sea District (1.7%). Moldovans (9.0 thousand people) mainly settled in the Black Sea District (2.11% of the population), as were 8.5 thousand Circassians (1.45% of the Black Sea District's residents), 7.4 thousand Poles (0.69% of the Black Sea District's population), and 5.7 thousand Jews (0.81% of the Black Sea District's residents) [57–60].

Each of the peoples is characterized by a special set of prevailing professions, types of land use, and settlement. It is necessary to take into account the unevenness of urbanization and, therefore, the social and professional structure of the peoples. Thus, among the population of the Kuban District in 1926, city dwellers accounted for 14.2%, and among Russian residents – 22.8%, among Ukrainians – 7.0%, Armenians – 66.8%, Germans – 17.6%, Greeks – 21.2%, Belarusians – 30.1%, Moldovans – 7.3%, Poles – 56.6%, and Jews – 90.7% [58]. Similar ratios of the level of urbanization existed in other studied districts. The situation changed due to migration flows and land reforms. Within nations, class stratification was supplemented by estate stratification (for example, Cossacks among Russians and Ukrainians) and division into old-timers and new settlers. Thus, the numerous refugees from the Ottoman Empire (Armenians, Greeks, and Aysors) were only partially accounted for by statistics. Their economic situation was poor in comparison with the old-timers from among these peoples.

Main stages of the implementation of national policy in Kuban and the Black Sea region. The first measures of the national policy of the RCP(b) in the Kuban-Black Sea region were taken immediately after the re-establishment of Soviet power in the spring of 1920. The period 1920 – spring of 1921 was characterized by rudimentary forms of national policy towards dispersed ethnic minorities, as the Civil War continued in the South of Russia in the form of insurgencies and Wrangel landings. Representatives of the People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR began to operate in the region. With the arrival of the Red Army in the city of Novorossiysk, a bureau for Armenian refugees formed, with a communist section attached to it. They held rallies and other types of agitation among refugees from the Ottoman Empire. It was planned to open an Armenian workers' and peasants' club. The competitor, the "Armenian bourgeois-nationalist refugee committee," dissolved following a complaint from the committee section. The report of the Armenian section to the Black Sea Regional Committee of the RCP(b) stated the goal of the activity: "The creation of the Armenian section in Novorossiysk will be of colossal importance for the establishment of Soviet power in the Middle East, including in Armenia" [9, l. 1-2, 16]. The Armenian sector, headed by V.S. Tarakhchyan, was created as part of the Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b) [1, p. 83]. It was subordinate to the Department of the Peoples of the East of the regional party committee and, in particular, mobilized communists to be sent to leadership positions in Armenia after the establishment of Soviet power there [62]. In the autumn of 1920, the Cossack and

Mountain sections of the regional executive committee of the Soviets were also formed (the latter gave rise to the regional executive committee of the Adygea-Cherkess Autonomous Region). In May 1921, organizational meetings of the Muslim, Greek, Polish, Hungarian, Estonian, Latvian, and German sections were held at the sub-department of national minorities of the regional committee of the RCP(b). The sub-department was headed by Ya. G. Georgiadi [26; 55]. A similar sub-department, divided into sections, was formed in May 1921 at the Kuban-Black Sea regional executive committee of the Soviets.

The party sections of national minorities faced a shortage of paid qualified employees, a deficit of premises and financing, and inconsistency in the organizational structure. Thus, there were 49 Greek communists in the entire region [26, l. 2 r., 3-4]. On September 7, 1921, a party conference of "national minorities in the Kuban-Black Sea region" convened. Its participants criticized the indifference of local workers and their alienation from the needs of national minorities. The participants in the discussion proposed making the subdepartment of national minorities efficient and entrusting it with the registration and distribution of party workers – "national minorities". The practice of publishing party newspapers in Greek, Adyghe, and Ukrainian approved, as well as introducing permanent columns on the "national question" in the regional newspaper "Krasnoye Znamya" and in local newspapers in Russian [33, l. 1–2 r., 18].

The activities of the sections sharply intensified in the autumn of 1923 in anticipation of the victory of the revolution in Germany. On October 22, 1923, an organizational meeting of the initiative group for the creation of the section of the peoples of the West (later renamed the Polish-German-Czech) was held in Krasnodar. The report was made by K.I. Golodovich, the chairman of the meeting was N. F. Gikalo, and an active participant was an employee of the regional department of the OGPU, Ya.A. Bukhband, who outlined the goal: "we want to create cadres for the West." Golodovich expressed himself similarly: "to organize a section... in connection with the events in Germany and in the West in general." As a result, the Organizational Bureau was formed, headed by Bukhband, who was instructed to form two sections (German and West Slavic) and to establish the registration of national party cadres. Such sections were organized in January 1924, but due to the defeat of the German Revolution, their tasks (political education, the elimination of illiteracy, the creation of national cooperatives and theater troupes) became purely intra-regional [36; 46].

A study of the minutes and reports of the sections of national minorities for 1924 leads to the conclusion about weak, unorganized activity. Instructors and section leaders most often worked for free, had no plans, and had no regular communication with the regional committee of the RCP(b). The turnout of ordinary participants, especially non-party members, at meetings of the Polish, Greek, and German sections remained low. Many communists had a poor knowledge of their native language, which made it difficult for them to influence [14; 48]. The Black Sea District Committee of the RCP(b) admitted in its report for January–February 1924 that, due to staff reductions, there were no longer any paid instructors for work with national minorities. Newspapers and propaganda brochures not published in local languages, a Soviet-Party school not created, and teachers not retrained to teach in minority languages. In the district with a population of almost 300 thousand people, there was only one school for the elimination of illiteracy and one political literacy circle. Of the eight non-Party conferences, only one was held in Armenian. Communication between the district authorities and the local Soviets was poorly established. Partly because of this, the Greeks of the Tuapse and Sochi districts wanted to emigrate, although the main reason was the disorderly land relations and the inflated taxes for the "cultural farms" of tobacco growers and winegrowers [24, l. 50; 25].

In 1924, positive changes were noted in the work of the sections. An international club of minorities was created in the regional center, Krasnodar, with 264 people attending its meetings; 11 clubs were created. A week of education of national minorities was held, and a library and a section of national minorities opened at the trade union of education workers. A questionnaire was developed for members and candidates for membership in the RCP(b) – representatives of national minorities (it asked them to indicate their knowledge of languages, place of work and position, and the possibility of performing new

duties). The Polish section organized courses to study their native language and established a subscription to Polish left-wing newspapers. The Armenian regional section and its branch in Novorossiysk worked energetically, where political literacy courses were established and 40 Armenian loaders joined the party [28; 48, l. 15-21, 24].

The period from 1924 to 1927 was characterized by the fact that the party and state authorities managed to create a unified but flexible organizational network of forms of work with ethnic minorities. Organizational forms and a set of measures in relation to national minorities defined in the resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 9, 1924. In March 1925, the Presidium of the North Caucasus Regional Executive Committee of Soviets adopted a resolution on the creation of the institute of instructors of the regional executive committee for national minorities. Paid staff positions of instructors were introduced in the organizational department of the regional executive committee – representatives of the most numerous ethnic groups [31; 41, l. 27]. Instructors with such responsibilities were introduced into the apparatus of district and village Soviets, trade unions, the Komsomol, and other public organizations. In May 1925, the North Caucasus regional committee of the RCP(b) approved the Regulation on national sections at district committees of the RCP(b). It proposed to create sections at the agitation and propaganda departments of the party committees of those districts where national minorities lived compactly. The duties and procedures for the activities of instructors of the subdepartment for work with national minorities were formulated [30, l. 6, 46].

The instructions of the regional committee of the RCP(b) emphasized the need to conduct work through educational authorities, the press, trade unions, and non-party meetings [32, l. 31]. Thus, in 1925, non-party conferences of Germans and Greeks are held in the Black Sea District. They rejected the possibility of deporting Greeks and Armenians from the Black Sea coast – the border strip (the Sochi District Committee of the RCP(b), interested in preserving the hard-working refugees from Turkey, also disagreed with the deportation). The Department of Public Education of the District Executive Committee began to finance 26 national schools, and in the Sochi District in 1924, 3 secondary schools based on the languages of the main ethnic groups [40, l. 17; 41, l. 27 r.; 42]. In Novorossiysk, a department of national minorities of the Soviet-Party School formed, the number of its cadets in the 1926/27 academic year was planned to be increased to 100 people [43]. At the beginning of 1927, a council of national minorities organized under the Kuban District Department of Public Education. National departments formed in libraries of minority clubs, reading rooms and literacy centers, corners and circles in trade union clubs. Weekly columns in Ukrainian and Armenian were introduced in the Krasnodar newspaper *Krasnoye Znamya* [29].

The difficulties of policy towards ethnic minorities are assessed in the report of the North Caucasus Regional Executive Committee of Soviets (November 1925). Its signatories, Deputy Chairman of the Regional Executive Committee N.I. Kulikov and Head of the Organizational Department V.A. Bezborodov, noted the uneven cultural and political development of peoples: the almost complete illiteracy of a number of minorities, their lack of understanding of the Russian language and their unpreparedness for school education, and the shortage of trained workers. The authors compared the conditions of the peoples. Thus, Ukrainians, Armenians, and Germans (except for the Armenian refugees in the Maikop District) were relatively richer than others and had more qualified civil servants; Germans and Estonians were "weakly Sovietized" due to their religiosity. The Turkic and Caucasian peoples were considered the least involved in national policy measures [49].

The gradual ousting of opposition-minded public associations from legal forms of activity took place. The teaching and engineering staff were purged of "socially alien elements." All performances and lectures began to be checked by the political education subdepartment and only then permitted. The authorities believed that each nation should have one public organization to represent its interests. Thus, in the city of Novorossiysk, a conflict between two Jewish theater groups was resolved by their directive unification [23, l. 87].

The subdepartments of national minorities of the district committees of the VKP(b) sought to ensure the participation of ethnic groups in the

elections. Reporting meetings and voting conducted in native languages; propaganda literature printed in Ukrainian, Armenian, and Greek; and quotas provided for in city and district Soviets. However, the share of national minorities among Soviet deputies remained insufficient in 1925–1927. Party organs saw a solution in holding pre-election meetings of national minorities and poor groups and involving them in cooperatives [39; 45].

The territorial reform carried out in the North Caucasus region in 1924–1926 had a contradictory effect on the course of national policy. The boundaries of the disaggregated okrugs, and within them – the disticts – were determined by economic and geographical rather than ethnic principles. However, in a number of cases, exceptions were allowed. Thus, Shapsug National District was created as part of the Black Sea District (1924). Initially, its territory covered the areas inhabited by the Adyghe Shapsugs, but due to subsidization, areas inhabited by other peoples added to the district in order to provide access to the sea and highways [4]. On March 10, 1925, the Armenian National District (7 village councils) was created within the Maikop District at the expense of part of the lands of the Khadyzhensky and Goryacheklyuchevsky Districts [10, l. 26]. The location of the creation of the Armenian "small autonomy" was not the area with the largest proportion of Armenians in the population (such as the Adler District, which did not receive national status). The choice of location for the creation of the district was determined by the need to develop tobacco growing. Beyond the period under study, the German (Vannovsky) district near the city of Armavir was formed on February 27, 1928, and the Greek district, with its center in the stanitsa of Krymskaya was created in 1930.

According to the information on national village councils as of January 1, 1926, compiled by the executive secretary of the regional administrative commission Bryukhovetsky, there are 12 councils (7.5%) in the Armavir district, of which 7 are German, 2 each are Circassian and Tatar, and 1 is Estonian; in the Black Sea district there are 21 (28.4%), of which 6 are Armenian, 5 are Shapsug, 4 are Greek, 3 are German, and 1 each is Estonian, Moldovan, and mixed; in the Maikop district there are 7 (10%), all Armenian; and in the Kuban district no national village councils formed. The overwhelming majority (84%) of national village councils were created at the request of local authorities [54, l. 114].

At the same time, a number of territorial reforms were carried out without taking into account the ethnic factor. When the Karachay-Cherkess Autonomous Territory divided in 1926, areas with a predominantly Russian population transferred to the Armavir District without granting them autonomous status. The proposals of the People's Commissariat of Agriculture of the USSR and the Society for Land Management of Jewish Workers to allocate land from the stanitsa Primorsko-Akhtarskaya to the Gelendzhik for colonization were rejected by the regional and regional authorities in August 1925 [47, l. 106]. This occurred on the basis of the regional executive committee's ban on resettlement to the region up to the planned allocation of all local landless residents (only persons who knew how and wanted to engage in agriculture were considered to be such) [12, l. 23; 56, l. 16]. The resettlement did not develop; by the spring of 1928, the Jewish section of the Black Sea District Committee of the VKP(b) planned to settle only 25 families in rural areas [37].

The specificity of land relations during the NEP years was that labor share land use was preserved in unequal amounts. Thus, in the Black Sea District in 1927, well-to-do peasants with agricultural incomes per head over 100 rubles made up 1% of Shapsug households, 4.5% of Armenian households, no more than 7.2% of Greek households, 10% of Georgian households, and 46.0–53.5% of German households. Agricultural cooperation covered the Czechs, Armenians, and Estonians to the greatest extent (50–55% of families), and the Greeks (20%), Georgians, and Moldovans (35%) to the least extent [22, pp. 38-39, 41]. Sharp differences determined by the level of farming practices, placement in favorable or unfavorable areas, and the length of residence (degree of adaptation to local conditions). Among the Greeks and Germans, the majority were foreign citizens or dual nationals. Sentiments in favor of emigration were spreading, especially as the NEP was being curtailed in the spring of 1926. The Bolshevik Party pursued different policies with respect to the "socially close" poor and "socially alien" kulak strata, taking into account

the strong influence of patriarchal-clan relations and religious organizations.

Multinationality and the influx of migrants complicated the problem of land inequality, which caused local conflicts. Thus, in the summer of 1925, Armenian peasants of the Sochi region filed a complaint with the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR, A.I. Rykov, objecting to the transfer of land to other ethnic groups. The conflict was resolved by holding a non-party conference of Armenian peasants and strengthening the composition of party workers who resolved minority issues [47]. Another conflict occurred in the summer of 1927 in the village of Melikhovsky in the Krymsk region between permanent residents and Greek tenants who did not want to move to new, poorly maintained plots of land. The Greek section of the Black Sea District Committee of the VKP(b) proposed increasing lending and involving the poorest layer of Greek refugees in cooperatives [34]. The Kuban District Committee of the VKP(b) proposed introducing representatives of national minorities into the district and local land management commissions and into the district executive committee of the Soviets [33, l. 2]. The Black Sea District Committee of the VKP(b) carried out land reform based on equal allocation of land to Russians and ethnic minorities, and priority lending and machinery was provided to the poorest layers of all peoples [11, l. 2].

The development of classes and schools in native languages was difficult. A survey of schools in the city of Krasnodar by the board for national minorities under the Kuban district committee of the VKP(b) on January 15, 1927, showed "insufficient coverage of children," including due to the unwillingness of parents to provide education in their native language; there was a shortage of premises, teachers, and funding; and a number of teachers (former clergy) were accused of "foreign" origin and "political illiteracy." There was a shortage of agitators in the reading huts. Weak connections noted between instructors working with national minorities and rural party and government bodies [35, l. 14; 38]. The Collegium for National Minorities Affairs at the Kuban District Committee of the VKP(b) noted on November 24, 1927, the unsatisfactory state of the Greek Department of the Pedagogical College (low stipends, poor dormitories). The problem was resolved by regional authorities [44].

According to the report on the work of the subdepartment of national minorities of the Kuban district committee of the VKP(b) for October 1926 – October 1927, there were 7 national sections and 2 authorized representatives; the subdepartment had 11 full-time employees, and 581 communists of these nationalities were registered. A paid position of instructor of the district executive committee was introduced. Similar bodies formed at the district level. 2 political schools were organized in the city of Krasnodar and 18 self-education circles. National minorities' clubs attended by 945 people and circles by 480 people. 2267 representatives of small peoples received education in 57 illiteracy elimination centers. From October 1, 1925, to October 1, 1927, the number of schools in the district increased by 1.5 times, and teachers and students by 2 times. However, the coverage of ethnic minorities by school education remained insufficient: 40% of Germans, 35% of Armenians, and 30% of Greeks [27, l. 1-6].

The curtailment of the NEP manifested itself in the border region in the purge of the state apparatus of "counterrevolutionary elements (especially defectors of various nationalities and foreign nationals)", carried out in November 1926. On November 26, 1926, members of the bureau of the Black Sea District Committee of the VKP(b) resolved to accept political emigrants for work only with the consent of the OGPU bodies, to carry out "the removal of the most harmful elements," and to expel smugglers and currency dealers from the district. Since the district was a border zone, it was henceforth forbidden for foreign nationals and defectors to settle there, and OGPU and police surveillance was strengthened over those already living there. Party cells were ordered to strengthen control over public organizations and clubs of minorities, especially Estonians and Poles [61] (in 1926, foreign nationals constituted 5% of the district's population – significantly more than in neighboring districts) [60].

The start of emergency grain procurements in January 1928 launched the mechanisms for preparing collectivization, which radically changed the priorities of national policy, including in relation to dispersed ethnic minorities. The political and economic consolidation of society and its

ideological cohesion came to the fore [63], as a result of which the course of "indigenization" was gradually discontinued in 1931–1933.

Results. The regional conditions of the national policy of 1921–1927 in relation to dispersed ethnic minorities of the Kuban and the Black Sea region are the border location of ethnic areas, the influence of diasporas on the social activity of ethnic minorities, the increased level of international and interregional migration, the dominance of the rural type of residence and agrarian occupations, and the differences in interethnic interactions in the localities of the region. The specific features of the implementation of the national policy in the Kuban and the Black Sea region consisted in the slow creation of national sections under the Soviets and party committees of the RCP(b) and the conflict between the tendencies of the authorities to rely on the workers as a whole and the low-income strata of the multiethnic society. The strategy of indigenization is implemented in interconnected aspects: personnel policy, elimination of illiteracy, raising the status of the languages of ethnic minorities, and land reform. The Soviet national policy of 1921–1927 in relation to dispersed ethnic minorities implied the creation of local autonomies (cantonization strategy). In Kuban and the Black Sea region, the territorial version of local autonomy applied to Armenians, Greeks, Germans, and Shapsugs. Extraterritorial autonomy implemented with respect to other peoples. National policy with respect to dispersed ethnic groups in Kuban and the Black Sea region changed dynamically.

The following stages of the development of national policy in relation to dispersed ethnic groups in the Kuban and the Black Sea region have been identified. In 1921 – early 1924, the legal and institutional foundations of the policy were established with an extreme shortage of resources for its implementation, and forms and methods were sought. As their general and political education progressed, representatives of dispersed ethnic minorities became involved in the national sections of party organizations. From the spring of 1924 to 1925, the regional and district committees of the RCP(b) carried out the unification of institutions and tasks of national policy, and the first national districts (Shapsug and Armenian) were formed. The administrative and territorial reform of 1924 ensured the creation of autonomous districts. A system for training and promoting party and Soviet personnel – representatives of ethnic minorities – was set. In 1926–1927, these reforms brought positive results in the areas of organizing national village councils, education and printing in the languages of ethnic minorities, and land management. Later, national policy was subordinated to the goals of the collectivization that had begun, which led to the gradual curtailment of "korenizatsiia" and the cessation of the creation of national districts and village councils (since 1931).

The study makes it possible to substantiate the mapping of ethnic areas and national regions of the Kuban-Black Sea region in the historical atlas of the region, which is currently being prepared by the authors for publication.

REFERENCES

1. Akopyan V.Z., Magometov A.A. Formirovanie i nachalny etap deyatelnosti strukturnykh podrazdeleniy po delam nacionalnykh menshinstv Narkomnaca na Yuge Rossii [The Formation and Initial Stage of the Activities of the Structural Units for National Minorities of the People's Commissariat of Defense in the South of Russia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2015, vol. 25, iss. 4, pp. 81-86.

2. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovitskaya T.Ju., Tikhonov V.V. *Sovetskiy natsionalny proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika* [The Soviet National Project in the 1920s and 1940s: Ideology and Practice]. Moscow, Novy Khronograf Publ., 2021. 576 p.

3. Averyanov A.V. "Periferiyny" tip sovetskogo natsionalnogo stroitelstva v 1920–1930-kh gg. (po materialam Dona i Severnogo Kavkaza) [The "Peripheral" Type of Soviet Nation-Building in the 1920s and 1930s (Based on Materials from the Don and the North Caucasus)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2022, no. 6, pp. 28-43.

4. Baranov A.V., Kasyanov V.V., Jakhutl Ju.A. Formirovanie nacionalnykh avtonomiy na Severo-Zapadnom Kavkaze v 1920–1924 godakh [Formation of National Autonomies in the North-West Caucasus in 1920–1924]. *Nauchny dialog*, 2021, no. 11, pp. 282-298.

5. Belozerova M.V. Integracionnye processy v Sochinskom Prichernomor'e vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX vv. [Integration Processes in the Sochi Black Sea Region in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 447, pp. 122-131.

6. Bershadskaya O.V. Pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti v chernomorskoy derevne: k harakteristike sotsialno-politicheskoy situatsii [The First Decade of Soviet Power in the Black Sea Village: A Description of the Socio-Political Situation]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, 2019, no. 4, pp. 78-82.

7. Bugay N.F. et al., eds. *Natsionalno-gosudarstvennoe stroitelstvo Rossiyskoy Federatsii: Severny Kavkaz (1917–1941 gg.)* [National-State Building of the Russian Federation: The North Caucasus (1917–1941)]. Maykop, Meoty Publ., 1995. 286 p.

8. Denninghaus V. *V teni «Bolshogo Brata»: zapadnye nacionalnye menshinstva v SSSR, 1917–1938 gg*. [In the Shadow of the "Big Brother": Western National Minorities in the USSR, 1917–1938]. Moscow, ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. Eltsina", 2011. 727 p.

9. Doklad Armyanskoy komsektsii Chernomorskomu otdelskomu komitetu RKP(b) [Report of the Armenian Committee to the Black Sea District Committee of the RCP(b)]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya* (hereinafter – TsDNIKK) [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 1, inv. 1, d. 56, l. 1-16.

10. Doklad komissii TsIK i VTsIK o sostoyanii sovetskoy raboty sredi nacmen i v natsionalnykh oblastyakh kraya [Report of the Commission of the Central Executive Committee and the All-Russian Central Executive Committee on the State of Soviet Work Among the National Minorities and in the National Regions of the Territory]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti* (hereinafter – TsDNIRO) [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. 7, inv. 1, d. 685, l. 24-34.

11. Doklad okruzhnogo zemelnogo upravleniya o zemlepolzovanii i zemleustroystve nacmenshinstv v Chernomorskom okruge [Report of the District Land Administration on Land Use and Land Management of National Minorities in the Black Sea District]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 878, l. 1-2.

12. Dokladnaya zapiska zav. krayzemupravleniya i zav. SKRPU ob ustroystve bezzemelnykh v krae [The Report of the Head of Territorial Land Administration and Head of the SKRPU on the Establishment of the Landless People in the Region]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. R-1390, inv. 6, d. 243, l. 17-27.

13. Ignatova M.E. *Grecheskiy i Nemetskiy (Vannovskiy) natsionalnye rayony Krasnodarskogo kraya v 20–40-e gg. XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The Greek and German (Vannovsky) National Districts of the Krasnodar Territory in the 20–40s of the 20th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Krasnodar, 2005. 244 p.

14. Informatsionny doklad podotdela natsmen i byuro zapadno-slavyanskoy sektsii [Information Report of the Sub-Department of the National Committee and the Bureau of the West Slavic Section]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 7.

15. Ivantsov I.G. *Sovetskie formy «maloy avtonomii». Nacionalnye rayony i selsovety na Kubani. 1924–1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza)* [Soviet Forms of "Small Autonomy". National Districts and Village Councils in the Kuban. 1924–1953 (Based on Materials from Kuban and the North Caucasus)]. Krasnodar, Kavkaz. tip., 2013. 127 p.

16. *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljutsijah i reshenijah syezdov, konferencij i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow, Politizdat, 1983, vol. 3. 494 p.

17. Krinko E.F. Natsionalno-gosudarstvennye i administrativno-territorialnye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v 1920–1930-kh gg. [National-State and Administrative-Territorial Transformations in the North Caucasus in the 1920s and 1930s]. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*, 2019, no. 2, pp. 151-164.

18. Kruglov V.N. *Organizatsiya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezultaty* [Organization of the Territory of Russia in 1917–2007: Ideas, Practice, Results]. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr gumanit. initsiativ, 2020. 477, 1 p.

19. Lieber G. Korenizatsiia: Restructuring Soviet Nationality Policy in the 1920s. *Ethnic and Racial Studies,* 1991, no. 14 (1), pp. 15-23.

20. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, Cornell University Press, 2001. 528 p.

21. *Naselenie i khozyaystvo Kubano-Chernomorskoy oblasti: stat. sb. za 1922–23 god* [Population and Economy of the Kuban-Black Sea Region. Statistical Compilation for the Year 1922–23]. Krasnodar, Kub.-Chernom. komis. po rayon. planirovke, 1924, pt. 1. 10. 226 p.

22. *Osnovnye momenty hozyaystvennogo stroitelstva, politicheskogo polozheniya i raboty na Chernomor'e* [The Main Points of Economic Construction, the Political Situation and Work in the Black Sea District]. Novorossiysk, Chernom. okruzh. kom. VKP(b), 1927. 72 p.

23. Otchyot Chernomorskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) za iyul – avgust 1924 g. [Report of the Black Sea District Committee of the RCP(b) for July – August 1924]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 432, l. 60-87.

24. Otchyot Chernomorskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) za may – iyun 1924 g. [Report of the Black Sea of the District Committee of the RCP(b) for May – June 1924]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 432, l. 45-59.

25. Otchyot Chernomorskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) za yanvar – fevral 1924 g. [Report of the Black Sea District Committee of the RCP(b) for January – February 1924]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 432, l. 14-16.

26. Otchyot o rabote grecheskoy komsektsii pri podotdele natsmen Kubano-Chernomorskogo obkoma RKP(b) s 17 po 24 dekabrya 1921 g. [Report on the Work of the Greek Communist Section at the Sub-Department of the National Committee of the Kuban – Black Sea District Committee of the RCP(b) from December 17 to December 24, 1921]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 1, inv. 1, d. 170, l. 1-40.

27. Otchyot o rabote podotdela Natsmen APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) 1 oktyabrya 1926 – 1 oktyabrya 1927 g. [Report on the Work of the Sub-Department of the National Minorities of the Kuban District Committee of the VCP(b) October 1, 1926 – October 1, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 408, l. 1-14.

28. Plan provedeniya «Vserossiyskoy nedeli prosveshheniya natsmen» po g. Krasnodaru [Plan of the "All-Russian Week of Enlightenment of National Minorities" in Krasnodar]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 11-11 r.

29. Plan raboty podotdela «Natsmen» APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) s 1 dekabrya 1926 g. po 1 aprelya 1927 g. [Work Plan of the Sub-Department of "National Minorities" of the APO of the Kuban District Committee of the VCP(b) from December 1, 1926 to April 1, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 407, l. 1-3.

30. Polozhenie o natsionalnykh sektsiyakh pri okruzhkomah RKP(b) na Severnom Kavkaze [Regulations on National Sections Under the District Committees of the RCP(b) in the North Caucasus]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 12, inv. 1, d. 54, l. 6-51.

31. Postanovlenie Prezidiuma Krayispolkoma ob organizacii instituta instruktorov krayispolkoma po delam natsmenshinstv kraya [Resolution of the Presidium of the Regional Executive Committee on the Organization of the Institute of Instructors of the Regional Executive Committee on National Minorities of the Region]. *Gosudarstvenny arkhiv Rostovskoy oblasti* (hereinafter – GARO) [State Archive of the Rostov Region], f. R-1485, inv. 1, d. 183, l. 16-18.

32. Primernaya instrukciya dlya instruktorov podotdela natsmen [Sample Instruction for Instructors of the Sub-Department of National Minorities]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 31-31 r.

33. Protokol 2-y partkonferentsii natsmenshinstv Kubano-Chernomorskoy oblasti [Protocol of the 2nd Party Conference of National Minorities of the Kuban-Black Sea Region]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 1, inv. 1, d. 170, l. 1-18.

34. Protokol № 1 obshhego sobraniya grecheskoy komsektsii ot 19 iyulya 1924 g. [Minutes No. 1 of the General Meeting of the Greek Communist Section of July 19, 1924]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 817, l. 11-11 r.

35. Protokol № 1 rasshirennogo soveshhaniya okruzhnoy grecheskoy sektsii pri APO Chernomorskogo okruzhkoma VKP(b) 18 maya 1927 g. [Protocol No. 1 of the Expanded Meeting of the District Greek Section at the APO of the Black Sea District Committee of the VCP(b) on May 18, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 817, l. 13-21.

36. Protokol № 1 zapadno-slavyanskoy sektsii Krasnodarskoy organizatsii RKP(b) i plan raboty sredi nemetskogo naseleniya [Protocol No. 1 of the West Slavic Section of the Krasnodar Organization of the RCP(b) and the Work Plan Among the German Population]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 1-5.

37. Protokol № 1 zasedaniya byuro Evreyskoy komsektsii pri APO Chernomorskogo okruzhkoma VKP(b) 20 noyabrya 1927 g. [Minutes No. 1 of the Meeting of the Bureau of the Jewish Communist Section at the APO of the Black Sea District Committee of the VCP(b) on November 20, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 817, l. 36.

38. Protokol № 1 zasedaniya kollegii «Natsmen» APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) ot 5 yanvarya 1927 g. [Minutes No. 1 of the Meeting of the Board of the "National Minorities" of the APO of the Kuban District Committee of the VCP(b) on January 5, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 405, l. 1-3.

39. Protokol № 1 zasedaniya sekretariata podotdela «Natsmen» APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) ot 15 dekabrya 1926 g. [Minutes No. 1 of the Meeting of the Secretariat of the Sub-Department of "National Minorities" of the Kuban District Committee of the VCP(b) Dated December 15, 1926]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 303, l. 1.

40. Protokol № 13 zasedaniya byuro Chernomorskogo okruzhkoma RKP(b) ot 12 fevralya 1925 g. [Protocol No. 13 of the Meeting of the Bureau of the Black Sea District Committee of the RCP(b) Dated February 12, 1925]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 534, l. 17-18.

41. Protokol № 17 zasedaniya byuro Chernomorskogo okruzhkoma RKP(b) ot 13 marta 1925 g. [Minutes No. 17 of the Meeting of the Bureau of the Black Sea District Committee of the RCP(b) Dated March 13, 1925]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 534, l. 27-27 r.

42. Protokol № 32 zasedaniya byuro Chernomorskogo okruzhkoma RKP(b) ot 22 maya 1925 g. [Minutes No. 32 of the Meeting of the Bureau of the Black Sea District Committee of the RCP(b) Dated May 22, 1925]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 534, l. 65.

43. Protokol № 47 zasedaniya byuro Chernomorskogo okruzhkoma RKP(b) ot 18 i 31 avgusta 1925 g. [Minutes No. 47 of the Meeting of the Bureau of the Black Sea District Committee of the RCP(b) Dated August 18 and 31, 1925]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 646, l. 45.

44. Protokol rasshirennogo zasedaniya kollegii «Natsmen» pri APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) ot 24 noyabrya 1927 g. [Minutes of the Expanded Meeting of the Board of "National Committee" at the APO of the Kuban District Committee of the VCP(b) Dated November 24, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 405, l. 29.

45. Protokol rasshirennogo zasedaniya kollegii «Natsmen» pri APO Kubanskogo okruzhkoma VKP(b) ot 9 dekabrya 1927 g. [Minutes of the Expanded Meeting of the Board of "Natsmen" Collegue at the APO of the Kuban District Committee of the VCP(b) Dated December 9, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8. inv. 1, d. 405, l. 33-35.

46. Protokoly № 1 i 2 zasedaniya sektsii natsmen Zapada pri podotdele natsmen Kubano-Chernomorskogo obkoma RKP(b) [Minutes No. 1 and 2 Meetings of the Section of Western National Minorities Under the Auspices of the Sub-Committee of National Minorities of the Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b)]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 27-28.

47. Protokoly № 46 i 48 zasedaniy byuro Chernomorskogo okruzhkoma RKP(b) ot 22 maya 1925 g. [Minutes No. 46 and 48 of the Meetings of the Bureau of the Black Sea District of the RCP(b) Dated May 22, 1925]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 534, l. 106, 112.

48. Protokoly zasedaniy nacionalnykh kommunisticheskikh sektsiy za mart – iyun 1924 g. [Minutes of Meetings of National Communist Sections for March – June 1924]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 8, inv. 1, d. 68, l. 15-24.

49. Rabota Sovetov sredi nacmenshinstv i kazachestva Severo-Kavkazskogo kraya v 1924/1925 godu [The Work of the Soviets Among the National Minorities and the Cossacks of the North Caucasus Region in 1924/1925]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. R-1485, inv. 1, d. 224, l. 93-96.

50. Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. *Narodonaselenie Kubani v XX veke: istoriko-demograficheskoe issledovanie: v 4 t.* [The Population of Kuban in the 20th Century: Historical and Demographic Study. In 4 Vols.]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2005, vol. 1. 200 p.

51. Romanchenko K.V. Migratsionnaya situatsiya i migratsionnaya politika v Chernomorskom okruge Severo-Kavkazskogo kraya v 20-e gg. XX v. [Migration Situation and Migration Policy in the Black Sea Region of the North Caucasus Region in the 20s of the 20th Century]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2021, no. 4 (84), pp. 76-91.

52. Schneider V.G. *Sovetskoe natsiestroitelstvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya* [Soviet Nation-Building in the North Caucasus (1917 – Late 1950s): Patterns and Contradictions]. Armavir, Armavir. gos. ped. un-t, 2007. 415 p.

53. Smith J.R.Ch. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. PhD Thesis*. London, University of London, 2015. 405 p.

54. Svedeniya o kolichestve natsionalnykh selsovetov v Severo-Kavkazskom krae [Information on the Number of National Village Councils in the North Caucasus Region]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. R-1485, inv. 1, d. 397, l. 114-114 r.

55. Telegramma Kubano-Chernomorskogo obkoma RKP(b) v Yugo-Vostochnoe byuro TsK. May 1921 g. [Telegram from Kubano-Black Sea Region RCP(b) to the South-Eastern Bureau of the Central Committee. May 1921]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 1, inv. 1, d. 170, l. 28.

56. Tsirkulyar Severo-Kavkazskogo krayispolkoma, Sekretariata Severo-Kavkazskogo kraykoma VKP(b) № 931-10137-187 ot 30 iyulya 1926 g. [Circular of North Caucasus Regional Executive Committee, Secretariat of North Caucasus Territorial Committee of VCP(b) no. 931-10137-187 of 30 July 1926]. *GARO* [State Archive of Rostov Region], f. R-1485, inv. 1, d. 397, l. 114-114 r.

57. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Nacionalny sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Armavirskiy okrug* [The All-Union Population Census of 1926. The National Composition of the Population by Region of the RSFSR. The North Caucasus Region. Armavir District]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817

58. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Nacionalny sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Kubanskiy okrug* [All-Union Population Census of 1926. The National Composition of the Population by Region of the RSFSR. The North Caucasus Region. Kuban District]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=862

59. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Nacionalny sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Maykopskiy okrug* [The All-Union population Census of 1926. The National Composition of the Population by Region of the RSFSR. The North Caucasus Region. Maikop District]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=878

60. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Nacionalny sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Chernomorskiy okrug* [All-Union Population Census of 1926. The National Composition of the Population by Region of the RSFSR. The North Caucasus Region. The Black Sea District]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=956

61. Vypiska iz protokola № 66 zasedaniya byuro Chernomorskogo okruzhkoma VKP(b) ot 26 noyabrya 1926 g. [Extract from the Minutes No. 66 of the Meeting of the Bureau of the Black Sea District Committee of the VCP(b) Dated November 26, 1926]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 655, l. 20-23.

62. Vypiska iz protokola zasedaniya byuro Armyanskoy sektsii ot 18 dekabrya 1920 g. [Extract from the Minutes of the Meeting of the Bureau of the Armenian Section Dated December 18, 1920]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 1, inv. 1, d. 27, l. 12.

63. Vyvody i predlozheniya komissii Sev.-Kav. Kray RKI po obsledovaniyu vypolneniya direktiv pravitelstva po obsluzhivaniyu nacmenshinstv v Chernomorskom okruge [Conclusions and Proposals of the RKI Commission by North-Caucasus Territory on the Implementation of Government Directives on Servicing National Minorities in the Black Sea District]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. R-1185, inv. 2, d. 830, l. 9-21.

Information About the Authors

Andrey V. Baranov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7109-3062

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802

Информация об авторах

Андрей Владимирович Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7109-3062

Валерий Васильевич Касьянов, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.6

UDC 94(479.2):323.1
LBC 63.3(531.7)+66.094

Submitted: 16.07.2025
Accepted: 20.12.2025

INTERETHNIC DEVELOPMENTS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA AND NATIONAL MINORITY ISSUES IN THE 1920s

Vanik H. Virabyan

Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Republic of Armenia

Edik G. Gevorgyan

Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. *Introduction.* The article analyses interethnic processes and the movement of ethnic groups in the 1920s, primarily using the example of the Armenian and Azerbaijani SSRs, as the most complex interethnic problems in the Transcaucasus were characteristic of these republics. *Methods and materials.* The study is based primarily on documents from the National Archives of Armenia, statistical data, existing literature, and historical methodology in general. *Analysis and results*. In 1918–1920, interethnic clashes and conflicts inherited from the past exacerbated various disasters in the Transcaucasus, leading to the departure of some national minorities, in particular Azerbaijanis, from Armenia, while a large number of Armenians left Azerbaijan. After the Sovietization of Armenia, the resettlement of Armenian refugees and national minorities began. This process took place under extremely difficult conditions. Border issues with Azerbaijan and Georgia, as well as the situation of the Armenian population in Nakhchivan, Nagorno-Karabakh and Armenian-populated areas of Azerbaijan and Georgia, caused serious concern. The government of the Armenian SSR took the necessary measures to resettle national minorities in their former places of residence, providing them with land, building materials, housing and loans. According to surveys conducted in 1923 and 1926, the overwhelming majority of national minorities who had left Armenia returned. Certain attention was paid to their economic, political, educational and cultural problems. The number of national minorities increased. However, in general, in the USSR and Soviet Armenia in the 1920s, national issues were resolved mainly within the framework of the policy of "indigenisation" and were subject to the general logic of this policy. In the Soviet republics, including Armenia, there were some positive shifts in cultural and economic development during this period, and an atmosphere of tolerance developed among national minorities. *Author's contribution.* The development of the research concept, editing of the manuscript, and execution of the work plan were carried out by Vanik Virabyan, the principal investigator of the funded project. The collection of data necessary for exploring and interpreting the topic was conducted through a collaborative effort. Both authors share responsibility for all aspects of the work and have approved the final version of the article for publication. *Funding.* The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25RG-6A113 "Interethnic developments and movements of ethnic groups of population in the Republic of Armenia (1918–1990s)."

Key words: Azerbaijan, Armenia, interethnic clashes, national minorities, Sovietization, national developments.

Citation. Virabyan V.H., Gevorgyan E.G. Interethnic Developments in the Republic of Armenia and National Minority Issues in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 72-85. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.6

УДК 94(479.2):323.1
ББК 63.3(531.7)+66.094

Дата поступления статьи: 16.07.2025
Дата принятия статьи: 20.12.2025

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1920-х ГОДАХ

Ваник Грантович Вирабян

Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна,
г. Ереван, Республика Армения

© Virabyan V.H., Gevorgyan E.G., 2026

Эдик Геворгович Геворгян

Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна,
г. Ереван, Республика Армения

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются межэтнические процессы и перемещения этнических групп в 1920-х гг., прежде всего на примере Армянской и Азербайджанской ССР, поскольку наиболее сложные межэтнические проблемы в Закавказье были характерны именно для этих республик. *Методы и материалы.* Исследование проведено преимущественно на основе документов Национального архива Армении, статистических данных, существующей литературы и исторической методологии в целом. *Анализ и результаты.* В 1918–1920 гг. межэтнические столкновения и конфликты, унаследованные от прошлого, усугубили различные бедствия в Закавказье, что привело к отъезду некоторых национальных меньшинств, в частности азербайджанцев, из Армении, одновременно большое количество армян покинуло Азербайджан. После советизации Армении началось переселение армянских беженцев и национальных меньшинств. Этот процесс проходил в крайне сложных условиях. Пограничные вопросы с Азербайджаном и Грузией, а также положение армянского населения в Нахичевани, Нагорном Карабахе и армянонаселенных районах Азербайджана и Грузии вызывали серьезную обеспокоенность. Правительство Армянской ССР принимало необходимые меры для переселения национальных меньшинств в места их прежнего проживания, предоставляя им землю, строительные материалы, жилье и кредиты. Согласно опросам, проведенным в 1923 и 1926 гг., подавляющее большинство покинувших Армению национальных меньшинств вернулось. Определенное внимание уделялось их экономическим, политическим, образовательным и культурным проблемам. Численность национальных меньшинств увеличилась. Однако в целом в СССР и Советской Армении в 1920-е гг. национальные вопросы решались преимущественно в рамках политики «коренизации» и подчинялись общей логике этой политики. В советских республиках, в том числе и в Армении, в этот период наблюдались некоторые позитивные сдвиги в культурном и экономическом развитии, складывалась атмосфера толерантности среди национальных меньшинств. *Вклад авторов.* Разработка концепции исследования статьи, редактирование текста рукописи, осуществление плана работы проведено руководителем финансируемой темы Ваником Вирабяном. Накопление необходимых данных для раскрытия и интерпретации темы осуществлено в контексте соавторства. В целом ответственность за все аспекты работы, утверждение окончательного варианта статьи для публикации принадлежит обоим авторам. *Финансирование.* Исследование выполнено при поддержке МОНКС РА в рамках научной работы «Межэтнические развития и перемещения этнических групп населения в Республике Армения (1918–1990-е гг.)», проект № 25RG-6A113.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, межэтнические столкновения, национальные меньшинства, советизация, национальные процессы.

Цитирование. Вирабян В. Г., Геворгян Э. Г. Межэтнические отношения в Республике Армения и проблемы национальных меньшинств в 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – (На англ. яз.). – С. 72–85. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.6

Introduction. Interethnic relations in the 1920s played an important role in the interstate relations of the Transcaucasian republics, specifically the socialist republics of Armenia and Azerbaijan. Interethnic movements from one republic to another, their regulation, and the creation of real conditions for the peaceful coexistence of ethnic groups were of immense importance for the normal socio-political and cultural development of the republics. Therefore, in the Transcaucasian republics, issues of interethnic relations, resolution of complex issues of development of ethnic minorities, and their optimal placement in different areas of these republics were of great national importance. The main goal of this system was to ensure peaceful, calm coexistence of ethnic groups and national minorities, to overcome the former tension in this area, and to maintain the necessary balance of respectability, free communication, and friendly relations with respect to national groups.

Methods and materials. This topic has not been the subject of specific research, but some details are reflected in the works of various authors. B. Rezvani concludes that one of the areas of Soviet national policy in the 1920s was indigenization (nativization – korenizatsiya), the expansion of education among representatives of various nationalities in their native languages. This served as a means of indigenization for the Soviet leadership, curbing ethno-nationalism and the nationalization of various ethnic minorities. Therefore, its significance was ambiguous, and its implementation was far from consistent. From

the point of view of the development of nationalism, the titular nations of the South Caucasus were divided in the mass consciousness of the peoples according to the degree of development of national self-awareness. Only large ethnic groups in areas of compact settlement retained the national forms of statehood acquired under the policy of indigenization. The process of indigenization began almost simultaneously with the formation of the Soviet Union. According to B. Rezvani, indigenization essentially reflected the Bolsheviks' ethnic vision of nations and can be seen as a pragmatic policy to overcome interethnic and ethno-religious clashes and mass unrest between Armenians and Muslims in the South Caucasus [50, pp. 75, 79].

According to F. Shafiev, it was of fundamental importance for the Bolsheviks, who took control of the South Caucasus in 1920–1921, to unite all ethnic groups within the newly created socialist superstate, granting formal statehood to Azerbaijanis, Armenians, and Georgians within the Soviet borders. However, according to the author, resolving the territorial disputes between the republics, inherited after they gained independence in May 1918, was no easy task; various methods were used, primarily the redistribution of territories between the republics and the creation of autonomous regions. These solutions did not satisfy any of the republics, but under the auspices of communism, the Armenian and Azerbaijani Soviet Socialist Republics coexisted peacefully, despite the fact that territorial disputes could at any moment open Pandora's box of border revisions between Soviet ethnic groups: Armenians and Azerbaijanis [51, pp. 199-236; 52].

T. Vardanyan-Ayvazyan [57] and A. Harut'yunyan [28, pp. 164-181, 186-204] conclude that indigenization had a certain progressive significance, characterizing it as a "policy of positive actions" and expressing solidarity with T. Martin, who believes that in the USSR and, naturally, in Soviet Armenia in the 1920s and 1930s, national issues were resolved mainly within the framework of a policy of "nativization" (indigenization), which was generally progressive in nature, characterizing it as a "policy of positive actions." According to T. Martin, this policy was aimed at weakening and preventing manifestations of nationalism among the formerly colonized non-Russian peoples [34, p. 308], which would contribute to reducing interethnic tensions, preventing interethnic clashes, and thus establishing peaceful coexistence and cohabitation between national groups. T. Martin traces in detail the evolution of Soviet policy from the early 1920s to the early 1930s, i.e., the decade that included the formation of the USSR and the period of policy that became known as korenizatsiya. According to J. Baberovskij, this policy was consistently pursued among the peoples due to fears of separatist movements emerging in these regions [6, p. 308]. According to I. Niftaliev, at this stage, national policy in the Soviet republics was manageable and generally balanced, and certain positive changes were observed in the cultural and economic spheres of ethnic communities. However, issues of territorial delimitation were not resolved and remained one of the main causes of ethno-political conflicts between the two Transcaucasian republics – the Armenian and Azerbaijani SSRs – since the Soviet government only "imposed" a moratorium on these conflicts [44, pp. 127, 196-197]. Useful materials on the ethnic history and ethnic processes among the peoples of the Caucasus and Transcaucasia are contained in the works of G. Chursin [10] and N. Volkova [58, pp. 13-14], who were among the first to draw attention to the complexity of ethno-political processes. Some details are reflected in the publications of M. Gasimli [13], T. Zeynalova [62, pp. 33-49], E. Gevorgyan [14], and G. Sharoyan [53, pp. 41-52].

However, from the perspective of comprehensive historical analysis, this topic has not been the subject of specific research. Interethnic processes that took place in Soviet Armenia in the 1920s, national policy toward minorities, and its actual results, as well as omissions and negative phenomena, have not been fully studied and evaluated. This article attempts to analyze interethnic processes and identify the characteristics of state policy toward national minorities. Undoubtedly, coverage of interethnic events, movements, and resettlements of national minorities in various republics in the 1920s requires new, comprehensive approaches.

Analysis. It is well known that the resolution of controversial issues of interethnic developments and various previously overcome conflicts depends on several interrelated factors. These include the readiness of various layers of society, state administration bodies of various states, individual republics to resolve

contradictions and difficulties, negative phenomena in the sphere of interethnic developments, the presence and effective use of modern experience, discipline, tactical training of personnel, etc. Analysis of the problems of interethnic development and the resolution of accumulated problems of ethnic groups and minorities in the 1920s allows us to get a detailed idea of the essence of interethnic processes, the effectiveness of the work of Soviet authorities responsible for the state of interethnic relations, and other issues related to the development of ethnic minorities. In order to disclose the topic of interethnic processes and movements of ethnic minorities in the 1920s, it is necessary to analyze the following issues:

1) an analysis of the development system and dynamics of the processes of interethnic developments and ethnic groups in Armenia, comparing data of regional realities, as well as the factors regulating them;

2) a clear study of the sources, as well as the functioning of the logistics system;

3) a study of the issue from the point of view of the quality of the question posed, as well as adequate satisfaction of the urgent needs of society in the field of presentation and resolution of issues of the history of experience in resolving interethnic problems, meeting the urgent needs of national minorities.

After the Sovietization of Armenia, the resettlement of Armenian refugees and national minorities began. The newly established Soviet government faced new challenges. Numerous national minorities (Azerbaijanis, Kurds, Yazidis, Russians, Assyrians, Greeks, Jews, and others) lived in the republic, most of whom needed to be settled and integrated into Armenia's socio-political, socio-economic, and cultural life.

After the Sovietization, much attention was paid to national minorities, and certain steps were taken to normalize interethnic relations. In the land-poor Armenian SSR, some attention was paid to resolving land issues and disputes among national minorities, and particularly among the repatriated Azerbaijanis, although there were also complaints and difficulties of an objective and subjective nature, even within the same ethnic group, and particularly within the Azerbaijani community.

Solutions and outcomes. In 1921–1922, the return of national minorities who had left Armenia began, which put the government in a difficult situation.

According to the 1919 census, the population of the Republic of Armenia numbered 917,297 inhabitants, of whom 122,185 were Muslims [19, p. 178]. According to Z. Korkotyan, during the Turkish-Tatar unrest in 1919, more than 200 thousand Turks and Kurds left Armenia [33, p. 184]. According to the census conducted by the Soviet government in 1922, of the 781,011 inhabitants of Armenia, only 76,555 were Azerbaijanis 9.8% [41, p. 127; 61, p. 151], and in Georgia, about 82 thousand [61, p. 149]. According to the 1922 census, Armenia had 671,451 Armenians, which constituted 89% of the entire population of Armenia [61, p. 145].

And here is the picture presented by the national composition of the population of the Transcaucasian republics according to the agricultural census data of 1921–1923, which can be seen in Table 1 [1, p. 89; 61, p. 151].

Table 1. **National composition of the population of the Transcaucasian republics according to the 1921–1923 census**

Transcaucasian republic	Azerbaijanis	Armenians	Georgians	Other Caucasian peoples	Russians	Others	Total
Armenia	76,555 (9.8%)	671,450 (86.0%)	–	–	19,173 (2.4%)	13,833 (1.8%)	781,011 (100%)
Azerbaijan (incl. Nagorno-Karabakh, Nakhichevan region)	994,123 (56.0%)	239,183 (13.5%)	12,010 (0.7%)	295,016 (16.6%)	123,063 (7.0%)	109,896 (6.2%)	1,773,291 (100%)
Georgia (incl. Abkhazia, Ajaria, South Ossetia)	80,852 (3.3%)	290,048 (12.0%)	1,648,015 (68.1%)	142,115 (5.9%)	88,072 (3.6%)	172,905 (7.1%)	2,422,007 (100%)
Total	1,151,530 (23.1%)	1,200,681 (24.1%)	1,660,025 (33.4%)	437,131 (8.8%)	230,308 (4.6%)	296,634 (6.0%)	4,976,909 (100%)

In the first years of Soviet rule, out of approximately 85,000 Azerbaijanis who returned to Armenia, about 5,000 were resettled in the Daralayagaz district [62, p. 57]. Overall, according to data from spring 1924, out of those 85,000 Azerbaijanis who returned to Armenia, 71,029 people were provided with land, and by the end of 1924, there were no landless Azerbaijanis in the republic, having received significant assistance from the government of the Armenian SSR [53, p. 47]. According to Soviet-era historian G. Sharoyan, from the very first days of the establishment of Soviet rule, tens of thousands of Azerbaijanis who had left Armenia in 1918–1920 began to return en masse from the Azerbaijani SSR, Persia, and other places to their former settlements in Armenia. They were mainly settled in the districts and villages where they had previously lived: Yerevan, Etchmiadzin, Leninakan, Nor Bayazet, Zangezur, Lori-Pambak, Dilijan, Daralayagaz, and Meghri districts [62, p. 42].

The republic was filled with thousands of homeless refugees; most Armenian peasants did not have their own land, livestock, agricultural tools, or seeds, and now newcomers needed to be accommodated. For example, in May 1922, a large number of Armenians from Tabriz could not return to Armenia due to land scarcity. They had applied to the Armenian government and temporarily received a refusal [2, l. 26; 27, l. 74]. On August 22, 1923, the People's Commissariat of Internal Affairs of Armenia (NKVD) requested the executive committee of the Nakhichevan Regional Council to accommodate 300 Armenian refugees from Tabriz, natives of Agulis and Julfa, in Nakhichevan [7, l. 24; 24, l. 26].

In 1923, natives of the Meghri region applied to the local authorities for permission to emigrate due to land scarcity. Many of them went to the Etchmiadzin region to participate in the construction of the Sardarapat canal. There they were provided with land and housing [46, l. 10, 12, 23]. In the same year, 1923, former residents of Meghri living in Trans-Caspian countries, through their authorized representative Anastas Gabrielyan, applied to return to Armenia. The Armenian government could not accommodate them in their native villages and allowed them to resettle in the village of Mets Shahriar in the Etchmiadzin district [4, l. 19-20]. The resettlement of the Armenian population from the North Caucasus was stopped because "the economic and food situation of Armenia was such that it could not accept any new groups into its territory" [40, p. 198].

At the same time, the repatriation of diaspora Armenians had begun. On the other hand, Azerbaijanis who had left Zangezur demanded to be resettled only in their former places of residence. How the events of 1918–1920 affected the ethnic composition of certain regions of Transcaucasia can be seen in the example of Zangezur. According to Russian researcher G. Chursin, if in 1897, out of a population of 137.9 thousand, 63.6 thousand were Armenians (46.2%), 71.2 thousand were Azerbaijanis (51.7%), and 1.8 thousand were Kurds (1.3%), then according to the 1922 agricultural census, the total population of Zangezur was 63.5 thousand people, including 56.9 thousand Armenians (89.5%), 6.5 thousand Azerbaijanis (10.2%), and 0.2 thousand Russians (0.3%) [10, p. 230; 40, p. 205].

In fact, both the Azerbaijani and Armenian governments sought to resolve the issue of resettlement to Azerbaijan and Armenia in conditions favorable to the republics, seeking to control ethnic processes. In this context, modern Azerbaijani historian Ilgar Niftaliev reflects on the pages of the recent past, expressing dissatisfaction with the administrative-territorial changes that took place. He believes that after joining the Transcaucasian Federation, processes were carried out within the borders of the Azerbaijani SSR and the Armenian SSR that did not take into account the historically established ethnic boundaries and the economic situation of the Azerbaijani population. Instead, they were aimed at yet another expansion of the borders of the Armenian SSR by fragmenting Azerbaijani SSR lands [44, pp. 196-197].

Yazidis living in Georgia had applied to return to Armenia. They had moved to Georgia from the Kars region (282 people, 48 households) and wished to resettle in the Kotayk and Etchmiadzin districts and Ashtarak [20, l. 50-51]. The Molokans who had voluntarily left the villages of Borisovka and Bazarchay in Sisian after the Sovietization of Zangezur in 1921 returned [37, l. 3]. Incidentally, when the Molokans of these villages left for the Shamakhi district, the local authorities made efforts to persuade them to abandon such intentions. However, it was in vain. They replied, "You and the Dashnaks are Armenians, we don't believe you and don't want to stay in this country" [27, l. 3; 37, l. 10]. It should

also be noted that before leaving, they had mostly sold their property and homes. Refugees or landless/land-poor peasants from surrounding villages had resettled in these villages. Now, the former residents had returned and demanded the gratuitous return of what they had sold.

In 1923, some of the Molokans living in the Dilijan district also left for Russia. They were demolishing their homes before leaving. To prevent these illegal actions, the NKVD of Armenia proposed to the Council of People's Commissars to nationalize the homes of Molokans leaving for Russia [8, l. 138].

Nevertheless, the Armenian government took all measures to accommodate national minorities in their former settlements, providing them with land, building materials, housing, and loans. It should be noted that while the immigration of both Armenians and national minorities had largely begun, from December 1920 to the end of 1921, no accurate accounting of it was carried out. It was mainly spontaneous. Therefore, it is impossible to provide exact figures for the immigrants. To organize immigration, an evacuation department was established under the NKVD in Armenia in January 1922 [23, l. 1]. An Armenian resettlement commission was also founded [45, l. 45]. Later, by the decision of the Presidium of the Central Executive Committee of Armenia on January 30, 1923, the central evacuation department of the NKVD was reorganized into a resettlement department [22, l. 54; 54, l. 16]. Everything was done to improve the condition of the refugees. Material and medical assistance were organized, and feeding points were established [23, l. 4].

Azerbaijani refugees reported to the Qamarlu Revolutionary Committee that in "Maku and Persia, they not only failed to receive fraternal treatment from the local population but were also completely plundered" [31, p. 195].

However, the resettlement took place in rather difficult conditions. The problem was that the resettlement from the Azerbaijani SSR to the Armenian SSR and vice versa took place in a forced manner. The Azerbaijanis who settled in the Armenian SSR were often affected by the strong-willed administrative decisions of local authorities, who arbitrarily resolved interethnic issues without taking into account their interests, which later led to ethnic clashes. For example, in 1923, the village of Nyuvadi in Meghri tried to join the Zangelan region. A representative from the Meghri region went to Nyuvadi to deter the villagers from their intention. At the same time, leading workers of the Zangelan region, including the chairman of the regional council, had convened a meeting, demanding that the villagers fight to the end for Nyuvadi's connections to Azerbaijan. They also threatened the Meghri representative, intimidating him with arrest. The Azerbaijanis declared, "There is no Soviet power here" [2, l. 5].

The Azerbaijani-populated villages of Tghut and Aonadzor, near Shvanidzor village in the Meghri region, also attempted to defy Armenia in 1923 [2, l. 4; 60, l. 24]. On September 16, 1923, the chairman of the Jabrayil district executive committee, in a letter to the Meghri district executive committee, stated that Tghut was subordinate to them. He demanded not to interfere in the village's affairs [35, l. 19]. Nakhichevan demanded the southern Armenian-populated villages of Daralagyaz and the village of Karchivan in the Meghri region [42, l. 4].

Overall, at the beginning of the 1920s, the issue of 30 Armenian villages in Zangezur became contentious through the Azerbaijanis. The point is that Azerbaijani representatives demanded that territorial borders be drawn based on the national affiliation of the villages' populations [47, l. 22].

On November 30, 1923, 38 Azerbaijani families from the village of Ilagmlu in the Vorontsovka district of Lori province applied to the district executive committee for permission to permanently relocate to the Kars province with their livestock and movable property. Investigation revealed that the main reasons for emigration were the so-called climatic conditions, infertility, and the desire to live in Turkey [42, l. 162]. In essence, while resettlement was taking place on one hand, authorities were facing emigration cases on the other.

The national policy pursued by the Armenian government was greatly hindered by disputed border issues with Azerbaijan [21, l. 7, 28, 41] and Georgia [35, l. 41]. Such disputes often came at a high cost to Armenia. For example, the village of Kyarki (in Vedi Basar), which was an undisputed territory of Armenia, was annexed to Nakhichevan [47, l. 22].

Robbery, cattle rustling, and road blockades were widespread in border regions. In many cases, the national policy pursued by the Armenian government was not viewed objectively by

Azerbaijan. On the contrary, they tried to present this policy only in a negative light. For instance, in December 1926, residents of Ushi village in the Etchmiadzin district were supposed to move to Azerbaijan with the consent of the Azerbaijani People's Commissariat of Land. The residents of Ushi first visited the location in Chaykend village of Nukhi district to familiarize themselves with the situation. And when they were already organized and were supposed to move with their families, the Azerbaijani authorities sent them back from Yevlakh station and then informed the Transcaucasian People's Commissariat that Azerbaijanis were not being treated well in Armenia [48, l. 194, 197].

Further developments in national policy. Representatives of national minorities who had moved to Armenia were exempted from taxes in 1923 [18, l. 5]. They were provided with comprehensive assistance for repairing old dwellings, building new ones, and engaging in agricultural work. For example, on March 14, 1924, the Zangezur District Executive Committee informed the Central Executive Committee of the Armenian SSR in a letter that comprehensive assistance had been organized for 920 Azerbaijanis settled in Kapan. At the same time, it was noted that until their problems were resolved, the refugees had also applied to the Central Executive Committee of Azerbaijan for assistance and had been left empty-handed [25, l. 10].

At the same time, the situation of the Armenian population of Nakhichevan caused serious concern. One of the peculiarities of Azerbaijan's national policy was the creation of a situation, under the threat of genocide, during periods of exacerbation of interethnic relations, where the population forcibly displaced from its native land could no longer return to its former settlement. This was the case with Armenian refugees who came to Armenia from the Gandzak and Nakhichevan provinces in 1918–1920. Of 135.8 thousand refugees, only 8.3% (12,830 people) returned to their settlements [32]. Armenian residents of Shushi also shared this fate. According to statistical data, in the region of Nakhichevan, 58.5 thousand Armenians lived in 1917 (40% of the total population) [28, pp. 164-181; 54]. But by the 1926 census, that number had decreased almost 5 times, amounting to only 11,276 people [59].

The fact is that in 1918–1920, the Nakhichevan Armenians who survived the massacres organized by Turkish troops and Musavat gangs and left their homes were repeatedly prevented from returning to their native land by special decisions of the Soviet Azerbaijani and Nakhichevan Central Executive Committees from 1922 to 1926, even though their houses were empty, doors closed, and lands uncultivated. Musabekov, the chairman of the Council of People's Commissars of the Azerbaijani SSR, reported in a telegram to the chairman of the Council of People's Commissars of Armenia on June 24, 1922, that by decision of the Azerbaijani Central Executive Committee, the mass entry of the population into Azerbaijan's borders was prohibited [54]. In 1923, Azarapete Melikyan, a representative of several Armenian-populated villages in Nakhichevan, sent an appeal to the Starving Commission of the Central Executive Committee of Armenia. It stated that 1,360 peasants from three Armenian-populated villages in Nakhichevan were on the verge of starvation and that no one would agree to give them even a pound of barley. Many were forced to eat wild grass, and many were dying. A medical certificate was also attached to the appeal. They requested Armenia to send flour to the Armenians of Nakhichevan for 3–4 months. At the end of the appeal, they wrote that they could emigrate to Armenia, but this would be welcomed by the Nakhichevan government. However, they would never "leave the graves of their ancestors" [35, l. 76]. The Azerbaijani authorities of Nakhichevan conducted inspections in Armenian villages under the pretext of confiscating weapons, taking away even the last hunting rifle, even though banditry was widespread throughout the entire republic [17, l. 67-69].

Similar problems existed for the Armenian population in the field of national policy in Nagorno-Karabakh, other Armenian-populated areas of Azerbaijan, and Georgia. The situation in the field of national policy was also complicated by the fact that after the majority of minorities were resettled in their former settlements with great difficulty, others returned to Armenia with the calculated guidance of the Azerbaijani authorities and demanded to be settled as well. However, there were no free places left in the villages. The land management program had long been compiled and implemented or was being implemented. For example, the local authorities

of Zangezur, especially the district executive committees of Goris and Daralayagaz, repeatedly appealed to their superiors to demand that the Nakhichevan authorities prohibit the entry of the Muslim population into Zangezur [36, l. 43, 51].

It is also noteworthy that national minorities, especially Azerbaijanis, resorted to all means to prevent others, non-Muslims, from settling on the surplus lands of their villages, and also to prevent new villages from being established near them [29, l. 47]. However, sometimes Azerbaijanis, as a national minority, dissatisfied with the national policy pursued by the authorities of the Armenian SSR, filed complaints with the authorities of Soviet Azerbaijan. For example, in 1925, a complaint was submitted to A. Rykov, Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR, in Tiflis on behalf of several Azerbaijani villages in the Daralayagaz district, accusing the Armenian government of alleged discriminatory policies against Azerbaijanis living in Armenia. Names of villages such as Qisr Kharabah – Qisr Kharabah (Ky'sy'r Xaraba – Ghy'sr Xaraba) village of Sharur-Daralagyaz district of Yerevan province [26, p. 123] and others were mentioned in the complaint. Land disputes arose in border provinces and regions, as a result of which the republic lost land territories [30, l. 63].

Despite the above facts, the vast majority of national minorities were resettled in Armenia, becoming its full citizens. More normal and secure conditions were created for the lives of Armenia's national minorities. A Turkish section operated under the Agitprop Department of the Central Committee of the Communist Party of Armenia (Bolsheviks) [39, l. 1], and a commission for national minorities was established under the Central Executive Committee of Armenia in 1926, with its local bodies [12, l. 159]. Continuous serious studies were carried out among minorities to check their economic, political, educational, and cultural life. Schools were opened for them, teaching staff were trained, and education and correspondence were conducted in the native language by a decision of the government on May 11, 1924 [11, l. 173, 175]. Non-party conferences of national minorities were convened to discuss issues concerning them, which were invariably given attention by the Armenian government. For example, on December 30–31, 1925, a non-party congress of Yazidis from the Etchmiadzin district was held in Shamiram village, which adopted several decisions on making Yazidis sedentary, raising their educational and cultural level, and improving living conditions. It was decided to show intolerance towards tribalism, polygamy, bride price requirements for marriage, and other vicious phenomena [33, pp. 98-99]. On May 23, 1926, the First All-Armenian Kurdish Congress was held with the participation of 75 delegates. It discussed issues of agriculture and cooperation, education and culture, living conditions, and current affairs [3, l. 97-103].

On December 13, 1924, the inaugural meeting of Armenia's land management workers noted that there were no landless or land-poor peasants among the national minorities within the republic's borders [48, l. 163].

In 1926, the Etchmiadzin District Executive Committee thoroughly investigated the condition of the Jews in the village of Pokr Shahriar and familiarized itself with their demands. It was found that the village's Jewish community comprised 17 households, with 114 individuals, that they did not own their homes, lived in rented accommodation, and that all of them were provided with land. To improve the situation of the Jews, the District Executive Committee took several measures and allocated long-term loans [3, l. 112].

Great attention was also paid to the education of minorities. Schools, preschools, and other educational institutions operated almost everywhere, and personnel were trained and retrained for them. In December 1924, Assyrian and Yazidi teachers held their congress in Yerevan [38, l. 58]. In 1924, there were 18 Azerbaijani, 5 Russian, 3 Assyrian, and 1 Greek schools in Yerevan Province, and 2 Azerbaijani and 1 Yazidi school in Etchmiadzin Province [9, l. 20]. In the same year (1924), there was also an Azerbaijani orphanage in Yerevan with 60 children [48, l. 37].

In the 1925–1926 academic year, 12 schools for national minorities, with 421 students, operated in Etchmiadzin Province [56, l. 124]. Through the efforts of the Armenian government, the Kurdish alphabet was created, among other initiatives.

Archival documents attest that in other union republics, national minority issues were not resolved as quickly as in Armenia. For example, the Georgian government repeatedly applied to Armenia to provide posters in Kurdish for organizing the Soviet election campaign. Doctors and other specialists

working among Kurds and Azerbaijanis also traveled from Armenia to Georgia [49, l. 8].

Undoubtedly, there were also difficulties, but these were not entirely the fault of the Armenian government. For instance, there were no teachers or village council secretaries who could teach in national languages, and this work was carried out by Muslim clerics (mullahs), while Azerbaijanis complained that they were not given enough attention. The same applied to courts and other matters.

The Soviet resolution of ethno-territorial issues between Soviet Armenia and Azerbaijan in 1921–1923 was partial and unjust in the eyes of both nationalists who had moved abroad and some communists.

The humanitarian policy pursued by the Armenian authorities yielded results. This was primarily reflected in the demographic profile of the Armenian population. The population of the republic significantly increased. This is evidenced by the 1923 and 1926 census data.

However, according to the 1923 and 1926 censuses, the picture of the ethnic composition of the population of the Soviet Republic of Armenia is as can be seen from Table 2 [43, l. 6, 59; 55, l. 51; 62, p. 34].

These are mainly the data for 9 provinces (Yerevan, Alexandropol, Etchmiadzin, Dilijan, Lori-Pambak, Nor Bayazet, Zangezur, Daralayagaz, and Meghri). The total was 1,057,058 people, and according to some data, also 1,400,000 [15, l. 6, 59].

These latter data show that according to the 1926 census, about 15.55 percent (136,823 people) of the total population of the Armenian SSR belonged to national minority groups.

As we can see, there was a noticeable increase in all nationalities in 1926 compared to 1923. It should also be noted that due to natural population growth and the influx of refugees from Western Armenia, the population of Armenia increased by 22.3% in a short period from the end of 1921 to the All-Union Population Census of 1926 [16, l. 47]. Armenia, unlike its two neighboring republics, Georgia and Azerbaijan, was more mono-ethnic. However, the well-known Azerbaijani author Nazim Mustafa, examining the 1926 census data and noting that out of the 880,464 residents of Soviet Armenia, 85,554 or 9.76 percent were Muslims, 3,025 or 0.4 percent were Muslim Kurds, and 12,237 or 1.4 percent were Yazidi Kurds, and claiming that according to July-August 1919 data, out of 917,297 people, 122,185 were Muslims [19, p. 178; 61, p. 151], he then asserts that approximately 70,000 Turks and Kurds were allegedly expelled at that time, and that by the 1922 census, only 76,555 of Armenia's 781,011 residents were Azerbaijanis (9.8 percent). He considers this a very negative phenomenon and ultimately concludes that a discriminatory policy was implemented against Azerbaijanis [44, p. 127; 61, p. 151]. This, of course, does not correspond to the actual facts and is refuted by comparing the available census materials of 1926 [61, p. 15].

According to the 1926 census, the ethnic distribution of the population in the Transcaucasian Soviet Federation between the titular nation and national minorities is evident from Table 3 [1, p. 94; 5, p. 53; 59].

Results. Thus, in the early 1920s, the overwhelming majority of national minorities who left Armenia were resettled within the republic. According to the results of a 1926 survey, approximately 80% of Azerbaijanis who emigrated from Eastern Armenia to Azerbaijan and Persia returned and settled in their former places of residence [5, pp. 37, 48-49].

Table 2. **Ethnic composition of the population of the Soviet Republic of Armenia according to the censuses of 1923 and 1926**

Nationality	1921–1923		1926	
	Number	Percentage	Number	Percentage
Armenian	593,791	86.39%	743,571	84.45%
Azerbaijani	54,264	7.89%	76,870	8.73%
Russian	19,173	2.78%	19,548	2.22%
Kurd	833	0.12%	3,025	0.35%
Yazidi	840	0.12%	12,237	1.39%
Greek	27	0.05%	2,980	0.34%
Assyrian	4,523	0.65%	2,215	0.25%
Other Nationalities	13,833	2.01%	20,018	2.27%
Total	687,284	100%	880,464	100%

Table 3. **Titular nations and national minorities in the Transcaucasian Soviet Federation according to the 1926 census**

Armenian SSR		Georgian SSR		Azerbaijan SSR	
Total number	743,571	Total number	1,788,186	Total number	1,437,977
Turk	76,870	Armenian	307,018	Armenian	282,004
Russian	19,548	Turk	137,921	Russian	220,545
Yazidi	12,237	Ossetian	113,298	Talysh	77,323
Karapapakh	6,311	Russian	96,085	Kurd	41,193
Others	20,392	Others	201,699	Others	211,018

Negative phenomena in the sphere of interethnic relations and their overcoming had a positive impact on the resolution of issues of the settlement of ethnic groups. Many issues of interethnic disputes were resolved through mutual agreement and mutual concessions, although they were not completely overcome. The efforts of party and government bodies were aimed, first of all, at creating a normal, benevolent atmosphere and ensuring stability in society, which largely depended on the resolution of national contradictions and disputes. At the same time, instances of artificially forcing the resolution of problems had negative consequences, often leading to increased discontent, indignation, and negative sentiments among ethnic groups. In general, both Azerbaijan and Armenia pursued a restrained and balanced policy toward national minorities during those years as part of the "nativization" policy. Thanks to these measures, national minorities became participants in the republic's socio-political, economic, and cultural life.

REFERENCES

1. Vardanjan L.M., ed. *Armyane. Seriya «Narody i Kultury»* [Armenians. The Peoples and Cultures Series]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 648 p.

2. AXFSH Kentgorc'komi qartugharut'yan nisti, Zangezuri ev Ghap'ani, Zangezuri ev Kubatinski gavgorc'komneri nerkayacucichneri hamategh xorhrdakcut'yunneri ard'anagrut'yunneric [From the Minutes of the Meeting of the Secretariat of the Central Executive Committee of the Armenian SSR, the Joint Consultations of Representatives of the Zangezur and Ghapan, Zangezur and Kubatinsky Regional Executive Committees]. *National Archive of Armenia* (hereinafter – NAA), f. 112, inv. 2, d. 1. 66 l.

3. AXFSH 1923 t'. 7–8 amisneri ev HXSH kar'avarut'yan 1924 t'. 5–6 amisneri o'renqneri u voroshumneri havaqac'uner [Collections of Laws and Resolutions of the Armenian SSR Government for 7–8 Months of 1923 and of the Armenian SSR Government for 5–6 Months of 1924]. *NAA*, f. 112, inv. 2, d. 21.119 l.

4. AXFSH Kentgorc'komi y'ndhanur grasenyaki gorc'avarut'yan veraberyal hrahang [Instruction on the Administration of the General Office of the Central Executive Committee of the All-Union Socialist Federative Socialist Republic]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 185. 61 l.

5. *Azerbaijanis*. Moscow, Nauka Publ., 2017. 708 p.

6. Baberovskij J. *Vrag est vezde. Stalinizm na Kavkaze* [The Enemy Is Everywhere. Stalinism in the Caucasus]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 855 p.

7. HXSH Kentronakan gorc'adir komite. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri petakan marminnerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Central Executive Committee of the Armenian SSR. Reports and Decisions Addressed to State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 5. 112 l.

8. Centralny Komitet Kommunisticheskoy partii Armenii. Doklady instruktorov podotdela o socialno-ekonomicheskom polozhenii nacmenshinstv [Central Committee of the Communist Party of Armenia. Reports of Sub-Department Instructors on the Socio-Economic Situation of National Minorities]. *NAA*, f. 1, inv. 4, d. 150. 192 l.

9. Centralny Komitet Kommunisticheskoy partii Armenii. Doklady o rabote Araratskoy obshhiny [Central Committee of the Communist Party of Armenia. Reports on the Work of the Ararat Community]. *NAA*, f. 1, inv. 4, d. 141. 30 l.

10. Chursin G. Armyane Zangezura. Kratkiy etnograficheskiy ocherk [Armenians of Zangezur. Brief Ethnographic Essay]. *Nauchnye zapiski Zakavkazskogo kommunisticheskogo universiteta im. 26-ti* [Scientific Notes of the Transcaucasian Communist University Named After the 26th], vol. I, iss. 6. Tiflis, ZKU, 1931, pp. 221-264.

11. Dilijani, Nor Bayazeti, P'ambak–Lor'u gavgorc'komneri hashvetu zekucagrer [From the Report of the Dilijan, Nor Bayazet, and Pambak-Lori District Executive Committees]. *NAA*, f. 112, inv. 2, d. 139. 187 l.

12. E'jmiac'ni gavggorc'komi, Andrgorc'komi naxagahut'yan ev gyughxorhurdneri nisteri ard'anagrut'yunner [Minutes of the Meetings of the Echmiadzin District Executive Committee, the Presidium of the Sub-Executive Committee, and the Village Councils]. *NAA*, f. 112, inv. 2, d. 877. 179 l.

13. Gasimli M. Etnopoliticheskaya situatsiya na Yuzhnom Kavkaze posle oktyabrskogo perevorota v Rossii [The Ethnopolitical Situation in the South Caucasus After the October Revolution in Russia]. *In Service to Historical Science: The Collection Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Otar Janelidze*. Tbilisi, 2024, pp. 331-345. URL: https://www.researchgate.net/publication/380295853

14. Gevorgyan E. Azgayin p'oqramasnutyunneri verabnakecumy' Hayastanum (1920-akan tvakanneri skizb) [Resettlement of National Minorities in Armenia (Early 1920s)]. *Lraber hasarakakan gitutyunneri* [Herald of Social Sciences], 1996, no. 2, pp. 80-88.

15. Gosudarstvennaya Planovaya Komissiya pri Sovete Ministrov Armyanskoy SSR (Gosplan). Dokladnaya zapiska zakonadatelnoy komissii Zakavkazskogo TsIKa po bezhenskomu-pereselencheskomu voprosu [State Planning Commission Under the Council of Ministers of the Armenian SSR (Gosplan). Report of the Legislative Commission of the Transcaucasian Central Executive Committee on the Refugee and Resettlement Issue]. *NAA*, f. 130, inv. 6, d. 197. 153 l.

16. Gosudarstvennaya Planovaya Komissiya pri Sovete Ministrov Armyanskoy SSR (Gosplan). Postanovlenie Soveta Ministrov Armyanskoy SSR, otnosyashhiesya k deyatelnosti otdela pishhevoy promyshlennosti.1927–1969 gg. [State Planning Commission Under the Council of Ministers of the Armenian SSR (Gosplan). Resolution of the Council of Ministers of the Armenian SSR Relating to the Activities of the Food Industry Department. 1927–1969]. *NAA*, f. 130, inv. 8, d. 1353. 1782 l.

17. Gragrut'yun zinvorakan komisariati het [Correspondence with the Military Commissariat]. *NAA*, f. 112, inv.1, d. 11. 76 l.

18. Gragrut'yun XSHM Kentgorc'komi het [Correspondence with the Central Executive Committee of the USSR]. *NAA*, f. 112, inv. 5, d. 38. 14 l.

19. Grigoryan G. Hayastani Hanrapetut'yan bnakchut'yan jhoghovrdagrakan patkery' 1919 t' [Demographic Picture of the Population of the Republic of Armenia in 1919]. *Banber Hayastani Arkhivneri* [Herald of Armenian Archives], 2005, no. 1, pp. 174-179.

20. Grut'yunner Hayastani sahmanayin jokatneri het, verjinneric stacvac' dimumneri, haghordumneri, HXSH hoghayin vetweri veraberyal hand'najhoghovi nisteri ard'anagrut'yunneric, hoghayin–sahmanayin vetweri masin [Correspondence with the Armenian Border Detachments, Applications and Reports Received from the Latter, Minutes of the Meetings of the Armenian SSR Commission on Land Disputes, Land-Border Disputes]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 35. 51 l.

21. Grut'yunner Nerqin gorc'eri jhoghkomati het, verjinisev Hoghjhoghkomati, AXFSHev HXSH nerqin gorc'eri ministrut'yunneri miev [Correspondence with the People's Commissariat of Internal Affairs, Between the Latter and the People's Commissariat of Land Affairs, the Ministries of Internal Affairs of the ASSR and the Armenian SSR]. *NAA*, f. 112, inv. 2, d. 14. 46 l.

22. HXSH Jhoghkomxorhin ar'y'nt'er ashxatavorakan nergaght'i hand'najhoghovi nisteri ard'anagrut'yunic [From the Minutes of the Sessions of the Labor Immigration Committee Under the Council of People's Commissars of the Armenian SSR]. *NAA*, f. 123, inv. 42, d. 86. 153 l.

23. HXFSH Kentgorc'komi Andrkovkasi nerkayacucchut'yan, HXSH NGJhK–i mijev 1922 t'. aprili 19–i hand'najhoghovi nisti 1922 t'. aprili 19–i ard'anagrut'yunic [From the Minutes of the Meeting of the Commission of April 19, 1922 Between the Transcaucasian Representation of the Central Executive Committee of the Armenian SFSR and the Armenian SSR People's Commissariat of the People's Republic of Armenia, April 19, 1922]. *NAA*, f. 123, inv. 42, d. 11. 15 l.

24. HXSH Kentgorc'komi, nra hanrapetut'yunneri mijev sahmanayin vetwer luc'ogh hand'najhoghovi, HXSH Nerqin gorc'eri jhoghkomi gaght'akanakan gc'ov hand'najhoghovi nisteri qaghvac'qner, gragrut'yun Naxijvani Kentgorc'komi het [Excerpts from the Sessions of the Central Executive Committee of the Armenian SSR, the Commission for Resolving Border Disputes Between Its Republics, the Commission on Migration of the Armenian SSR People's Commissariat of Internal Affairs, Correspondence with the Central Executive Committee of Nakhichevan]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 95. 187 l.

25. HXSH NGJHK–i grut'yunner, zekucagrer – ughghvac' hanrapetut'yunneri Kentgorc'komnerin, Jhoghkomatnerin [Letters and Reports of the Armenian SSR Central Executive Committee Addressed to the Central Executive Committees and People's Commissariats of the Republics]. *NAA*, f. 123, inv. 42, d. 21. 45 l.

26. Hakobyan T., Melik-Bakhshyan S., Barseghyan H. *Hayastani ev harakic shrjanneri teghanownneri bar'aran, Hator 4 (P–F)* [Dictionary of Toponyms of Armenia and Adjacent Regions. Vol. 3 (K–Ch)]. Yerevan, YSU Press, 1998. 992 p.

27. Haykakan XSH Gyughatntesut'yan naxararut'yun. Hayastani Heghkomi dekretner, XSHM u HXSH Jhoghkomxorhneri, Ministrneri Xorhrdi, Hoghjhoghkomati voroshumner [Ministry of Agriculture of the Armenian SSR. Decrees of the People's Commissariat of Armenia, Decisions of the Councils of People's Commissars of the USSR and the Armenian SSR, the Council of Ministers, and the People's Commissariat of Agriculture]. *NAA*, f. 123, inv. 16, d. 112. 112 l.

28. Harut'yunyan A. *Adrbejan petutyan arajacumy'ev adrbejancineri etnogenezi xndiry'* [The Emergence of the Azerbaijani State and the Problem of the Ethnogenesis of Azerbaijanis]. Erevan, Antares Publ., 2025. 304 p.

29. Kentgorc'komi 30 hunvari 1923 t'. dekrety' [The Decree of the Central Executive Committee of January 30, 1923]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 1. 238 l.

30. Kentgorc'komi 3-rd nstashrjani, naxagahut'yan nisteri ard'anagrut'yunner, banad'ever [Minutes and Resolutions of the 3rd Session of the Central Executive Committee and the Presidium Meetings]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 139. 187 l.

31. Khojabekyan Vl. *Hayastani bnakchut'yuny' ev nra zbaghvac'ut'yuny' (1828-1978)* [The Population of Armenia and Its Employment (1828–1978)]. Erevan, HSSH GA hrat., 1979. 394 p.

32. Khojabekyan Vl. Ceghaspanut'yuny' ev hayat'ap'ut'yuny' Adrbejanum (1918–1990-akan t'vakanner) [Genocide and Depopulation in Azerbaijan (1918–1990s)]. *Patma-banasirakan handes* [Historical and Philological Journal], 2005, no. 1, pp. 21-41.

33. Korkotyan Z. *Xorhrdayin Hayastani bnakchut'yuny' verjin haryuramyakum: Bnakavayreri lriv cucaky' 1831, 1873, 1897, 1908, 1914, 1916, 1919, 1922, 1926 yev 1931 t'vakannerin* [The Population of Soviet Armenia Over the Last Century: A Complete List of Settlements (1831, 1873, 1897, 1908, 1914, 1916, 1919, 1922, 1926, and 1931)]. Erevan, Pethrati tparan, 1932. 186 p.

34. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939*. Ithaca-London, Cornell University Press, 2001. 496 p.

35. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri petakan o'rgannerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Reports and Decisions Addressed to State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 135. 78 l.

36. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri petakan o'rgannerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Reports and Decisions Addressed to State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 126. 73 l.

37. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri Geraguyn petakan o'rgannerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Reports and Decisions Addressed to the Supreme State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 136. 93 l.

38. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri Geraguyn petakan o'rgannerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Reports and Decisions Addressed to the Supreme State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 138. 231 l.

39. Miut'yan ev hanrapetut'yunneri petakan o'rgannerin ughghvac' haghordumner, voroshumner [Reports and Decisions Addressed to State Bodies of the Union and the Republics]. *NAA*, f. 1, inv. 2, d. 141. 17 l.

40. Mustafaeva S. Soviet Russia and the Formation of Borders Between the Caucasian States (Based on a Case Study of Azerbaijan and Armenia). *The Caucasus & Globalization. Journal of Social, Political, and Economic Studies.* Sweden, CA&CC Press, 2010, vol. 4, iss. 1–2, pp. 196-205.

41. Mustafa N. About Deportations, Repressions and Terrorist Acts Committed by Armenian Official Circles Against the Kurds in the 20th Century (Ethno-Political Analysis). *Strategic Analysis,* 2018, no. 1–2 (23–24), pp. 125-134.

42. Nerqin gorc'eri jhoghkomati xorhrdakcut'yunneri ev hoghjhoghkomati nisteri ard'anagrut'yunner [Minutes of the Consultations of the People's Commissariat of Internal Affairs and the Sessions of the People's Commissariat of Land]. *NAA*, f. 112, inv. 2, d. 3. 282 l.

43. Nerqin gorc'eri jhoghkomati informacion bajhni teghekagrer [Bulletins of the Information Department of the People's Commissariat of Internal Affairs]. *NAA*, f. 112, inv. 3, d. 334. 107 l.

44. Niftaliev I. *Azerbaidzhanskaya SSR v ekspansionistskikh planakh armyan (20-e gody XX veka)* [Azerbaijani SSR in the Expansionist Plans of Armenians (1920s of the 20th Century)]. Baku, Tashsil Publ., 2010. 292 p.

45. Qaghvac'q Andrkentgorc'komi naxagahut'yan ard'anagrut'yunic [Letters and Reports of the Armenian SSR Central Executive Committee Addressed to the Central Executive Committees and People's Commissariats of the Republics]. *NAA*, f. 123, inv. 42, d. 42. 49 l.

46. Qaghvac'q Hoghjhoghkomati ev Nerqin gorc'eri varchut'yan 23 marti 1923 t'. nisti ard'anagrut'yunic [Excerpt from the Minutes of the Meeting of the People's Commissariat of Land and the Department of Internal Affairs of March 23, 1923]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 70. 40 l.

47. Qaghvac'q HXFSH Kentgorc'komi 1/1 1927 t'. nisti ard'anagrut'yunic [Excerpt from the Minutes of the Meeting of the Central Executive Committee of the Armenian SFSR on 1/1, 1927]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 280. 84 l.

48. Qaghvac'qner AXFSH ev HXSH Kentgorc'komneri naxagahut'yan nisteri ard'anagrut'yunic, gragrut'yun HXSH Jhoghkomxorhi het [Excerpts from the Minutes of the Sessions of the Presidiums of the Central Executive Committees of the Armenian SSR and the Armenian SSR, Correspondence with the Council of People's Commissars of the Armenian SSR]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 266. 199 l.

49. Qaghvac'qner. AXFSH ev HXSH Kentgorc'komneri naxagahut'yan nisteri ard'anagrut'yunneri [Excerpts from the Minutes of the Sessions of the Presidiums of the Central Executive Committees of the Armenian SSR and the Armenian SSR]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 413. 79 l.

50. Rezvani B. *Ethno-Territorial Conflict and Coexistence in the Caucasus, Central Asia and Fereydan*. Amsterdam, University of Amsterdam, 2013. 447 p.

51. Shafiyev F. *The Russian-Soviet Resettlement Policies and Their Implications For Ethno-Territorial Conflicts In The South Caucasus. A thesis of Doctor of Philosophy in History*. Ontario, Carleton University Ottawa, 2015. 403 p.

52. Shafiyev F. The Forced Resettlement of Azerbaijanis from Armenia, 1948–1953. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 2019, iss. 2 (vol. 39), pp. 177-198.

53. Sharoyan G. *Hoghashinararut'yuny' Hayastanum azgayin p'oqramasnut'yunneri shrjanum (1921–1927 t't'.)* [Land Development Among National Minorities in Armenia (1921–1927)]. Erevan, Yerevan University Press,1960. 151 p.

54. Teghekagrer Armentayi 1922–23 t't'. gorc'uneut'yan masin [Bulletins on Armenta's Activities in 1922–23]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 130. 22 l.

55. Teghekatu tvyalneri aghyusakner. HXSH 1926 t'. varchateritorial bajhanumi [Reference Data Tables: 1926 Administrative-Territorial Division of the Armenian SSR]. *NAA*, f. 112, inv. 3, d. 377. 52 l.

56. Teghekagrer. 1927–1928 t't'. Tvyalner, aghyusakner [Bulletins: 1927–1928. Data, Tables]. *NAA*, f. 112, inv. 3, d. 355.178 l.

57. Vardanyan-Ayvazyan T. Azgayin qaghakanutyunn Andrkovkasum 1920–1930-akan tt.: «Armatavorman» arand'nahatkutyunnery' [National Policy in Transcaucasia in the 1920s–1930s: Peculiarities of "Rooting"]. *21-rd dar* [21st Century], 2015, no. 2, pp. 91-107.

58. Volkova N. Etnicheskie protsessy v Zakavkaz'e v XIX–XX vv. [Ethnic Processes in Transcaucasia in the 19th – 20th Centuries]. *Kavkazskiy Etnograficheskiy Sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection], iss. 4. Moscow, Nauka Publ., 1969. 201 p.

59. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Nacionalny sostav naseleniya po regionam respublik SSSR: Zakavkazskaya SFSR/SSR Gruzii* [All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Region of the USSR Republics: Transcaucasian ZFSR/SSR]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2330

60. XSHM Bangyughteschut'yan jhoghkomati xorhrdakcut'younneri ard'anagrut'yunneric, ar'ajarkner [From the Minutes of the Consultations of the People's Commissariat of Agriculture of the USSR, Proposals]. *NAA*, f. 112, inv. 1, d. 230. 59 l.

61. Zakavkaz'e: Sovetskie respubliki. Azerbaydzhan, Armeniya, Gruziya, Abkhaziya, Adzharistan, Yugo-Osetiya, Nag. Karabakh, Nakhichevan [Transcaucasia: Soviet Republics. Azerbaijan, Armenia, Georgia, Abkhazia, Adjaristan, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Nakhichevan]. Ivanyan A.I. et al.; Grigoryan G.M., eds. *Statistiko-ekonomicheskiy sbornik* [Statistical and Economic Digest]. Tiflis, Higher Economic Council of the ZSFSR, 1925. 560 p.

62. Zeynalova T.M. *From the History of Nation-State Building in Azerbaijan (1920s–1930s).* Baku, Elm, 2004. 176 p. (In Azeri).

Information About the Authors

Vanik H. Virabyan, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Armenia, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Prosp. Tigrana Metsa, 17, 3750010 Yerevan, Republic of Armenia, vanik.virabyan@mail.ru, virabyanvanik16@aspu.am, https://orcid.org/0000-0002-8874-1780

Edik G. Gevorgyan, Candidate of Sciences (History), Deputy Professor, Head of the Department of History of Armenia, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Prosp. Tigrana Metsa, 17, 3750010 Yerevan, Republic of Armenia, edik_g_gevorgyan@mail.ru, gevorgyanedik16@aspu.am, https://orcid.org/0000-0003-0229-9168

Информация об авторах

Ваник Грантович Вирабян, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Армении, Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна, просп. Тиграна Меца, 17, 3750010 г. Ереван, Республика Армения, vanik.virabyan@mail.ru, virabyanvanik16@aspu.am, https://orcid.org/0000-0002-8874-1780

Эдик Геворгович Геворгян, кандидат исторических наук, и. о. профессора, заведующий кафедрой истории Армении, Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна, просп. Тиграна Меца, 17, 3750010 г. Ереван, Республика Армения, edik_g_gevorgyan@mail.ru, gevorgyanedik16@aspu.am, https://orcid.org/0000-0003-0229-9168

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7
UDC 93/943
LBC 63.3(2)6

Submitted: 15.09.2024
Accepted: 18.01.2025

ADAPTATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF KAZAKHSTAN TO THE ADMINISTRATIVE AND COMMAND SYSTEM (1925–1932)

Samal Sagnaikyzy
Almaty Technological University, Almaty, Kazakhstan

Spatay A. Sartaev
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article examines the trend that began in the second half of the 1920s, when Soviet law became an instrument subordinate to the administrative command system and serving the interests of the totalitarian regime. During this period, Soviet law enforcement agencies were formed in Kazakhstan, which, in an effort to ensure "revolutionary legality" during the political and economic campaigns of the 1920s and 1930s, often distorted and exceeded their powers, departing from constitutional norms. *Methods and materials.* The study is based on the principles of historicism, objectivity, and historical comparability, using historical research methods. Documents from the Archive of the People's Commissariat of Justice (1380 fond), the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakh Regional Committee of the CPSU(b), 141 fond), and regulatory documents of the Kazakhstan Regional Committee of the RCP(b) were used as a source base. *Analysis.* An analysis shows that law enforcement agencies have become the main means of implementing these campaigns, turning into puppets of the Soviet administrative and power system and starting the process of adapting to it. *Results.* In the 1920s and 1930s, law enforcement agencies occupied a central place in the implementation of economic and political campaigns. They also carried out the political decisions of the Communist Party, ensuring their strict implementation. Thus, law enforcement agencies became an important tool of the Soviet government to control and suppress resistance in the context of radical social and economic transformations. During the implementation of these campaigns, Soviet law enforcement agencies acted in strict accordance with the instructions of the Communist Party, which often led to excessive activity and abuse of official authority. The inability of law enforcement and administrative bodies to effectively perform their functions in these conditions has led to human rights violations. Since most of the criminals identified during the Soviet political and economic campaigns belonged to the working population, this contradicts the original concept of the Bolsheviks about protecting the interests of citizens by the forces of Soviet law enforcement agencies. On the contrary, it indicates that law enforcement agencies have become an integral part of the administrative and governmental system. In this study, we analyze the process of integrating human rights organizations into the Soviet administrative and legal system. *Authors' contribution.* Samal Sagnaikyzy developed the research concept, carried out the historical analysis, examined archival and historiographical sources, interpreted the results, and prepared the manuscript. Spatay Sartaev participated in discussing the source base, including regulatory documents and historical-legal sources of the Soviet period, contributed to the interpretation of the findings, and took part in revising the final version of the manuscript.

Key words: law enforcement agencies, command and administrative system, abuse of power, 1925–1932, repression, terror, Soviet government.

Citation. Sagnaikyzy S., Sartaev S.A. Adaptation of Law Enforcement Agencies of Kazakhstan to the Administrative and Command System (1925–1932). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 86-98. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7

© Сагнайкызы С., Сартаев С.А., 2026

УДК 93/943
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 15.09.2024
Дата принятия статьи: 18.01.2025

АДАПТАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАЗАХСТАНА К АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ (1925–1932 гг.)

Самал Сағнайқызы

Алматинский технологический университет, г. Алматы, Казахстан

Спатай Алтынбекович Сартаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается тенденция, начавшаяся во второй половине 1920-х гг., когда советское право стало инструментом, подчиненным административно-командной системе и служащим интересам тоталитарного режима. В указанный период в Казахстане были сформированы советские правоохранительные органы, которые, стремясь обеспечить «революционную законность» в ходе политических и экономических кампаний 1920-х и 1930-х гг., нередко искажали и превышали свои полномочия, отступая от конституционных норм. *Методы и материалы.* Исследование основано на принципах историзма, объективности и исторической сопоставимости с применением конкретно-исторического, сравнительно-исторического и аналитического методов. В качестве источниковой базы были использованы документы из Архива Наркомата Юстиции (НКЮ, 1380 фонд), Архива Президента Республики Казахстан (Казахский краевой комитет ВКП(б), 141 фонд), нормативные документы Казахстанского областного комитета РКП(б). *Анализ.* В 1920–1930-е гг. правоохранительные органы занимали центральное место в осуществлении экономико-политических кампаний. Они также исполняли политические решения коммунистической партии, обеспечивая их строгое выполнение. Таким образом, правоохранительные органы стали важным инструментом советской власти для контроля и подавления сопротивления в условиях радикальных социальных и экономических преобразований. В процессе реализации этих кампаний советские правоохранительные органы действовали в строгом соответствии с указаниями коммунистической партии, что нередко приводило к избыточной активности, злоупотреблениям и превышению должностных полномочий. *Результаты.* Неспособность правоохранительных и административных органов эффективно исполнять свои функции в данных условиях привела к нарушениям прав человека. Поскольку большинство преступников, выявленных в ходе советских политико-экономических кампаний, принадлежали к трудовому населению, это вступает в противоречие с изначальной концепцией большевиков о защите интересов граждан силами советских правоохранительных органов. Напротив, это свидетельствует о том, что правоохранительные органы стали неотъемлемой частью административно-властной системы. В рамках данного исследования мы анализируем процесс интеграции правозащитных организаций в советскую административно-правовую систему. *Вклад авторов.* Самал Сағнайқызы – исторический анализ, осуществила работу с архивными материалами, историографическими источниками и подготовила текст статьи. Спатай Сартаев – обсуждение структуры исследования, анализ нормативных документов советского периода и согласование окончательной редакции статьи.

Ключевые слова: правоохранительные органы, командно-административная система, злоупотребление властью, 1925–1932 гг., репрессии, террор, советская власть.

Цитирование. Сағнайқызы С., Сартаев С. А. Адаптация правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе (1925–1932 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 86–98. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7

Введение. Анализ процесса приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе позволяет глубже понять механизмы трансформации государственного управления в период формирования сталинской модели власти, а также проследить изменение роли органов прокуратуры, юстиции, судов и государственной безопасности в реализации партийно-государственной политики. Переход к административно-командной системе в Казахстане во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождался не только изменением структуры государственного управления, но и перестройкой организационного устройства, функций и практической деятельности правоохранительных органов.

Цель исследования – выявить основные направления процесса приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 гг. и определить проявления этого процесса в организационной структуре, функциях, правоприменительной практике и кадровой политике. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

– определить изменения в организационной структуре правоохранительных органов и показать усиление роли ОГПУ в системе государственного управления;

– установить влияние политико-экономических кампаний на изменение функций, полномочий и правоприменительной практики органов прокуратуры, юстиции, судов и ОГПУ;

– показать значение кадровой политики, уровня профессиональной подготовки, социального происхождения и партийной принадлежности работников как одного из направлений приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе.

Хронологические рамки исследования охватывают 1925–1932 годы. Нижняя граница обусловлена началом деятельности Ф.И. Голощекина в качестве первого секретаря Казкрайкома ВКП(б), с которой связано укрепление партийного контроля, расширение участия правоохранительных органов в реализации государственных кампаний и изменение их функций. Верхняя граница определяется периодом наибольшей активности политико-экономических кампаний, когда процесс приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе завершился.

Историография. В советской историографии деятельность правоохранительных органов рассматривалась в контексте становления советской правовой системы, развития социалистической законности и функционирования судебно-прокурорских органов. К числу таких исследований относятся работы Т.Н. Добровольской, С.Г. Новикова и М.Ю. Рагинского [5], сборник «История политических и правовых учений» [14], а также исследование М.С. Малярова [18]. Основное внимание в это время уделялось партийным и идеологическим аспектам, ученые фокусировались на политических успехах и идеологических достижениях. Работы советских историков важны, однако в свете современных реалий их необходимо пересмотреть. В них нет глубокого анализа реальных изменений в деятельности правоохранительных органов и их адаптации к новой системе, не затронуты в должной мере сложные процессы преобразования и репрессивные практики внутри правоохранительных структур.

Среди ученых постсоветского периода, предоставивших обоснованную историческую оценку деятельности казахстанских правоохранительных органов в новейший период, следует выделить Таласа Омарбекова. В его работах проведен анализ адаптации правоохранительных органов к советской административно-командной системе в контексте политико-экономических кампаний 1920–1930-х годов. В статье «Шаруаларға шабуыл қалай басталды?» Т. Омарбеков анализирует предпосылки и особенности проведения государственной политики в казахском ауле в конце 1920-х – начале 1930-х годов [25]. В работе «Қазақстанда революциялық заңдылық қалай жүргізілді?» автор уделяет особое внимание деятельности правоохранительных органов и практике реализации революционной законности в Казахстане в рассматриваемый период [24]. В следующем исследовании Т. Омарбекова «20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» рассматривается деятельность правоохранительных органов в ходе политико-экономических кампаний 1920–1930-х гг., их интеграция в административно-командную систему и роль в реализации государственной политики в условиях советской модернизации [23]. В работе М.К. Козыбаева «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», написанной в соавторстве с Ж.Б. Абылхожиным и К.С. Алдажумановым, рассматриваются особенности реализации политики советской власти в период коллективизации [35]. Отдельные аспекты формирования административно-командной системы и ее социально-экономических механизмов рассматриваются в работе Ж.Б. Абылхожина [1, p. 204–206]. Вместе с тем в казахстанской историографии отдельные аспекты включения правоохранительных органов в систему совет-

ского управления рассмотрены недостаточно комплексно.

Также по теме статьи имеются исследования, выполненные российскими учеными, посвященные отдельным аспектам формирования административно-командной системы и функционирования правоохранительных органов. Данные работы расширяют представление о рассматриваемой проблематике и создают дополнительную основу для анализа процессов, изучаемых в настоящем исследовании. К ним относятся статьи Р.М. Нуреева [22], К.Т. Камалова [15], учебник В.Н. Бибило «Судоустройство» [2]. В данных работах нашли отражение отдельные аспекты функционирования советской системы управления, правовых институтов и деятельности правоохранительных органов. Среди зарубежных исследований следует отметить работу американского историка Шейлы Фицпатрик Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, посвященную исследованию механизмов функционирования сталинской системы, государственного контроля и повседневной жизни советского общества в 1930-е гг., что позволяет рассматривать рассматриваемые в статье процессы в более широком общесоюзном контексте [9].

Методы и материалы. Исследование основано на комплексном использовании архивных и опубликованных источников, что позволило проследить процесс приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 годы. В работе применены конкретно-исторический, историко-генетический, историко-сравнительный и аналитический методы. Конкретно-исторический метод позволил реконструировать процесс изменения структуры, функций и полномочий правоохранительных органов в конкретных исторических условиях. Историко-генетический метод использован для выявления последовательности организационных и кадровых преобразований в деятельности прокуратуры, судебных органов, Народного комиссариата юстиции и ОГПУ. Историко-сравнительный метод применен при сопоставлении нормативных актов, архивных документов и практики деятельности различных правоохранительных органов на отдельных этапах исследуемого периода. Аналитический метод использован при исследовании партийных постановлений, циркуляров, архивных материалов и публикаций периодической печати с целью выявления механизмов приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе. Количественные сведения, содержащиеся в архивных документах, использованы при характеристике кадрового состава, уровня образования, социального происхождения и текучести кадров работников правоохранительных органов.

В исследовании также использован подход memory studies («исследования исторической памяти»), рассматривающий историческую память как общественный и политический феномен, формирующий представления о прошлом. Применение данного подхода позволило рассматривать деятельность правоохранительных органов не только как элемент государственного управления, но и как часть исторического опыта, оказавшего влияние на формирование общественной памяти о политико-экономических кампаниях конца 1920-х – начала 1930-х годов. В этом контексте материалы периодической печати, в частности газеты «Еңбекші Қазақ», рассматриваются как источник изучения партийного дискурса того периода, отражавшего способы интерпретации деятельности судебных и правоохранительных органов в условиях утверждения административно-командной системы.

Основной массив источников составили документы Архива Президента Республики Казахстан (фонд 141) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (фонд 1380), содержащие постановления партийных органов, циркуляры Народного комиссариата юстиции, материалы прокуратуры, отчеты правоохранительных органов и служебную переписку. Использование этих документов позволило реконструировать организационные изменения, кадровую политику и практическую деятельность правоохранительных органов в рассматриваемый период.

Важными опубликованными источниками являются сборник «Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действовавших на 1 января 1930 г.», содержащий

нормативные акты, регулировавшие проведение политико-экономических кампаний [36], а также брошюра «Материал к отчету ЦИК КазССР на 3-й сессии ВЦИК XIII созыва», включающая статистические сведения о состоянии революционной законности, структуре правоохранительных органов и результатах их деятельности в 1924–1928 гг. [19].

Существенное значение для исследования имели труды первого секретаря Казахского краевого комитета ВКП(б) Ф.И. Голощекина, отражающие официальное представление партийного руководства о проводимых преобразованиях. В работе, посвященной десятилетию Октябрьской революции, приведены сведения о структуре государственного аппарата и численности работников правоохранительных органов. Доклад на II Пленуме Казкрайкома ВКП(б) содержит данные о привлечении к ответственности участников хлебозаготовительной кампании и применявшихся мерах наказания [11, p. 40–41]. В труде «Казахстан в поле социалистических реконструкций» представлены материалы о направлениях деятельности правоохранительных органов и составе осужденных в ходе посевной и хлебозаготовительной кампаний 1928–1929 гг. [12]. Данные источники позволяют проследить особенности официального партийного дискурса, нормативного регулирования и изменения роли правоохранительных органов в условиях формирования административно-командной системы.

Анализ. Приспособление правоохранительных органов к административно-командной системе происходило в нескольких направлениях.

1. Структурные изменения в правоохранительных органах и усиление роли ОГПУ. С конца 1920-х гг. в СССР, в том числе в Казахстане, все отчетливее утверждалась административно-командная система, характеризовавшаяся концентрацией власти в руках партийного руководства, директивными методами управления и подчинением государственных институтов партийным решениям [9]. Ее влияние распространилось на судебные органы, прокуратуру, милицию, органы внутренних дел и государственной безопасности. При этом изменения затронули не только организационную структуру органов государственной безопасности, но и характер деятельности прокуратуры, судебно-следственных учреждений и милиции, которые постепенно включались в механизм реализации партийно-государственных решений. На примере Казахстана будет проанализирован процесс структурной перестройки правоохранительной системы в 1925–1932 гг., при этом основное внимание уделено ОГПУ как органу, полномочия и функции которого в рассматриваемый период претерпели наиболее существенную трансформацию.

Преобразование ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР в 1922 г., а затем в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР в 1923 г. сопровождалось формированием системы полномочных представительств в союзных и автономных республиках. Они обеспечивали организационное руководство территориальными органами государственной безопасности, формируя вертикальную систему управления ОГПУ в союзных и автономных республиках [15]. В результате такого взаимодействия формировались механизмы межведомственного контроля, позволявшие ОГПУ участвовать в реализации государственных задач на региональном уровне. С назначением Ф.И. Голощекина первым секретарем Казкрайкома ВКП(б) в октябре 1925 г. начался новый этап адаптации органов ОГПУ к административно-командной системе, сопровождавшийся расширением организационной структуры, увеличением объема выполняемых функций и усилением полномочий.

В 1925–1926 гг. одним из направлений деятельности казахстанских органов ОГПУ являлось участие в мероприятиях по борьбе с басмаческим движением на южных рубежах СССР. В этих операциях привлекались подразделения войск ОГПУ, включая Алма-Атинские формирования, действовавшие против басмаческих отрядов в приграничных районах Средней Азии [17, p. 68–73]. В дальнейшем функции органов ОГПУ значительно расширились и стали включать участие в проведении политико-экономических кампаний, контроле за исполнением государственных решений и взаимодействии с местными органами власти. Вышедшее в ходе хлебозаготовительной

кампании постановление Секретариата Казахского краевого комитета ВКП(б) от 7 января 1928 г. «По вопросам о хлебозаготовках» свидетельствует о расширении круга задач, возложенных на органы ОГПУ. В соответствии с пунктом 12 постановления, Прокуратуре Республики поручалось установить и привлечь к ответственности лиц, виновных в повышении цен на зерно и муку в Актюбинской губернии. Пунктом 14 Полномочное представительство ОГПУ, прокуратура и их местные органы обязывались оказывать полное содействие выполнению всех директив, направленных на ускорение хлебозаготовок [27]. Таким образом, в ходе хлебозаготовительной кампании расширялись полномочия ОГПУ и изменялось его место в системе правоохранительных органов: органы государственной безопасности стали одним из участников реализации партийно-государственных решений. Одновременно менялась структура взаимодействия правоохранительных органов, поскольку ОГПУ, прокуратура и судебно-следственные органы привлекались к совместному выполнению задач, определяемых партийным руководством.

К концу 1920-х гг. круг функций органов ОГПУ значительно расширился, что отразилось на их положении в системе правоохранительных органов. Подобная тенденция получила дальнейшее развитие в 1929 году. Так, протокол № 140 заседания Бюро Казкрайкома ВКП(б) от 14 сентября 1929 г. поручал НКЮ и органам ОГПУ организовать проверку исполнения директив ЦК по борьбе со спекуляцией, усилению давления на кулацко-зажиточные хозяйства и выполнению хлебозаготовительного плана [32]. Данный документ свидетельствует об изменении положения органов ОГПУ в системе правоохранительных органов: они включались в механизм практической реализации решений партийного руководства наряду с другими государственными структурами. Уже протокол № 142 от 21 сентября 1929 г. обязывал секретариат совместно с НКЮ, ОГПУ и другими ведомствами разработать меры борьбы со спекулятивными элементами, срывавшими выполнение плана хлебозаготовок [33]. Совместное привлечение различных правоохранительных органов отражало формирование новой структуры их взаимодействия, основанной на координации деятельности под руководством партийных органов. Оба постановления 1929 г. подписаны первым секретарем Казкрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекиным. Содержание указанных постановлений свидетельствует о формировании новой структуры взаимодействия правоохранительных органов, при которой ОГПУ, НКЮ и другие ведомства совместно обеспечивали выполнение решений партийного руководства.

Наряду с хлебозаготовительной кампанией изменения в структуре взаимодействия правоохранительных органов проявились и в ходе конфискации имущества зажиточных слоев населения в 1928 году. Проведение этой кампании обеспечивалось совместными действиями партийных органов, НКЮ, прокуратуры, судебных органов и ОГПУ [4]. Участие различных правоохранительных структур в одной кампании свидетельствовало о постепенном изменении их функций: НКЮ, прокуратура и судебные органы все теснее взаимодействовали с органами государственной безопасности при реализации административных мер. Вместе с тем архивные документы свидетельствуют о постепенном усилении роли органов государственной безопасности в ее реализации. Так, директива ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г., подписанная секретарем ЦК В.М. Молотовым, предусматривала высылку «явных контрреволюционных элементов» за пределы Казахстана по линии ОГПУ [20]. В постановлении партийной комиссии по проведению конфискации от 16 августа 1928 г. утверждалось представленное Полномочным представительством ОГПУ распределение хозяйств, подлежащих конфискации, по округам [29]. В дальнейшем постановлением Бюро Казкрайкома ВКП(б), подписанным Ф.И. Голощекиным, разрешалась передача конфискованного по линии ОГПУ скота в пользу коллективизирующегося батрачества и бедноты с распространением этого решения на все округа республики [34]. Рассмотренные материалы показывают, что в ходе конфискации происходили структурные изменения в организации деятельности правоохранительных органов: за ОГПУ закреплялись организационные функции по подготовке и проведению мероприятий, включая распределение подлежащих конфискации хозяйств и реализацию

принятых решений во взаимодействии с партийными органами, прокуратурой и другими государственными структурами.

Еще одним направлением структурных изменений правоохранительной системы стало создание внесудебных органов при ОГПУ и НКВД, что изменило порядок принятия решений по уголовным делам и усилило роль органов государственной безопасности в механизме реализации партийных директив. Архивные документы свидетельствуют, что уже с 1925 г. в Казахстане начали функционировать Особые комиссии и тройки, учреждавшиеся для оперативного исполнения решений партийного руководства в ходе государственных кампаний. Так, в 1925 г. при НКВД была создана Особая комиссия, уполномоченная принимать решения о высылке лиц, отнесенных к категории «социально опасных элементов». В ее состав входили помощник прокурора республики по делам ОГПУ, председатель ОГПУ и его заместитель [38]. Одновременно при губернских, областных и окружных исполнительных комитетах создавались тройки [37]. В последующие годы их состав и компетенция расширялись в зависимости от задач очередных государственных кампаний. В 1927 г. тройки, созданные для борьбы со скотокрадством, получили право принимать решения о высылке лиц, признанных виновными в подобных преступлениях [21]. В 1928 г. была образована тройка по обеспечению хлебозаготовительной кампании, а в 1931 г. по инициативе партийных органов создана новая тройка с обязательным участием представителя ОГПУ [30].

Проведенный анализ архивных документов показывает, что в рассматриваемый период в Казахстане произошла структурная перестройка правоохранительной системы, выразившаяся в изменении форм взаимодействия органов, закреплении новых функций ОГПУ и укреплении его роли в реализации партийно-государственных решений совместно с прокуратурой, НКЮ и судебно-следственными органами. Создание внесудебных органов, участие ОГПУ в проведении хозяйственно-политических кампаний и усиление контроля над деятельностью других правоохранительных структур свидетельствовали о постепенной интеграции правоохранительного аппарата в механизм административно-командного управления. В результате органы государственной безопасности заняли центральное место в системе реализации партийных решений, выполняя не только задачи обеспечения государственной безопасности, но и функции политико-административного контроля.

2. Влияние политико-экономических кампаний на адаптацию правоохранительных органов к административно-командной системе. Политико-экономические кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. стали основным механизмом подчинения правоохранительной системы задачам централизованного государственного управления. В этих условиях деятельность прокуратуры, Наркомата юстиции, судов и органов ОГПУ последовательно выводилась за рамки функций по охране законности и переориентировалась на обеспечение хозяйственно-политических директив партии. Архивные документы показывают, что правоохранительные структуры привлекались к проведению кампаний не в качестве надзорного органа, а как непосредственный инструмент принуждения, чья нормативная и практическая деятельность полностью адаптировалась к требованиям административно-командной системы.

Ярким примером перестройки работы правоохранительных органов под партийные задачи стала кампания по конфискации имущества крупных байских хозяйств. В 1928 г., согласно «Материалам о конфискации байства», представители ГПУ и прокуратуры были напрямую включены в состав Республиканской центральной конфискационной комиссии, а выявление подлежащих конфискации хозяйств возлагалось на органы ОГПУ [20]. В ходе кампании создавались специальные тройки при окружных комитетах ВКП(б), организовывался учет байских и кулацких хозяйств, а также привлекались отряды ОГПУ и милиции для обеспечения проведения конфискационных мероприятий [16]. Порядок учета имущества фиксировался «Протоколами комиссии по проведению конфискации имущества баев-полуфеодалов» от 16 августа 1928 года. В ходе реализации кампании действия, расцененные как сопротивление конфискации, стали квалифицироваться как государственные преступления. В этих условиях роль ОГПУ в реализации

государственной политики на местах последовательно возрастала [29]. Это способствовало формированию юридических механизмов как правового обеспечения партийных директив и расширению репрессивных полномочий правоохранительных органов.

Исполнение этих установок демонстрирует полную интеграцию правоохранительных структур в проведение политических кампаний. По «Информационным сводкам Казкрайкома ВКП(б) о ходе конфискации имущества баев-полуфеодалов» от 25 октября 1928 г., составленным на основе данных ПП ОГПУ по КазАССР, за противодействие конфискации и агитацию было арестовано 148 человек (наибольшее число – в Алма-Атинском, Актюбинском, Акмолинском и Каркаралинском округах), из которых лишь 32 человека были освобождены, а остальные направлены в следственные органы [13]. Это подтверждает, что юстиция и ОГПУ действовали как единый механизм реализации партийной политики. Дальнейшее закрепление этой роли прослеживается в секретном циркуляре Наркома юстиции РСФСР Н.В. Янсона от 1 января 1929 г., предписывавшем судам и прокурорам координировать действия с ОГПУ и передавать ключевые дела на внесудебное рассмотрение Коллегии ОГПУ [3]. На местах это привело к прямому выполнению установки на ускорение репрессий: как показано в «Докладах и отчетах Отдела прокуратуры НКЮ КССР в КазЦИК» от 7 октября 1929 г., окружной прокурор Покровский (Сырдарьинский округ) требовал завершать расследование дел в семидневный срок, проводить показательные процессы и конфисковать имущество еще до вынесения судебного решения [8].

Наиболее полно адаптация правоохранительных органов к роли исполнителей партийных кампаний проявилась в ходе заготовок сельскохозяйственной продукции 1929–1932 годов. Органы юстиции, прокуратуры и суда были массово мобилизованы на обеспечение планов по заготовке хлеба, мяса, сырья и утиля. Механизм этой трансформации официально зафиксирован в совершенно секретном «Докладе об итогах выполнения директив ЦК и Крайкома ВКП(б) об исправлении перегибов, допущенных в период весенней кампании 1929–30 г.», подготовленном заместителем наркома юстиции и прокурором республики Гринбергом. Документ ценен тем, что показывает, как отправка прокуроров и судей в районы в качестве уполномоченных по заготовкам привела к полной ликвидации прокурорского надзора. Прокуратура и суд постепенно утрачивали традиционные надзорные функции, включаясь в выполнение хозяйственно-заготовительных задач. На местах это вылилось в организацию принудительных мер и прямого насилия: в Азатском районе Акмолинского округа уполномоченные применяли избиения и обливание холодной водой; в селе Шамалган Калининского района Алма-Атинской области заколотили двери и окна 22 хозяйств; в Аккемерском районе Актюбинского округа уполномоченный Позднов применял физическое насилие и глумление; в Илекском районе того же округа были арестованы 220 бедняков-казахов за невыполнение зернового плана с применением пыток и инсценировки повешения; в Кряковском районе Павлодарского округа батрака Нагумана пытали в ледяной проруби, а в Илийском районе Алма-Атинской области районный прокурор Кайбалдин лично обложил хозяйства принудительной сдачей костей, собачьих шкур и конского волоса [6].

Официальное признание руководства юстиции в лице Гринберга о подмене функций надзора хозяйственным администрированием не остановило этот процесс. В последующие 1931–1932 гг. правоохранительные органы окончательно приспособились к требованиям административно-командной системы и продолжали беспрекословно выполнять любые директивы партии. Главным способом адаптации судебно-следственных структур к проведению политико-экономических кампаний и основным доказательством их работы в качестве исполнителей партийных директив стало систематическое и намеренное искажение норм Уголовного кодекса. В сборнике архивных документов «Циркуляры и инструкции НКЮ от 24 февраля 1931 г. – 31 января 1932 г.» констатировалось неправильное применение правоохранительными органами статей Уголовного кодекса в ходе политико-экономических кампаний, что рассматривалось как нарушение революционной законности. В документе отмечалось, что в период хлебозаготовительных, мясозаготовительных

и других кампаний допускались нарушения порядка применения уголовно-правовых норм, в связи с чем давались разъяснения по использованию соответствующих статей Уголовного кодекса (далее – УК) при проведении государственных мероприятий. На практике это выражалось в том, что органы массово квалифицировали мелкие административные нарушения по статье 61 УК как уголовные преступления, причем незнакомых крестьян из разных аулов искусственно объединяли в «организованные группы» для применения наиболее строгого наказания. Статью 107 УК о спекуляции органы юстиции безразборчиво использовали против крестьян, не выполнивших план заготовок или пытавшихся оставить зерно для пропитания семей. По статьям 58-8 и 58-10 УК следствие квалифицировало любые заявления о нереальности заготовительных планов или жалобы на отсутствие хлеба как контрреволюционный саботаж и агитацию. А по статье 79 УК за убой скота репрессивные меры и незаконная конфискация имущества массово распространялись на середняков и бедняков, резавших скот из-за отсутствия кормов [40].

Подводя итоги, можно отметить, что политико-экономические кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. существенно изменили деятельность правоохранительных органов, их функции и методы работы. Прокуратура, суды, органы юстиции и ОГПУ были включены в выполнение партийных директив и реализацию хозяйственно-политических задач. В ходе кампаний их деятельность была связана с обеспечением выполнения установленных решений, что отражалось на практике применения правовых норм. Выявленные случаи нарушения порядка применения уголовного законодательства возлагались непосредственно на правоохранительные органы, хотя их работа осуществлялась в рамках задач, определенных партийными решениями. К началу 1930-х гг. правоохранительная система была приспособлена к административно-командной модели управления.

3. Роль профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов в адаптации к административно-командной системе. Проведенный анализ показывает, что в ходе политико-экономических кампаний конца 1920-х – начала 1930-х гг. деятельность органов прокуратуры, юстиции, судов и ОГПУ полностью подчинилась реализации директив государственного руководства. Одним из факторов, способствовавших адаптации правоохранительной системы к условиям административно-командного управления, стало кадровое состояние системы: низкий уровень специальной юридической подготовки работников, высокая текучесть кадров и приоритет классово-политических критериев над профессиональными. Архивные документы свидетельствуют о глубоком кадровом кризисе в правоохранительных органах КазАССР во второй половине 1920-х годов. Согласно «Отчетам о личном составе прокуратуры и о деятельности Народного комиссариата юстиции Казахской АССР» от 1 октября 1926 г., из 128 работников прокуратуры лишь 7 % имели высшее образование, тогда как 57 % обладали лишь начальным (низшим) уровнем грамотности, а остальные – средним или незаконченным средним. В судебной системе ситуация складывалась аналогичным образом: из 199 председателей народных судов высшим юридическим образованием обладал только 21 человек [26]. Низкий уровень правовой культуры на местах привел к тому, что сотрудники были не способны проводить самостоятельный анализ нормативных актов, полностью зависели от циркуляров сверху и воспринимали любой административный приказ как абсолютную норму права.

Правовая нестабильность усугублялась колоссальной текучестью кадров. По данным «Годового отчета отдела прокуратуры Наркомата юстиции КазАССР», в 1925–1926 гг. из состава губернских прокуроров и их помощников было освобождено 56 % работников (55 человек), а в 1926 –1927 гг. еще 51 % (47 человек) [10]. В указанном отчете отмечалась необходимость укрепления кадрового состава, повышения уровня правовой подготовки работников, разъяснения принципов советской законности и улучшения условий их службы. По нашему мнению, в условиях постепенного утверждения административно-командной модели управления кадровая перестройка правоохранительных органов сопровождалась изменением требований к сотрудникам: сохранялись и закреплялись в системе работники,

способные адаптироваться к новым условиям деятельности государственных органов и выполнять задачи, определяемые партийно-государственным руководством. Данное предположение подтверждается последующими материалами о проведении кадровой «очистки» и обновлении состава судебно-прокурорских органов, отражающими изменение принципов подбора и продвижения кадров.

В условиях форсированных социально-экономических преобразований партийно-идеологическое руководство сделало сознательную ставку не на повышение квалификации сотрудников, а на целенаправленное кадровое «очищение» судебно-прокурорских органов. В приложении к протоколу № 92 заседания Бюро Казкрайкома ВКП(б) от 8 октября 1927 г., напрямую ставилась задача провести «очистку» судебно-следственного аппарата и укомплектовать его проверенными кадрами [28]. Данная линия была окончательно закреплена в Протоколе № 108 заседания Секретариата Казкрайкома ВКП(б) от 21 ноября 1929 г. который предусматривал обновление кадрового состава судов, прокуратуры и следствия на 50 % за счет выдвижения рабочих, батраков и бедняков в двухмесячный срок, а также организацию для них краткосрочных юридических курсов [31].

Приоритет классово-политических критериев над профессиональными открыто транслировался через республиканскую прессу. В публикации Н. Сырғабайұлы «Сот органдарының кемшіліктерін жоямыз» в газете «Еңбекші қазақ» подчеркивалось, что работниками суда должны быть «политически правильные» люди, способные проводить классовую линию, в то время как юристы, проявлявшие «колебания» или склонность к соблюдению формальной законности, подлежали безусловному удалению [39]. В результате профильное образование и приверженность процессуальным нормам стали трактоваться как «буржуазный формализм», а главное требование к сотруднику сводилось к классовому чутью и готовности выполнять директивы власти любой ценой.

Именно сочетание недостаточной юридической подготовки и стремления избежать политических обвинений определяло поведение значительной части работников правоохранительных органов в ходе хлебозаготовительных и мясозаготовительных кампаний 1929–1932 годов. Не обладая достаточными профессиональными знаниями для самостоятельной оценки правовых ситуаций и опасаясь негативных последствий за невыполнение установок руководства, сотрудники, направлявшиеся в районы в качестве уполномоченных по заготовкам, подменяли надзорные функции методами административного давления. Низкий уровень правовой подготовки в сочетании с необходимостью демонстрировать выполнение директив приводил к массовому искажению практики применения статей Уголовного кодекса (статьи 61, 79, 107, 58-10 УК РСФСР), когда обычные хозяйственные нарушения, неурожаи или отказ от сдачи скота квалифицировались как «контрреволюционный саботаж» и «бандитизм» [6].

Даже к началу 1930-х гг. кадровый голод и некомплект профессионалов оставались хроническими. В 1931–1932 гг. в центральном аппарате прокуратуры КазАССР лишь 4 из 10 сотрудников имели высшее образование, среди 113 народных следователей все характеризовались низшим образованием, а в системе народных судов краткосрочные курсы окончили только 17 человек [7]. В то же время на страницах газеты «Еңбекші қазақ» продолжали выдвигаться требования о проведении систематических чисток судебно-прокурорских органов. Публикация «...Әлі күнге жұмысын жаңа әдіске, жаңа жолға салудың орнына...» обосновывала необходимость освобождения органов суда и прокуратуры от работников, не отвечавших политическим требованиям партии [41]. В статье «Сот, заң органдарында қате, кемшілік көп...» критиковалось следование формальным нормам права и подчеркивалась необходимость подготовки кадров, способных проводить партийную линию в деятельности правоохранительных органов [42].

Выявленные изменения показывают, что кадровая перестройка правоохранительной системы в 1925–1932 гг. была связана не только с восполнением профессионального дефицита, но и с изменением требований к сотрудникам. Недостаточный уровень юридической подготовки, постоянная смена кадров и проведение очистительных мероприятий

способствовали формированию аппарата, ориентированного на выполнение задач административно-командного управления, где способность реализовывать решения партийно-государственного руководства становилась важным условием профессиональной деятельности.

Результаты. Проведенное исследование показало, что приспособление правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 гг. носило комплексный характер и происходило по трем направлениям: через структурные изменения системы, трансформацию деятельности органов в ходе политико-экономических кампаний и кадровую политику партийного руководства.

Установлено, что в этот период расширялись полномочия ОГПУ, создавались внесудебные органы, укреплялось взаимодействие ОГПУ, прокуратуры, Наркомата юстиции и судебно-следственных органов при реализации партийных решений. В результате правоохранительные органы были включены в механизм административно-командного управления, а ОГПУ заняло ключевую роль в исполнении партийных директив.

Исследование показало, что политико-экономические кампании изменили функции правоохранительных органов: прокуратура, суды, органы юстиции и ОГПУ все больше привлекались к выполнению решений партийного руководства и проведению хозяйственно-политических мероприятий. Это проявилось в ускоренном рассмотрении дел, расширительном применении уголовного законодательства и использовании внесудебных механизмов.

Анализ кадровых документов выявил, что изменение правоохранительной системы сопровождалось перестройкой принципов формирования кадров. Наряду с подготовкой работников значение приобретали социальное происхождение, политическая благонадежность и соответствие требованиям партийной кадровой политики. «Очистки» и обновление кадров усиливали зависимость сотрудников от партийных решений.

Совокупность этих процессов показывает, что приспособление правоохранительных органов к административно-командной системе происходило через изменение структуры, функций, правоприменительной практики и кадровой политики, что привело к превращению правоохранительного аппарата в часть механизма реализации партийно-государственной политики в Казахстане.

REFERENCES

1. Abylhozhin Zh.B. *Ocherki socialno-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana XX veka* [Essays on the Socio-Economic History of Kazakhstan of the Twentieth Century]. Almaty, Turan Publ., 1997. 360 p.
2. Bibilo V.N. *Sudoustroystvo* [Judicial System]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2001. 328 p.
3. Cirkulyary i direktivnye ukazaniya NKYu. 15.1.1928 g. [Circulars and Directive Instructions of the People's Commissariat of Justice. Jan. 15, 1928]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 213, l. 8.
4. Danilov V.P., ed. *Tragediya sovetskoy derevni: kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 1. May 1927 – noyabr 1929* [The Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. In 5 Vols. Vol. 1. May 1927 – November 1929]. Moscow, Rosspen Publ., 1999. 877 p.
5. Dobrovol'skaja T.N., Novikov S.G., Raginskij M.Ju. *Kak ustroeny sud i prokuratura v SSSR* [How the Court and the Procurator's Office Are Structured in the USSR]. Moscow, Jurid. lit., 1961. 110 p.
6. Doklad ob itogakh vypolneniya direktiv TsK i Kraikoma VKP(b) ob ispravlenii peregibov dopushchennykh v period vesenney kampanii 1929–1930 godov [Report on the Results of the Implementation of the Directives of the Central Committee and the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Correction of Excesses Committed During the Spring Campaign of 1929–1930]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 248, l. 2-5.
7. Dokladnye zapiski i svedeniya o deyatelnosti NKYu KazASSR Kazakhskogo otdeleniya Verkhovnogo suda RSFSR 17 maya 1931 – 20 dekabrya 1932 goda [Memoranda and Information on the Activities of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR of the Kazakh Branch of the Supreme Court of the RSFSR. May 17, 1931 – December 20, 1932]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 420, l. 8-34.
8. Doklady i otchety otd. Prokuratury NKYu KSSR v KazTsIK. 7 oktyabrya 1929 g. [Reports and Accounts of the Department of the Prosecutor's Office of the NKJ of the Kazakh SSR to the KazCIK. October 7, 1929]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 214, l. 104.

9. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* New York, Oxford University Press, 1999. 288 p.

10. Godovoy otchet otdela Prokuratury Narkomyusta KazASSR. 1 oktyabrya 1927 g. [Annual Report of the Department of the Prosecutor's Office of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR. October 1, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 141, l. 1.

11. Goloshchekin F.I. *Kazakhstan na putyakh sotsialisticheskogo pereustroystva* [Kazakhstan on the Path of Socialist Reconstruction]. Moscow; Alma-Ata, OGIZ, 1931. 247 p.

12. Goloshchekin F.I. *Kazakhstan v polose sotsialisticheskikh rekonstruktsiy* [Kazakhstan in the Period of Socialist Reconstruction]. Moscow; Alma-Ata, Kazakhstan. kraeved. otdel, 1930. 84 p.

13. Informatsionnye svodki Kazkraikoma VKP(b) o khode konfiskatsii imushchestva baev-polufeodalov. 25.X.1928 goda [Information Bulletins of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Progress of Confiscation of Property of Bai-Feudal Lords. October 25, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2100, l. 11.

14. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Yurid. lit., 1985. 320 p.

15. Kamalova G.T. Podrazdeleniya VChK-GPU-OGPU v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti (1921–1929 gg.) [Divisions of the Cheka-GPU-OGPU in the System of State Authorities (1921–1929)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2009, no. 2-1, pp. 127-132.

16. Kratkaya svodka o prodelannoy rabote spets. Troyki po direktivam Kraykoma po voprosu vyseleniya kulachestva, na 7.11.1930 g. [Brief Summary of the Work of the Special Troika on the Directives of the Regional Committee on the Eviction of the Kulaks. As of Nov. 7, 1930]. *APRK*, f. 141, inv. 3297, l. 73.

17. Magomedhanov V.M., Sandalov I.A. Voiska OGPU–NKVD v borbe s basmachestvom na sovetsko-persidskoy i sovetsko-afganskoy granitsakh v 20–30-e gody XX v. [The OGPU–NKVD Troops in the Fight Against the Basmachi Movement on the Soviet–Persian and Soviet–Afghan Borders in the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2024, no. 87, pp. 60-73.

18. Maljarov M.S. *Organy prokuratury v SSSR* [Prosecution Bodies in the USSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 230 p.

19. *Materialy k otchetu TsIK KazASSR na 3 sessii VCIK 13 sozyva* [Materials for the Report of the CEC of the KazASSR at the 3rd Session of the All-Russian Central Executive Committee of the 13th Convocation]. Kyzyl-Orda, TsIK Kazakhstana, 1928. 140 p.

20. Materialy o konfiskatsii baystva. 9.VIII. – 14.X. 1928 goda [Materials on the Confiscation of Bai Property. August 9 – October 14, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2067, l. 1.

21. Materialy po borbe s prestupnost'yu v KASSR [Materials on the Fight Against Crime in the Kazakh ASSR]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 109, l. 163.

22. Nureev R.M. Sotsialnye subyekty postsovetskoy Rossii: istoriya i sovremennost [Social Subjects of Post-Soviet Russia: History and Modernity]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2001, no. 3, pp. 3-65.

23. Omarbekov T. *20–30 zhyldardagy Qazaqstan qasireti. Komekshi oqu quraly* [The Tragedy of Kazakhstan in the 20–30s. Auxiliary Training Manual]. Almaty, Sanat, 1997. 320 p.

24. Omarbekov T. Qazaqstanda revolyuciyalyq zandylyq qalaj zhүrgizildi? [How Was Revolutionary Legality Carried Out in Kazakhstan?]. *Aqiqat*, 1995, no. 4, pp. 29-32.

25. Omarbekov T. Sharualarga shabuyl qalaj zhasaldy [How the Attack on the Peasants Was Carried Out]. *Aqiqat*, 1993, no. 9, pp. 62-69.

26. Otchety o lichnom sostave prokuratury i o deyatelnosti Narkomyusta KazASSR. 1 oktyabrya 1926 g. [Reports on the Personnel of the Prosecutor's Office and on the Activities of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR. October 1, 1926]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 99, l. 1-3.

27. Prilozhenie k protokolu № 6 Zasedanie Sekretariata Kraikoma ot 7/1–28 g, k punktu 4 [Appendix to Protocol No. 6 of the Meeting of the Regional Committee Secretariat of 7/1–28, to Item 4]. *APRK*, f. 141, inv. 1827"a", l. 6.

28. Prilozhenie k protokolu № 92 zasedaniya Byuro Kazkraikoma VKP(b) ot 8 oktyabrya 1927 g. [Appendix to Protocol No. 92 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of October 8, 1927]. *APRK*, f. 141, inv. 1038, l. 49-50.

29. Protokol 1 Zasedaniya partiynoy komissii po provedeniyu konfiskatsii sostoyavshegosya 16 avgusta 1928 goda [Protocol 1 of the Meeting of the Party Commission on the Implementation of Confiscation Held on August 16, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2289, l. 116.

30. Protokol № 77/s [Protocol No. 77/s]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 139, l. 16.

31. Protokol № 108 zasedaniya Sekretariata Kazkraikoma VKP(b). 21 noyabrya 1929 g. [Protocol No. 108 of the Meeting of the Secretariat of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). November 21, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 2397, l. 384.

32. Protokol № 140 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 14 sentyabrya 1929 g. [Protocol No. 140 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on September 14, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 338, l. 270.

33. Protokol № 142 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 21 sentyabrya 1929 g. [Protocol No. 142 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on September 21, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 338, l. 292.

34. Protokol № 168 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 11 yanvarya 1930 goda [Protocol No. 168 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on January 11, 1930]. *APRK*, f. 141, inv. 2926, l. 39.

35. Qozybaev M.Q., Abylhozhin Zh.B., Aldazhumanov K.S. *Kollektivizatsiya v Kazakhstane, tragediya krestyanstva* [Collectivization in Kazakhstan, the Tragedy of the Peasantry]. Alma-Ata, In-t istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova, 1992. 20 p.

36. *Sistematicheskoe sobranie zakonov KazASSR, deystvuyushhikh na 1-oe yanvarya 1930 g.* [Systematic Collection of Laws of the KazASSR in Force on January 1, 1930]. Alma-Ata, Upravlenie delami SNK KASSR, 1930. 224 p.

37. Polozhenie ob administrativnykh vysylkakh. Sekretno. 24/VII-1927 g. [Regulation on Administrative Expulsions. Secret. July 24, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 157, l. 52.

38. Razyasnenie otdela prokuratury. 24/VII-1927 g. [Clarification from the Prosecutor's Office Division. July 24, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 157, l. 51.

39. Syrgabayuly Nyghymet. Sot organdarynyn kemshilikterin zhoyalmyz [Let Us Eliminate the Shortcomings of the Judicial Bodies]. *Enbekshi Qazaq*, 1929, 16 shilde, no. 135 (1464).

40. Tsirkulyary i instruktsii NKYu. 24.II.1931-31.I.1932 [Circulars and Instructions of the People's Commissariat of Justice. February 24, 1931 – January 31, 1932]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 389, l. 27-31.

41. Zang ordandarymyz tap kuraly bola bilsin [Our Judicial Bodies Must Be a Class Instrument]. *Enbekshi Qazaq*, 1931, 24 qantar, no. 19 (1911).

42. Zang ordandarynyn 2 beszhylzdyktyn algashky zhyldaryndagy mindetteri turaly [On the Tasks of the Judicial Bodies in the First Years of the Second Five-Year Plan]. *Enbekshi Qazaq*, 1932, 3 qantar, no. 3.

Information About the Authors

Samal Sagnaikyzy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Almaty Technological University, Tole bi St, 100, 050012 Almaty, Republic of Kazakhstan, samal7373@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6335-3271

Spatay A. Sartaev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Researcher, Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, spatay.sartaev@kaznu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-9865-7363

Информация об авторах

Самал Сағнайқызы, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Алматинский технологический университет, ул. Толе би, 100, 050012 г. Алматы, Республика Казахстан, samal7373@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6335-3271

Спатай Алтынбекович Сартаев, кандидат юридических наук, доцент, исследователь кафедры теории и истории государства и права, конституционного и административного права, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. Аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, spatay.sartaev@kaznu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-9865-7363

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.8

UDC 94(574)«1941/45»
LBC 63.3(2)622-8

Submitted: 19.03.2025
Accepted: 01.02.2026

THE CONTRIBUTION OF THE TOP LEADERSHIP OF THE KAZAKH SSR TO STRENGTHENING THE DEFENSE CAPABILITY OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Konstantin V. Cherepanov

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article considers the interaction of the top leaders of the Kazakh SSR (N. Skvortsov, Zh. Shayakhmetov, and D. Kunaev) in the issue of strengthening the defense capability of the USSR during the Great Patriotic War. *Materials and methods.* The study was undertaken using classical methods of historical research: historical-chronological, historical-genetic, and historical-comparative. Also, when working on the article, a biographical approach and the theory of ethnic mobilization were used, combining elements of the reconstruction of the biographies of the leaders of Soviet Kazakhstan against the background of the republic's participation in the Great Patriotic War, taking into account its national-ethnic mobilizing factor. The publication is based on the memoirs of the most active participant in the described events, D.A. Kunaev, as well as documents published in 2021–2022 from the collections of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. *Analysis.* By the beginning of the Great Patriotic War, Kazakhstan had become the most important resource base of the USSR. The potential laid down by this time provided the Soviet defense industry with the necessary amount of resources and materials, which noticeably increased in size and range of manufactured industrial products due to the commissioning of new capacities and enterprises evacuated from the west of the country. The successful preparation of the republic for the trials of the Great Patriotic War was largely due to the close cooperation among the secretaries of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan: N. Skvortsov, Zh. Shayakhmetov, and D. Kunaev. *Results.* The author, on the basis of the material attracted, assessed the joint contribution of the three leaders of Kazakhstan to the victory of the Soviet peoples over the Nazi aggressors as significant not only because of its significance in the industrial development of the republic but also in the revival of agriculture (animal husbandry) undermined during the period of collectivization and in the post-war development of the entire national economic complex of Kazakhstan.

Key words: World War II, Great Patriotic War, Kazakh SSR, evacuation, N. Skvortsov, Zh. Shayakhmetov, D. Kunaev, Soviet peoples.

Citation. Cherepanov K.V. The Contribution of the Top Leadership of the Kazakh SSR to Strengthening the Defense Capability of the USSR During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 99-109. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.8

© Черепанов К.В., 2026

УДК 94(574)«1941/45»
ББК 63.3(2)622-8

Дата поступления статьи: 19.03.2025
Дата принятия статьи: 01.02.2026

ВКЛАД ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА КАЗАХСКОЙ ССР В УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Константин Владимирович Черепанов

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается взаимодействие высших руководителей Казахской ССР (Н.А. Скворцов, Ж.Ш. Шаяхметов, Д.А. Кунаев) в вопросе укрепления обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны. *Материалы и методы.* Исследование предпринято с использованием классических методов исторического исследования: историко-хронологического, историко-генетического и историко-сравнительного. Также при работе над статьей опирались на биографический подход и теорию этнической мобилизации, сочетающие в себе элементы реконструкции биографий руководителей советского Казахстана на фоне участия республики в Великой Отечественной войне с учетом национально-этнического мобилизующего фактора. Публикация основана на воспоминаниях активнейшего из участников описываемых событий – Д.А. Кунаева, а также опубликованных в 2021–2022 гг. документах из фондов Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан. *Анализ.* К началу Великой Отечественной войны Казахстан превратился в важнейшую ресурсную базу СССР. Заложенный к этому времени потенциал обеспечил советскую оборонную промышленность необходимым количеством ресурсов и материалов. При этом сама промышленность заметно увеличилась в размерах, а ассортимент выпускаемой продукции расширился за счет введения в строй новых мощностей и эвакуированных с запада страны предприятий. Успешная подготовка республики к военным испытаниям немалой степени была связана с тесным сотрудничеством между секретарями ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцовым, Ж.Ш. Шаяхметовым и стремительно делавшим хозяйственную карьеру инженером-производственником Д.А. Кунаевым. *Результаты.* Автор на основании привлеченного материала оценил совместный вклад трех руководителей Казахстана в победу советских народов над гитлеровскими агрессорами как существенный не только в силу его значимости в промышленном переустройстве республики, но и в возрождении подорванного в период коллективизации сельского хозяйства (животноводства) и в послевоенном развитии всего народнохозяйственного комплекса Казахстана.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Казахская ССР, эвакуация, Н.А. Скворцов, Ж.Ш. Шаяхметов, Д.А. Кунаев, советские народы.

Цитирование. Черепанов К. В. Вклад высшего руководства Казахской ССР в укрепление обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 99–109. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.8

Введение. Тема деятельного участия населения Казахской ССР в Великой Отечественной войне, победа в которой открыла новую эпоху для человечества и сыграла огромную роль в трансформации СССР в его послевоенном развитии, еще долгое время не потеряет своей актуальности. Республика отправила на фронты Великой Отечественной войны свыше 1,3 млн своих граждан из 6 млн общего населения [1, с. 44]. По существу, в военные годы каждый четвертый житель республики находился в боевом строю, и это один из самых высоких показателей вовлечения населения в военные действия среди других союзных республик, да и многих стран мира, непосредственно вовлеченных во Вторую мировую войну. В этот период более 70 % всего мужского населения Казахстана от 18 до 50 лет находилось в рядах действующей армии [1, с. 46]. Для жителей Казахстана война приобрела воистину всенародный характер.

Предметом данного исследования является сотрудничество в партийно-хозяйственной деятельности руководителей Казахской ССР, внесших свой вклад в победный исход борьбы всего Советского Союза с гитлеровскими зах-

ватчиками. Нами были выделены фигуры секретарей Коммунистической партии (большевиков) Казахстана: Николая Александровича Скворцова – первого секретаря (1938–1945 гг.), Жумабая Шаяхметовича Шаяхметова – второго секретаря (1939–1946 гг.) и заместителя Председателя СНК КазССР Динмухамеда Ахмедовича Кунаева (1942–1952 гг.). Каждое из указанных лиц в годы войны представляло собой не просто руководителя республики со своими способностями, личными и деловыми качествами и областью ответственности, но и выполняло определенную функцию по внешнему управлению в важнейшей национальной окраине союзного государства.

Целью данного исследования является определение совместного вклада, который внесли руководители советского Казахстана в победу над гитлеровской Германией. Поставленную цель предполагается достигнуть, решая задачи: 1) выявления в деятельности Н.А. Скворцова, Ж.Ш. Шаяхметова и Д.А. Кунаева мер и усилий по развитию экономического потенциала республики в годы Великой Отечественной войны и 2) выяснения обстоятельств и факторов, оказывавших влияние на результаты их совместной деятельности.

Самым известным среди акторов исследования был, конечно, Д.А. Кунаев, с именем которого связаны десятилетия развития послевоенного советского Казахстана уже в качестве главы республиканского правительства и руководителя республиканской партийной организации.

Ж.Ш. Шаяхметов, несомненно, важнейшая фигура в национальной истории Казахстана, но при этом не до конца оцененная и изученная. Являясь порождением страшной, жестокой и вместе с тем яркой и эпичной эпохи, он был в центре ключевых событий не только казахстанской, национальной истории, но и всего союзного государства (СССР). Принимал участие в создании и укреплении советского партийного и государственного аппарата, причем на всех уровнях – от волостного до Председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР (1950–1954 гг.), сыграл огромную роль в истории СССР в годы Великой Отечественной войны, возглавляя Государственный Комитет Обороны по Казахстану, курировал связи СССР с руководством сражающегося против японских оккупантов Китая и одновременно антикитайских повстанческих сил из представителей тюркских и мусульманских народностей [13, с. 377, 379–380], тем самым охраняя и обеспечивая стратегические интересы Советского государства на его восточных рубежах, возглавлял республиканскую партийную организацию с 1946 по 1954 г., являясь вторым представителем коренной, казахской национальности на посту партийного руководителя КазССР.

Н.А. Скворцов возглавлял партийную организацию республики в сложные и трагические годы (с 1938 по 1944 г.) и оставил свой след в истории Казахской ССР. Д.А. Кунаев восхищался эрудицией, дальновидностью и тактом этого партийного руководителя Казахстана и впоследствии признавал в своих воспоминаниях, что им было «очень много сделано для развития республики, особенно в период войны. Важна его роль в воспитании и росте национальных кадров» [10, с. 37].

Исследование вклада указанных руководителей Казахской ССР в победу народов СССР в Великой Отечественной войне в ходе совместного сотрудничества имеет своим результатом получение нового знания о персональном участии каждого из них в достижении победы и позволяет сформировать объективное представление о роли Всесоюзной коммунистической партии (ВКП(б)) и советского аппарата в мобилизационных и организационно-производственных мероприятиях в военные годы на примере деятельности конкретных партийных и советских руководителей.

Материалы и методы. Воспоминания Д.А. Кунаева [10], лично знавшего и Н.А. Скворцова с 1939 г., и Ж.Ш. Шаяхметова с 1940 г., работавшего под их руководством на разных значимых должностях в советско-партийном аппарате, являются важнейшим источником информации ярко выраженного оценочного характера. Также привлечены официальные отчеты, деловая переписка высших руководителей, стенограммы публичных выступлений, введенные в научный оборот в 2021–2022 годах [5; 6].

В процессе работы применялись основные методы исторического исследования. Историко-генетический метод необходим для выявления факторов и обстоятельств, оказы-

вавших влияние на позицию и действия ключевых фигур в руководстве КазССР в период Великой Отечественной войны. Историко-сравнительный метод позволил определить общий субстрат в активной деятельности Н.А. Скворцова, Ж.Ш. Шаяхметова и Д.А. Кунаева и выделить специфический компонент в деятельности каждого из них. Теория этнической мобилизации, согласно которой представитель этнической группы на высоких управленческих постах играл существенную роль в этнической мобилизации населения, позволяет объяснить репрезентативность советской политики национальностей на практике и обосновать сотрудничество представителей коренной национальности с властью и их сознательное участие в защите социалистической родины. В ходе исследования также использовались методы качественной социологии: статистический анализ, дискурс-анализ текстов и речевых практик, документов личного характера.

Историография. Меньше всего независимой и объективной информации сохранилось о деятельности Н.А. Скворцова на посту руководителя республиканской партийной организации в годы Великой Отечественной войны. Занявший свой пост в годы массового террора Н.А. Скворцов не пользовался особой популярностью среди отечественных историков. На этой должности он сменил Л. Мирзояна, репрессированного в том числе и по его доносам. Теплые и комплементарные слова в его адрес со стороны Д.А. Кунаева выглядят на этом фоне настоящим откровением и ценным свидетельством. Заслуживает особого внимания характеристика личности и результатов деятельности Н.А. Скворцова как представителя второй крупнейшей этнической общины Казахстана – русских, что свидетельствовало о духе интернационализма и солидарности, характерном как для самого Д.А. Кунаева, так и всего казахстанского общества периода Великой Отечественной войны.

Долгое время находилось в забвении имя Ж. Шаяхметова и замалчивались его дела и свершения. Историки Л.С. Ахметова и В.К. Григорьев, пожалуй, впервые осуществили комплексное исследование, поставив его в один ряд с другими руководителями республики и определив его важное по значению место [2, с. 229–230]. Через десятилетие авторы вернулись к фигуре Ж. Шаяхметова, акцентировав внимание на роли именно его личности на фоне сложных и драматических трансформаций Казахстана и его народа [3].

Тематические сборники документов [5; 6] включили в себя важнейшие свидетельства деятельности этнического казаха как одного из высших руководителей советского Казахстана и повлияли на содержание коллективной монографии, освещающей жизненный путь и исторические заслуги Ж.Ш. Шаяхметова перед казахским народом, республикой и всем союзным государством, в том числе и в годы Великой Отечественной войны [8].

Стоит отметить англоязычную публикацию Х. Йылмаза о сталинской эпохе, на фоне которой развивалась карьера казахского руководителя, и о его месте в республике в это время [7; 21].

Деятельность Д.А. Кунаева в советских и партийных органах в годы Великой Отечественной войны также остается до сих пор не до конца изученным сюжетом. Многое из происходившего имело гриф секретности, не позволявший публиковать документы и материалы, давать интервью и воспроизводить свои воспоминания в публикациях. Воспоминания самого Д.А. Кунаева являются и по сей день едва ли не единственным структурированным источником информации, что показывает монография Б.А. Тулепбаева и К.У. Тулепбаевой [17]. Подготовленная сотрудниками Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова коллективная монография посвящена более позднему периоду в развитии советского Казахстана, и деятельность Д.А. Кунаева в годы войны в ней практически не рассматривается [9, с. 52–54].

Таким образом, исследовательский интерес к вопросу участия руководителей советского Казахстана в укреплении обороноспособности Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и их вклада в общую Победу над гитлеровской Германией приобретает дополнительную актуальность и в силу относительно слабой изученности, и принципиально новой постановки самого вопроса, требующей учета и анализа совместных действий и усилий руководителей КазССР.

Анализ. Судьбы всех трех высших в свое время партийных руководителей Казахстана

совсем не случайно переплелись в Риддере в 1940 году. Чуть более года мирной передышки, полученной Советским Союзом после завершения войны с Финляндией, в стране старались максимально эффективно использовать, чтобы подготовиться к военному столкновению со своим самым грозным военно-политическим соперником – нацистской Германией.

Выступая на декабрьском 1940 г. пленуме ЦК КП(б) Казахстана, второй секретарь республиканской партийной организации Ж.Ш. Шаяхметов с большевистской прямотой и ясностью характеризовал сложившуюся в мире ситуацию и позицию советского руководства в условиях продолжавшейся второй год мировой войны: «Сложная международная обстановка чревата неожиданностями. Нельзя ни на одну минуту забывать мудрые указания великого Сталина: “Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох”. Нельзя допустить, чтобы Советское государство оказалось менее подготовленным к войне, чем капиталистические страны. Обстановка требует огромного напряжения сил и самоотверженного труда. Ускоренными темпами и в максимальном количестве страну нужно обеспечивать предметами вооружения, высококачественными продуктами промышленности и сельского хозяйства» [4, с. 46].

Развитие производств в Рудном Алтае – мощном добывающем и перерабатывающем восточном регионе советского Казахстана являлось одним из приоритетных стратегических направлений промышленной политики руководства СССР. Годы Великой Отечественной войны показали, что затраченные усилия не были напрасными.

Именно здесь, в Риддере, в последний предвоенный год произошла личная встреча Д.А. Кунаева в качестве директора Риддерского рудника, добывавшего ценное стратегическое сырье для производства свинца, цинка и других металлов, необходимых для успешной обороны и масштабного военного производства, и второго секретаря ЦК КП Казахстана Ж.Ш. Шаяхметова. Для него это был первый визит в Риддер, свидетельствовавший о важности производства главного промышленного предприятия города как минимум для всей республики и заставивший обратить пристальное внимание на организаторские и производственные способности директора рудника, что впоследствии и обусловило карьеру руководящего работника Д.А. Кунаеву [10, с. 50].

В том же году состоялся приезд в Риддер партийной делегации во главе с первым секретарем республиканской партийной организации Н.А. Скворцовым, выдвигавшимся кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от коллектива Риддерского рудника. Выступления главы республиканской партийной организации выглядели, по словам Д.А. Кунаева, толково, без парадной шумихи и поражали присутствовавших знанием до тонкости технологии добычи и обогащения руд, плавки и выпуска металла. «Он умел глубоко понимать и анализировать ситуацию, поддерживать перспективные идеи и с порога отметать нереальные притязания», – отмечал ценные деловые качества Н.А. Скворцова в своих воспоминаниях ветеран казахстанской политики [10, с. 51]. Все эти качества были в полной мере проявлены в годы больших испытаний Великой Отечественной войны.

Уже находившиеся до июня 1941 г. в условиях фактической мобилизации добывающие и перерабатывающие предприятия Лениногорска (так с 6 февраля 1941 г. стал называться Риддер) в первые годы войны увеличили выпуск свинца на 21 %, цинка в концентрате на 8 %, кадмия на 9 %, золота на 26 % и серебра на 12 % [10, с. 54]. Вклад рудной, добывающей столицы советского Казахстана в общую для всех советских народов Победу невозможно переоценить – из десяти пуль, выпущенных по врагу, в девяти был свинец из Казахстана, из Лениногорска [10, с. 58].

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. при всем характере страшного и масштабного бедствия имело колоссальные последствия для всего мира во второй половине XX в. и самой Советской страны. Война с гитлеризмом в союзе с западными демократиями способствовала преображению Советского государства, наполнению его сути новыми смыслами, обретению им тех качеств и характеристик, которые ему ранее были не присущи или находились в латентном, зачаточном состоянии.

Участие СССР в мировом противостоянии на правой стороне стало залогом победы всего прогрессивного человечества в борьбе с силами реакции и милитаризма, но одновременно Советское государство обретало более прочный фундамент – фундамент «Отечества», родины, исторических и человеческих ценностей; представители народов Советского Союза получали иную, притягательную точку сборки, становясь в итоге советскими гражданами. Как справедливо отмечает американский историк пакистанского происхождения Адиб Халид, «Вторая мировая война открыла Центральную Азию Советскому Союзу, а жителей Центральной Азии сделала настоящими советскими гражданами» [18, с. 269]. В таком ключе и следует рассматривать вопрос о причинах победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, его побед и геополитического взлета в послевоенное время, в 1960–1970-е годы. Именно в возникновении новой почвы для идентичности советских людей, вне зависимости от их национальности и зачастую социального положения, на основе совместных жертв и усилий в годы Великой Отечественной войны, превратившейся, по сути, в своеобразную идеологию, и содержался главный внутриполитический итог четырех лет страшной войны, ставших залогом прочности и послевоенных успехов Советского многонационального государства.

Ж.Ш. Шаяхметов был одним из первых руководителей союзно-республиканского уровня, который понял это проявившееся вновь внутриполитическое обстоятельство и попытался использовать его прежде всего в нуждах армии и фронта, а также в интересах советского казахского патриотизма. В своей статье, опубликованной на страницах партийного журнала «Большевик Казахстана» в сентябре 1941 г., он вспоминал о героической борьбе казахского народа за свою свободу и независимость, называя имена и Бекета, и Кенесары, и Наурызбая, и Исатая, и Махамбета. «Память о героях восстания 1916 г., – писал он, – их боевые традиции вдохновляют нас в нашей сегодняшней борьбе за социалистическую Родину против заклятого врага свободы и независимости народов – гитлеровской Германии. В час, когда грозная опасность нависла над нашей любимой Родиной, когда гитлеровская армия отъявленных бандитов вероломно напала на страну Советов, казахский народ, вместе с другими народами Советского Союза, поднялся, как один, на священную Отечественную войну» [19, с. 58].

Была и огромная разница по сравнению с упомянутым 1916 годом. Тогда речь шла лишь о мобилизации коренного населения Казахстана на трудовые работы, сейчас же сотни тысяч казахстанцев всех национальностей были мобилизованы без исключения и принимали самое активное участие в войне с гитлеровским фашизмом на самых различных участках фронта масштабного германо-советского противостояния.

Помимо прямого участия в боевых действиях, казахстанцы вносили колоссальный вклад в общее дело Победы в шахтах, на буровых, горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях цветной металлургии Казахстана, «работая не покладая рук, чтобы удовлетворить все нужды фронта» [17, с. 59]. Всего на фронтах Великой Отечественной войны сражались 1,3 млн казахстанцев [1, с. 44], 700 тыс. трудящихся республики были заняты на производстве, в оборонной промышленности [11, с. 164]. Около 500 казахстанцев были награждены орденами Ленина и «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Снайпер А. Молдагулова и пулеметчица М. Маметова первыми из женщин советского Востока были удостоены звания Героя Советского Союза [11, с. 161].

В апреле 1942 г. Д.А. Кунаев был вызван в столицу республики и уже с 6 июня 1942 г. начал работать в Совете народных комиссаров КазССР заместителем Председателя СНК республики, ответственным за деятельность предприятий союзного подчинения. Именно с этого момента все три высших руководителя КазССР соединили свои усилия в борьбе за эффективную работу добывающих, перерабатывающих и производящих предприятий, существовавших в республике на момент нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, приемку и монтаж сотен предприятий, эвакуированных из западных регионов страны.

Их размещением занимался 30-летний тогда заместитель Главы Правительства республики. Предприятия направлялись в Алма-

Ату, Балхаш, Петропавловск, Акмолинск, Уральск, Актюбинск. То есть уже тогда, в годы войны, и во многом стараниями Д.А. Кунаева закладывалась и производящая база казахстанской промышленности, формировались основные транспортные коридоры, развивались логистика и инфраструктура. Именно тогда были установлены рабочие и доверительные отношения между ним и будущими «капитанами» советской промышленности и всего народного хозяйства СССР – Д.Ф. Устиновым и А.Н. Косыгиным, уже не прерывавшиеся позднее десятилетиями.

Д.А. Кунаев вспоминал о первой встрече с обоими секретарями ЦК КП(б) Казахстана уже в качестве заместителя Председателя СНК КазССР. Он обратил тогда особое внимание на то, как Н.А. Скворцов хорошо знал отрасль тяжелой промышленности и всех руководителей предприятий. В воспоминаниях он с благодарностью отзывался и о Ж.Ш. Шаяхметове, подчеркивая его дисциплинированность, аккуратность и хорошие организаторские качества [10, с. 70].

Ж. Шаяхметов следил за карьерой Д. Кунаева. Имея возможность не раз убедиться в его профессиональных и организаторских способностях и талантах, он предлагал в письме от 3 июня 1943 г. на имя Н.А. Скворцова назначить Д. Кунаева третьим секретарем ЦК КП(б) Казахстана или секретарем ЦК по оборонной промышленности, что принималось во внимание адресатом послания [12, с. 89]. К этому времени Д.А. Кунаев уже продемонстрировал в полной мере все свои профессиональные и организаторские способности, наладив по просьбе самого Н.А. Скворцова производство вольфрамового концентрата на Акчетауском вольфрамовом комбинате и молибденового концентрата на специально построенном руднике Восточно-Коунрадского месторождения [10, с. 62–63]. И первое, и второе изделие были просто необходимы для создания надежной брони советских танков. Из каждых 100 тонн молибдена, добываемых в стране в годы войны, 60 тонн давали горняки рудника Восточный Коунрад [10, с. 64]. Вслед за Кунаевым хочется отметить, что начатое в то время строительство крупных промышленных предприятий, перебазирование в республику сотен предприятий из подвергнутых военным действиям западных районов СССР с оборудованием и специалистами имели «наиважнейшее значение в росте мощности индустрии не только Казахстана, но и всей страны» [10, с. 66].

Отношения между Д.А. Кунаевым и Н.А. Скворцовым за время их совместной деятельности в Казахстане носили исключительно уважительный и конструктивный характер. В словах и оценках Д.А. Кунаева не раз звучит неподдельное восхищение знаниями и способностями руководителя республиканской партийной организации. Любопытно подчеркивание Д.А. Кунаевым в Н.А. Скворцове качества «интернационалиста» при «важной роли в воспитании и росте национальных кадров» [10, с. 37, 69].

В дальнейшем сам Д.А. Кунаев уже как партийный лидер республики не раз выделял в качестве важнейшей личностной и деловой характеристики именно качество «интернационалиста», без которого успешная конструктивная работа в многонациональной республике была просто невозможна.

Будучи сам выпускником Московского планового института, готовившего экономистов для работы в системе Госплана СССР и госпланов союзных республик, для министерств и промышленных предприятий, Н.А. Скворцов использовал свое базовое образование в полной мере и ценил людей, таких как Д.А. Кунаев, прежде всего за их профессиональные, хозяйственные качества. Высокий уровень аналитических способностей Н.А. Скворцова демонстрируют его отчетные доклады в ЦК ВКП(б). В них он не только отчитывался в выполненной работе, отмечая успехи и упущения, но и акцентировал внимание на стратегически важных и перспективных направлениях развития народного хозяйства республики.

В отчетном докладе в адрес ЦК ВКП(б) о проделанной работе ЦК КП(б) Казахстана за 1943 г., обращая внимание союзного руководства на достигнутые успехи в области цветной металлургии (30,7 % меди, 85,8 % свинца, 19,3 % золота от общесоюзного уровня), угольной промышленности (12 % от общесоюзной выработки, 18 % по коксующимся углям), нефтедобывающей (6 % от общесоюзной добычи), производства 22 предприятиями боеприпасов и вооружений и 5 предпри-

ятиями химической промышленности ценного химического сырья, он подробно останавливался на росте производства в пищевой, мясомолочной, рыбной и легкой отраслях промышленности, особо выделяя кооперативную промышленность (промкооперацию, кооперацию инвалидов), производившую главным образом предметы ширпотреба [14, л. 2–3].

Очень важным и стратегически грамотным выглядит тот фрагмент отчета, где первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана характеризует успехи и проблемы отгонного животноводства, по его словам, практически уничтоженного к 1938 г., но возрожденного по инициативе ЦК КП(б) республики с 1940 г. и принявшего к 1943 г. «…довольно широкие размеры». К зиме 1942–1943 гг. на зимних пастбищах находилось около 3 млн голов. Руководитель партийной организации республики не преминул при этом отметить, что с 1934 по 1938 г. отгонное животноводство категорически запрещалось руководящими органами республики и сторонники этой формы ведения животноводческого хозяйства преследовались и строго наказывались [14, л. 13].

С руководителем республиканской партийной организации был полностью согласен и ее второй секретарь Ж. Шаяхметов. В речи «Об итогах VI Пленума ЦК КП(б) Казахстана», произнесенной 3 февраля 1942 г. на собрании партактива г. Алма-Аты, он осторожно, с учетом горького опыта 1930-х гг., поднял вопрос о том, что «…нужно смелее, оперативно восстанавливать практику организации отгона скота на зимние пастбища. <…> В 1941–42 году впервые, после почти 10-летнего перерыва, колхозами республики проводится отгонное животноводство. Общее поголовье скота, находящегося сейчас на зимних пастбищах, достигает около 2 млн голов» [16, с. 183].

Выступая 10 мая 1943 г. на торжественном заседании, посвященном вручению переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны КазССР, председателем которого он сам и являлся, он обратился в своей речи к тем временам, когда Казахстан был краем животноводства: «Теперь мы должны полностью поставить на службу родине многовековой опыт казахского народа, его умение выращивать на широких просторах степей, на альпийских лугах миллионные стада тучных овец, высокопродуктивных коров, быстроногих скакунов» [20, с. 87].

Требование союзного центра, руководства ВКП(б), лично И.В. Сталина в этот раз совпадало с традициями, интересами и многовековыми навыками казахского народа. В словах второго секретаря ЦК КП(б) Казахстана слышится и поддержка указания центрального руководства, и радость от того, что на этот раз воля партии и И.В. Сталина, нужды государства совпадают с нуждами и интересами казахского народа: «Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б) “О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности” дает развернутую программу дальнейшего подъема этой основной и решающей отрасли сельского хозяйства в нашей республике. Постановление это продиктовано нуждами, интересами нашей родины, фронта. Каждый работник животноводства должен воспринять его как боевой приказ, за выполнение которого нужно взяться со всей страстностью, со всей энергией» [20, с. 87].

Совместная работа на ответственных постах в ходе Великой Отечественной войны обернулась эффективным соединением усилий и способностей трех незаурядных представителей советской партийной, советской и хозяйственной номенклатуры. За несколько месяцев до завершения войны Н.А. Скворцов был направлен в Москву на повышение – должность наркома технических культур СССР, а затем министра совхозов СССР. Находясь на курортном лечении в Ессентуках, он послал теплое и открытое письмо своим казахстанским товарищам и коллегам, в котором признавался в любви к Казахстану и его народу и благодарил друзей за помощь и поддержку в те трудные и героические годы [15, с. 232].

Результаты. Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием и для всех народов Советского Союза, и для руководителей советского Казахстана – Н.А. Скворцова, Ж.Ш. Шаяхметова и Д.А. Кунаева. Однако так же, как и для народов СССР, эти страшные бедствия, продолжавшиеся почти четыре года, для руководителей КазССР оказались чередой решительных, продуманных и скоординированных действий, имевших своим результатом су-

щественный вклад в общее для всех советских людей дело Победы и заложивших основы будущего стремительного индустриально-аграрного развития Казахской ССР. Именно в ходе совместной плодотворной и конструктивной деятельности в экстраординарных условиях военного времени руководителям КазССР удалось заложить мощный фундамент промышленного развития, улучшить состояние сельского хозяйства и задать тенденции социально-экономического развития республики на послевоенные десятилетия XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдажуманов К. С., Асанова С. А., Джунисбаев А. А., Кали А. Н. Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945). Алматы: Полиграфия-сервис и К°, 2022. 254 с.

2. Ахметова Л. С., Григорьев В. К. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. Алматы: ИП Волкова Н.В., 2010. 231 с.

3. Ахметова Л. С., Григорьев В. К. Жумабай Шаяхметов и его время. Нур-Султан: Фолиант, 2021. 248 с.

4. Доклад «О реализации Указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г.» // Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2021. С. 45–55.

5. Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2021. 460 с.

6. Жумабай Шаяхметов.Документы, материалы, фотографии. Алматы: Литера-М, 2022. 672 с.

7. Йылмаз Х. Конструирование образов казахских национальных героев при Сталине // Отан тарихы. 2015. № 2 (70). С. 73–100.

8. Кабульдинов З. Е., Касымова Д. Б., Аминов Т. А. и др. Неизвестные страницы из жизни и деятельности видного государственного деятеля Жумабая Шаяхметова (1902–1966 гг.). Алматы: Литера-М, 2022. 392 с.

9. Кабульдинов З. Е., Калыбекова М. Ш., Касымова Д. Б. и др. Вклад Д.А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранение территориальной целостности республики. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова: Алма, 2024. 440 с.

10. Кунаев Д. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: MELOMAN Publishing, 2022. 378 с.

11. Нусупбеков А. Н. Боевые и трудовые подвиги трудящихся Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Труды. В 5 т. Т. 3. Алматы: Литера-М, 2024. 328 с.

12. Письмо Н.А. Скворцову о перемещении руководящих партийных работников // Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2021. С. 89–90.

13. Обухов В. Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.

14. Отчет о проделанной работе ЦК КП(б) Казахстана за 1943 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 139. Л. 1–15.

15. Письмо Н. Скворцова Ж. Шаяхметову // Жумабай Шаяхметов. Документы, материалы, фотографии. Алматы: Литера-М, 2022. С. 232–233.

16. Речь секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Ж. Шаяхметова на собрании партактива г. Алма-Аты // Жумабай Шаяхметов. Документы, материалы, фотографии. Алматы: Литера-М, 2022. С. 177–187.

17. Тулепбаев Б. А., Тулепбаева К. У. Д.А. Кунаев – выдающийся государственный и политический деятель. Алматы: Нурлы Алем, 2006. 304 с.

18. Халид А. Центральная Азия: От века минувших империй до наших дней. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 560 с.

19. Шаяхметов Ж. Ш. Казахский народ – активный участник Великой Отечественной войны // Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2021. С. 58–61.

20. Шаяхметов Ж. Ш. Высоко держать Красное знамя // Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2021. С. 82–88.

21. Yilmaz H. History Writing as Agitation and Propaganda: The Kazakh History Book of 1943 // Central Asian Survey. 2012. № 31 (4). P. 409–423.

REFERENCES

1. Aldazhumanov K.S., Asanova S.A., Dzhunisbaev A.A., Kali A.N. *Natsionalnye voyskovye formirovaniya Kazakhstana na frontakh voyny (1941–1945)* [National Military Formations of Kazakhstan on the Fronts of the War (1941–1945)]. Almaty, Poligrafiya-servis i K° Publ., 2022. 254 p.

2. Akhmetova L.S., Grigoryev V.K. *Pervye litsa Kazakhstana v stalinskuyu epokhu* [The First Persons of Kazakhstan in the Stalinist Era]. Almaty, IP Volkova N.V., 2010. 231 p.

3. Akhmetova L.S., Grigoryev V.K. *Zhumabay Shayakhmetov i ego vremya* [Zhumabai Shayakhmetov and His Time]. Nur-Sultan, Foliant Publ., 2021. 248 p.

4. Doklad «O realizatsii Ukaza Prezidiuma VS SSSR ot 26 iiunia 1940 g.» [Report "On the Implementation of the Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of June 26, 1940"]. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty i materialy* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents and Materials]. Almaty, LEM Publ., 2021, pp. 45-55.

5. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty i materialy* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents and Materials]. Almaty, LEM Publ., 2021. 460 p.

6. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty, materialy, fotografii* [Zhumabay Shayakhmetov, Documents, Materials, Photographs]. Almaty, Litera-M Publ., 2022. 672 p.

7. Jylmaz Kh. Konstruirovanie obrazov kazakhskikh natsionalnykh geroev pri Staline [Construction of Images of Kazakh National Heroes Under Stalin]. *Otan tarikhy* [National History], 2015, no. 2 (70), pp. 73-100.

8. Kabuldinov Z.E., Kasymova D.B., Aminov T.A. et al. *Neizvestnye stranitsy iz zhizni i deyatelnosti vidnogo gosudarstvennogo deyatelya Zhumabaya Shayakhmetova (1902–1966 gg.)* [Unknown Pages from the Life and Work of a Prominent Statesman Zhumabay Shayakhmetov (1902–1966)]. Almaty, Litera-M Publ., 2022. 392 p.

9. Kabuldinov Z.E., Kalybekova M.Sh., Kasymova D.B. et al. *Vklad D.A. Kunaeva v sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Kazakhstana i sokhranenie territorialnoi tselostnosti respubliki* [Contribution of D.A. Kunaev to the Socio-Economic Development of Kazakhstan and the Preservation of the Territorial Integrity of the Republic]. Almaty, In-t istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova, Alma Publ., 2024. 440 p.

10. Kunaev D. *O moem vremeni. Ot Stalina do Gorbacheva* [About My Time. From Stalin to Gorbachev]. Almaty, MELOMAN Publishing, 2022. 378 p.

11. Nusupbekov A.N. Boevye i trudovye podvigi trudyashchikhsya Kazakhstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Military and Labor Exploits of Workers of Kazakhstan During the Great Patriotic War]. *Trudy. V 5 t. T. 3* [Scientific Works. In 5 Vols. Vol. 3]. Almaty, Litera-M Publ., 2024. 328 p.

12. Pismo N.A. Skvortsovu o peremeshchenii rukovodyashchikh partiynykh rabotnikov [Letter to N.A. Skvortsov on the Movement of Leading Party Workers]. *Zhumabai Shaiakhmetov. Dokumenty i materialy* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents and Materials]. Almaty, LEM Publ., 2021, pp. 89-90.

13. Obukhov V.G. *Skhvatka shesti imperiy. Bitva za Sintszyan* [Clash of Six Empires. Battle of Xinjiang]. Moscow, Veche Publ., 2007. 512 p.

14. Otchet o prodelannoy rabote TsK KP(b) Kazakhstana za 1943 g. [Report on the Work Done by the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan for 1943]. *Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 7/1, d. 139, l. 1-15.

15. Pismo N. Skvortsova Zh. Shayakhmetovu [Letter from N. Skvortsov to Zh. Shayakhmetov]. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty, materialy, fotografii* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents, Materials, Photographs]. Almaty, Litera-M Publ., 2022, pp. 232-233.

16. Rech sekretarya TsK KP(b) Kazakhstana tov. Zh. Shayakhmetova na sobranii partaktiva g. Alma-Aty [Speech by the Secretary of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan, Comrade Zh. Shayakhmetov at a Meeting of the Party Activist of Alma-Ata]. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty, materialy, fotografii* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents, Materials, Photographs]. Almaty, Litera-M Publ., 2022, pp. 177-187.

17. Tulepbaev B.A., Tulepbaeva K.U. *D.A. Kunaev – vydaiushchiysya gosudarstvenny i politicheskiy deyatel* [Kunaev Is an Outstanding Statesman and Politician]. Almaty, Nurly Alem Publ., 2006. 304 p.

18. Khalid A. *Tsentralnaya Aziya: Ot veka minuvshikh imperiy do nashikh dney* [Central Asia: From the Century of Past Empires to the Present Day]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2024. 560 p.

19. Shayakhmetov Zh.Sh. Kazakhskiy narod – aktivny uchastnik Velikoy Otechestvennoy voyny [The Kazakh People Are an Active Participant in the Great Patriotic War]. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty i materialy* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents and Materials]. Almaty, LEM Publ., 2021, pp. 58-61.

20. Shayakhmetov Zh.Sh. Vysoko derzhat Krasnoe znamya [Hold the Red Banner High]. *Zhumabay Shayakhmetov. Dokumenty i materialy* [Zhumabay Shayakhmetov. Documents and Materials]. Almaty, LEM Publ., 2021, pp. 82-88.

21. Yilmaz H. History Writing as Agitation and Propaganda: The Kazakh History Book of 1943. C*entral Asian Survey*, 2012, vol. 31 (4), pp. 409-423.

Information About the Author

Konstantin V. Cherepanov, Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Leading Researcher, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Shevchenko St, 28, 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan, k.v.cherepanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0736-9383

Информация об авторе

Константин Владимирович Черепанов, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, ул. Шевченко, 28, 050010 г. Алматы, Республика Казахстан, k.v.cherepanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0736-9383

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.9

UDC 94(470.45)«1941/1945»:616.932
LBC 63.3(2Рос-4Вог)622-7

Submitted: 11.09.2025
Accepted: 23.12.2025

ACTIVITIES OF THE STALINGRAD REGIONAL EMERGENCY PLENIPOTENTIARY ANTI-EPIDEMIC COMMISSION IN 1942–1943

Evgeniia L. Golovina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the Great Patriotic War, due to the difficult epidemic situation in February 1942, emergency plenipotentiary anti-epidemic commissions were formed in the regions, concentrating in their hands the operational management of events to ensure acceptable sanitary conditions for the life and work of the population. *Methods and materials.* Special historical methods were used in preparing this material: archival-heuristic helped to collect information scattered across funds, historical-genetic made it possible to identify factors and their consequences that influenced anti-epidemic work in the region, and historical-systemic made it possible to determine the relationship between the socio-political and economic situation and the activities of sanitary authorities. The work is based on unpublished archival materials from the collections of the Volgograd Region State Archives and the Russian State Archive of Socio-Political History. *Analysis.* In Stalingrad, the Emergency Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission began its work in February 1942. The main tasks were combating typhus, exterminating rodents, and monitoring the epidemiological situation in the region. A cholera outbreak in July and August and a tularemia epidemic in the fall and winter posed a particular challenge that year. The mobilization of all available resources in the region helped combat these infections. In 1943, the sanitary cleanup of corpses and waste from the city and districts of the region became a priority. At the same time, the commission continued to deal with issues of sanitation and infection prevention. *Results.* Typhus remained an unresolved problem in the period under review. Issues of unsanitary conditions and lack of material and human resources had a negative impact on the sanitary condition of the region. The threatening situation persisted. However, over the two years of its work, the emergency commission proved its effectiveness, preventing the widespread occurrence of serious epidemics in the region during this period.

Key words: Stalingrad, Great Patriotic War, sanitary and epidemic work, Stalingrad Regional Emergency Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission, fight against infections.

Citation. Golovina E.L. Activities of the Stalingrad Regional Emergency Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission in 1942–1943. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 110-120. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.9

УДК 94(470.45)«1941/1945»:616.932
ББК 63.3(2Рос-4Вог)622-7

Дата поступления статьи: 11.09.2025
Дата принятия статьи: 23.12.2025

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПОЛНОМОЧНОЙ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1942–1943 ГОДАХ

Евгения Леонидовна Головина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский институт бизнеса, г. Волгоград, Российская Федерация

© Головина Е.Л., 2026

Аннотация. *Введение.* В период Великой Отечественной войны ввиду сложной эпидемической обстановки в феврале 1942 г. в регионах были образованы чрезвычайные полномочные противоэпидемические комиссии, сосредоточившие в своих руках оперативное управление мероприятиями по обеспечению допустимых санитарных условий для жизни и работы населения. *Методы и материалы.* При подготовке материала исполь-

зовались специальные исторические методы: архивно-эвристический помог собрать разрозненную по фондам информацию; историко-генетический позволил выявить факторы и их следствия, повлиявшие на противоэпидемическую работу в регионе; историко-системный дал возможность определить взаимосвязь социально-политической и экономической обстановки и деятельности санитарных органов. Основой работы являются неопубликованные архивные материалы из фондов Государственного архива Волгоградской области и Российского государственного архива социально-политической истории. *Анализ.* В Сталинграде чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия приступила к работе с февраля 1942 года. Основными вопросами являлись борьба с сыпным тифом, истребление грызунов, отслеживание эпидемической ситуации в регионе. Особым испытанием стали в тот год вспышка холеры в июле – августе и эпидемия туляремии осенью – зимой. Мобилизация всех имевшихся в области ресурсов помогла справиться с этими инфекциями. В 1943 г. на первый план вышла санитарная очистка города и районов области от трупов и нечистот. Вместе с тем комиссия продолжала заниматься вопросами санитарии и профилактики инфекций. *Результаты.* Нерешенной проблемой в рассмотренном периоде оставался сыпной тиф. Антисанитария, нехватка материальных и людских ресурсов оказывали негативное влияние на эпидемическое состояние области. Угрожаемое положение сохранялось. Однако за 2 года работы чрезвычайная комиссия доказала свою эффективность, не допустив в этот период широкого распространения серьезных эпидемий в регионе.

Ключевые слова: Сталинград, Великая Отечественная война, санитарно-эпидемическая работа, Сталинградская областная чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия, борьба против инфекций.

Цитирование. Головина Е. Л. Деятельность Сталинградской областной чрезвычайной полномочной противоэпидемической комиссии в 1942–1943 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 110–120. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.9

Введение. Санитарно-эпидемическая обстановка в условиях Великой Отечественной войны являлась одним из важнейших условий выживания как населения, так и страны. Ввиду разрушения привычной инфраструктуры быта регионов в результате перемещения огромного количества людей внутри страны, нехватки имевшихся жилищно-коммунальных ресурсов и мощностей системы здравоохранения сложилась угроза широкого распространения острозаразных инфекционных заболеваний. Это непременно отразилось бы на работе тыла и состоянии вооруженных сил, а значит, на обороноспособности Советского Союза. Еще острее эпидемические проблемы стояли на территориях, затронутых боевыми действиями.

Сталинградская область в 1942–1943 гг. пережила оба состояния – сначала как одна из крупнейших эвакуационных и тыловых госпитальных баз СССР, затем как поле битвы не на жизнь, а на смерть. После триумфального разгрома врага Сталинград и часть районов региона оказались в крайней степени разрушения. Восстановление мирной жизни требовало скорейшей санитарной очистки территорий, без которой было невозможным дальнейшее возрождение города и других населенных пунктов.

С осени 1941 г. в Сталинграде и области стали проявляться «спутники военного времени» – эпидемические вспышки сыпного тифа, туляремии, возникла угроза появления холеры. Ухудшилось положение и с другими инфекциями – брюшным тифом и дифтерией, корью и малярией. Повсюду распространился педикулез. В сложившейся ситуации для обеспечения санитарной безопасности региона требовалось усиление координации работы разных ведомств, а также повышение оперативности в принятии ситуативных решений. Этому и послужила созданная по приказу Государственного комитета обороны (далее – ГКО) областная чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия (далее – ОЧППК).

Методы и материалы. Собрать разрозненную по фондам информацию, посвященную деятельности ОЧППК, помог архивно-эвристический метод. Историко-генетический метод позволил выявить факторы и их следствия, повлиявшие на противоэпидемическую работу в регионе. Историко-системный метод дал возможность определить взаимосвязь социально-политической и экономической обстановки и деятельности санитарных органов в рассматриваемый период.

В основу работы положены документы Государственного архива Волгоградской области, посвященные деятельности Сталинградской ОЧППК. Это протоколы и постановления комиссии, находящиеся в фондах комитета по здравоохранению Администрации Волгоградской области (ф. Р-2672) и исполнительного комитета Волгоградского областного Совета народных депутатов (ф. Р-2115).

В историографии работа этой комиссии прицельно не исследовалась. Имеются лишь отдельные упоминания об участии данной структуры в борьбе с эпидемиями, возникавшими в регионе в рассмотренный период. Это исследования, посвященные общей санитарно-эпидемической обстановке в Сталинграде в 1941–1943 гг. и опубликованные в 2010–2020 гг., таких авторов, как Е.В. Булюлина, И.А. Лысенко, О.А. Куницына, Е.Н. Красноженова, И.В. Чернышева [1, с. 63, 66; 6, с. 168; 7, с. 223; 8, с. 187; 9, с. 171; 36, с. 5], а также статьи Е.Л. Головиной о ликвидации конкретных инфекций [3, с. 56; 4, с. 156].

Анализ. Вопросы обеспечения удовлетворительного санитарного состояния населения в условиях начавшейся войны являлись одними из важнейших в деятельности местных органов власти. В связи с массовой эвакуацией, оттоком медиков и эпидемиологов на фронт, сокращением материально-ресурсной базы в Сталинградской области с осени 1941 г. обострилась ситуация с острозаразными заболеваниями. Для борьбы с инфекциями создавались специальные комиссии: чрезвычайная тройка по борьбе с сыпным тифом, чрезвычайная областная комиссия по борьбе с туляремией.

В связи с ухудшением санитарно-эпидемической обстановки в стране зимой 1941/1942 гг., а также напряженным положением на фронтах 2 февраля 1942 г. вышло постановление ГКО, требовавшее усилить надзор за профилактикой и борьбой с острозаразными инфекциями. В этих целях предлагалось на местах образовать чрезвычайные полномочные противоэпидемические комиссии (далее – ЧППК), в которые должны были входить представители советских органов власти и партийных структур, органов здравоохранения, НКВД, военных властей гарнизонов, санитарной службы армии [14, л. 198].

Региональные ЧППК были призваны курировать проведение местными властями и организациями следующих мер по поддержанию удовлетворительного санитарного состояния:

1) со стороны советов депутатов трудящихся – приведение в порядок имевшихся на местах бань и прачечных, заготовка топлива для них, перевод бань на круглосуточную работу, прачечных в 3 смены, строительство примитивных бань с дезинсекторами в городской и сельской местности, при промышленных предприятиях, ручных прачечных. Проведение систематической профилактической дезинфекции мест общественного пользования, городского транспорта, помещений школ, больниц, общежитий, очистка улиц и базарных площадей. Также местные советы должны были решить проблему перенаселенности городов, размещая часть эвакуированных в сельских поселениях [14, л. 195–196];

2) со стороны областных, городских и районных советов и отраслевых наркоматов местной и наркоматов пищевой промышленности – обеспечение широкого производства мыла и его заменителей из местного сырья;

3) со стороны наркоматов путей сообщения, морского и речного флота – проведение комплекса мер по разгрузке от скопления людей вокзалов и пристаней, их очистка и дезинфекция, обеспечение кипяченой водой проезжих, организация на всех крупных узлах путей сообщения санитарно-контрольных пунктов;

4) со стороны наркомата здравоохранения требовалось решить кадровый вопрос с эпидемиологами, бактериологами, гигиенистами, санитарными врачами, распределяя их в зависимости от плотности населения. Наркомат обязывался организовать в городах и на основных путях движения дополнительные эвакопункты для медико-санитарного обслуживания населения, создать при райздравах и эпидстанциях подвижные эпидотряды, обеспечив их необходимыми инструментами и дезсредствами. В задачи органов здравоохранения также входили своевременная диагностика и быстрая госпитализация больных, иммунизация жителей населенных пунктов с большой плотностью против острых желудочно-кишечных заболеваний, вакцинация призывников по методике, принятой в Красной армии. Привлекая Всесоюзную государственную са-

нитарную инспекцию, здравотделы обязывались организовать в городской и сельской местности, при предприятиях и общежитиях институт общественных санитарных инспекторов [14, л. 196–197].

На следующий день, 3 февраля, совместным решением Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета депутатов трудящихся была учреждена Сталинградская ОЧППК. Комиссию возглавил председатель облисполкома И.Ф. Зименков, членами стали заведующий облздравотделом В.А. Ивашиненко, замначальника (а с 1943 г. – начальник) областного управления НКВД В.С. Прошин, главный эпидемиолог санитарного отдела Сталинградского военного округа Н.Я. Зильбер, секретарь обкома ВКП(б) Ф.В. Ляпин. Этим же постановлением ликвидировалась областная комиссия по борьбе с туляремией [34, л. 38–38 об.]. Наряду с областной создавались городские и районные ЧППК.

Областная комиссия сразу приступила к работе. Вопросы эпидемиологического и санитарного состояния рассматривались на заседаниях. Основной формой отложившихся документов Сталинградской ОЧППК являются протоколы заседаний. Их количество в годы войны было различным, так как, судя по всему, строгой регламентации по этому вопросу не было. Комиссия собиралась минимум один раз в месяц, если ситуация требовала иного – заседания проводились чаще. В комиссию напрямую поступали сведения из докладных записок и актов проверок санитарно-эпидемического состояния районов, отчеты о проведении истребительных работ противочумными станциями и дезинфекции эпидотрядами, сведения о прививках. На основе этих данных ОЧППК выстраивала дальнейшие планы и рекомендации. Итогом было принятие постановлений и решений, составление планов работы, разработка инструкций.

Сталинградская ОЧППК работала в тесной связке с облздравом (к примеру, в комиссию поступали предложения от здравотдела о необходимости включить в планы работы те или иные задачи [10, л. 80]), Государственной санитарной инспекцией, противочумными станциями и институтами, облсоветом депутатов трудящихся, учреждениями жилищно-коммунального хозяйства, руководством железнодорожного и водного транспорта.

За 1942 г. имеются 23 протокола, первый из них от 10 февраля, последний – от 22 декабря. Первое заседание носило организационный характер, присутствовали только члены ОЧППК. На нем был принят план работы на февраль – март 1942 г. [18], насчитывавший 42 мероприятия. Среди первоочередных мер значились создание городских и районных ЧППК, обсуждение на заседаниях городских и районных советов противоэпидемических мероприятий в районах области, выделение во всех населенных пунктах сануполномоченных (один уполномоченный на каждые 10 дворов), организация работы медработников (особенно в местах, где отсутствовали постоянные медпункты или не было медперсонала), проведение сплошных проверок готовности к работе бань, прачечных, дезкамер, обеспеченности эвакуированных жильем с приемлемыми санитарными условиями. ОЧППК запланировала систематические проверки мест общественного пользования и вокзалов, наметила работу по развертыванию дополнительных инфекционных коек (из расчета 2 койки на 1 000 человек), обеспечению населения мылом (400 г на человека в месяц). Массово-просветительская работа в феврале – марте заключалась в разработке курсов лекций и бесед для населения по темам «Предупреждение инфекционных заболеваний» и «Санитария и гигиена» [12, л. 31–31 об.].

В рамках исполнения постановления ГКО от 2 февраля 1942 г. в апреле – мае того же года облздравотделу, райздравам и дорсанотделу предписывалось провести поголовную иммунизацию против острых желудочно-кишечных заболеваний во всех населенных пунктах, а также вакцинацию призывников. От районных ЧППК требовалось проводить заседания не реже одного раза в неделю для отслеживания санитарного положения на вверенных территориях, докладывать о проделанной работе и возникающих проблемах областной комиссии каждые 5 дней [12, л. 32].

До конца февраля ОЧППК собиралась еще 3 раза. Основное внимание в это время уделялось проверке эпидемической обстановки в Сталинграде, районах области и Астраханском округе, степени реализации предпи-

санных ГКО противоэпидемических мероприятий. Отдельно стоит отметить контроль истребительных работ по грызунам и реагирование на выявленные случаи туляремии. Отмечались угрожаемое положение по сыпному тифу, проблемы антисанитарного состояния населенных пунктов, недостаточная мощность сети бань и прачечных, плохая дератизация, острая нехватка мыла [19, л. 37]. Обсуждалась работа эвакуационных и санитарно-контрольных пунктов, очистка городов, сложности по данным направлениям. Особо неблагоприятным признавалось положение с туляремией в Котельниковском районе, где была обнаружена эпизоотия [1] среди грызунов, а бани, дезкамеры не работали, дезинсекторы не были построены. При продолжении бездействия в течение ближайших 10 дней со стороны районной ЧППК председателю комиссии Кожевникову грозили судебной ответственностью [20, л. 42]. Исходя из выявленных недостатков, комиссией давались указания местным органам власти и учреждениям исправить существовавшее положение. В марте в ряде районов в местах перегона скота были случаи падежа, возникла необходимость уборки и утилизации трупов животных для недопущения распространения эпидемических заболеваний. Работу в этом направлении также курировала ОЧППК [21, л. 44].

Комиссия тесно сотрудничала с противочумными учреждениями – как сталинградскими, так и эвакуированными из других регионов. Так, ОЧППК принимала доклад Украинского института эпидемиологии и микробиологии им. Мечникова о его работе по обеспечению Красной армии и гражданского населения бактериологическими препаратами: противогангренозными, противостолбнячными и противодифтерийными сыворотками, бактериофагами и тривакцинами (против брюшного тифа и паратифов А и В) [22, л. 50]. Данное учреждение было эвакуировано в Сталинград осенью 1941 г. и приступило к работе на новой территории. Комиссия оказывала содействие институту в обеспечении необходимыми помещениями и материалами для нормальной работы. Перед ОЧППК отчитывались областные противочумные организации. К примеру, 23 марта был заслушан отчет о работе Астраханской станции в 1941 г., отмечались в целом неплохие итоги работы в округе в деле мониторинга ситуации по туляремии и дератизации. Тогда же решался вопрос о предоставлении учреждению необходимых для весенних истребительных работ горючего и ядохимикатов [23, л. 69–69 об.].

Чрезвычайная комиссия работала не только в сфере борьбы с уже курсировавшими в области болезнями, но также занималась разработкой превентивных мер против тех инфекций, которые к началу войны отсутствовали в регионе. К ним относятся мероприятия по борьбе с холерой, считавшейся «побежденной» [3, с. 46]. Так, в апреле 1942 г. был принят план по профилактике холеры [11; 24, л. 82]. Однако избежать заболеваемости этой опасной болезнью не удалось.

В 1942 г. можно выделить 2 больших вызова, с которыми столкнулась Сталинградская ОЧППК. Это вспышка холеры в июле и эпидемия туляремии в осенне-зимний период. Стоит отметить оперативность реагирования чрезвычайной комиссии – после лабораторного подтверждения первых 2 случаев холеры в Сталинграде 18 июля уже 19 июля вышло постановление и предписания мер, направленных на борьбу с инфекцией [17, л. 147]. Благодаря объединению усилий организаций здравоохранения и органов исполнительной власти, санитарно-эпидемических служб за короткий срок удалось остановить распространение болезни.

Из-за боевых действий на территории Сталинградской области осенью 1942 г. в северных районах расплодились грызуны, среди которых вспыхнула эпизоотия туляремии [4, с. 154]. Вскоре болезнь передалась людям. В связи с этим особое внимание чрезвычайной комиссии было уделено организации масштабной истребительной работы в регионе [27, л. 163–163 об.; 28, л. 173–173 об.]. Когда эти меры были приняты, с огромными трудностями ввиду недостатка людских и материальных ресурсов, эпидемию данной инфекции удалось остановить.

В 1943 г. чрезвычайная комиссия собиралась реже, чем в 1942 г., – всего 14 раз. В архиве хранятся 12 протоколов и 2 постановления. Интересно отметить, что первое заседание комиссии в 1943 г. было проведено только в феврале. Это может быть связано с ожиданием завершения боевых действий в ре-

гионе и подготовкой возвращения ведомств в Сталинград из эвакуации. В 1943 г. основной задачей ОЧППК стало предотвращение новых вспышек туляремии и холеры. Нерешенной оставалась ситуация с эпидемией сыпного тифа [29, л. 48–48 об.]. В связи с этим разрабатывались планы мероприятий по профилактике данных болезней [31, л. 33–33 об.]. Кроме того, по окончании Сталинградской битвы первостепенной задачей стала санитарная очистка города и территории области. В местах боев находилось большое количество трупов людей и животных, что грозило экологическим загрязнением и новыми, более тяжелыми эпидемиями. Ведь климатические условия Сталинграда были таковы, что уже в начале весны могла установиться устойчивотеплая погода, что создало бы самые благоприятные условия для развития и распространения инфекций [5, с. 37]. Эта проблема стояла столь остро, что к ее решению были подключены все местные органы власти. Естественно, занималась этим вопросом и противоэпидемическая комиссия.

Вопрос срочной уборки трупов поднимался на первом же заседании ОЧППК в 1943 г. [29, л. 49]. Была проведена оценка санитарного состояния 2 крупнейших городов региона – Сталинграда и Астрахани. Ситуация в областном центре была признана критической, и на втором заседании комиссии был утвержден план чрезвычайных санитарно-эпидемических мероприятий по городу [30, л. 50].

Среди срочных мер можно назвать закрытие неорганизованного въезда в Сталинград до 1 апреля, окончание уборки трупов и их закапывание к 1 марта. Стоит отметить, что это был не первый и не последний срок окончания захоронения останков, несмотря на колоссальные усилия по проведению данной работы, которую выполняли как воинские части (Сталинградская группа войск, военнослужащие Сталинградского военного округа) [2, с. 356], так и все трудоспособное население областного центра. Для перевозки останков был мобилизован весь транспорт и сани в районах города [13, л. 15]. О полном завершении уборки трупов было объявлено лишь 28 мая 1943 г. [2, с. 358].

К числу чрезвычайных мероприятий по Сталинграду относилась уборка города от нечистот и мусора, очистка подвалов, землянок, проведение хлорирования мест жительства и общественного пользования, строительство простейших бань, прачечных, уборных, подача воды и организация ее кипячения. Требовался ежедневный обход жилых помещений для выявления инфекционных больных, для чего был необходим набор сануполномоченных (из расчета 1 уполномоченный на 10 домов, землянок, подвалов). В задачи входила организация на территории Сталинграда инфекционных коек и изоляторов для помещения заболевших и контактировавших лиц. Санитарным службам было велено установить контроль за численностью грызунов в городе, проведением своевременной дератизации [13, л. 15–15 об.].

В 1943 г. было усилено внимание к предупреждению распространения детских инфекций, таких как корь, коклюш, скарлатина, число заболеваний которыми, как отмечалось, существенно возросло за год [32, л. 110–111]. Ввиду острой нехватки кадров последним постановлением 1943 г. ОЧППК попросила директора Сталинградского мединститута Э.И. Иоффе привлечь студентов 1–2-х курсов к санитарно-эпидемической работе – вести наблюдение за рабочими общежитиями и населением города, чтобы вовремя устанавливать случаи проявления инфекции и нарушений санитарии [16].

В течение первых 2 лет работы Сталинградская ОЧППК, помимо рассмотренных проблем, вела систематическую противомалярийную работу [25, л. 92–93; 33, л. 128 об.], решала вопросы борьбы со скорбутом (цингой) [26, л. 123], септической ангиной [35, л. 74], утверждала планы прививок [15], проводила контроль за их выполнением [26]. Кроме того, комиссия осуществляла постоянный мониторинг санитарно-гигиенического состояния крупных заводов, организаций и учреждений, мест общественного питания, железнодорожных и речных вокзалов, изучала состояние водопровода, эпидемической обстановки в районах Сталинграда и области. Комиссией инспектировались больницы – их оснащенность, количество инфекционных коек, обеспеченность медицинским персоналом (в декабре 1943 г. это были клиническая и инфекционная боль-

ницы Сталинграда), велась просветительская работа среди медиков и жителей области по инфекционным заболеваниям, их признакам и методам профилактики. Особое внимание уделялось специализированным инфекционным больницам и проверке их санитарного состояния из-за опасности превращения данных учреждений в очаги эпидемических вспышек [33, л. 128]. Областная комиссия контролировала истребительные работы по грызунам, борьбу с мухами, следила за работой районных ЧППК.

Результаты. Общую санитарно-эпидемическую работу в Сталинградской области в наиболее сложный период Великой Отечественной войны 1942–1943 гг. возглавила Сталинградская ОЧППК. В то время произошли масштабные разрушения, грозившие обернуться эпидемической катастрофой.

Состав Сталинградской ОЧППК включал в себя представителей исполнительной власти, здравоохранения и силовых ведомств и отвечал требованиям оперативности принятия и реализации решений в быстро менявшейся санитарно-эпидемической обстановке военного времени. Создание чрезвычайных структур для сосредоточения усилий различных рычагов управления в условиях Великой Отечественной войны являлось типичным для СССР.

Комиссия решала поставленные ГКО задачи по обеспечению приемлемых санитарных условий и организации противоэпидемических мероприятий на подведомственной ей территории. Для выполнения возложенных на комиссию обязанностей она координировала работу местных служб: санитарно-эпидемиологических учреждений, организаций региональной системы здравоохранения, местных органов управления и партийных организаций.

В условиях недостаточности материальной базы, квалифицированных специалистов и просто рабочих рук не все требовавшиеся и запланированные ОЧППК мероприятия полностью реализовывались. Особенно острыми эти проблемы стали после начала Сталинградской битвы, когда, помимо мобилизации медицинского персонала на фронт и эвакуации жителей, в ходе бомбардировок противником были уничтожены помещения и инвентарь областных и части районных учреждений здравоохранения и санитарии.

Несмотря на смещение спектра первостепенных задач (санитарная очистка территорий), в 1943 г. комиссия проводила протоколируемые заседания реже, чем в 1942 г.: 12 раз против 22 заседаний (но сохранилось значительное количество отчетов и актов проверок эпидемического состояния области). Это было обусловлено тем, что в первый год работы чрезвычайного органа остро стоял вопрос «отладки» его деятельности, установления взаимодействия с другими ведомствами в регионе и выработки понимания важности исполнения решений комиссии. Подтверждением такому выводу могут служить повторяющиеся по нескольку раз в различных протоколах ОЧППК задачи для областных организаций: обеспечение строительства бань и прачечных, выделение материалов и топлива для них, поставка средств дезинфекции, задания по дератизации и дезинсекции. Кроме того, с окончанием боевых действий в Сталинград и бывшие в оккупации районы вернулись учреждения здравоохранения и санитарно-эпидемической службы, которые занимались реализацией, в силу своих возможностей, плановых задач (противочумная станция, районные санитарно-эпидемиологические станции, санитарно-бактериологический институт и др.). Дополнительные административные указания на выполнение санитарных и противоэпидемических задач уже не требовались.

Но все-таки, даже при наличии ряда нерешенных проблем (того же сыпного тифа) в тяжелейшей обстановке военного времени – развернувшихся на территории области боевых действий и их последствий, благодаря работе чрезвычайной комиссии эпидемическую ситуацию в целом удалось удержать под контролем, что позволяет оценить работу Сталинградской ОЧППК в 1942–1943 гг. положительно. Своевременное принятие ОЧППК управленческих решений в 1942 г. способствовало ликвидации вспышек таких опасных болезней, как холера и туляремия, а в 1943 г. власть и санитарные службы сумели не допустить новых эпидемий, когда огромная территория региона оказалась буквально завалена трупами и нечистотами. Основной причи-

ной того, что не был побежден сыпной тиф, а плановые результаты по восстановлению оптимальных санитарно-гигиенических условий в населенных пунктах остались недостигнутыми, являлся острый дефицит материальных и человеческих ресурсов в условиях Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Эпизоотия – широкое распространение заразной (инфекционной или инвазивной) болезни животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории (см.: Эпизоотия // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/agriculture/text/4936718).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булюлина Е. В., Головина Е. Л., Лысенко И. А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 гг. // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 62–78.

2. Владимирова Е. Д., Головина Е. Л. Захоронение трупов вражеских солдат и офицеров после окончания Сталинградской битвы частями и соединениями Сталинградской группы войск // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 354–358.

3. Головина Е. Л. Холера в Сталинградской области во время Великой Отечественной войны: профилактика и борьба с инфекцией // Гасырлар авазы – Эхо веков – Echo of centuries. 2025. № 2. С. 44–57.

4. Головина Е. Л. Эпидемия туляремии в Сталинградской области в 1942–1943 гг. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 152–157.

5. Гоманенко О. А., Головина Е. Л. Первоочередные санитарно-эпидемиологические мероприятия в Сталинграде по окончании битвы на Волге // 1943 год: коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. СПб., 2024. С. 34–40. URL: https://www.prlib.ru/item/1968987

6. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е. Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 162–174. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15

7. Красноженова Е. Н. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2014. 495 с.

8. Куницына О. А. Эпидемическая обстановка в Сталинграде и области в 1942–1943 гг. Борьба с инфекционными заболеваниями // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград: Сфера, 2020. С. 186–189.

9. Лысенко И. А. Эпидемическая обстановка в Сталинграде и области в 1941–1942 гг. // Вопросы краеведения. Вып. 17. Волгоград: ГКУ ЦИМТО, 2021. С. 168–171.

10. Письмо председателю областной чрезвычайной полномочной противоэпидемической комиссии (далее – ОЧППК) тов. Зименкову И.Ф. от Сталинградского облздравотдела. 24 марта 1942 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 80–81.

11. План мероприятий облздравотдела на случай появления подозрительных по холере заболеваний // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 87–90.

12. План работы ОЧППК на февраль и март 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 31–33.

13. План чрезвычайных противоэпидемических мероприятий по гор. Сталинграду // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–16.

14. Постановление ГКО СССР № 1234 «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии». 2 февраля 1942 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 195–198.

15. Постановление ОЧППК № 11 «О контрольных цифрах профилактических прививок на 1944 г.». 30 ноября 1944 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 227.

16. Постановление ОЧППК № 14 «О необходимости привлечения студентов первых двух курсов Сталинградского медицинского института в помощь горздраву для проведения санитарно-эпидемических мероприятий». 17 декабря 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 130.

17. Постановление ОЧППК № 18 «О профилактических мероприятиях и борьбе с заболеванием ф. № 30». 19 июля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 147–152.

18. Протокол № 1 заседания ОЧППК. 10 февраля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 29.

19. Протокол № 2 заседания ОЧППК. 14 февраля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 34–37.
20. Протокол № 4 заседания ОЧППК. 28 февраля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 42–43.
21. Протокол № 5 заседания ОЧППК. 5 марта 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 44–47.
22. Протокол № 6 заседания ОЧППК. 12 марта 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 50–55.
23. Протокол № 8 заседания ОЧППК. 23 марта 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 68–70.
24. Протокол № 10 заседания ОЧППК. 8 апреля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 82–84.
25. Протокол № 11 заседания ОЧППК. 15 апреля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 91–98.
26. Протокол № 13 заседания ОЧППК. 29 апреля 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 122–123.
27. Протокол № 20 заседания ОЧППК. 5 октября 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 163–164 об.
28. Протокол № 22 заседания ОЧППК. 12 декабря 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 29. Л. 173–174.
29. Протокол № 1 заседания ОЧППК. 19 февраля 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 48–49 об.
30. Протокол № 2 заседания ОЧППК. 27 февраля 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 50–52.
31. Протокол № 6 заседания ОЧППК. 26 апреля 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 8. Л. 33–34 об.
32. Протокол № 9 заседания ОЧППК. 21 октября 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 110–112.
33. Протокол № 12 заседания ОЧППК. 4 декабря 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 128–129.
34. Протокол заседания бюро Сталинградского обкома ВКП(б) № 149 от 30 января – 10 февраля 1942 гг. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8. Л. 19–45 об.
35. Протокол заседания ОЧППК б/н от 13 мая 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-2673. Оп. 1. Д. 26. Л. 73–74.
36. Чернышева И. В. Санитарно-эпидемическая обстановка в Сталинграде в 1941–1943 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2015. № 1. С. 3–7.

REFERENCES

1. Buliulina E.V., Golovina E.L., Lysenko I.A. Sanitarno-epidemicheskoe sostoyanie Stalingradskoy oblasti i rabota organov zdravookhraneniya v 1941–1945 gg. [Sanitary and Epidemiological Conditions in the Stalingrad Region and the Work of Health Authorities in 1941–1945]. *Krestyanovedenie* [Peasant Studies], 2021, vol. 6, no. 2, pp. 62-78.

2. Vladimirova E.D., Golovina E.L. Zakhoronenie trupov vrazheskikh soldat i ofitserov posle okonchaniya Stalingradskoy bitvy chastyami i soedineniyami Stalingradskoy gruppy voysk [Burial of the Corpses of Enemy Soldiers and Officers After the End of the Battle of Stalingrad by Units and Formations of the Stalingrad Group of Forces]. *Yug Rossii i sopredelnye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh* [The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2016, pp. 354-358.

3. Golovina E.L. Kholera v Stalingradskoy oblasti vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny: profilaktika i borba s infektsiey [Cholera in the Stalingrad Region During the Great Patriotic War: Prevention and Control of Infection]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of centuries*, 2025, no 2, pp. 44-57.

4. Golovina E.L. Epidemiya tulyaremii v Stalingradskoy oblasti v 1942–1943 gg. [Tularemia Epidemic in the Stalingrad Region in 1942–1943]. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of Life in the South of Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2023, pp. 152-157.

5. Gomanenko O.A., Golovina E.L. Pervoocherednye sanitarno-epidemiologicheskie meropriyatiya v Stalingrade po okonchanii bitvy na Volge [Priority Sanitary and Epidemiological Measures in Stalingrad after the End of the Battle of the Volga]. *1943 god: korennoy perelom v khode Velikoy Otechestvennoy voyny* [1943: The Decisive Turning Point in the Great Patriotic War's History]. Saint Petersburg, 2024, pp. 34-40. URL: https://www.prlib.ru/item/1968987

6. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E. Organizatsiya i provedenie sanitarno-epidemiologicheskikh meropriyatiy v Stalingrade i otdelnykh rayonakh Stalingradskoy oblasti (1942–1943 gg.) [Organization and Holding Sanitary and Epidemiological Measures in Stalingrad and Separate Districts of the Stalingrad Region (1942–1943)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 162-174. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15

7. Krasnozhenova E.N. *Istoricheskiy opyt realizatsii sotsialnoy politiki Sovetskogo gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya): dis. ... d-ra ist. nauk* [Historical Experience of Implementing the Social Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on Materials from the Lower Volga Region). Dr. hist. sci. diss.]. Astrakhan, 2014. 495 p.

8. Kunitsyna O.A. Epidemicheskaya obstanovka v Stalingrade i oblasti v 1942–1943 gg. Borba s infektsionnymi zabolevaniyami [Epidemiological Situation in Stalingrad and the Region in 1942–1943. Fight Against Infectious Diseases]. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii*

[Military-Historical Aspects of Life in the South of Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 186-189.

9. Lysenko I.A. Epidemicheskaya obstanovka v Stalingrade i oblasti v 1941–1942 gg. [Epidemiological Situation in Stalingrad and the Region in 1941–1942]. *Voprosy kraevedeniya. Vyp. 17* [Questions of Local History. Iss. 17]. Volgograd, GKU TsIMTO, 2021, pp. 168-171.

10. Pismo predsedatelyu oblastnoy chrezvychaynoy polnomochnoy protivoepidemicheskoy komissii (daleye – OChPPK) tov. Zimenkovu I.F. ot Stalingradskogo oblzdravotdela. 24 marta 1942 g. [Letter to the Chairman of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission (REPAEC) Comrade Zimenkov I.F. from the Stalingrad Regional Health Department. March 24, 1942]. *Gosudarstvenny arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 80-81.

11. Plan meropriyatiy oblzdravotdela na sluchay poyavleniya podozritelnykh po kholere zabolevaniy [Action Plan of the Regional Health Department in Case of Occurrence of Suspicious Cholera Diseases]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 87-90.

12. Plan raboty OChPPK na fevral i mart 1942 g. [Work Plan of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission for February and March 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 31-33.

13. Plan chrezvychaynykh protivoepidemicheskikh meropriyatiy po gor. Stalingradu [Plan of Emergency Anti-Epidemic Measures for the City of Stalingrad]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 8, l. 15-16.

14. Postanovlenie GKO SSSR № 1234 «O meropriyatiyakh po preduprezhdeniyu epidemicheskikh zabolevaniy v strane i Krasnoy armii». 2 fevralya 1942 g. [Resolution of the State Defense Committee of the USSR no. 1234 "On Measures to Prevent Epidemic Diseases in the Country and the Red Army". February 2, 1942]. *Rossiyskiy gosudarstvenny arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 644, inv. 1, d. 20, l. 195-198.

15. Postanovlenie OChPPK № 11 «O kontrolnykh tsifrakh profilakticheskikh privivok na 1944 g.». 30 noyabrya 1944 g. [Resolution of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission no. 11 "On Control Figures for Preventive Vaccinations for 1944". November 30, 1944]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 227.

16. Postanovlenie OChPPK № 14 «O neobkhodimosti privlecheniya studentov pervykh dvukh kursov Stalingradskogo meditsinskogo instituta v pomoshch gorzdravu dlya provedeniya sanitarno-epidemicheskikh meropriyatiy». 17 dekabrya 1943 g. [Resolution of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission No. 14 "On the Need to Involve Students of the First Two Years of the Stalingrad Medical Institute to Assist the City Health Department in Carrying out Sanitary and Epidemiological Measures". December 17, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 130.

17. Postanovlenie OChPPK № 18 «O profilakticheskikh meropriyatiyakh i borbe s zabolevaniem f. № 30». 19 iyulya 1942 g. [Resolution of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission no. 18 "On Preventive Measures and the Fight Against Disease f. No. 30". July 19, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 147-152.

18. Protokol № 1 zasedaniya OChPPK. 10 fevralya 1942 g. [Protocol no. 1 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. February 10, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 29.

19. Protokol № 2 zasedaniya OChPPK. 14 fevralya 1942 g. [Protocol no. 2 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. February 14, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 34-37.

20. Protokol № 4 zasedaniya OChPPK. 28 fevralya 1942 g. [Protocol no. 4 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. February 28, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 42-43.

21. Protokol № 5 zasedaniya OChPPK. 5 marta 1942 g. [Protocol no. 5 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. March 5, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 44-47.

22. Protokol № 6 zasedaniya OChPPK. 12 marta 1942 g. [Protocol no. 6 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. March 12, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 50-55.

23. Protokol № 8 zasedaniya OChPPK. 23 marta 1942 g. [Protocol no. 8 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. March 23, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 68-70.

24. Protokol № 10 zasedaniya OChPPK. 8 aprelya 1942 g. [Protocol no. 10 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. April 8, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 82-84.

25. Protokol № 11 zasedaniya OChPPK. 15 aprelya 1942 g. [Protocol no. 11 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. April 15, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 91-98.

26. Protokol № 13 zasedaniya OChPPK. 29 aprelya 1942 g. [Protocol no. 13 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. April 29, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 122-123.

27. Protokol № 20 zasedaniya OChPPK. 5 oktyabrya 1942 g. [Protocol no. 20 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. October 5, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 163-164 r.

28. Protokol № 22 zasedaniya OChPPK. 12 dekabrya 1942 g. [Protocol no. 22 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. December 12, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 3, d. 29, l. 173-174.

29. Protokol № 1 zasedaniya OChPPK. 19 fevralya 1943 g. [Protocol no. 1 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. February 19, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 48-49 r.

30. Protokol № 2 zasedaniya OChPPK. 27 fevralya 1943 g. [Protocol no. 2 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. February 27, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 50-52.

31. Protokol № 6 zasedaniya OChPPK. 26 aprelya 1943 g. [Protocol no. 6 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. April 26, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 8, l. 33-34 r.

32. Protokol № 9 zasedaniya OChPPK. 21 oktyabrya 1943 g. [Protocol no. 9 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. October 21, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 110-112.

33. Protokol № 12 zasedaniya OChPPK. 4 dekabrya 1943 g. [Protocol no. 12 of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission. December 4, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2672, inv. 1, d. 7, l. 128-129.

34. Protokol zasedaniya byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) № 149 ot 30 yanvarya – 10 fevralya 1942 gg. [Protocol of the Meeting of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) no. 149 from January 30 to February 10, 1942]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 8, l. 19-45 r.

35. Protokol zasedaniya OChPPK b/n ot 13 maya 1943 g. [Protocol of the Meeting of the Regional Extraordinary Plenipotentiary Anti-Epidemic Commission from May 13, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2673, inv. 1, d. 26, l. 73-74.

36. Chernysheva I.V. Sanitarno-epidemicheskaya obstanovka v Stalingrade v 1941–1943 gg. [Sanitary and Epidemiological Situation in Stalingrad in 1941–1943]. *Volgogradskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Volgograd Scientific Medical Journal], 2015, no. 1, pp. 3-7.

Information About the Author

Evgeniia L. Golovina, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Lecturer, Department of Natural Sciences and Professional Communications, Volgograd Institute of Business, Kachintsev St, 63, 400010 Volgograd, Russian Federation, nagitchka@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5920-2377

Информация об авторе

Евгения Леонидовна Головина, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; преподаватель кафедры естественных наук и профессиональных коммуникаций, Волгоградский институт бизнеса, ул. Качинцев, 63, 400010 г. Волгоград, Российская Федерация, nagitchka@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5920-2377

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.10

UDC 94(470.45)«1941/1945»:634
LBC 63.3(2Рос-4Вог)622-21

Submitted: 12.11.2025
Accepted: 23.12.2025

STATE OF GARDENING IN THE KRASNOARMEISKIY DISTRICT OF THE STALINGRAD REGION IN 1941–1945

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Despite the not very favorable natural conditions, the collective farms of the Krasnoarmeiskiy district created in the 1930s are beginning to plant gardens. In 1939, gardening accounted for 5% of the collective farm income. In 1941, 9 out of 15 collective farms, and the only state farm in the region, Privolzhskiy State Farm, had gardens. *Methods and materials*. The article utilizes problem-chronological and comparative historical methods. The article is based on documents introduced into scientific circulation from the Stalingrad Regional Party Committee, the Krasnoarmeiskiy District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and the Executive Committee of the District Council of Workers' Deputies, as well as collective farm reports, articles from the district newspaper "Kommuna" for 1941–1945, and other materials. *Analysis*. On the eve of the Great Patriotic War and during the first year of the war, gardening in the Krasnoarmeiskiy District continued to develop. In the autumn of 1941, 618 hectares were under orchards, including 111 hectares in residents' private plots. By 1942, 13 out of 15 collective farms had allocated 528. 7 hectares for orchards. The fighting that unfolded in the district during the Battle of Stalingrad led to a reduction in the area of orchard plantings by almost half. In the autumn of 1943, only 323 hectares of the region's land balance remained under gardens. A shortage of human and material resources prevented the restoration of gardening in 1943–1944. Only in 1945 did the orchards on the district's collective farms begin to be restored. *Results*. Measures taken by the regional, district, and farm leadership made it possible to revive gardening brigades on six collective farms in 1945. Collective farms occupied 156 hectares of land under orchards, the state farm occupied 115 hectares, and other landowners occupied 52 hectares. However, orchards became a rarity in the private plots of district residents. In 1945, of the 3,578 individual farms of collective farmers, workers, and employees, only 81 farms (2. %) had fruit and berry plantings. Information is provided on the varieties of garden plantings and their quantity in the farms of the region in 1945.

Key words: Krasnoarmeiskiy (Svetloyarskiy) district, Stalingrad (Volgograd) region, gardening, fruit growing, Great Patriotic War, collective farms, Privolzhskiy State Farm.

Citation. Sidorov S.G. State of Gardening in the Krasnoarmeiskiy District of the Stalingrad Region in 1941–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 121-132. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.10

УДК 94(470.45)«1941/1945»:634
ББК 63.3(2Рос-4Вог)622-21

Дата поступления статьи: 12.11.2025
Дата принятия статьи: 23.12.2025

СОСТОЯНИЕ САДОВОДСТВА В КРАСНОАРМЕЙСКОМ РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГОДАХ

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Сидоров С.Г., 2026

Аннотация. *Введение*. Несмотря на довольно неблагоприятные природные условия, созданные в 1930-е гг., коллективные хозяйства Красноармейского района начинают разводить сады. Денежные доходы колхозов от садоводства в 1939 г. составляли 5 %. В 1941 г. сады имели 9 из 15 колхозов и единственный в районе совхоз «Приволжский». В них выращивались главным образом семечковые культуры. *Методы и материалы*. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. В основу публи-

кации положены вводимые в научный оборот документы Сталинградского обкома партии, Красноармейского райкома ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся, отчеты колхозов, статьи районной газеты «Коммуна» за 1941–1945 гг. и другие материалы. *Анализ.* Накануне Великой Отечественной войны и в первый военный год садоводство в Красноармейском районе продолжало развиваться. Осенью 1941 г. под садами находилось 618 га, в том числе 111 га на приусадебных участках жителей. В 1942 г. уже 13 колхозов из 15 выделили под сады 528,7 га. Бои, развернувшиеся на территории района в период Сталинградской битвы, привели к сокращению площади садовых насаждений почти в 2 раза. Осенью 1943 г. в земельном балансе района под садами осталось лишь 323 га. Недостаток людских и материальных ресурсов не позволил в 1943–1944 гг. заняться восстановлением садоводства. Лишь в 1945 г. сады в коллективных хозяйствах района стали приводить в порядок. *Результаты.* Принятые руководством области, района и хозяйств меры позволили в 1945 г. возродить садовые бригады в 6 колхозах. В колхозах под садами было занято 156 га земли, в совхозе – 115 га, и у других землепользователей – 52 га. А вот на приусадебных участках жителей района сады стали редкостью. В 1945 г. из 3 578 индивидуальных хозяйств колхозников, рабочих и служащих только 81 хозяйство (2,3 %) имело плодово-ягодные насаждения. Приводятся сведения о сортах садовых насаждений и их количестве в хозяйствах района в 1945 году.

Ключевые слова: Красноармейский (Светлоярский) район, Сталинградская (Волгоградская) область, садоводство, плодоводство, Великая Отечественная война, колхозы, совхоз «Приволжский».

Цитирование. Сидоров С. Г. Состояние садоводства в Красноармейском районе Сталинградской области в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 121–132. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.10

Введение. По климатическим и почвенным условиям для развития садоводства [1] в Волгоградской области самыми благоприятными являются Волго-Ахтубинская пойма, а также поймы Дона и его притоков в среднем течении [21, с. 10]. Наиболее удачным примером развития садоводства в пойме Дона является возникшее на основе Паньшинского плодопитомника одно из ведущих предприятий агропромышленного комплекса России «Сады Придонья», специализирующееся на выращивании и переработке фруктов и овощей.

Красноармейский [2] пригородный район расположен на юго-востоке Волгоградской области в зоне рискованного земледелия. Климат здесь резко континентальный, засушливый с относительно холодной малоснежной зимой и жарким засушливым летом, с неустойчивым увлажнением и со среднегодовым количеством осадков до 250 мм. В 1943 г. количество осадков едва доходило до 150 мм [18, л. 2]. Наибольшее количество осадков выпадает осенью и зимой, минимальное – в вегетационный период. Для района характерны активные ветры и особо опасные метеорологические условия (засухи, суховеи, заморозки, пыльные бури и метели, гололед и гололедица), которые наносят значительный ущерб общественным и индивидуальным хозяйствам. Район – сельскохозяйственный, производящий зерновые, овощные и бахчевые культуры, продукцию животноводства. Для садоводства существующие климатические условия менее благоприятны, чем в Волго-Ахтубинской пойме и поймах Дона и его притоков.

Цель статьи – на примере Красноармейского района показать, как в степных районах в более сложных условиях развивалось садоводство накануне и в годы Великой Отечественной войны. По состоянию на 1 января 1944 г. в районе только 19,1 % садов находилось в пойме, остальные в степи [18, л. 3].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на территории Красноармейского района были созданы коллективные хозяйства. По мере организационно-хозяйственного укрепления в колхозах начали разводить сады. К концу десятилетия доход от садовой продукции приблизился к доходам от полеводства. Так, в 1939 г. половину всех денежных доходов колхозов района принесло животноводство, 38 % – овощеводство, 7 % – полеводство и 5 % – садоводство [18, л. 16]. Продажа садовой продукции на рынках района и города Сталинграда обеспечивала население фруктами и ягодами, богатыми витаминами, минералами и клетчаткой, ценными для здоровья. Сады имелись в 9 из 15 колхозов и единственном в районе совхозе «Приволжский». В них выращивались

главным образом семечковые культуры. Кроме того, в 4 колхозах (им. Сталина, им. Кирова, им. Мичурина и «Ударный») имелись ягодники, в 3 колхозах (им. Сталина, им. Кирова и им. Мичурина) – виноградники [31]. Сад колхоза им. Мичурина был известен не только в Волгоградской области, но и в стране. Садоводы колхоза в 1940-м и 1941-м были участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1940 г. № 257 «О посадке плодовых деревьев вокруг домов на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности» [27] нацеливало население на расширение индивидуальных садов. На 15 ноября 1941 г. в районе из 1 832 га приусадебных земель под садами находилось 111 га, или 6 % [36, л. 2].

Методы и материалы. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие проследить состояние садоводства в Красноармейском районе накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Вопросы развития садоводства в Нижнем Поволжье и Сталинградской области рассматривали главным образом специалисты-аграрники. Ряд публикаций, посвященных садам, лучшим садоводам, плодово-ягодным насаждениям в полезащитных лесных полосах и отдельным садовым культурам, в 1948–1953 гг. осуществил кандидат сельскохозяйственных наук Т.И. Горин [7–10]. В 1965 г. в Саратове под редакцией кандидата сельскохозяйственных наук П.А. Храмова издана книга, в которой кратко изложены биологические основы плодоводства, даны описание основных сортов плодово-ягодных растений и агротехника их выращивания [39]. Уникальное учебное пособие в 1994 г. подготовил доктор сельскохозяйственных наук, профессор Волгоградского государственного университета В.В. Малыченко, в котором автор обобщил 30-летний исследовательский опыт. В книге представлены сведения о биологии, экологии, агротехнике и высокопродуктивных сортах яблони, затронуты вопросы истории развития садоводства в Нижнем Поволжье [21]. В последние годы появились работы по истории садоводства в России [19; 20].

В публикациях по истории Волгоградской области в годы Великой Отечественной войны главное внимание уделено развитию полеводства, животноводства и овощеводства, продукция которых входила в перечень обязательных поставок государству. Исследуемая в статье тема в исторических работах не затрагивалась.

Работа написана на основе документов, в числе которых – решения совместных заседаний бюро Сталинградского обкома партии и исполкома областного Совета депутатов трудящихся, Красноармейского РК ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся, отчеты Управления сельского хозяйства исполкома Красноармейского райсовета депутатов трудящихся, колхозов района, отдела государственной статистики Красноармейского района, находящихся в фондах 19 «Светлоярский (Красноармейский) райком» и 113 «Волгоградский областной комитет КП РСФСР» из Центра документации новейшей истории Волгоградской области, фондах Р-2102 «Управление сельского хозяйства исполкома Красноармейского районного Совета народных депутатов», Р-5773 «Отдел государственной статистики Красноармейского района» и Р-5788 «Совхоз “Приволжский”» из Государственного архива Волгоградской области. В связи с отсутствием в архивах многих документов за предвоенный период и за 1941–1942 гг. (уничтожены в период Сталинградской битвы) большую помощь в раскрытии темы оказали материалы газеты «Коммуна», органа Красноармейского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, хранящиеся в Российской государственной библиотеке.

Анализ. Садоводство в Красноармейском районе с началом войны продолжало развиваться. Всего на 15 ноября 1941 г. в колхозном секторе района под садами находилось 618 га земли. В совхозе «Приволжский» сады занимали 57 га [36, л. 2–3].

Планируемая урожайность плодовых культур в существовавших климатических и географических условиях при недостатке воды была невысокой. Например, на 1941 г. бюро Красноармейского РК ВКП(б) и исполком районного Совета депутатов трудящихся установили план урожайности плодово-ягодных культур: для семечковых – в размере 40 ц с га, для сливы, вишни

и ягодников – по 25 ц, для винограда орошаемого – 55 ц и не орошаемого – 35 ц [31]. Для сравнения отметим, что в 1940 г. в колхозе им. Мичурина собрали по 29 т фруктов с га [16].

Сад в колхозе им. Мичурина (с. Дубовый Овраг) был одним из лучших в районе, известным далеко за его пределами. В 1940 г. садовод колхоза Михаил Николаевич Дубровин стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве и награжден серебряной медалью. В 1938–1939 гг. он добился приживаемости и сохранности плодовых деревьев на 98 % при ежегодном приросте кроны в 60 см. Молодой сад, занимавший площадь в 78 га, принес в 1940 г., как уже отмечалось, рекордный урожай – по 29 т фруктов с га (план – 40 ц с 1 га) [16], доход колхоза от продажи садового урожая составил огромную сумму – 108 тыс. руб. [1; 44].

В 1941 г. сад колхоза им. Мичурина размещался уже на 96 га, виноградник – на 24 га [15]. Участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве в том году стали М.Н. Дубровин и бригадир садовой бригады Тимофей Федорович Семенов. Последний умело организовал труд в бригаде по уходу за садом, посадил 19,5 га молодого сада, добился приживаемости саженцев на 97 %, прироста кроны на 50 см [23].

Весной 1942 г., несмотря на военное время и резкое сокращение трудовых ресурсов, садоводству продолжали уделять внимание. Уже 13 колхозов из 15 имели сады, однако занимаемая ими площадь земли сократилась до 528,7 га (табл. 1). Сады, ягодники и виноградники в совхозе «Приволжский» по-прежнему занимали 57 га [35, л. 2 об.].

Наибольшее количество земли под сады отвели колхозы им. Мичурина (150 га), «12 лет Октябрьской революции» в с. Цаца (97,86 га), им. XVII партсъезда в с. Большие Чапурники (45 га) и им. Буденного в х. Солянка (41 га). В остальных колхозах под сады выделили от 13 до 29 га.

Летом 1942 г. вражеские войска вышли на территорию района. В августе – сентябре 1942 г. были оккупированы с. Цаца, Дубовый Овраг, большая часть земель совхоза «Приволжский». Ожесточенные бои развернулись на территории Большечапурниковского, Ивановского, Малочапурниковского и Червленовского сельсоветов. Села Светлый Яр и Райгород, х. Трудолюбие подвергались ожесточенным бомбардировкам.

В период Сталинградской битвы садоводству района был нанесен огромный урон. Например, от лучшего сада в колхозе им. Мичурина осталась только половина. Остальную часть вражеские солдаты сожгли, вырубили и вытоптали [14].

После завершения боев ввиду значительного сокращения населения в период восстановления хозяйства района основное внимание в первую очередь уделялось производству

Таблица 1. **Земли колхозов Красноармейского района, выделенные в 1942 г. под сады, га**

Table 1. **Lands of collective farms of Krasnoarmeiskiy district allocated in 1942 for gardens, hectares**

Название колхозов	Закреплено земель за колхозами	Находится земель под садами
1. им. Мичурина	21 887,86	150,00
2. «12 лет Октябрьской революции»	30 098,36	97,86
3. им. XVII партсъезда	17 459,20	45,00
4. им. Буденного	6 410,10	41,00
5. «Трудолюбие»	11 039,71	29,09
6. «20 лет Октябрьской революции»	16 224,26	26,24
7. им. Сталина	8 283,47	25,00
8. «Ударный»	7 557,73	24,76
9. им. Кирова	4 313,95	24,43
10. «Хрият»	6 503,00	20,00
11. им. XVIII партконференции	11 188,27	17,02
12. «Светлоярский»	10 866,74	15,30
13. «Заря коммуны»	23 259,82	13,00
14. им. Ворошилова	4 461,42	–
15. «Путь Ленина»	9 745,31	–
Итого	**189 039,90** (так в источнике. – *С. С.*)	**528,70**

Примечание. Составлено по: [40, л. 1].

зерна и овощей, а также животноводству. Садовые бригады в 1943 г. не организовывались. Сады, заросшие бурьяном, долгое время оставались в запущенном состоянии. Изгороди были разрушены, и, как правило, в садах выпасали скот, деревьям наносились дополнительные повреждения [2].

Руководство Сталинградской области понимало важность восстановления и развития садоводства для обеспечения населения фруктами и ягодами, играющими значительную роль в питании как источники витаминов, минералов и клетчатки, способствующих профилактике многих заболеваний. Уже в конце марта 1943 г. бюро Сталинградского обкома ВКП(б) утвердило план закладки в области плодовых и виноградных насаждений на 1943 год. Для Красноармейского района, несмотря на его исключительно тяжелое положение, план предусматривал закладку новых садов на площади в 10 га, в том числе на 2 га весной, и ремонт в садах 6 000 деревьев [34]. Однако для выполнения этого решения весной сил в хозяйствах не нашлось. Вопрос «Об уходе за старыми садами и посадке новых садов и виноградников» райисполком рассмотрел лишь 28 сентября 1943 года. Заслушав доклады председателей колхозов им. Мичурина А.Я. Пеляева и им. Буденного В.Ф. Сидорова, руководство района отметило, что посадки находились в запущенном состоянии и уход за садами неудовлетворительный. Исполком утвердил план закладки виноградников на площади 8 га в 4 колхозах и посадки 6 тыс. саженцев в 7 колхозах на площади 10 га (табл. 2).

Данное решение по разным причинам, главным образом из-за недостатка рабочих рук, так и осталось невыполненным. На 1 января 1944 г. число жителей района, по сравнению с 1939 г., сократилось наполовину: с 19,9 до 11 тыс. чел. [11, с. 215]. На 1 ноября 1943 г. в земельном балансе района под садами осталось лишь 323 га земли и под виноградниками только 3 га в совхозе «Приволжский» [37, л. 1 об.].

В развитии садоводства перелом не наступил и в 1944 году. Численность населения продолжала сокращаться. В январе 1945 г. в районе проживало 9 906 жителей (3 578 наличных хозяйств), в том числе 5 380 колхозников (1 983 хозяйства), 4 432 рабочих и служащих (1 644 хозяйства) и 94 единоличника (41 хозяйство) [42]. Главное внимание в районе по-прежнему уделяли выращиванию хлеба, овощей, восстановлению животноводства. Отпущенный осенью 1944 г. посадочный материал на закладку 10 га новых садов районный земельный отдел своевременно не получил [3].

14 ноября 1944 г. бюро обкома ВКП(б), заслушав отчет первого секретаря Красноармейского райкома партии Н.Г. Гладкова, среди других недостатков отметило, что садоводство в районе находилось в запущенном состоянии [29, л. 102]. Садоводческие бригады работали только в колхозах им. XVIII партконференции в с. Светлый Яр и им. Мичурина.

В колхозе им. Мичурина, в котором осталось только 40 га садов, бригадир И.Д. Яков-

Таблица 2. **План закладки новых садов и виноградников в Красноармейском районе на 1943 г.**

Table 2. **Plan for the establishment of new orchards and vineyards in the Krasnoarmeiskiy district in 1943**

Колхоз	Заложить садов, га	Произвести посадку саженцев, шт.	Заложить виноградников, га
1. Им. Мичурина	6	2 000	2
2. «Заря коммуны»	2	1 000	2
3. Им. XVIII партконференции	–	750	1
4. «Светлоярский»	–	750	1
5. Им. Кирова	1	500	1
6. Им. Буденного	1	500	0,5
7. «Трудолюбие»	–	500	0,5
Итого	10	6 000	8

Примечание. Составлено по: [32].

лев хорошо организовал работу садоводческой бригады. На обработке сада весной ежедневно работало не менее 40 человек. Норму – окопать 22 дерева за день – большинство женщин перевыполняло, заработок колхозниц при этом выражался в 1,5–2 трудодня ежедневно. Даже многодетные жены фронтовиков П.И. Воеводина (5 детей) и Романова (6 детей) являлись передовиками производства. В результате большинство площадей сада к 1 мая привели в надлежащий вид [13]. Однако осенью правление колхоза бригаду распустило и в январе 1945 г. назначило бригадиром А.С. Дорофеева [14].

Несмотря на снижение внимания к выращиванию фруктов, ввиду спада производства в других отраслях сельского хозяйства, удельный вес продукции садоводства по денежным доходам колхозов района в 1944 г. составил 8,6 % (по сравнению с 1939 г. вырос на 3,6 %). В тот год впервые за время войны колхозники в качестве натуроплаты получили на 1 трудодень наряду с зерном и овощами по 1,1 кг фруктов [18, л. 16, 17].

Выращенная в садах продукция шла не только на нужды колхозников, но и на удовлетворение потребностей жителей Сталинграда. Летом 1943 г. бюро обкома ВКП(б) и облисполком приняли решение «О развитии колхозной торговли на колхозных рынках г. Сталинграда», в соответствии с которым Красноармейский, Ворошиловский (сельский) и Черноярский районы были прикреплены к Кировскому рынку города. Для Красноармейского района было установлено на июль – сентябрь 1943 г. минимальное задание по вывозу излишков сельскохозяйственных продуктов колхозами и колхозниками на рынки Сталинграда в размере 150 т овощей и 10 т фруктов [30].

В июне 1944 г., выполняя решение обкома партии о развитии колхозной торговли в Сталинграде, РК ВКП(б) провел прикрепление колхозов к двум рынкам города. За рынком пос. Бекетовка закреплялись колхозы им. Ворошилова, «Ударный», «Путь Ленина», остальные колхозы – за Красноармейским рынком. Одновременно райком установил минимальные задания на вывозку излишков сельскохозяйственных продуктов колхозами и колхозниками на рынки города на период июнь – сентябрь 1944 г.: 48 т овощей, 20 т фруктов и ягод и 55 т бахчевых [25, л. 18 об.]. Только колхоз «Светлоярский» за 1944 г. продал на Красноармейском рынке 7 т арбузов, около тонны груш, более 2 500 л молока [43].

С начала 1945 г. руководство района стало уделять садоводству больше внимания. 12 января районная газета «Коммуна» возрождению садов посвятила целую полосу. В номере была опубликована статья кандидата биологических наук Х. Еникеева «Как заложить плодовый сад». В ней подробно рассказывалось, где лучше всего закладывать новые сады, как защитить сад от ветров, как правильно разбить участок, как выбрать сорта и разместить их в саду, когда и как сажать садовые деревья [17]. В статье «Возродим и расширим наши сады» содержался призыв быстрее восстановить садоводство в колхозах и расширить площади под плодовыми насаждениями [3]. Статья «О приусадебных садах» нацеливала председателей колхозов и сельсоветов на разъяснение колхозникам, рабочим и служащим важности посадки хотя бы по 15–20 плодовых деревьев вокруг каждого дома и в каждом дворе [28]. В номере также была опубликована статья только что назначенного бригадира садовой бригады колхоза им. Мичурина А.С. Дорофеева, взявшего обязательство возродить колхозный сад в ближайшие годы [14]. В помощь руководителям хозяйств и садоводам еще в 1944 г. Сталинградский областной земельный отдел подготовил и опубликовал перечень предстоящих мероприятий по развитию садоводства и виноградарства в области [22].

В 1945 г. в районе было запланировано заложить более 10 га новых плодовых насаждений [24]. В начале апреля для расширения и восстановления садов в колхозах Красноармейского района руководство области отпустило из Средне-Ахтубинского района 2 300 саженцев плодовых деревьев, посадку которых необходимо было закончить до 25 апреля [12].

Большое внимание возрождению садоводства уделяло высшее партийное руководство области. 27 февраля вопрос «О мерах коренного улучшения садоводства и виноградарства в колхозах и совхозах области» был рассмотрен на заседании бюро обкома ВКП(б). Но 17 апреля бюро обкома вновь вернулось к этому вопросу. В принятом постановлении указывалось на конкретные недостат-

ки, имеющиеся в Красноармейском районе: «До сих пор не закончена инвентаризация садов, не разработаны конкретные мероприятия по восстановлению и приведению их в культурное состояние, а также не принято мер по организации новых насаждений в колхозах и на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих» [26, л. 244]. В документе отмечалось, что в хозяйствах совершенно неудовлетворительно проводились работы по очистке садов от сорняков, обработке почвы, очистке штамбов деревьев, прорезке крон, ограждению садов, внесению удобрений, омоложению насаждений, а руководство района не уделяло внимания организации садоводческих бригад и звеньев, что постоянная садоводческая бригада имелась только в колхозе им. Мичурина. Обком ВКП(б) обязал областной земельный отдел снабдить колхозы садовыми инструментами и химикатами, с тем чтобы хозяйства могли до 1 мая провести первое опрыскивание плодово-ягодных насаждений, первую обработку почвы, внесение удобрений и посадку новых насаждений. Председателям колхозов предписывалось в декадный срок организовать садоводческие бригады и довести до них задания [26, л. 244–244 об.].

Выполняя данное решение, исполком Красноармейского района потребовал от руководителей коллективных хозяйств усилить внимание к садоводству. За зимний период 1944/45 г. впервые за годы войны подготовили 5 из 10 планируемых бригадиров по садоводству [33, л. 15]. В результате принятых мер в 1945 г. в колхозах работало уже 6 постоянных садоводческих бригад, в составе которых трудилось 163 колхозника [41, л. 1]. Наиболее многочисленные бригады работали в артелях им. Мичурина (35 чел.) [5, л. 24], «Заря коммуны» в с. Райгород (32 чел.) [6, л. 10] и «12 лет Октябрьской революции» (29 чел.) [4, л. 10].

Садовое хозяйство постепенно приводилось в порядок. На 1 ноября 1945 г. в районе под садами находилось, как и в 1943 г., 323 га земли, из них в колхозах – 156 га, в совхозе – 115 га и у прочих землепользователей – 52 га. Виноградник на площади 3 га имелся только в совхозе «Приволжский» [38, л. 21–21 об.]. Сад также находился в подсобном хозяйстве завода № 221, расположенном в районе ст. Тундутово [3] на территории Червленовского сельсовета. Всего в совхозе, колхозах и подсобном хозяйстве завода № 221 насчитывалось 8 145 яблонь, 1 491 груша, 43 сливы и 1 641 вишня, в том числе:

– в саду совхоза «Приволжский» росли 866 деревьев вишни Растунья и 707 яблонь различных сортов. В большинстве своем это были сорта Ренет Симиренко (350) и Пепин литовский (210);

– в колхозах произрастали 6 753 яблони различных сортов: Анис бархатный (1 010), Анис полосатый (296), Китайка (287), Пепин литовский (441), Анис алый (169), Астраханское белое (111) и др.; 1 470 деревьев груш: Бергамот волжский (82), Дуля астраханская (13) и др.; 43 сливы: Тернослива осенняя (15), Терн крупноплодный (28); 575 деревьев вишни: Любская (505), Владимировка (70);

– в саду подсобного хозяйства завода № 221 насчитывалось 685 яблонь: Анис полосатый (41), Астраханское белое (20), прочие сорта (624); 21 груша: Бергамот волжский (5), Белолистка (4) и пр. (12) [45, л. 75–75 об.].

Сад подсобного хозяйства завода № 221 был молодой. В 1945 г. плодоносили только 100 яблонь и 21 груша. В завершающий год войны в нем высадили еще 200 саженцев вишни [45, л. 51].

Исходя из сводного годового отчета по основной деятельности колхозов Красноармейского района за 1945 г., из имеющихся площадей, отведенных под сады, сельскохозяйственные артели представили сведения об урожае с 67,29 га плодоносящих насаждений, в том числе 54 га яблонь, 11 га груш, по 1 га вишни и сливы и 0,29 га терна. Урожай по объективным и субъективным причинам (недостаток осадков в период вегетации, не вовремя проведенные агротехнические мероприятия, отсутствие в необходимом количестве удобрений, химикатов и др.) оказался невысоким. Яблок собрали в 3 раза меньше, чем планировали, – 177 ц вместо 520 ц, груш – 91 ц (план – 111 ц), вишни – 2 ц (план – 11 ц), сливы – 1 ц (план – 2 ц) и терна – 0,5 ц (план – 1 ц). Из собранных фруктов 70 ц яблок и 18 ц груш продали на колхозных рынках Сталинграда. Часть продукции переработали – засушили, сварили варенье и повидло, передали в общественное

питание, на содержание детских яслей и сирот [41, л. 1 об.].

На приусадебных участках жителей района сады стали редкостью. Об этом свидетельствуют данные Всесоюзной переписи плодово-ягодных насаждений, проведенной в 1945 г. (табл. 3).

Всего в районе фрукты и ягоды выращивались только в 81 индивидуальном хозяйстве: колхозников (57), рабочих и служащих (23), единоличников (1), из которых две трети находилось на землях Светлоярского (33) и Большечапурниковского (21) сельсоветов. На территории 3 сельсоветов (Райгородского, Малочапурниковского и Червленовского), а также поселкового совета совхоза «Приволжский» сады у жителей отсутствовали.

Результаты. За 1941–1945 гг. в развитии садоводства в Красноармейском районе прослеживаются 4 периода.

В предвоенные годы количество садов и площадь садовых насаждений в общественных хозяйствах постоянно увеличивались. Весной 1941 г. сады имелись уже в 9 из 15 колхозов района, под садами находилось 618 га общественных земель.

В первый год войны, несмотря на значительное сокращение материальных и людских ресурсов, планомерное развитие садоводства продолжалось. Весной 1942 г. уже 13 колхозов из 15 имели сады, однако общая площадь под садами сократилась до 528,7 га.

В период Сталинградской битвы развитию садоводства в районе был нанесен огромный ущерб. Большая его часть оказалась ареной ожесточенных боев, часть территории была оккупирована. После завершения боевых действий и освобождения района площадь садов сократилась в 2 раза.

При восстановлении сельского хозяйства после полного освобождения района в условиях острого недостатка людских и материальных ресурсов внимание руководителей хозяйств в первую очередь обращалось на производство тех продуктов, обязательная поставка которых осуществлялась государству: зерно, овощи, картофель, продукция животноводства. Сады в 1943–1944 гг. находились в запущенном состоянии. Садовые бригады в большинстве колхозов не организовывались. Лишь в 1945 г. в общественных хозяйствах началось приведение садов в порядок. К весне прошли обучение 5 бригадиров, в колхозах работало 6 садоводческих бригад. Однако урожай фруктов по разным причинам оказался невысоким. Значительную часть собранных фруктов продали на колхозных рынках Сталинграда, часть пошла на переработку и общественное питание, содержание детей.

Садовые насаждения в индивидуальных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих за годы войны практически исчезли. Если в 1941 г. на приусадебных землях жителей района под садами находилось 111 га земли, то в 1945 г. из 3 578 индивидуальных хозяйств

Таблица 3. **Число хозяйств жителей Красноармейского района, имевших плодово-ягодные насаждения в 1945 г., ед.**

Table 3. **Number of households in Krasnoarmeiskiy district with fruit and berry plantations in 1945, IU**

Сельский совет	Колхозники	Рабочие и служащие	Единоличники
Светлоярский	20	13	–
Большечапурниковский	15	5	1
Цацинский	8	5	–
Дубовооврaжский	6	–	–
Трудолюбовский	6	–	–
Ивановский	2	–	–
Райгородский	–	–	–
Малочапурниковский	–	–	–
Червленовский	–	–	–
Поселковый	–	–	–
Всего	57	23	1

Примечание. Составлено по: [45, л. 79].

колхозников, рабочих и служащих только в 81 хозяйстве (2,3 %) имелись плодово-ягодные насаждения. На небольших приусадебных участках, норма которых у колхозников составляла 0,25 га, у рабочих и служащих – 0,15 га, в условиях значительных трудностей с продуктами питания, население в первую очередь выращивало хлеб, овощи и картофель.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Садоводство – отрасль сельского хозяйства, включающая плодоводство, виноградарство и декоративное садоводство. В статье речь пойдет о плодоводстве и виноградарстве.

[2] В 1960 г. Красноармейский район переименован в Светлоярский.

[3] Станция Тундутово Сталинградской железной дороги в 1953 г. переименована в станцию Канальная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Больше внимания садоводству // Коммуна. Орган Красноармейского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся (далее – Коммуна). 1941. 10 янв.
2. Бутенко Д. Запущенный участок // Коммуна. 1944. 16 марта.
3. Восстановим и расширим наши сады // Коммуна. 1945. 12 янв.
4. Годовой отчет колхоза «12 лет Октябрьской революции» за 1945 год // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 90. Л. 10–24.
5. Годовой отчет колхоза им. Мичурина за 1945 год // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 91. Л. 24–29 об.
6. Годовой отчет колхоза «Заря коммуны» за 1945 год // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 91. Л. 10–16 об.
7. Горин Т. И. Закладывайте сады. Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1948. 32 с.
8. Горин Т. И. Плодово-ягодные насаждения в полезащитных лесных полосах. Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1950. 48 с.
9. Горин Т. И. Лучшие садоводы Сталинградской области. Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1950. 68 с.
10. Горин Т. И. Айва. М.: Сельхозгиз, 1953. 92 с.
11. Данные единовременного учета численности и плотности сельского населения области на 1 января 1939 г. и 1 января 1944 г. // Сталинградская область. 1939–1943 гг. Цифры и факты. Волгоград: ГКУ ВО ЦИТМО, 2023. С. 215–216.
12. 2300 саженцев плодовых деревьев // Коммуна. 1945. 5 апр.
13. Демин Г. Сады приводят в образцовый порядок // Коммуна. 1944. 1 мая.
14. Дорофеев А. С. Возродим колхозный сад // Коммуна. 1945. 12 янв.
15. Драгунов В. Коммунисты передового колхоза // Коммуна. 1941. 27 апр.
16. Дубровин М. Н. Что дал нам колхозный труд // Коммуна. 1941. 14 февр.
17. Еникеев Х. Как заложить плодовый сад // Коммуна. 1945. 12 янв.
18. Естественноисторические условия Красноармейского района и выводы РК ВКП(б) и райисполкома о направлении хозяйства района. Декабрь 1944 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–27.
19. Мухортов С. Я., Ноздрачева Р. Г. История садоводства. Воронеж: Воронеж. ГАУ, 2017. 271 с.
20. Кашин В. И., Косякин А. С., Одинцов В. А. История садоводства России. Рязань: Рус. слово, 1999. 446 с.
21. Малыченко В. В. Яблоня. Волгоград: Комитет по печ. и информ., 1994. 336 с.
22. Мероприятия по садоводству и виноградарству [в Сталинградской области]. Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1944. 16 с.
23. Наши участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки // Коммуна. 1941. 1 мая.
24. Новые сады // Коммуна. 1945. 16 марта.
25. О выполнении решения обкома ВКП(б) о развитии колхозной торговли в г. Сталинграде: постановление Красноарм. РК ВКП(б) от 3 июня 1944 г. // ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 34. Л. 18 об. – 19.
26. О невыполнении постановления бюро обкома ВКП(б) от 27 февраля 1945 г. «О мерах коренного улучшения садоводства и виноградарства в колхозах и совхозах области»: постановление бюро Сталинград. обкома ВКП(б) от 17 апр. 1945 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 5. Л. 243–245.
27. О посадке плодовых деревьев вокруг домов на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 257 от 21 февр. 1940 г. // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М.: ОГИЗ – Сельхозгиз, 1948. С. 145–146.
28. О приусадебных садах // Коммуна. 1945. 12 янв.

29. О работе Красноармейского райкома ВКП(б): постановление бюро Сталинград. обкома ВКП(б) от 14 нояб. 1944 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 10. Л. 101 об. – 103 об.

30. О развитии колхозной торговли на колхозных рынках г. Сталинграда: постановление бюро Сталинград. обкома ВКП(б) и облисполкома от 12 июня 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 6. Л. 119 об. – 120.

31. Об установлении плана урожайности сельскохозяйственных культур и заданий по продуктивности животноводства по колхозам Красноармейского района на 1941 год: постановление бюро Красноарм. РК ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся от 3 апр. 1941 г. // Коммуна. 1941. 4 апр.

32. Об уходе за старыми садами и посадке новых садов и виноградников: постановление исполкома Красноарм. райсовета депутатов трудящихся от 28 сент. 1943 г. // ГАВО. Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 46. Л. 6–6 об.

33. Отчет отдела кадров Красноармейского РК ВКП(б) о проделанной работе с кадрами за отчетный период с 1943 г. по 15 июня 1946 г. // ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 4. Д. 14. Л. 1–20.

34. План закладки плодоягодных и виноградных насаждений на 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 282.

35. Производственно-финансовый план совхоза «Приволжский» на 1942 год // ГАВО. Ф. Р-5788. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–18.

36. Разовый отчет о распределении земли по угодьям и землепользователям на 15 ноября 1941 года и учет земельных фондов колхозов на 1 января 1942 года // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–3.

37. Разовый отчет о распределении земли по угодьям и землепользователям на 15 ноября 1943 года и учет земельных фондов колхозов на 1 ноября 1943 года // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–1 об.

38. Разовый отчет о распределении земли по угодьям и землепользователям на 1 ноября 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–23.

39. Садоводство. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1965. 568 с.

40. Сведения о состоянии земельного фонда колхозов района на 1 ноября 1942 г. // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–2.

41. Сводный годовой отчет по основной деятельности колхозов Красноармейского района за 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–7.

42. Сводный отчет по Красноармейскому району о численности населения за январь 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-5773. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

43. Так было, но… так не должно быть // Коммуна. 1945. 21 марта.

44. Тихомирова. Восстановить пруды и оросительную сеть // Коммуна. 1941. 14 марта.

45. Учет плодоягодных насаждений. 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-5773. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–79.

REFERENCES

1. Bolshe vnimaniya sadovodstvu [Pay More Attention to Gardening]. *Kommuna. Organ Krasnoarmeyskogo RK VKP(b) i rayonnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya* (hereinafter – Kommuna) [Commune. Organ of the Red Army Committee of the CPSU(b) and the Regional Council of Workers' Deputies], 1941, Jan. 10.

2. Butenko D. Zapushchenny uchastok [Neglected Site]. *Kommuna* [Commune], 1944, Mar. 16.

3. Vosstanovim i rasshirim nashi sady [Let's Restore and Expand Our Gardens]. *Kommuna* [Commune], 1945, Jan. 12.

4. Godovoy otchet kolkhoza «12 let Oktyabrskoy revolyutsii» za 1945 god [Annual Report of the Collective Farm "12 Years of the October Revolution" for 1945]. *Gosudarstvenny arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 90, l. 10-24.

5. Godovoy otchet kolkhoza im. Michurina za 1945 god [Annual Report of the Collective Farm Named After Michurin for 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 91, l. 24-29 r.

6. Godovoy otchet kolkhoza «Zarya kommuny» za 1945 god [Annual Report of the Collective Farm "Dawn of the Commune" for 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 91, l. 10-16 r.

7. Gorin T.I. *Zakladyvayte sady* [Plant Gardens]. Stalingrad, Obl. knigoizd-vo, 1948. 32 p.

8. Gorin T.I. *Plodovo-yagodnyye nasazhdeniya v polezashchitnykh lesnykh polosakh* [Fruit and Berry Plantations in Forest Shelterbelts]. Stalingrad, Obl. knigoizd-vo, 1950. 48 p.

9. Gorin T.I. *Luchshiye sadovody Stalingradskoy oblasti* [The Best Gardeners of the Stalingrad Region]. Stalingrad, Obl. knigoizd-vo, 1950. 68 p.

10. Gorin T.I. *Ayva* [Quince]. Moscow, Selkhozgiz, 1953. 92 p.

11. Dannyye yedinovremennogo ucheta chislennosti i plotnosti selskogo naseleniya oblasti na 1 yanvarya 1939 g. i 1 yanvarya 1944 g. [Data from a One-Time Accounting of the Number and Density of the Rural Population of the Region on January 1, 1939 and January 1, 1944]. *Stalingradskaya oblast. 1939–1943 gg. Tsifry i fakty* [Stalingrad Region. 1939–1943. Figures and Facts]. Volgograd, GKU VO TsITMO, 2023, pp. 215-216.

12. 2300 sazhentsev plodovykh derev'yev [2300 Fuit Tree Seedlings]. *Kommuna* [Commune], 1945, Apr. 5.

13. Demin G. Sady privodyat v obraztsovy poryadok [Gardens Are Put in an Exemplary Order]. *Kommuna* [Commune], 1944, May 1.

14. Dorofeyev A.S. Vozrodim kolkhozny sad [Let's Revive the Collective Farm Garden]. *Kommuna* [Commune], 1945, Jan. 12.

15. Dragunov V. Kommunisty peredovogo kolkhoza [Communists of the Advanced Collective Farm]. *Kommuna* [Commune], 1941, Apr. 27.

16. Dubrovin M.N. Chto dal nam kolkhozny trud [What Collective Farm Laborgaveus]. *Kommuna* [Commune], 1941, Febr. 14.

17. Yenikeyev Kh. Kak zalozhit plodovy sad [How to Plant an Orchard]. *Kommuna* [Commune], 1945, Jan. 12.

18. Yestestvennoistoricheskiye usloviya Krasnoarmeyskogo rayona i vyvody RK VKP(b) i rayispolkoma o napravlenii khozyaystva rayona. Dekabr 1944 g. [The Natural-Historical Conditions of the Krasnoarmeysky District and the Conclusions of the RK VKP(b) and the District Executive Committee on the Direction of the District's Economy. December 1944]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 19, inv. 3, d. 38, l. 1-27.

19. Mukhortov S.Ya., Nozdracheva R.G. *Istoriya sadovodstva* [History of Dardening]. Voronezh, Voronezh. GAU, 2017. 271 p.

20. Kashin V.I., Kosyakin A.S., Odintsov V.A. *Istoriya sadovodstva Rossii* [History of Gardening in Russia]. Ryazan, Rus. slovo Publ., 1999. 446 p.

21. Malychenko V.V. *Yablonya* [Apple Tree]. Volgograd, Kom. po pech. i inform., 1994. 336 p.

22. *Meropriyatiya po sadovodstvu i vinogradarstvu v Stalingradskoy oblasti* [Gardening and Viticulture Activities in the Stalingrad Region]. Stalingrad, Obl. knigoizd-vo, 1944. 16 p.

23. Nashi uchastniki Vsesoyuznoy selskokhozyaystvennoy vystavki [Our Participants of the All-Union Agricultural Exhibition]. *Kommuna* [Commune], 1941, May 1.

24. Novyye sady [New Gardens]. *Kommuna* [Commune], 1945, Mar. 16.

25. O vypolnenii resheniya obkoma VKP(b) o razvitii kolkhoznoy torgovli v g. Stalingrade: postanovlenie Krasnoarm. RK VKP(b) ot 3 iyunya 1944 g. [On the Implementation of the Decision of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Development of Collective Farm Trade in the City of Stalingrad. Resolution of the Red Army Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of June 3, 1944]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 19, inv. 3, d. 34, l. 18 r -19.

26. O nevypolnenii postanovleniya byuro obkoma VKP(b) ot 27 fevralya 1945 g. «O merakh korennogo uluchsheniya sadovodstva i vinogradarstva v kolkhozakh i sovkhozakh oblasti»: postanovlenie byuro Stalingrad. obkoma VKP(b) ot 17 apr. 1945 g. [On Non-Compliance with the Resolution of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU(b) Dated February 27, 1945 "On Measures to Radically Improve Gardening and Viticulture in Collective and State Farms of the Region." Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the CPSU(b) Dated April 17, 1945]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 20, d. 5, l. 243-245.

27. O posadke plodovykh derev'yev vokrug domov na priusadebnykh uchastkakh kolkhoznikov, rabochikh i sluzhashchikh, prozhivayushchikh v selskoy mestnosti: postanovleniye SNK SSSR i TSK VKP(b) № 257 ot 21 fevr. 1940 g. [On the Planting of Fruit Trees Around Houses on the Household Plots of Collective Farmers, Workers, and Employees Living in Rural Areas. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) no. 257 of February 21, 1940]. *Vazhneyshie resheniya po selskomu khozyaystvu za 1938–1946 gg.* [The Most Important Decisions on Agriculture for 1938–1946]. Moscow, OGIZ – Selkhozgiz, 1948, pp. 145-146.

28. O priusadebnykh sadakh [About Home Gardens]. *Kommuna* [Commune], 1945, Jan. 12.

29. O rabote Krasnoarmeyskogo raykoma VKP(b): postanovleniye byuro Stalingrad. obkoma VKP(b) ot 14 noyab. 1944 g. [On Works of Red Army Raikom VKP(B). Resolution of the Office of the Stalingrad Commission of 14 November 1944]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 10, l. 101 r.-103 r.

30. O razvitii kolkhoznoy torgovli na kolkhoznykh rynkakh g. Stalingrada: postanovleniye byuro Stalingrad. obkoma VKP(b) i oblispolkoma ot 12 iyunya 1943 g. [On the Development of Collective Farm Trade at Collective farm Markets in Stalingrad. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Regional Executive Committee of June 12, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 6, l. 119 r.-120.

31. Ob ustanovlenii plana urozhaynosti selskokhozyaystvennykh kultur i zadaniy po produktivnosti zhivotnovodstva po kolkhozam Krasnoarmeyskogo rayona na 1941 god: postanovleniye byuro Krasnoarm. RK VKP(b) i ispolkoma raysoveta deputatov trudyashchikhsya ot 3 apr. 1941 g. [On the Establishment of a Crop

Yield Plan and Livestock Productivity Targets for Collective Farms in the Krasnoarmeysky District for 1941. Resolution of the Bureau of the Red Army Committee of the CPSU(b) and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies Dated April 3, 1941]. *Kommuna* [Commune], 1941, Apr. 4.

32. Ob ukhode za starymi sadami i posadke novykh sadov i vinogradnikov: postanovleniye ispolkoma Krasnoarm. raysoveta deputatov trudyashchikhsya ot 28 sent. 1943 g. [About the Care of Old Gardens and the Planting of New Orchards and Vineyards. Resolution of the Executive Committee of the Red Army District Council of Workers' Deputies of September 28, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-287, inv. 1, d. 46, l. 6-6 r.

33. Otchet otdela kadrov Krasnoarmeyskogo RK VKP(b) o prodelannoy rabote s kadrami za otchetny period s 1943 g. po 15 iyunya 1946 g. [Report of the Personnel Department of the Red Army District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Work Done with Personnel During the Reporting Period from 1943 to June 15, 1946]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 19, inv. 4, d. 14, l. 1-20.

34. Plan zakladki plodoyagodnykh i vinogradnykh nasazhdeniy na 1943 g. [The Plan for Laying Fruit and Grape Plantations for 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 4, l. 282.

35. Proizvodstvenno-finansovy plan sovkhoza «Privolzhskiy» na 1942 god [Production and Financial Plan of the "Privolzhsky" State Farm for 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5788, inv. 3, d. 6, l. 1-18.

36. Razovy otchet o raspredelenii zemli po ugod'yam i zemlepolzovatelyam na 15 noyabrya 1941 goda i uchet zemelnykh fondov kolkhozov na 1 yanvarya 1942 goda [A One-Time Report on the Distribution of Land by Land Users on November 15, 1941 and the Accounting of Collective Farms and Funds on January 1, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 63, l. 1-3.

37. Razovy otchet o raspredelenii zemli po ugod'yam i zemlepolzovatelyam na 15 noyabrya 1943 goda i uchet zemelnykh fondov kolkhozov na 1 noyabrya 1943 goda [A One-Time Report on the Distribution of Land by Land Users on November 15, 1943 and the Accounting of Collective Farms and Funds on November 1, 1943]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 70, l. 1-1 r.

38. Razovy otchet o raspredelenii zemli po ugod'yam i zemlepolzovatelyam na 1 noyabrya 1945 g. [One-Time Report on the Distribution of Land by Land Users on November 1, 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 88, l. 1-23.

39. *Sadovodstvo* [Gardening]. Saratov, Privolzh. kn. izd-vo, 1965. 568 p.

40. Svedeniya o sostoyanii zemelnogo fonda kolkhozov rayona na 1 noyabrya 1942 g. [Information on the State of the Land Fund of the Collective Farms of the District on November 1, 1942]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 66, l. 1-2.

41. Svodny godovoy otchet po osnovnoy deyatelnosti kolkhozov Krasnoarmeyskogo rayona za 1945 g. [Consolidated Annual Reporton the Main Activities of the Collective Farms of the Krasnoarmeysky District for 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2102, inv. 1, d. 89, l. 1-7.

42. Svodny otchet po Krasnoarmeyskomu rayonu o chislennosti naseleniya za yanvar 1945 g. [Summary Report on the Red Army District on the Population in January 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5773, inv. 1, d. 9, l. 22.

43. Tak bylo, no… tak ne dolzhno byt [It Was So, But... It Shouldn't Be So]. *Kommuna* [Commune], 1945, Mar. 21.

44. Tikhomirova. Vosstanovit prudy i orositelnuyu set [Restore Ponds and Irrigation Network]. *Kommuna* [Commune], 1941, Mar. 14.

45. Uchet plodoyagodnykh nasazhdeniy. 1945 g. [Accounting for Fruit and Berry Plantations]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5773, inv. 1, d. 4, l. 1-79.

Information About the Author

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, histrus@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1366-5787

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, histrus@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1366-5787

www.volsu.ru

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.11

UDC 94(7)+(325)+(327)
LBC 63.3(7Сое)+63.3(4Вел)+66.4(0)+63.4(Исп)+66.4(0)

Submitted: 25.05.2025
Accepted: 27.10.2025

ORIGINS OF THE STRUGGLE OF THE GREAT POWERS FOR BRITISH COLUMBIA (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Alexander Yu. Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Larisa M. Troitskaia

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article examines the origins of the struggle for territories in northwestern America – British Columbia – now part of Canada. For a long time, this territory was the arena of the struggle of the great powers. To understand how British Columbia was developed, it is pivotal to consider the origins of this process. Historiography provides different assessments of the history of British Columbia. In Russian historiography, this issue has received relatively limited scholarly attention, though several notable studies do exist and provide valuable insights. *Methods and materials*. The article is based methodologically on achievements in modern historical scholarship, including foreign and domestic studies. During examination of literary sources and research materials, the study itself used systematic and comparative analyses. *Analysis.* The history of British Columbia comprises six periods. This article focuses on its first period. The paper shows that interest in the territory under study arose immediately with the formation of Spain's colonial policy, which declared its rights to almost the entire coast of northwestern America. Soon after the Spanish conquistadors and other explorers reached the Pacific Ocean and its shores in Central and North America, the news about these important discoveries became known in Europe. Spain's rivals, such as England, attempted to find so-called "Northwest Passage" (the legendary "Strait of Anian") between the Atlantic and the Pacific Oceans. It was thought that its discovery would reduce the sailing time of the vessel between Europe and Eastern countries. The article also pays attention to such factors and reasons as European colonization of the New World and early discoveries of the Pacific coast of North America, such as change of climate, fashion tendencies, environmental resources, religious differences, etc. The importance of the fur trade in the process of colonization of British Columbia is shown. *Results.* Based on the analysis conducted, it is concluded that it is reasonable to consider the history of British Columbia through the prism of frontier history, and not only continental but also maritime frontier history, taking into account the regional characteristics of the civilizational model of British colonialism and international relations. The origins of British Columbia could be seen in the intensification of Spain's policy and its claims to the entire Pacific coast, even when Madrid had no settlements there, and the attitude of the British towards this. The search for a mythical northern route from the Atlantic Ocean to the Pacific Ocean contributed to the formation of the future territory of British Columbia. Important geographical discoveries were made during this process. The article is part of a series of articles by authors devoted to the history of the struggle for territory in Northwest America until the early 1870s. *Authors' contribution.* A.Yu. Petrov researched new archival data and studied existing literature; developed the research methodology; prepared a summary report; and analyzed important factors that shed light on early stages of colonization and geographical discoveries on the Pacific coast of North America for future colonial settlement. L.M. Troitskaia analyzed materials related to the history of British Columbia and issues of the interaction between countries in the northern part of the Pacific Ocean and studied the website of the University of British Columbia

© Petrov A.Yu., Troitskaia L.M., 2026

Library Collection. *Funding.* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00043-П, https://rscf.ru/project/22-18-00043/ at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Key words: British Columbia, Spain, Great Britain, North American history, colonization, Pacific Ocean, "Northwest Passage".

Citation. Petrov A.Yu., Troitskaia L.M. Origins of the Struggle of the Great Powers for British Columbia (To the Problem Statement). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 133-144. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.11

УДК 94(7)+(325)+(327)
ББК 63.3(7Сое)+63.3(4Вел)+66.4(0)+63.4(Исп)+66.4(0)

Дата поступления статьи: 25.05.2025
Дата принятия статьи: 27.10.2025

ИСТОКИ БОРЬБЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ЗА БРИТАНСКУЮ КОЛУМБИЮ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Александр Юрьевич Петров

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Лариса Михайловна Троицкая

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются истоки борьбы за территории на Северо-Западе Америки – в Британской Колумбии, которая сейчас входит в состав Канады. Долгое время эта территория была ареной борьбы великих держав. Для того чтобы понять, как развивалась Британская Колумбия, необходимо рассмотреть истоки этого процесса. Историография дает разные оценки истории Британской Колумбии. В российской историографии этот вопрос в целом изучен слабо. *Методы и материалы*. Статья методологически основана на достижениях современной исторической науки, включая зарубежные и отечественные исследования. При изучении литературных источников и исследовательских материалов использовался системный и сравнительный анализ. *Анализ.* История Британской Колумбии состоит из шести периодов. Эта статья посвящена первому периоду. В ней показано, что интерес к исследуемой территории возник сразу же с формированием колониальной политики Испании, которая заявила о своих правах практически на все побережье Северо-Западной Америки. Вскоре после того, как испанские конкистадоры и другие исследователи достигли Тихого океана и его берегов в Центральной и Северной Америке, а новости об этих важных открытиях стали известны в Европе, соперники Испании, такие как Англия, попытались найти так называемый «Северо-Западный проход» (легендарный «Анианский пролив») между Атлантикой и Тихим океаном. Считалось, что его открытие сократит время плавания судна между Европой и странами Востока, особенно Китаем. В статье также уделяется внимание таким факторам и причинам европейской колонизации Нового Света и ранних открытий тихоокеанского побережья Северной Америки, как изменение климата, тенденции моды, экологические ресурсы, религиозные различия и т. д. Показано значение торговли мехами для процесса колонизации Британской Колумбии. *Результаты*. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что правомерно историю Британской Колумбии рассматривать сквозь призму истории фронтира, причем не только континентального, но и морского, с учетом региональных особенностей цивилизационной модели британского колониализма и международных отношений. Истоки Британской Колумбии, думается, можно усмотреть в активизации политики Испании и ее претензиях на все тихоокеанское побережье даже в том случае, когда у Мадрида не было там поселений, и отношении к этому англичан. Формированию будущей территории Британской Колумбии способствовали поиски мифического северного маршрута из Атлантического океана в Тихий. В ходе этого процесса были сделаны важные географические открытия. Эта статья является частью серии статей авторов, посвященных истории борьбы за территорию на Северо-Западе Америки до начала 1870-х годов. *Вклад авторов*. А.Ю. Петров – поиск новых архивных данных, изучение существующей литературы; разработка методологии исследования; подготовка краткого отчета; анализ важных факторов, проливающих свет на ранние этапы колонизации и географических открытий на тихоокеанском побережье Северной Америки при создании колоний в будущем. Л.М. Троицкая – анализ всех материалов, связанных с историей Британской Колумбии и вопросов взаимодействия стран в северной части Тихого

океана; изучение коллекции разнообразных материалов на веб-сайте библиотечного фонда Университета Британской Колумбии (BCU Library Collection). *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043-П, https://rscf.ru/project/22-18-00043/ в Институте всеобщей истории РАН.

Ключевые слова: Британская Колумбия, Испания, Великобритания, история Северной Америки, колонизация, Тихий океан, «Северо-Западный проход».

Цитирование. Петров А. Ю., Троицкая Л. М. Истоки борьбы великих держав за Британскую Колумбию (к постановке проблемы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 133–144. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.11

Introduction. In this study, the term "British Columbia" is deployed not as an administrative-territorial designation but rather as a historical and geographical reference marking the region that would only later (beginning in 1858) acquire this formal appellation. This terminological choice is methodologically sound within historiographical analysis of territorial formation, as it serves three key purposes: It delineates the spatial parameters of the inquiry in ways that align with contemporary cartographic conventions; it circumvents the cumbersome phrasing of "Northwest Coast of North America," which encompasses a significantly broader expanse, including areas peripheral to the study's focus; it maintains terminological continuity with prior scholarship examining the evolution of British presence along this particular segment of the Pacific littoral. The text explicitly frames its chronological scope (sixteenth through eighteenth centuries) and clarifies that it examines the antecedents to the colony's eventual establishment. This deliberate framing prevents any conflation of the term's historical-geographical and administrative-legal meanings. As Fernand Braudel, the eminent French historian and Annales school proponent, demonstrated, history could be analyzed through the interplay of multiple temporal scales, particularly the longue durée: those enduring structures (geographical milieu, mentalités, and socioeconomic formations) that shape the fundamental contours of human experience across centuries. Braudel's framework calls for interpreting regions as dynamic spatial entities wherein geographical conditions exert profound influence on social processes [8]. Although Braudel did not employ the term "British Columbia," his methodology provides a robust rationale for deploying historical geographical reference points that transcend formal administrative boundaries. In Russian historiography, scholarly attention has consistently focused on the evolution of territorial configurations, administrative frameworks, and regional colonization processes. For instance, M.K. Lyubavsky's "Historical Geography of Russia in Connection with Colonization" systematically examines how spatial boundaries and governance structures transformed over time, emphasizing the dynamic interplay between settlement patterns, resource exploitation, and state formation. This approach underscores that historical regions often function as analytical units distinct from their later administrative incarnations, a perspective fully compatible with Braudel's emphasis on long-term spatial and structural continuities. By adopting this framework, the present study situates the pre-1858 Pacific coast within broader patterns of cross-cultural interaction and environmental adaptation, thereby avoiding the pitfalls of retrojecting colonial nomenclature onto earlier historical realities. Reference [26] demonstrates the analysis of geographical data within the context of historical sources.

The history of the Canadian province of British Columbia, the total area of which is 944,735 square kilometers, is currently attracting increasing attention. This province is located on the Pacific coast of North America, and, taking into account numerous coastal islands, the length of its coastline is 7 thousand kilometers. In the south, British Columbia borders such US states as Montana, Idaho, and Washington, and in the northwest, the state of Alaska. The province has large and diverse natural resources, and its economy ranks fourth, contributing 12.6% of Canada's GDP. 5.7 million people live in British Columbia, of whom 24.8% were immigrants from Asian countries: Chinese, Indians, Vietnamese, Filipinos, and Japanese [21, pp. 117-118].

The local indigenous population of British Columbia consists of such Indian tribes as the Cree, Athabascan, Dene, Dakota, Salish,

Tsimshian, and others. In total, 170 thousand American Indians from 193 tribes live in the province, and there are 1,625 reservations, or three-quarters of all reservations in Canada [21, p. 118]. The ancestors of other American Indian tribes living south of the edge of the glacial area as it melted gradually settled northward in the valleys and along the coast 1 to 2 thousand years earlier [3, p. 2]. However, some modern archaeological research suggests that people have lived along the southern coast of what is now British Columbia for at least 10,000 years, migrating south from the Beringia region during the early Holocene [32].

Methods and materials. The methodology used in this article is based on modern achievements in historical scholarship. Both domestic and foreign historiography were also used. Traditional methods of historical research and methods of geography and philology were used to analyze sources and literary materials. Thus, in the process of studying literary sources and analyzing the entire volume of collected materials, systemic and comparative approaches were used. The struggle for British Columbia was considered in different periods in the context of the development of interaction between Spain, Great Britain, and, since the late 18th century, the United States. In order to strengthen their British Columbian positions, Great Britain and the United States used various methods, including in the political arena. The strengthening of this activity occurred in parallel with the development of relations with the Russian-American Company (RAC).

The history of British Columbia can be divided into six periods that reflect its key developmental stages. Prior to the late 18th century, the region was inhabited by Indigenous peoples, including the Salish, Nuuchahnulth, Kwakwaka'wakw, and others, who sustained their economies through fishing and cedar processing without any European interference. From the late 18th to the mid-19th centuries, exploration and the fur trade began: British and Russian mariners (such as Captain James Cook and George Vancouver) arrived, the Hudson's Bay Company established trading posts, and the first permanent settlement, Fort Victoria, was founded in 1843 [39]. In 1858, the Fraser River gold rush began, the Colony of British Columbia was established, the population grew rapidly, and infrastructure development accelerated; in 1866, it merged with the Colony of Vancouver Island. In 1871, the colony joined the Canadian Confederation on the condition that a railway be built; the completion of the Canadian Pacific Railway to Port Moody in 1885 ensured economic integration. From 1885 to 1945, industrial growth took place: ports expanded (including Vancouver), logging, mining, and fishing industries developed, a transportation network took shape, and borders stabilized following the Alaska boundary dispute of 1903. Since 1945, the modern period has begun: the economy has diversified (including tourism and technology), the government's role in resource management has strengthened, immigration has increased, and provincial autonomy within the Canadian federation has grown.

When studying the history of British Columbia, it is essential for researchers to have access to a wide range of materials, including photos, books, newspapers, maps, videos, theses, etc. In this regard, the University of British Columbia (UBC) Library's Open Collections play a positive role by storing the digital resources created and maintained by UBC [44].

It seems that since the end of the 19th century, the study of the history of the colonization of the Americas, including its features in relation to the territories adjacent to the Pacific coast of North America, has been carried out and continues to be studied, not only by historians, but also by geographers and economists in the USA, Canada, and Great Britain. These works have generated a considerable amount of scholarly literature [25, pp. 38-40]. In the classic work of the American historian H.H. Bancroft [40, pp. 1-2], the six stages above mentioned were proposed in considering the history of the Canadian province of British Columbia.

In the late 19th century, the American historian F.J. Turner, the founder of the famous frontier theory and its significance in the history of the United States, came to the conclusion that the rifle and the ax were the symbols of the backwoods pioneer [43, p. 269]. This is generally true, not only for the United States but also for Canada. It seems that in addition to these two most important tools of continental and maritime expansionism in North America, we can include such items as the furs of wild land animals, primarily beavers and later bison, as well as the skins of sea animals – sea otters and seals [18], plus walruses and other mammals.

Researchers particularly emphasize the value of beaver pelts, which were the raw material for the manufacture of felt "for high-fashion hats." At first, only wealthy people could afford to wear them, but with the development of mass production in the 17th century and technology in the early 18th century, "hats with a lower beaver content became available to those with more modest incomes" [11, p. 3]. Felt could be made from sheepskin, but the production of velour (felting from the undercoat of river beaver fur) was a complex technology, and in the 16th century only the Moscovites had mastered it, but step by step, the Western Europeans also became its manufacturers. The beaver pelts from North America were divided into two types: those that "were bought from Indians – coat beaver," called by the French "*castor gras*", and "parchment beaver, or *castor sec*" [10, p. 63].

We take into account such specific factors as the history of everyday life, the development of fashion, technology, and the expansion of scientific knowledge against the background of material progress in Europe. F. Braudel drew attention to the costume factor, which includes various problems, such as raw materials, manufacturing processes, cost, price, the sustainability of cultures, fashion, and social hierarchy. Costume, he argued, "stubbornly testified to social opposites everywhere. […] the kingdom of fashion was hardly established in all its rigor before 1700… French fashion, which had prevailed since the 17th century, became truly dominant only in the 18th century" [9, pp. 279, 284, 286].

In the anthology "Travel Narratives from the Age of Discovery: An Anthology," its editor, P.C. Mancall, compiled key travel accounts from the era of the Great Geographical Discoveries of the 15th and 16th centuries. The collection features testimonies by authors from Spain, France, Italy, England, China, and North Africa, documenting voyages to Brazil, Canada, China, Virginia, Angola, Vietnam, and other regions [42].

Alongside well-known reports by Christopher Columbus, the volume presents texts by lesser-known writers such as the Huguenot missionary Jean de Léry. Of particular significance are the non-European sources: Emperor Babur's notes on India, the Chinese chronicler Ma Huan's account of his travels to the Middle East, and Leo Africanus's work on Africa.

In addition to the texts, the publication includes rare 16th-century illustrations from contemporary books (depicting Brazil, Roanoke, Guiana, and India), which help illuminate how both travellers and their readers envisioned distant worlds.

Our publication develops and specifies a number of provisions that have found reflection in the pages of foreign and domestic journals, as well as in the framework of scientific conferences, such as the conference at the Volgograd State University, "Transformation of Modern US Policy in the Western Hemisphere," and the conference at the Center for North American Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, "USA and Russia. Relationships. Mutual Perception. Study" [37].

Analysis. The province of British Columbia, which was part of the Canadian Confederation for more than 150 years, had a long history of discovery, exploration, and colonization of this vast, remote region of North America.

The history of the process of systematic colonization of the New World by the great European powers from the Atlantic Ocean began, as is known, during the Age of Discovery with the voyages of Christopher Columbus in 1492, which marked the commencement of the Spanish conquests in America. Asking the question of why Europe succeeded in this field, the American sociologist and political scientist J. Goldstone declared that "trade and conquest" go hand in hand in world history. In his opinion, "Trade often followed successful conquests that opened up new routes and strengthened peace on the borders and outskirts. Conquests were often necessary to conduct trade, persuade intractable rulers to open their ports to foreign merchants or gain access to valuable materials. […] the conquests of Europe in the New World enriched it [Europe] with silver, which allowed it to expand its Asian trade. Later, the growth of European colonies in the Americas created the conditions for a new Atlantic trade that linked Africa, Europe and the Americas from Canada to Brazil. Thus, the desire for trade led to conquest, and conquest led to trade" [19, pp. 102-103].

Contemporary studies of the colonization of the Americas draw on a range of conceptual models that help systematize the multifaceted process of European expansion. Both domestic (Russian) and international historiography identify

several key approaches. In Russian scholarship, a prominent framework is the concept of the "three directions" of colonization, which distinguishes the Atlantic (Spanish-Portuguese) vector focused on Central and South America, the North Atlantic (English-French) vector centered on North America, and the Pacific (primarily Spanish) vector associated with the exploration of the American West coast and Oceania. This approach underscores the regional specificity of colonization processes and highlights variations in territorial governance models. In Russia's Canadian studies, priority has long been given to studying the early stages of the history of the regions adjacent to the Atlantic Ocean and the Great Lakes [2].

In Western European historiography, Mary Louise Pratt's theory of "contact zones" occupies a significant place. It frames colonization as a space of cultural interaction and collision where hybrid identities and practices emerge, shifting the focus from unilateral expansion to multidirectional processes of cultural exchange and resistance.

The "colonial worlds" model directs attention to the networked structures that link metropoles and colonies through trade, migration, and administrative institutions, enabling analysis of colonization as a system of interdependent relationships rather than linear subjugation.

The concept of "internal colonization", developed in the works of A. Etkind and other scholars, applies to the analysis of peripheral territories within European states and their empires. It reveals common mechanisms of power deployed both in overseas colonies and internal "frontier" regions.

The "two spheres doctrine", rooted in Alexander von Humboldt's ideas, differentiates colonization processes into two domains: one of direct political control and administrative governance, and another of economic influence and commercial expansion. This framework helps distinguish various forms of colonial power and their consequences.

Postcolonial theory as articulated in the works of E. Said, G. Spivak, and H. Bhabha focuses on the discursive mechanisms of colonization, examining how European narratives constructed the image of the "Other" and legitimized expansion. It emphasizes the cultural and symbolic dimensions of colonial domination [5; 14; 34; 35; 43].

The papal bull Inter caetera (issued on 4 May 1493 by Pope Alexander VI) and the Treaty of Tordesillas (signed on 7 June 1494) formalized the division of colonial territories between Spain and Portugal. The bull stipulated that lands lying west of a meridian located 100 leagues west of the Cape Verde Islands would belong to Spain, while those to the east would be assigned to Portugal. This document emerged in the wake of Columbus's 1492 voyage and aimed to resolve the territorial dispute between the two powers.

However, the bull was marked by legal ambiguity: it remained unclear whether it conferred full sovereignty or merely feudal investiture. The Spanish interpreted it as granting them complete control, yet its true meaning continues to be debated. Moreover, the bull did not apply to territories already under the control of Christian states, which led to conflicts, particularly in light of earlier papal bulls affirming Portuguese rights in Africa. France, England, and the Netherlands also rejected the document, refusing to acknowledge papal jurisdiction over matters of discovery.

The Treaty of Tordesillas shifted the demarcation line to 370 leagues (approximately 1,770 km) west of the Cape Verde Islands (49°32'56"W). It was ratified by Spain on 2 July and by Portugal on 5 September 1494 and later endorsed by Pope Julius II in 1506. Nevertheless, the treaty also suffered from shortcomings: the parties had only a vague grasp of the actual extent of the newly discovered lands. For instance, Cabral's discovery of Brazil in 1500 revealed that Spain had inadvertently ceded part of South America to Portugal. The treaty applied solely to the Atlantic Ocean; a second line of demarcation was not established until 1529 (the Treaty of Zaragoza, following Magellan's expedition). France, England, and the Netherlands likewise refused to recognize it, proceeding to actively colonize new territories. Some scholars argue that King John II of Portugal had prior knowledge of Brazil and had sought to shift the line in Portugal's favor.

In contemporary historiography, these acts are regarded as significant yet deeply contested: they shaped the formation of empires and fueled geopolitical conflicts. They are criticized for disregarding the rights of Indigenous peoples (under the terra nullius doctrine), for using religion

to legitimize exploitation, and for losing their force by the seventeenth century in North America, Asia, and Africa, where other powers came to dominate. Thus, Inter caetera and the Treaty of Tordesillas laid the foundations for the colonial partition of the world, but their limitations ultimately precipitated further conflicts and the eventual renegotiation of legal norms [8; 13; 15; 36].

In the sixteenth century, European mariners' voyages along the western coasts of the Americas, including the areas corresponding to present-day British Columbia, proved crucial in refuting the hypothesis of a strait connecting the Pacific and Atlantic Oceans. The pivotal event was Ferdinand Magellan's circumnavigation (1519–1522), during which he discovered the passage between South America and the Tierra del Fuego archipelago (now known as the Strait of Magellan). Although this waterway linked the Atlantic and Pacific Oceans, it did not constitute the sought-after "connecting strait" envisioned by early cartographers: the route still required a lengthy westward journey. The expedition confirmed that South America did not extend infinitely to the west but instead had a triangular shape, thereby ruling out the possibility of a direct oceanic connection via the continent's interior waters.

The Spaniards considered themselves the discoverers. During the Age of Great Geographical Discoveries, an important event occurred on September 29, 1513, when the conquistador Vasco Nunez de Balboa became the first white man to cross the Isthmus of Panama from the Atlantic in a westerly direction and reached the bay (San Miguel Bay), beyond which lay the Pacific Ocean, which he called the South Sea [30, pp. 301-302]. A day "before Balboa, Alonso Martin (a member of V. Nunez de Balboa's expedition. – *A. P., L. T.*) reached the Pacific coast…" [28, p. 111]. According to other sources, A. Martin plunged into the waters of the Pacific Ocean on September 27, 1513 [20]. It is important to emphasize that A. Martin solemnly and officially declared the ownership of "these southern seas, lands, coasts, harbors and islands, with everything that they contain" to the Crown of Castile..., and also stated that now and in the future to "the sovereigns of Castile belong both the power and dominion over these Indies, the islands, both the Northern and Southern continents with their seas from the North Pole to the South, on both sides of the equator, inside and outside the tropics of Cancer and Capricorn..." [28, p. 111]. Thus began Spanish colonial expansion in the New World from the Pacific coast. Spain brought the Catholic faith here and established its dominion for a long time.

Other expeditions further complemented this emerging geographical understanding: notably, the Loaísa-Elcano expedition (1525–1528) demonstrated that the South American coast did not extend in a long western promontory, and crossings of the Pacific Ocean in a northwesterly direction failed to reveal the sought-after passage. Sixteenth-century cartographic efforts such as Juan de la Cosa's map (1500), the Cantino planisphere (1502), and Piri Reis's map (1513) gradually recorded the actual contours of America as a separate continent, contradicting earlier beliefs that the lands discovered by Columbus formed part of Asia. Based on mariners' reports, these maps progressively refined the depiction of the coastline and eliminated hypothetical straits that were thought to connect the oceans [6; 17; 23; 28; 33].

In the 16th – 18th centuries, the Spanish advanced from the shores of the Atlantic into the interior of the North American continent, equipping exploratory expeditions and expanding their colonial possessions. Following Spain, England, France, and Russia, some other European countries joined the race to discover, conquer, and colonize America. They were lured by the dream of enriching themselves at the expense of the diverse natural resources of the new lands, exploiting the local population, the so-called "savages." The passionate desire to sail as quickly as possible from Europe to China and to the East as a whole explained the fact that for several centuries European sailors sought to find the so-called "Northwest Passage" (the legendary "Strait of Anian") between the Atlantic and Pacific Oceans, and from both sides [46].

After the voyages to North America of the Italians J. Cabot and S. Cabot, who were in the English service, attempts to find the desired passage by rounding America from the North Atlantic were undertaken in 1576 and 1577 by the Englishman M. Frobisher. His third voyage took place in 1578. Despite the fact that his goal was not achieved, important geographical

discoveries were made: the exploration of Baffin Land began, and the wide straits later became known as the Davis and Hudson straits/Bay.

Together, these expeditions contributed to the formation of a durable paradigm of British seafaring that combined commercial, exploratory, and geopolitical objectives. While Cabot demonstrated the economic viability of Atlantic fisheries and the potential for securing a foothold on the American coast, Frobisher revealed the limitations of quickly reaching Asian markets via Arctic waters, thereby encouraging later explorers to seek alternative routes, particularly along the continental coast toward the southwest and west. This evolution of strategic priorities ultimately created the conditions for eighteenth- and nineteenth-century British expeditions that directly explored the Pacific coast of North America, including areas that would become part of British Columbia.

Although Cabot and Frobisher neither visited nor mentioned the territory of what would later be known as British Columbia, their voyages made significant contributions to the accumulation of geographic, navigational, and political resources that were later leveraged in the exploration and settlement of the continent's western sector. Their expeditions should be understood as early links in a continuous chain of British presence in North America – a legacy whose importance lies not so much in direct geographic connection as in its long-term impact on imperial strategy and maritime practice [16; 31]. Canadian researchers G.P.V. Akkrig and H. Akkrig pointed out that England's colonial interests extended to the Pacific coast of America, already at the end of the 16th century, trying to compete with the Spanish. Almost simultaneously with Frobisher, namely in 1579, the English captain Francis Drake, the "famous corsair," was the first of his compatriots to round South America through the Strait of Magellan and move along the coast northward. Presumably, according to some sources, he reached 48°N in the area of the current Strait of Juan de Fuca or even 50°N and allegedly visited Vancouver Island. Others believed that Drake did not cross 43°N or even 42°N. However, there is no doubt that, turning south, his ship entered a bay located a little north of present-day San Francisco [3, pp. 6-7].

Drake called this area "New Albion," and his chaplain, in the presence of the Admiral and his men, took part in the first service in the English tongue and in accordance with rites of the Protestant Church of England ever to take place on the Pacific coast of what is now the United States [45, p. 29]. As a result of these voyages, a false account appeared about the discovery of the "western cape of America" on "Company Land" [7, p. 14]. There is another version of the history of the search for the strait. Thus, the Spanish navigator Ferrer Maldonado reported that he allegedly visited in 1588 the waters of the strait during his voyage to the North Pole. He claimed that the "Strait of Anian" is located at the coordinate of 60°N. Maldonado insisted that on the American shore of the Strait of Anian there is a beautiful port where up to five hundred ships can easily fit. He allegedly stayed there for almost three months and with his own eyes saw a ship with a cargo of Chinese goods, which was heading to Russian port New Arkhangelsk [29, pp. 14-15].

Before leaving this place, Drake, "imitating the Portuguese, erected a pillar on the shore and nailed to it a copper plate on which the name of Queen Elizabeth, the dates of the English arrival in the country, and the 'voluntary submission' of the Indians to the English queen (1579) were carved. Below, the pirate inserted a silver coin with the image of the queen and her coat of arms, and even lower he carved his own name" [27, pp. 123-124]. Drake also mistakenly believed that he could return home through the "Northwest Passage" ("Frobisher Strait"), passing from the Pacific Ocean to the Atlantic. In reality, he returned to England in 1580 through the Pacific Ocean, the Mariana Islands, Java, the Indian Ocean, and the Cape of Good Hope.

There is some reason to believe that the Strait of Juan de Fuca, off the coast of what would become British Columbia, was actually discovered in 1592 by the Spanish navigator and pilot of Greek origin Ioannis Focas (Apostolos Valerianos, according to other sources) (1536–1602), who, by order of the Viceroy of New Spain, Luis de Velasco, Marquis de Salinas, set out in search of the aforementioned "Strait of Anian" in order to fortify [the area and] himself there, after its discovery, so as to protect it from the penetration of the English. Exploratory expeditions required very large financial and other material costs. However, they were organized not only by European states and their monarchs but also by

private entrepreneurs or trading companies. In the 1560s – 1580s, the initiators of the search for the Northwest Passage were English navigators – the famous privateers of Queen Elizabeth I, M. Frobisher and H. Gilbert. They developed projects for their own expeditions to polar waters, but it turned out that in England the monopoly on the exploration of the Arctic straits of North America belonged only to the English Muscovy Company, which had no intention of sharing it with competitors [24].

Spanish expeditions to the Northwest American coast in the eighteenth century, alongside James Cook's voyages, played a pivotal role in exploring the Pacific region, reinforcing territorial claims, and intensifying international conflicts. These efforts advanced coastal mapping, deepened knowledge of Indigenous peoples and resources, and shaped the geopolitical landscape of the colonial era [38].

Juan José Pérez's 1774 expedition marked Spain's first attempt to explore northern latitudes after a long hiatus. Although Pérez failed to reach the planned 60th parallel due to supply shortages and crew illnesses, his voyage laid the groundwork for subsequent missions. He established contact with the Haida people and reaffirmed Spanish claims to the region.

The 1775 expedition led by Bruno de Heceta and Juan Francisco de la Bodega y Quadra expanded knowledge of the coastline. The team discovered the mouth of the Columbia River and conducted several sovereignty-affirming ceremonies. Bodega y Quadra later emerged as a key figure in negotiations surrounding the Nootka Crisis and left a significant cartographic legacy for the region.

In 1779, Ignacio de Arteaga and Juan Francisco de la Bodega y Quadra led an expedition that reached the northernmost extent of Spanish exploration in Alaska (61st parallel). Objectives included assessing Russian presence, searching for the Northwest Passage, and attempting to capture James Cook (who had already perished in Hawai'i). The expedition thoroughly surveyed Bucareli Bay, Prince William Sound, and other areas, producing detailed maps.

Esteban José Martínez and Gonzalo López de Haro's 1788 expedition aimed to investigate Russian activities and continue the search for the Northwest Passage. In 1789, Martínez seized British vessels in Nootka Sound, triggering the Nootka Crisis – an international conflict between Spain and Great Britain [22]. Expedition reports, including descriptions of Russian settlements on Kodiak, became valuable sources of regional intelligence [4].

Salvador Fidalgo's 1790 expedition involved surveying the Alaskan coast and establishing contact with Indigenous peoples and Russian settlers. Fidalgo proclaimed Spanish sovereignty at several locations, including Puerto Córdova and Puerto Valdés. In 1792, he established the settlement of Bahía de Núñez Gaona in the Strait of Juan de Fuca, a move tied to negotiations over the Nootka Conventions.

British Captain James Cook undertook three circumnavigation voyages that substantially advanced geographical knowledge. His expeditions (1768–1771, 1772–1775, 1776–1780) resulted in the discovery and mapping of vast territories, including the east coast of Australia, New Zealand, the Hawaiian Islands, as well as explorations of southern latitudes and attempts to locate the Northwest Passage. Cook established standards for peaceful interaction with Indigenous peoples, distinguishing his expeditions from those of many contemporaries [8; 22; 28; 41].

In the closing years of the 18th century, on the orders of the British Crown, J. Vancouver unsuccessfully attempted to find the Northwest Passage, having explored the Pacific coast of North America in detail during his circumnavigation of the globe in 1790–1795. He wrote that after his voyage and detailed survey of the Northwestern Pacific coast, he reached the significant conclusion that no navigable Northwest Passage existed: "between the north pacific, and the interior of the American continent, within the limits of our researches" [1, pp. 294-295].

Vancouver also admitted that the British did not yet know everything about the northwest coast of North America and its interior territories. He believed that there were allegedly no contacts between the coastal tribes and the inhabitants of the interior regions, stating, "nor were there any articles of the Canadian or Hudson's Bay traders found amongst the people with whom we met on any part of the continent or external sea shores of this extensive country" [1, p. 505].

The demand for furs in Europe increased in the eighteenth century "both because of the cold

weather and because this prestigious consumer item became demanded by a wider circle of Europeans (primarily wealthy city dwellers)" [12, p. 14]. The North American continent abounded with diverse wildlife, most notably beavers, whose valuable pelts could be acquired at relatively low cost. This abundance enabled the mass export of furs to Europe, reaching extraordinary volumes. Consequently, French and English settlers established along the Atlantic coast of North America seized the opportunity to launch an unprecedented fur trade across the Pacific, generating immense profits. The resulting commercial interactions between colonizers and Indigenous peoples unleashed a complex web of interconnected forces – economic, institutional, political, and ecological – that reshaped the continent's trajectory [11, p. 3].

In the eighteenth century, across the expansive Pacific maritime frontier, the primary objects of marine commerce were first and foremost sea otters (Enhydra lutris), followed by seals. Later, various whale species emerged as key commodities, harvested in ever-increasing quantities through numerous whaling expeditions. These operations proliferated across multiple regions of the world's oceans, with particular intensity along the Pacific coast of North America.

Results. Thus, in domestic and foreign historiography, the history of British Columbia was considered through the concept of its being a frontier, civilizing model, and the development of the foreign policy of Western European powers. The origins of British Columbia are seen in the activation of the policy of Spain and its claims to the entire Pacific coast, even in cases when Madrid had no settlements. The English took advantage of this, declaring their claims to the territories under study. The development of British Columbia was facilitated by the search for that mythical northern route from the Atlantic Ocean to the Pacific Ocean. During this process, essential geographical discoveries were made. It appears that the struggle to consolidate European powers' positions in the New World, including the coastal territories of what would become British Columbia, could be understood within the broader context of their imperial ambitions. In the second half of the eighteenth century, following the Seven Years' War (1756–1763), Great Britain acquired vast territories in North America formerly held by France. However, this territorial expansion was soon offset by significant shifts: the thirteen American colonies broke away in the War of Independence (1775–1783), ultimately emerging as the independent democratic republican state of the United States of America. This geopolitical transformation prompted Britain to redouble its imperial efforts in western North America, where British Columbia would eventually become a key component of its colonial strategy.

REFERENCES

1. *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World; in Which the Coast of North-West America Has Been Carefully Examined and Accurately Surveyed. Undertaken by His Majesty's Command, Principally with a View to Ascertain the Existence of Any Navigable Communication Between the North Pacific and North Atlantic Oceans; and Performed in the Years 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, and 1795, in the DISCOVERY Sloop of War, and Armed Tender CHATHAM, Under the Command of Captain George Vancouver. In Three Volumes. Vol. 3*. London, Printed for G.G. and J. Robinson, Paternoster-Row; and J. Edwards, Pall-Mall, 1798. 505 p.

2. Akimov Iu.G. Ocherki rannei istorii Kanady [Essays on the Early History of Canada]. *Trudy kafedry severoamerikanskikh issledovanii. Vypusk 2* [Proceedings of the Department of North American Studies. Issue 2]. Saint Petersburg, VIRD, Publ., 1999. 336 p.

3. Akrigg G.P.V., Akrigg H. *British Columbia Chronicle, 1778–1846. Adventures by Sea and Land.* Vancouver (BC), Discovery Press, 1975. 429 p.

4. Barreiro-Meiro R. El primer encuentro entre españoles y rusos en America. *Revista General de Marina*, vol. CLXII. Madrid, 1962, pp. 229-234.

5. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London, Routledge, 1994. 440 p.

6. Baker J. *Istoriya geograficheskikh otkrytiy i issledovaniy* [History of Geographical Discoveries and Explorations]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1950. 648 p.

7. Bolkhovitinov N.N., ed. *Istoriya Russkoy Ameriki, 1732–1867. V 3 t. T. 1. Osnovanie Russkoy Ameriki (1732–1799)* [History of Russian America, 1732–1867. In 3 Vols. Vol. 1. Foundation of Russian America (1732–1799)]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1997. 480 p.

8. Brodel F. *Grammatika tsivilizatsiy* [Civilisations' Grammar]. Moscow,Ves Mir Publ., 2014. 560 p.

9. Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th – 18th Centuries: In 3 Vols. Vol. 1. Structures of Everyday Life: Possible and Impossible]. Moscow, Ves Mir Publ., 2011. 592 p.

10. Brown C., ed. *The Illustrated History of Canada*. Montreal; Kingston; London; Ithaca, McGill-Queen's University Press, 2012. 632 p.

11. Carlos A.M., Lewis F.D. *Commerce by a Frozen Sea: Native Americans and the European Fur Trade*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2010. 264 p.

12. Chubarian A.O., Vedyushkin V.A., Yusim M.A., eds. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya* [World History. In 6 Vols. Vol. 3. The Early Modern World]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 884 p.

13. Cohen M.G. *Malvinskie/Folklendskie ostrova: mezhdu istoriey i pravom* [The Malvinas Falkland Islands: Between History and Law]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2012. 324 p.

14. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow, Nov. lit. obozrenie Publ., 2013. 448 p.

15. Fernandes-Armesto F. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2009. 768 p.

16. Firstbrook P. *The Voyage of the Matthew: John Cabot and the Discovery of North America*. Toronto, McClelland & Steward Inc., 1997. 192 p.

17. Foster U.Z. *Otkrytie Tikhogo okeana* [The Discovery of the Pacific Ocean]. Moscow, Geografgiz Publ., 1961. 200 p.

18. Gibson J.R. *Otter Skins, Boston Ships, and China Goods; The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 1992. 422 p.

19. Goldstoun Dzh. *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoy istorii, 1500–1850* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara, 2014. 224 p.

20. González Ochoa J.M. *Quién es quién en la América del Descubrimiento*. Madrid, Editorial Acento, 2003. URL: https://dbe.rah.es/biografias/95336/alonso-martin

21. Grigorieva E.E., Demchuk A.L. Britanskaya Kolumbiya [British Columbia]. *SShA & Kanada: ekonomika – politika – kultura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture], 2017, no. 6, pp. 116-126.

22. Hull A.H. *The Nootka Sound Controversy: An Episode in British-Spanish Relations, 1789–1795*. Tuscaloosa , University of Alabama Press, 1976. 358 p.

23. Khennig R. *Nevedomye zemli: v 4 t. T. 4* [Unknown Lands: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1963. 479 p.

24. Kiselev A.A. Moskovskaya kompaniya i angliyskie ekspeditsii v Severnuyu Ameriku v posledney chetverti XVI veka [The Muscovy Company and English Expeditions to North America in the Last Quarter of the 16th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 102-112. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9

25. Laut A.C. *Pioneers of the Pacific Coast: A Chronicle of the Sea Rovers, and Fur Hunters*. Toronto, Glasgow, Book & Company, 1915. 139 p.

26. Lyubavskiy K.L. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonization]. Saint Petersburg, Lan Publ., 2000. 304 p.

27. Magidovich I.P. *Istoriya otkrytiya i issledovaniya Severnoy Ameriki* [History of Discovery and Survey of North America]. Moscow, Gos. izd-vo geograficheskk. lit., 1962. 467 p.

28. Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy: v 5 t. T. 2. Velikie geograficheskie otkrytiya (konets XV – seredina XVII v.)* [Essays on the History of Geographical Discoveries: In 5 vol. Vol. 2. Great Geographical Discoveries, 15th – Middle 17th Centuries]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 399 p.

29. Markov S.N. *Letopis Alyaski* [The Chronicle of Alaska]. Moscow, Rus. centr «Peresvet», 1991. 188 p.

30. Mazin O. *Ispanskaya Amerika XVI–XVIII vekov* [Spanish America in the 16th – 18th Centuries]. Moscow, Veche Publ., 2015. 334 p.

31. McGhee R. *Arctic Voyages of Martin Frobisher: An Elizabethan Adventure*. Montreal, Canadian Museum of Civilization McGill-Queen's, 2001. 210 p.

32. Oliver J. *Landscape and Transformations on the Northwest Coast: Colonial Encounters in the Fraser River*. Tucson, The University of Arizona Press, 2010. DOI: 10.2458/azu_uapress_97080816548934

33. Pimenova L.A. *Istoriya otkrytiya i issledovaniya Severnoy Ameriki* [History of the Discovery and Exploration of North America]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 176 p.

34. Pratt M.L. *Imperial Eyes Travel Writing and Transculturation*. London; New York, Routledge, 1995. 257 p.

35. Said E. *Kultura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2024. 736 p.

36. Subbotin V.A. *Papstvo i kolonizatsiya v XV–XVI vekakh* [The Papacy and Colonization in the 15th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 448 p.

37. Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. Tsifrovaya diplomatiya SShA v zerkale bolshikh dannykh: uroki venesuelskogo krizisa 2018–2019 godov [U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 192-203. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16

38. *The Works of Hubert Howe Bancroft, vol. XXVII. History of the North West Coast, 1543–1800*. San Francisco, The History Company Publ., 1886. 735 p.

39. *The Works of Hubert Howe Bancroft, vol. XXVIII. History of the North West Coast, 1800–1846*. San Francisco, The History Company Publ., 1886. 735 p.

40. *The Works of Hubert Howe Bancroft, vol. XXXII. History of British Columbia, 1792–1887*. San Francisco, The History Company Publ., 1887. 792 p.

41. Tovell F.M. *At the Far Reaches of Empire: The Life of Juan Francisco De La Bodega Y Quadra*. Vancouver, BC, University of British Columbia Press, 2008. 453 p.

42. Mancall P.C., ed. *Travel Narratives from the Age of Discovery: An Anthology*. Oxford, New York, etc., Oxford University Press, 2006. 413 p.

43. Turner F.J. *The Frontier in American History*. New York, Henry Holt and Company, 1920. 375 p.

44. *UBC Library Open Collections*. URL: https://search.library.ubc.ca/#digital

45. Wrench J.E. *Transatlatic London, Three Centuries of Assoccion Between England and America*. London, New York, etc., Hutchinson & Co. (Publishers) LTD. 262 p.

46. Zubkov K.I. Zagadochny proliv Anian: sudba odnoy geograficheskoy idei [Mysterious Strait of Anian: The Fate of a One Geographical Idea]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, iss. 2 (47), pp. 83-90. URL: http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_2(47)_2015_Zubkov.pdf

Information About the Authors

Alexander Yu. Petrov, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation; Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, alaska13@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1688-4096

Larisa M. Troitskaia, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, amercenter@mail.ru, larisa_troitskaia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2775-9629

Информация об авторах

Александр Юрьевич Петров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация; профессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, alaska13@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1688-4096

Лариса Михайловна Троицкая, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, amercenter@mail.ru, larisa_troitskaia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2775-9629

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.12

UDC 94(73)
LBC 63.3(7)

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 07.09.2024

FBI AND MCCARTHYISM: RELATION OF THE INTELLIGENCE AGENCY WITH RISE AND FALL OF THE RADICAL POLITICAL MOVEMENT

Yaroslav A. Levin

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the late 1940s – early 1950s in the United States, such a radically conservative informal policy as "McCarthyism" emerged (named after the leader – Senator Joseph McCarthy). The beginning of the global confrontation between America and the Soviet Union, as well as the actions of the new administration, led to the fact that this group of legislators not only began to quickly gain political weight but also for some time claimed a decisive role in many issues of American politics. A large role in both the "rise" and "fall" of J. McCarthy and his allies was played by the Federal Bureau of Investigation (FBI) and its influential director John Edgar Hoover. *Methods and materials.* The study uses the large material of the FBI archive, the Congress, the library of President D. Eisenhower, and the document's collection of American universities. This material creates a better look at how the FBI built relations with the "McCarthyists" and how it contributed to the cutting of their activities. The article is based on the principles of historicism and systematics, as well as methods of historical comparative studies. *Analysis.* The study analyzes how the FBI used the informal movement among lawmakers to accomplish their own purposes, such as removing existing restrictions in counterintelligence activity and political investigation. However, the FBI and the director stopped supporting radical conservatives in Congress as soon as the more loyal to the needs of the Bureau of Presidential Administration of Dwight Eisenhower came to authority. *Results.* The connection and influence of the FBI on the "rise" of McCarthyism was established and considered with concrete examples, and also traced as with a change in political conjuncture during the D. Eisenhower administration, the same department played a significant role in the rapid collapse of the movement. It has been proven that in many respects the departure of the Bureau's leadership from supporting the McCarthyists was associated with new counterintelligence programs, the creation of which was approved by the president. *Funding.* The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00355, https://rscf.ru/project/23-28-00355/. The Historical Experience of Countering Extremism in the 20th and Early 21st Centuries. The FBI Against Radicals.

Key words: Cold War, McCarthyism, Joseph McCarthy, FBI, J. Edgar Hoover, Dwight Eisenhower, political radicalism.

Citation. Levin Ya.A. FBI and McCarthyism: Relation of the Intelligence Agency with Rise and Fall of the Radical Political Movement. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 145-154. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.12

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 01.06.2024
Дата принятия статьи: 07.09.2024

ФБР И МАККАРТИЗМ: СВЯЗЬ СПЕЦСЛУЖБЫ С РАЗВИТИЕМ И УГАСАНИЕМ РАДИКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Ярослав Александрович Левин

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

© Левин Я.А., 2026

Аннотация. *Введение.* В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Соединенных Штатах начинает развиваться такое радикально-консервативное неформальное политическое движение, как маккартизм (по имени лидера –

сенатора Джозефа Маккарти). Глобальное противостояние Америки и Советского Союза наряду с действиями новой администрации привело к тому, что эта группа законодателей не просто начала быстро набирать политический вес, но на какое-то время претендовала на определяющую роль во многих вопросах американской политики. Большую роль как в «возвышении», так и «падении» Дж. Маккарти и его союзников сыграло Федеральное бюро расследований (ФБР) и его влиятельный директор Джон Эдгар Гувер. *Методы и материалы.* Богатый материал архива ФБР, конгресса, библиотеки президента Дуайта Дэвида Эйзенхауэра, а также коллекции документов ряда американских университетов позволяет лучше взглянуть на то, как ФБР выстраивало отношения с маккартистами и как поспособствовало сворачиванию их деятельности. Статья базируется на принципах историзма и системности, а также методах исторической компаративистики. *Анализ.* Используя неформальное движение в среде законодателей, ФБР стремилось добиться своих целей, прежде всего снятия существующих ограничений в контрразведывательной деятельности и политическом сыске, однако приход к власти более лояльной к потребностям Бюро администрации президента Д. Эйзенхауэра способствовал достаточно быстрому отходу ФБР и его директора от поддержки радикал-консерваторов в конгрессе. *Результаты.* Установлена и рассмотрена на конкретных примерах связь и влияние ФБР на развитие маккартизма, а также прослежено, как с изменением политической конъюнктуры во времена администрации Д. Эйзенхауэра это же ведомство сыграло значительную роль в быстром распаде движения. Доказано, что во многом отход руководства Бюро от поддержки маккартистов был связан с новыми контрразведывательными программами, создание которых одобрил президент. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00355, https://rscf.ru/project/23-28-00355/. Исторический опыт противодействия экстремизму в XX – начале XXI вв. ФБР против радикалов.

Ключевые слова: холодная война, маккартизм, Джозеф Маккарти, ФБР, Дж. Эдгар Гувер, Дуайт Эйзенхауэр, политический радикализм.

Цитирование. Левин Я. А. ФБР и маккартизм: связь спецслужбы с развитием и угасанием радикального политического движения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 145–154. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.12

Введение. Окончание Второй мировой войны и переход к новому противостоянию – холодной войне стали периодом глобальных перемен во многих структурах США. Потребность в усилении внутренней безопасности диктовала необходимость усиления органов контрразведки, главным из которых было ФБР, однако администрация нового президента Гарри С. Трумэна опасалась чрезмерного усиления этой службы, а потому требовала от нее строгого и буквального следования законодательству, что, с учетом новых потребностей и сложившегося в этой службе в эпоху Ф.Д. Рузвельта стиля работы, было практически невозможно [23, p. iii–xxiv].

Методы и материалы. Тема маккартизма, развития и упадка этого движения, его влияния на политику в США и связей его сторонников с различными группами влияния и службами отразилась в достаточно обширном круге источников по данной теме. Прежде всего, здесь можно выделить досье ФБР на сенатора Джозефа Маккарти, находящееся в цифровой коллекции Национального архива США. Досье содержит как обширную переписку Маккарти с руководством этой спецслужбы, так и результаты наблюдения и сбора информации федеральными агентами о самом сенаторе, его моральном облике, связях, финансовых операциях и махинациях и т. д. Также использовалось досье этой службы на журналиста и телеведущего Эдварда Мэрроу, сыгравшего значимую роль в разгроме медийного имиджа одиозного законодателя и его движения. В корпус источников входит и доступная для исследователей коллекция документов Совета национальной безопасности (далее – СНБ) и Министерства юстиции США, которые позволяют понять, как действовало ФБР в условиях администрации Д. Эйзенхауэра, как поступательно выстраивало для себя выгодную позицию для будущего отказа от сотрудничества с Д. Маккарти, а также как в условиях нарастающего скандала действовал генеральный прокурор. Кроме того, различные юридические источники показывают усиление влияния ФБР в контексте холодной войны, а также значимость маккартистского движения. Большое значение для нашего исследования имели документы президентской библиотеки Д. Эйзенхауэра, хорошо иллюстрирующие отношение Главы государства к Маккарти и его сторон-

никам и показывающие, как Белый дом в это время выстраивал отношения с ФБР. Наконец, в источниковую базу входит коллекция документов Бюро, размещенная в университете Маркетт (шт. Иллинойс), одном из центров изучения истории Федерального бюро расследований. В частности, нами использовалась часть досье на Ричарда Милхауза Никсона, показывающая, как будущий вице-президент и президент выстраивал свою карьеру в тесной связи с директором ФБР и маккартистами. Этот сюжет дополняется схожим материалом из личного рабочего архива Дж. Эдгара Гувера в Национальном архиве и мемуарами самого Никсона. Также к источниковой базе относятся материалы прессы США.

Отечественная историография затрагивает ряд тем, полезных в контексте представленного исследования. В частности, российско-американские исследователи Г.И Чернявский и Л.Л. Дубова в своей биографии Дуайта Эйзенхауэра для серии «Жизнь замечательных людей» обращают внимание на сложные отношения президента с маккартистами, вынужденность демонстрации поддержки этому радикально-консервативному движению в начале предвыборной кампании и президентского срока и поиск путей ослабления и устранения из политики сенатора и его союзников [7].

Зарубежная историография более детальна и внимательна к данным вопросам. В частности, работы таких историков, как Этан Теохарис, Кеннет О'Рейли, Харви Клэр и Рональд Рэдош и др., напрямую посвящены истории ФБР и уделяют значительное внимание связи этого ведомства с развитием и упадком маккартистов, демонстрируют, какие цели преследовал Эдгар Гувер, всячески содействуя развитию в стране массовой антикоммунистической истерии и формированию на ее основе целого общественно-государственного движения, рассматривают контрразведывательную ситуацию в Соединенных Штатах и показывают, по каким причинам Бюро также быстро отошло от поддержки маккартистов, а также сыграло в итоге немалую роль в распаде этого движения, преследуя исключительно свои корпоративные интересы [23; 30; 37; 38]. Данный сюжет дополняют работы по истории самого маккартизма как явления. Прежде всего здесь использовались книги историка Эллен Шрекер, главного специалиста по этой теме [33; 34]. В своих исследованиях она также уделяет большое внимание связи Джозефа Маккарти с Эдгаром Гувером и даже выдвигает тезис о том, что «маккартизм» логичнее было бы называть «гуверизмом» в силу огромного влияния директора ФБР на формирование и идеологию движения. Наконец, работы таких историков, как Дэвид Николс, Джон Грин, Гэри Дональдсон, Крэйг Аллен и др., о противостоянии Дуайта Эйзенхауэра маккартистам существенно дополняют наше исследование, позволяя проследить, как при стойкой неприязни к маккартистам Эйзенхауэр был вынужден выстраивать свою предвыборную кампанию с опорой на них и как после победы начал работать против этого радикального движения [1; 10; 16; 28].

Анализ. Уже в начале 1946 г. Бюро начало кампанию по ознакомлению населения с «ужасами коммунизма». У этой кампании было два направления: явное и скрытое. Явным было финансирование ФБР разнообразной продукции, раздувшей «красную угрозу», а также выступления самого Дж. Эдгара Гувера перед патриотическими организациями и консерваторами среди профильных комитетов конгресса [30, p. 138; 37, p. 240].

Скрытым от публики было установление особых отношений с рядом лояльных ФБР народных избранников. Бюро снабжало их информацией о коммунистической угрозе внутри страны, о проникновении коммунистов во все госслужбы и общественные организации. Конгрессмены же, создавшие с помощью этих сведений атмосферу шпиономании, получали немалый политический капитал. Помимо такого частного сотрудничества, ФБР оказывало подобную помощь и на уровне некоторых ведомств, в частности, снабжало данными Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, а позднее Комитет по расследованиям [23, p. 22].

Начав кампанию по формированию в стране атмосферы подозрительности, Гувер преследовал несколько целей. Во-первых, он надеялся заручиться поддержкой общественности и конгресса, чтобы нивелировать или вовсе снять те процессуальные запреты, которые мешали его ведомству вести бесконтрольную слежку за всеми, кого ФБР считало опас-

ным. Во-вторых, директор во многом небезосновательно считал, что администрация Трумэна проявляет «преступную беспечность» в отношении угрозы шпионажа и коммунизма в стране. С того момента, как президент отверг план Эдгара Гувера по организации работы разведки и контрразведки в стране, отношения между Федеральным бюро расследований и Белым домом становились все напряженнее. Неготовые дать агентам полный простор для действий, Трумэн и его либеральная администрация, в большинстве своем состоявшая из наследников «Нового курса», были неудобны шефу ФБР, поэтому наряду с пропагандой коммунистической опасности Бюро, по сути, способствовало подрыву авторитета президента и его администрации [38, p. 312].

В рамках развернутой ФБР кампании наиболее успешным оказалось сотрудничество этой службы с сенатором Джозефом Маккарти, который усиленно пропагандировал среди американцев идеи о засилии коммунистов-шпионов и бессилии администрации Трумэна. Восхождение Маккарти началось 9 февраля 1950 г. с речи в г. Уилинге (шт. Западная Вирджиния), в которой он утверждал, что в Госдепартаменте находились коммунисты и с ними даже не пытаются по-настоящему бороться, что администрация Трумэна слаба и сама переполнена кадрами, сочувствовавшими коммунизму, из числа сторонников Франклина Рузвельта. Столь громкие обвинения и резкая критика президента очень быстро приковали к Маккарти внимание СМИ и американского общества, довольно тяжело пережившего начало холодной войны и потому очень уязвимого к подобным идеям. ФБР тоже быстро заинтересовалось эпатажным сенатором [24]. Достаточно быстро Маккарти заручился поддержкой Бюро и приобрел контакты с ФБР и его влиятельным руководителем. Хотя на публике директор и сенатор выглядели верными соратниками и даже друзьями, их отношения были намного сложнее. Эдгар Гувер достаточно быстро заметил недостатки Джозефа Маккарти, которые и предопределили дальнейшее развитие отношений ФБР и движения сторонников сенатора. Лучше всего о противоречиях двух главных антикоммунистов Америки выразился один из помощников Эдгара Гувера Карса ДеЛоуч в своей книге воспоминаний: «Гувер недолюбливал Маккарти. Он не хотел терять свой ореол “Врага коммунистов № 1”, но, что важнее, он был недоволен неспособностью сенатора авторитетно говорить о проблемах внутренней безопасности и работать с теми сведениями, которые давало ему Бюро» [8, p. 260]. Отсутствие у новоявленного лидера антикоммунистического движения понимания проблем такой тонкой сферы, как разведка и контрразведка, а также его грубый и фанатичный взгляд на проблему коммунизма в США вместе с активным взаимодействием со СМИ привели к тому, что уже с 1950 г. ФБР сотрудничало с сенатской группой Джозефа Маккарти, параллельно собирало информацию о нем самом, выискивая любые сведения компрометирующего характера, хотя в полноценное дело эти сведения были суммированы позднее, уже в 1954 г. [39].

Некоторое понимание того, почему маккартисты так быстро разочаровали Федеральное бюро расследований, дает интервью Э. Гувера для журнала Newsweek от 9 июня 1947 года. В этой статье, обращенной как к простым американцам, так и ко всем политическим силам страны, директор ФБР высказывает следующие идеи: «Не клеймите кого бы то ни было коммунистом, не имея фактов. Не путайте либералов или прогрессистов с коммунистами. Не становитесь участниками нарушений гражданских прав и закона по отношению к кому-либо. Поступая опрометчиво, вы играете на руку коммунистам и дискредитируете Америку и ее ценности» [27, p. 5–20]. Исходя из подобных воззрений, неудивительно, что маккартисты, в процессе усиления своей популярности и влияния все более неразборчивые в обвинениях, быстро стали нежеланными союзниками для ФБР.

Наибольшего успеха влияние этого необычного альянса достигло во время избирательной кампании 1952 г., когда их поддержка предвыборному штабу Дуайта Эйзенхауэра – кандидата, а впоследствии и президента от Республиканской партии стала фактически определяющей, также им удалось ввести в его команду своего доверенного человека. Таким «наиболее важным и доверенным лицом» ФБР считало кандидата в вице-президенты в команде Д. Эйзенхауэра Ричарда Никсона.

Политический взлет Никсона был прямо связан с тесными контактами с маккартистами и ФБР. Республиканский сенатор от Калифорнии, занимавший антикоммунистические позиции, достаточно быстро оказался в сформированной группе законодателей со схожими взглядами. Именно он «подловил» сотрудника Госдепартамента Элджера Хисса, обвиняемого в шпионаже, во время очной ставки с журналистом и членом Коммунистической партии США Уиттакером Чемберсом на противоречиях в показаниях, указывавших на ложь [5; 29, p. 37–60, 113–136]. Этот «звездный час» принес молодому и энергичному сенатору расположение самого Маккарти.

После положительной рекомендации последнего Никсона представили сначала помощнику директора, руководителю «отдела регистрации преступлений» (фактически пресс-службы) Луису Николсу, ответственному в том числе за контакты Бюро с конгрессом, а позже и самому Дж.Э. Гуверу [2; 3]. Директор высоко оценил молодого и амбициозного сенатора, впоследствии не без ехидства называя его «единственным из людей Маккарти, у кого были мозги» [36, p. 216]. К моменту, когда Эйзенхауэр вплотную подошел к праймериз Республиканской партии, он все еще не определился с кандидатурой вице-президента, отдав выбор «номера 2» полностью на откуп своему предвыборному штабу. В то же время, реально осознавая расстановку сил, Эйзенхауэр предполагал, что без поддержки консервативного большинства партии и особенно набравших вес сторонников Джозефа Маккарти, которые на протяжении всей предвыборной кампании высказывали предпочтения в его пользу, выборы выиграть невозможно. Однако сам будущий президент изначально высказывался о маккартистах крайне отрицательно и, хотя на публике и в своей риторике выражал им благодарность, а также аккуратно высказывался с поддержкой их идей, тем не менее не желал видеть в своем штабе и возможной будущей администрации кого-то из наиболее заметных представителей сенатской группы. Все эти представления были донесены до предвыборного штаба [11; 17; 21], который после ряда консультаций с наиболее видными республиканцами остановил свой выбор на Никсоне: тот, с одной стороны, был «плоть от плоти» маккартист высокого ранга, а с другой – не успел отличиться такими резкими высказываниями и действиями, как остальные его соратники [4, p. 280–286; 7, p. 235].

Предпочтения Дуайта Эйзенхауэра нашли полное отражение в его предвыборной кампании. Основная масса выступлений будущего президента касалась внутренней политики, экономики и социальных вопросов, где он позволял себе осторожно критиковать решения Трумэна и даже Рузвельта. Речей на внешнеполитическую тематику было мало, в них он очень осторожно критиковал предыдущие администрации, лишь изредка изящно «кивая» маккартистам. Так, например, знаменитый тезис-лозунг про «двадцать лет предательства», вокруг которого крутилась почти вся риторика Джозефа Маккарти и его сторонников, ни разу не прозвучал в речах Эйзенхауэра, лишь один раз он сделал аккуратную отсылку к этой фразе, упомянув про «двадцать лет ошибок» [7, p. 231–232; 10, p. 117, 120; 16, p. 153]. Вся «негативная» агитация досталась Ричарду Никсону, который, наоборот, постоянно повторял маккартистские нарративы и клеймил кандидата от Демократической партии Эдлая Стивенсона коммунистом, союзником «предателя» Элджера Хисса, намекал на его финансовые связи с «рассадниками коммунизма» в стране и т. д. [6, p. 72–73; 31, p. 55]. Даже поверхностное исследование стратегии предвыборных выступлений Никсона дает понять, что он полностью следовал за тем «неофициальным меморандумом», который ранее подготовило для команды Эйзенхауэра ФБР. Маккартисты также активно подключились к агитации за генерала, сам их лидер Дж. Маккарти не отставал в «клеймлении» Стивенсона предателем, а во время одной из своих речей и вовсе с издевкой «оговорился»: «Элджер… то есть Эдлай» [6, p. 72–73; 31, p. 55].

Стоит заметить, что такой подход Эйзенхауэра к стратегии своих выступлений продиктован далеко не только его личными политическими пристрастиями. Прежде всего, вся его карьера была прямо связана с администрациями Рузвельта и Трумэна, ему неоднократно приходилось выступать проводником и публичным защитником их решений, поэтому он вполне логично решил, что жестокие нападки на предыдущие администрации скорее скомпрометируют его самого, дав противникам лишний аргумент в дебатах и предвыборных выступлениях [7, p. 232].

Громкие контрразведывательные дела 1950–1960-х гг. серьезно повлияли и на политический сыск в Бюро. Новые открытия и формирование лучшего понимания работы, целей и методов советской разведки в Америке вместе с приходом в Белый дом администрации Д. Эйзенхауэра, намного более доброжелательной к потребностям внутренней безопасности и конкретно ФБР, сделали лишь делом времени отход Эдгара Гувера от поддержки и сотрудничества с Джозефом Маккарти и его сенатской группой [33, p. 303].

Руководство ФБР прекрасно осознавало несколько важных факторов, сделавших дальнейшую работу с маккартистами крайне нежелательной и неудобной: 1) негативное отношение лично президента и значительной части его администрации к Маккарти и его движению; 2) высокая усталость широких слоев общества от влияния маккартистов на политическую атмосферу, культуру и некоторые другие сферы в стране; 3) все возрастающая самостоятельность, неосмотрительность и агрессивность Маккарти и его союзников в методах, выборе целей, риторике и т. д.

Формальный старт «разрыву» ФБР и сенатской группы был дан после неудачных нападок последней на ЦРУ в 1953–1954-х годах. С этого времени разрозненные сведения о сенаторе собрались в единое дело, сам сбор информации заметно усилился. Поверхностного знакомства с этими документами достаточно, чтобы понять, что ведомство Гувера собрало огромный массив информации о превышении полномочий, финансовых махинациях, шантаже, подлоге и множестве иных правонарушений и преступлений со стороны сенатора и его близкого круга [33, p. 303]. Подробно был изучен и «моральный климат» в среде законодателей-активистов. Отмечалось, что сам сенатор – запойный алкоголик со склонностью к азартным играм и беспорядочным половым связям. Его окружение в целом соответствовало своему лидеру, кроме того, в среде маккартистов, в том числе и высокого уровня, встречались и гомосексуалисты *, которые использовали свое положение для домогательств, в то же время постоянно выступая в СМИ блюстителями нравственности. Наиболее одиозной из таких фигур был Рой Кон, адвокат, впоследствии государственный обвинитель на суде по «делу Розенбергов» (обвинение в шпионаже в отношении двух мелких сотрудников «Манхэттенского проекта»), помощник сенатора и руководитель юридической службы в «Постоянном сенатском подкомитете по расследованиям», который на пике своей карьеры возглавлял Дж. Маккарти. После распада маккартистского движения Кон вполне успешно продолжил карьеру в частном секторе, в числе его постоянных клиентов были Фред и Дональд Трампы, бейсбольная команда New York Yankees, миллиардер Аристотель Онассис и многие другие. В строительной и инвестиционной кампании Трампа-старшего долгие годы по совместительству руководил юридическим отделом, был семейным адвокатом Фреда Трампа и, судя по ряду источников, наставником Дональда Трампа в бизнесе в начале его карьеры [22, p. 33–34, 44–47, 54, 72, 111; 33, p. 303; 40].

Тем не менее ФБР практически не прибегало к использованию этих компрометирующих фактов, чтобы как-то одернуть своих союзников. На наш взгляд, такое равнодушие связано с тем, что руководство Бюро и Гувер прекрасно понимали новые условия и «невыгодность» сотрудничества с Маккарти, в таких рамках агенты сосредоточились на подготовке «разрыва» с одиозным сенатором и его движением. Пристрастность и явная ангажированность расследования в отношении Джозефа Маккарти показывают нам, что ФБР всеми силами стремилось накопить массив негатива о нем, чтобы представить его вышестоящему руководству в любой подходящий момент. Похожей точки зрения придерживается и крупнейший исследователь связей «маккартизма» с ФБР Эллен Шрекер [33, p. 480; 34, p. 45, 300]. Одновременно с этим ведомство Гувера ищет альтернативу текущей ситуации. Уже на рубеже 1953–1954 гг. директор этой организации активно говорил о «новых принципах контрразведывательной работы»;

* Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения включены в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данных организаций запрещена на территории Российской Федерации.

предложения, довольно нечеткие на тот момент, озвучивались на заседаниях СНБ [26], а также (как нам кажется, куда четче) формулировались на личных встречах Эдгара Гувера с президентом Эйзенхауэром [25]. В итоге в 1955 г. началась разработка комплекса связанных постоянных (направленных не на конкретных людей или группы, а в отношении явлений или идеологий) расследований, которые были впоследствии объединены в самую противоречивую программу ФБР – COINTELPRO (Counterintelligence Program), позволившую агентам при довольно формальном одобрении со стороны Министерства юстиции использовать практически любые методы для сбора информации по отдельным людям и организациям. Несмотря на название, COINTELPRO, запущенная в 1956 г., стала основой для политического сыска, дала право агентам устанавливать прослушивающие устройства, проникать в дома граждан, перлюстрировать почту, вводить в различные организации информаторов и провокаторов [35, p. 3–12].

Процессу развития этой новой программы прямо предшествовал ряд событий, окончательно похоронивших альянс ФБР и сенатской группы во главе с Джозефом Маккарти и ставших отправной точкой в целом для конца этого движения и карьеры его лидера и вдохновителя. После неудачной атаки на ЦРУ и параллельно со знаменитым «делом Розенбергов» сенатор и его аппарат продолжали планировать дальнейшие расследования в отношении этой службы, а также начали заниматься сбором информации об армии и настроениях в армейской среде. ЦРУ смогло временно обезопасить себя, создав достаточно качественную дезинформацию о «заговоре коммунистов в армии и флоте».

Уловка американских разведчиков сработала: фокус внимания маккартистов сместился на армию и флот, они с удвоенным упорством начали готовить процесс против этих структур. В октябре 1953 г. стартовала разработка обвинений в отношении персонала военной базы Форт Монмут (шт. Нью-Джерси). Выбор опять же определила информация, поставленная маккартистам ФБР, поскольку Форт Монмут был последним официальным местом работы Юлиуса Розенберга. В рамках организации обвинения в отношении последнего и его супруги агенты передали выдержку из одного из рапортов, согласно которой несколько инженеров из числа военного персонала базы были в приятельских отношениях с обвиняемым [9]. Уже на завершающих этапах процесса против супругов маккартисты начали в привычной им «иезуитской» манере сбор доказательств и свидетельских показаний, и 4 мая 1954 г. состоялся первый процесс сенатского «Постоянного подкомитета по расследованиям».

В целом этот процесс проходил в обычном режиме, пока, однако, защита армии и министр обороны Чарльз Уилсон не «перешли в атаку» и не начали требовать у Маккарти показать источники его подозрений в адрес служащих базы. Стоит отметить, что это требование было крайне настойчивым и постоянным в ходе процесса, из-за чего сенатор в конце концов предъявил в прямом эфире копию письма Эдгара Гувера генералу Александру Боллингу, на тот момент директору Управления военной разведки (УВР) армии США [9]. В ответ на это действие генеральный прокурор Герберт Браунелл-младший заявил, что использование письма директора ФБР сенатором Маккарти – несанкционированное, а значит, является нарушением режима секретности и федеральным преступлением [15]. В привычной для себя манере сенатор попытался перевести дискуссию в конспирологическое русло, заявив в нескольких изданиях и на ТВ, что «коммунисты используют министерство юстиции в своих целях, чтобы не допустить раскрытие их заговора», а также призвал «всех патриотически настроенных граждан сплотиться в борьбе с коммунистическим влиянием внутри страны» и «выслать ему любые документы органов власти любого уровня, которые могли бы помочь в его расследовании». Эта полемика вышла даже за пределы центральной печати и была отражена в местных газетах [19, p. 5]. В ответ уже президент издал Исполнительный указ № 10531 от 28 мая 1954 г., одно из положений которого предписывало, что «представители исполнительной власти не должны отвечать на призывы давать показания Конгрессу о чем-либо, в какое бы то ни было время без санкции своего руководства, президента и самого Конгресса», и выступил с критикой Маккарти в прессе [13]. Также президент и генеральный прокурор ссылались на более ранний

Исполнительный указ № 10457 «Назначение Министерства юстиции в качестве оборонного агентства для определенных целей» от 29 мая 1953 г., согласно одному из положений которого режим секретности в ряде ведомств Министерства (в первую очередь ФБР) приравнивался к военной тайне [1, p. 78–82; 12]. Дж. Эдгар Гувер сразу же после раскрытия сенатором его тесной связи с Бюро повелел полностью прекратить любое сотрудничество и контакты с самим Д. Маккарти, любыми сотрудниками его аппарата, а также всеми сенаторами, участвовавшими в движении [20].

Произошедшие события словно стали сигналом для всех ветвей власти о необходимости скорейшего разрыва с маккартистами. В прошлом лояльные сенатору и его идеям члены Верховного суда, сотрудники администрации президента, министерств и различных ведомств начали уходить от встреч и сотрудничества с Маккарти и его комитетом. Быстро поредело и само движение маккартистов: в 1954–1955 г. от 50 до 68 % законодателей обеих палат, до этого входивших в неформальное движение, заявили об отсутствии связей с Джозефом Маккарти, выступили с порицанием самого сенатора и его методов. Без авторитета и информационной поддержки ФБР слушания в отношении армии оказались безрезультатны, «Комитет по расследованиям» не смог прийти к консенсусу и вынести какое-то обоснованное решение, поддержанное всеми. Параллельно с потерями политических позиций Маккарти и его движение оказались под огнем критики со стороны СМИ, апогеем которой стало несколько довольно жестких сюжетов и интервью в популярной аналитической программе «Смотрите сейчас» (англ. See It Now) на канале NBC. Стоит заметить, что, хотя распад движения маккартистов и был довольно скоротечным, это все же не произошло в один момент и они даже успели провести через конгресс «Закон о контроле за коммунизмом», формально не нарушавший решение Верховного суда, по которому Коммунистическая партия США продолжала легально работать и существовать, но при этом создавал целый ряд ограничений и препятствий для ее политической деятельности [32].

Что интересно, ФБР пристально следило за ведущим и главным редактором программы «Смотрите сейчас» Эдвардом Мэрроу и другими журналистами из его команды, имело достаточно полную информацию о том, что именно собирается говорить Мэрроу в своей передаче, однако никаких документов, указывающих на сотрудничество с редакцией «Смотрите сейчас» или, наоборот, препятствие ее работе, в деле не содержится [14]. 2 декабря 1954 г. Сенат вынес порицание Джозефу Маккарти в связи с превышением полномочий и многочисленными нарушениями этики. После этого бывший лидер антикоммунистического движения оказался на положении изгоя и был фактически в изоляции на весь оставшийся срок своих полномочий, хотя движение еще продолжало какое-то время существовать в лице небольшого количества наиболее преданных идее «коммунистического заговора» законодателей. Стресс, порожденный этими и более ранними событиями, вместе с обострившимся алкоголизмом привел к смерти Джозефа Маккарти 2 мая 1957 г. от цирроза печени. Его биографы и исследователи «маккартизма» довольно образно описывают последний период пребывания этого крайне противоречивого деятеля в конгрессе: он был подвергнут тотальному остракизму, практически все законодатели независимо от партийной принадлежности предпочитали делать вид, что Маккарти просто не существует [18, p. 357; 28, p. 370].

Результаты. Начало холодной войны стало временем уязвимости общества Америки для различных радикальных идей, что вместе с набором противоречий между администрацией Гарри Трумэна и ФБР дало почву для будущего маккартистского движения. Директор Гувер сыграл очень значимую роль в возвышении Джозефа Маккарти и его союзников. Однако смена политической коньюнктуры, усталость общества от состояния постоянной тревоги и подозрительности, активно подогреваемой маккартистами, некомпетентность, грубость и возросшие амбиции самого Маккарти, а главное – более лояльная нуждам ФБР администрация президента Дуайта Эйзенхауэра предопределили скоротечный распад маккартизма. Вместе с тем это не отменяет того факта, что президент Эйзенхауэр избрался в том числе и благодаря поддержке Маккарти и его сторонников и на первых порах был вынужден идти им навстречу в вопросах выстраивания внутренней по-

литики, но за счет сложной цепи интриг и уступок ФБР Белому дому удалось постепенно преодолеть сложившуюся ситуацию.

Тем не менее конец 1940-х – 1950-е гг. стали значимым испытанием для политических институтов и политической культуры США, поскольку маккартисты в тесной спайке с федеральными агентами явным образом разлагали тот очень хрупкий партийный, общественный и политический консенсус, существовавший в американском обществе, угрожали подрывом сложной системы сдержек и противовесов, на котором базируется государственный механизм в Соединенных Штатах, став инициаторами полноценных политических репрессий в послевоенной Америке. Даже после распада и предания маккартизма забвению с похожих позиций продолжали выступать многие ультраконсервативные политические движения (достаточно вспомнить Общество Джона Берча или сторонников сенатора Барри Голдуотера), однако никто из них уже не имел той высокой институциональной поддержки со стороны значимых государственных органов. Это связано в первую очередь с тем, что ФБР извлекло урок из ситуации с маккартизмом и опасалось новых больших общественных кампаний, над которыми легко могло утратить контроль.

REFERENCES

1. Allen C. *Eisenhower and the Mass Media: Peace, Prosperity, and Prime-Time TV.* Chapel Hill (NC), The University of North Carolina Press, 2000. 288 p.
2. Appreciation Letter from Richard Nixon. 24 November 1950. *National Archives and Records Administration* (hereinafter – NARA), Record Group 65, Federal Bureau of Investigation, file: 67-561 (J. Edgar Hoover Official & Confidential (O&C) Files), folder: Richard Nixon.
3. Appreciation Letter from Richard Nixon. 6 January 1950. *Marquette University. Raynor Memorial Libraries Digital Collections*, FBI records, 92 series, box 2, folder 10: Eisenhower, Dwight David, 1944, 1951–1956, 1961–1967.
4. Bain R., Parris J. *Convention Decisions and Voting Records.* Washington, Brookings Institution, 1973. 500 p.
5. Brady J. *Alger Hiss: Framed. A New Look at the Case That Made Nixon Famous.* New York, Arcade, 2017. 424 p.
6. Brown S.G. *Conscience in Politics: Adlai E. Stevenson in the 1950's.* Syracuse (NY), Literary Licensing, 2013. 344 p.
7. Chernjavskij G.I., Dubova L.L. *Eyzenkhauer* [Eisenhower]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 430 p.
8. DeLoach C. *Hoover's FBI: The Inside Story by Hoover's Trusted Lieutenant*. Washington (DC), Regnery History, 1995. 440 p.
9. Director to Gen. Bolling. 8 December 1951. *NARA*, RG 65, Federal Bureau of Investigation, file: 9-24556 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy).
10. Donaldson G.A. *When America Liked Ike: How Moderates Won the 1952 Presidential Election and Reshaped American Politics.* Lanham (MD), Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 146 p.
11. Eisenhower to Summerfield. 6 August 1952. *Dwight D. Eisenhower Library* (hereinafter – EL), pre-presidential papers, Summerfield, Arthur E. Papers, Box 12, Campaign Correspondence, 1952.
12. Executive Order 10457. Designating the Department of Justice as a Defense Agency for Certain Purposes. 29 May 1953. *NARA*, Federal Register, vol. 18, no. 104.
13. Executive Order 10531. Amendment of Executive Order No. 10450 of April 27, 1953, as Amended, Relating to Security Requirements for Government Employment. 28 May 1954. *NARA*, Federal Register, vol. 19, no. 104.
14. File: 62-86094 (Edward Murrow). *NARA*, RG 65, Federal Bureau of Investigation.
15. General Attorney Brownell Press Statement. 5 May 1954. *NARA*, RG 60, Department of Justice.
16. Greene J.R. *I Like Ike: The Presidential Election of 1952.* New York, University Press of Kansas, 2017. 224 p.
17. Hagerty to Humphreys. 7 August 1952. *EL*, pre-presidential papers, Humphreys, Robert: Papers, 1925-65, box 2, correspondence (Hagerty, Harlow, Hobby).
18. Herman A. *Joseph McCarthy: Reexamining the Life and Legacy of America's Most Hated Senator.* New York, Free Press, 2000. 416 p.
19. *Hoosick Falls Standard Press*, 1954, Sept. 9. 12 p.
20. Hoover to Nichols. 14 May 1954. *NARA*, RG 65, Federal Bureau of Investigation, file: 9-24556 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy).
21. Humphreys to Chotiner. 23 September 1952. *EL*, pre-presidential papers, Humphreys, Robert: papers, 1925-65, box 2, correspondence (Hagerty, Harlow, Hobby).
22. Johnston D.C. *The Making of Donald Trump.* New York, Melville House, 2017. 288 p.

23. Klehr H., Radosh R. *The Amerasia Spy Case: Prelude to McCarthysm.* Chapell Hill (NC), The University of North Carolina Press, 1996. 280 p.

24. Memorandum for the Director. 12 March 1950. *NARA*, RG 65, Federal Bureau of Investigation, file: 100-398328 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy).

25. Memorandum of a Conversation Between President Eisenhower and J.Edgar Hoover. 3 May 1955. *EL*, Presidential Papers, Whitman, Ann papers, 1949-90, Personal Secretary to Dwight D. Eisenhower, 1952-62, Intelligence Organization.

26. National Security Organization Project and FBI Counterintelligence Activities. 8 April 1954. *NARA*, RG. 273, National Security Council, 273.5.2 Papers prepared by NSC staff members, Hoover Papers.

27. *Newsweek*, 1947, Jun. 9. 100 p.

28. Nichols D.A. *Ike and McCarthy: Dwight Eisenhower's Secret Campaign Against Joseph McCarthy.* New York, Simon & Schuster, 2017. 400 p.

29. Nikson R.M. *Shest krizisov* [Six Crises]. Moscow, Mysl Publ., 1995. 215 p.

30. O'Reilly K. *Hoover and the Un-Americans: The FBI, HUAC, and the Red Menace.* Temple (PA), Temple University Press, 1983. 411 p.

31. Phillips G. One-Man Task Force of the G.O.P. *New York Times Magazine*, 1954, 24 Oct.

32. Public Law 637. Communist Control Act of 1954. 24 August 1954. *Congressional Records. 83rd United States Congress. 2nd Session. 6 January 1954 – 2 December 1954. Public Statute. Vol. 68*.

33. Schrecker E. *Many are the Crimes: McCarthyism in America.* Boston (MA), Little, Brown and Company, 1998. 573 p.

34. Schrecker E. *The Age of McCarthyism: a Brief History with Documents.* Boston (MA), Bedford/St. Martin's, 2002. 308 p.

35. Smist F.J., ed. *Church Committee Files. COITELPRO: Documents from the FBI's Most Notorious Program*, vol. 6, pt. 1. New York, Lulu.com, 2020. 354 p.

36. Sullivan W.C., Brown W. *The Bureau: My Thirty Years in Hoover's FBI*. New York, Ishi Press, 2011. 300 p.

37. Theoharis A.G., ed. *The FBI: A Comprehensive Reference Guide*. New York, Greenwood, 2000. 424 p.

38. Theoharis A.G., Cox J.S. *The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition.* Temple (PA), Temple University Press, 1988. 489 p.

39. Wisconsin Office to Nathan. 8 April 1952. *NARA*, RG 65, Federal Bureau of Investigation, file: 100-398328 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy).

40. Zion S., Cohn R. *The Autobiography of Roy Cohn*. Saint Martins (MO), St. Martins Press, 1988. 284 p.

Information About the Author

Yaroslav A. Levin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Molodogvardeyskaya St, 244, 443100 Samara, Russian Federation, yaroslavlevin1992@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8805-8220

Информация об авторе

Ярослав Александрович Левин, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, ул. Молодогвардейская, 244, 443100 г. Самара, Российская Федерация, yaroslavlevin1992@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8805-8220

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.13

UDC 329.8
LBC 66.69(7Coe)

Submitted: 17.08.2024
Accepted: 18.01.2025

OPERATIONALIZATION OF LOBBYING PRACTICES USING THE U.S. CONGRESS AS AN EXAMPLE

Georgiy A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Victoria V. Belova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper is aimed at operationalizing lobbying practices, i.e., moving from the level of scholar generalizations to practical actions, using the example of the U.S. Congress, a country with developed lobbying legislation. *Methods and materials*. We use the comparative legal method, time series analysis, analogy, qualitative content analysis, contextual search method, and case studies. *Analysis*. Lobbying practices can be operationalized by such criteria as the presence of a corporate stakeholder, a full-time lobbyist to work on the bill and/or an affiliated expert, the affiliated media and/or civil activists' performance, and the practice of one or more congressmen in the interests of the corporation, as soon as the dynamics of the corporation's profits. *Results.* The criteria were tested on two cases of the same time period and topic related to the interests of fuel and energy corporations but in different political conditions: the 115th Congress (2017–2018), where the Republican Party had a majority, and the 117th Congress (2021–2022) with a predominance of Democrats. We identified examples of amendments changing the bill essence and delaying its consideration (obstruction) and using expert data and attracting local activists (astroturf). Fuel and energy corporations received record profits during the Democratic administration, despite its official "green" energy policy. *Recommendations* are formulated for future studies to make wider use of economic and statistical data to solve this class of problems so that the operationalization of lobbying practices becomes an integral assessing element of the regulatory impact of legislative initiatives. *Authors' contribution.* Victoria Belova collected the data and performed the calculations, and Georgiy Borshchevskiy proposed the design of the study, interpreted the results.

Key words: lobbying, U.S. Congress, legislation, revolving doors, astroturf, obstruction, fuel and energy complex.

Citation. Borshchevskiy G.A., Belova V.V. Operationalization of Lobbying Practices Using the U.S. Congress as an Example. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 155-163. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.13

УДК 329.8
ББК 66.69(7Coe)

Дата поступления статьи: 17.08.2024
Дата принятия статьи: 18.01.2025

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИСТСКИХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ КОНГРЕССА США)

Георгий Александрович Борщевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Виктория Владимировна Белова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

© Борщевский Г.А., Белова В.В., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья направлена на операционализацию лоббистских практик, то есть переход от уровня теоретических обобщений к алгоритму практических действий, на примере деятельности Конгресса США – страны с развитым законодательством о лоббизме. *Методы и материалы.* Применяется сравнительно-правовой метод, анализ временных рядов, аналогия, качественный контент-анализ и метод контекстного поиска, анализ конкретных ситуаций (кейсов). *Анализ.* Лоббистские практики по законопроекту могут быть операционализированы такими критериями, как наличие корпоративного интересанта, штатного лоббиста для работы по законопроекту и (или) аффилированного эксперта, деятельность аффилированных СМИ и (или) гражданских активистов, деятельность одного или нескольких конгрессменов в интересах корпорации, динамика прибыли корпорации. *Результаты.* Проведена апробация указанных критериев на двух законодательных кейсах одного периода и тематики, связанных с интересами топливно-энергетических корпораций, но в различных политических условиях: 115-й Конгресс 2017–2018 гг., в котором большинство было у Республиканской партии, и 117-й Конгресс 2021–2022 гг. с преобладанием демократов. Выявлены примеры изменения поправками сути законопроектов и затягивания процедур рассмотрения (обструкция), а также использования услуг экспертов и местных активистов для продвижения или блокирования законопроекта (астротурфинг). В результате корпорации топливно-энергетического комплекса получили рекордную прибыль в период демократической администрации, несмотря на ее официальный «зеленый» курс в энергетике. Сформированы *рекомендации* шире использовать в будущих исследованиях экономико-статистические данные для решения подобного класса задач с тем, чтобы операционализация лоббистских практик стала неотъемлемым элементом оценки регулирующего воздействия любой законодательной инициативы. *Вклад авторов.* В.В. Белова собрала данные и провела необходимые расчеты. Г.А. Борщевский предложил дизайн исследования, осуществил интерпретацию результатов.

Ключевые слова: лоббизм, Конгресс США, законодательство, «вращающиеся двери», астротурфинг, обструкция, топливно-энергетический комплекс.

Цитирование. Борщевский Г. А., Белова В. В. Операционализация лоббистских практик (на примере Конгресса США) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 155–163. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.13

Введение. Лоббистские практики присутствуют во взаимодействиях бизнеса и власти всех стран, а различия состоят в уровне их институционализации. Такие практики могут быть ограничены как антикоррупционным законодательством, так и специальным законодательством о лоббизме. В последнем случае показательным примером являются США, где первый закон о регулировании лоббизма появился в 1946 году. Ныне действующий Закон об открытости лоббистской деятельности 1995 г. определяет лоббиста как лицо, нанимаемое для оказания услуг, включающих более одного лоббистского контакта, чья лоббистская деятельность превышает 20 % времени в течение шести месяцев. Лоббисты обязаны регистрироваться в особом реестре, отчитываться о своих доходах, контактах и т. д. [16].

Лоббизм как политический и экономический феномен крайне неоднозначен. Его чаще наделяют негативным содержанием при том, что публичная политика априори предполагает действия партий и кандидатов в интересах определенных общественных групп. Этим противоречием объясняется трудность научного обоснования критериев лоббизма, а доказательному анализу лоббистских практик препятствует «отсутствие систематических наблюдений» [21, p. 445]. Имеющиеся наработки представлены показателями прозрачности лоббистской среды [12], относящимися к регулированию и контролю лоббистов, политиков и чиновников.

Данная статья направлена на операционализацию лоббистских практик, то есть переход от уровня теоретических обобщений к алгоритму практических действий. Предметом исследования избрана законодательная деятельность Конгресса США – страны с развитым законодательством о лоббизме.

В своем исследовании мы исходим из следующих предпосылок (гипотез).

Во-первых, далеко не все лоббистские практики могут быть нормативно урегулированы и подлежать учету, что отмечают исследователи, и это требует выработки более чувствительного инструментария для их операционализации.

Во-вторых, акцент лоббистских усилий делается на наиболее маржинальных отраслях экономики, таких как топливно-энергетическая комплекс (далее – ТЭК). Нефтегазовый комп-

лекс США входит в пятерку отраслей с наибольшими расходами на лоббизм [13], а включение авторитетных политиков в руководящие органы корпораций ТЭК сопровождается ростом их прибыли [9]. Эти корпорации блокируют развитие природоохранного законодательства и переход к «зеленой» энергетике [10].

В-третьих, партии в Конгрессе аффилированы с определенными секторами экономики, чьи интересы лоббируют как в целом, так и на уровне отдельных конгрессменов. Корпорации ТЭК традиционно поддерживают кандидатов от Республиканской партии [9], а природоохранное лобби тяготеет к демократам [14]. В последнее время эти связи размываются [6]. Группы интересов контактируют с обеими партиями, и в случае конфликтных инициатив, готовы лоббировать как их сторонников, так и противников [20], причем стратегия лоббистских контактов зависит от реального статуса и «веса» конкретного политика [21].

С учетом изложенных предпосылок в статье предложены критерии для операционализации лоббистских практик, которые апробированы на ряде кейсов, связанных с интересам корпораций ТЭК и относящихся к 2017–2021 гг., что позволяет рассмотреть случаи республиканского (115-й Конгресс 2017–2018 гг.) и демократического большинства (117-й Конгресс 2021–2022 гг.).

Статья продолжает эмпирические исследования в сфере лоббизма, при этом предложенные критерии операционализации лоббистских практик способствует укреплению теоретико-методологической основы для подобных исследований.

Материалы и методы. В качестве источников данных используются тексты нормативных актов (законы, законопроекты, внутренние регламенты), статистика Конгресса, стенограммы слушаний, результаты голосований, экспертные доклады, корпоративная финансовая отчетность, отчеты лоббистов, публикации СМИ.

Мы применяем сравнительно-правовой метод, анализ временных рядов, аналогию, качественный контент-анализ и метод контекстного поиска, анализ конкретных ситуаций (кейсов).

В имеющихся исследованиях описаны различные действия и ситуации [6; 20; 21], которые можно использовать как критерии для операционализации лоббистских практик в законодательной власти.

Исходное условие лоббизма – наличие законодательной инициативы, затрагивающей финансовые интересы ключевых игроков определенного сектора экономики (в данном случае – ТЭК). Законопроект может быть одновременно выгодным для одного сектора и опасным для другого, что порождает встречный лоббизм. Корпорациям ТЭК оппонирует сектор, представленный организациями в сфере охраны окружающей среды и альтернативной («зеленой») энергетики.

Подтверждением лоббистской заинтересованности служит наем штатных лоббистов для работы по законопроекту, что отражается в корпоративных отчетах. Также корпорация может публично выразить позицию о законопроекте. В более сложном случае заявления делают аффилированные лица – политики и эксперты.

Основную лоббистскую деятельность ведут конгрессмены, которые могут вносить и отзывать законодательные инициативы, голосовать и воздерживаться при голосовании, организовывать слушания, выступать на них, приглашать экспертов, инициировать процедуру расследования, давать интервью, привлекать сторонников и совершать иные действия по продвижению или блокированию законопроектов. Лоббирование против законопроекта часто связано с обструкцией – затягиванием рассмотрения и внесением поправок, меняющих содержание.

Наряду с индивидуальными усилиями, эффективен лоббизм через коллективные действия, основанные на консолидированной позиции. Определяющую роль при этом играют влиятельные конгрессмены, занимающие руководящие должности в партии и профильном комитете.

В лоббистских практиках участвуют не только действующие политики, но и перешедшие на работу в корпорацию в качестве штатных лоббистов и специалистов по связям с органами власти (англ. Government Relations, GR). В свою очередь, представители корпораций избираются в Конгресс и продолжают действовать в их интересах. В обоих случаях имеет место практика «вращающихся дверей», попытки законодательно ограничить которую наталкиваются на согласованное сопротивление конгрессменов и бизнеса.

Доказательством связи с корпорацией служат финансовые перечисления конгрессмену, партии, ее структуре в Конгрессе (кокусу), конкретному эксперту или экспертному центру. Средства могут направляться в период избирательной кампании через Комитет политического действия (КПД) – особую организацию, подлежащую регистрации в избирательной комиссии и аккумулирующую средства частных лиц в поддержку кандидата (до 5 тыс. долл.) или партии (до 15 тыс. долл.). С 2010 г. супер-КПД могут привлекать неограниченные суммы от корпораций и профсоюзов на электоральные цели, но они не вправе напрямую участвовать в избирательной кампании, координируя свои действия с кандидатом или партией.

Финансирование экспертов и аналитических центров осуществляется: а) через их учреждение корпорацией и взносы в уставной капитал; б) благотворительные пожертвования; в) заказные исследования. Эксперты выступают на слушаниях по законопроекту, отстаивая точку зрения корпорации. Публикация исследований с аргументами за или против проекта, наряду с целенаправленными информационными кампаниями, являются вариантами технологии астротурфинга – формирования информационного фона вокруг инициативы, провоцирующего массовые движения: акции активистов, петиции, манифестации, бойкот и т. д.

Результатом лоббистской деятельности является принятие или отклонение законопроекта, что отражается в динамике прибыли корпорации. Финансовый эффект от крупных законодательных изменений может быть очень значительным.

Лоббистские практики по законопроекту могут быть операционализированы такими критериями, как наличие корпоративного интересанта, штатного лоббиста для работы по законопроекту и (или) аффилированного эксперта, деятельность аффилированных СМИ и (или) гражданских активистов, деятельность одного или нескольких конгрессменов в интересах корпорации, динамика прибыли корпорации. Каждый из критериев в отдельности недостаточен для доказательства лоббистских практик, но в своей совокупности они, по нашему мнению, могут дать о них обоснованное представление. Чтобы продемонстрировать универсальность критериев, рассмотрим два законодательных кейса одного периода и тематики, но в разных политических условиях – преобладание в Конгрессе демократов и республиканцев.

Анализ. В качестве первого кейса возьмем Закон от 22 декабря 2017 г. о налоговых сокращениях и рабочих местах (Tax Cuts and Jobs Act, шифр HR1) [17]. Закон, принятый в первый президентский срок Дональда Трампа, касался масштабной налоговой реформы, но, кроме того, обязывал (раздел 20001) Министерство внутренних дел открыть для нефтедобычи участок в Арктическом национальном заповеднике дикой природы (штат Аляска). Данный закон стал этапом многолетней дискуссии о возможности добычи нефти в указанном заповеднике. Начиная с 1980-х гг. по теме было внесено до 50 законопроектов.

Нефтегазовые компании являются активнейшими участниками лоббистской деятельности. Годовой объем расходов на лоббизм у них не опускался ниже 20 млрд долл. с 2008 г., а в 2024 г. достиг 24,2 млрд долларов. В первую десятку корпоративных заказчиков США входят Shevron (9,1 млн долл.), ConocoPhilips (8,4 млн долл.), Shell (7,6 млн долл.), ExxonMobil (6,8 млн долл.), Philips66 (4,6 млн долл.), BP (3,7 млн долл.). Связи нефтегазовых корпораций с Республиканской партией с годами упрочиваются. Если в 1990–1994 гг. они направили республиканцам в 1,5–1,9 раз больше средств, чем демократам, то в 1996–2010 гг. уже в 2,7–3,6 раз больше, а в 2012–2024 гг. в 3,8–7,7 раз больше [13].

Законопроект HR1, внесенный 2 ноября 2017 г. членом Палаты представителей от Техаса республиканцем Кевином Брейди (Brady), отражал приоритеты налоговой политики администрации Трампа. Никто из демократов заведомо его не поддерживал и даже среди республиканцев существовала сильная оппозиция. Так, сенатор от Аляски Лиз Меркауски (Murkowski) ранее голосовала против отмены трампистами закона Обамы о медицинском страховании. Подобных оппозиционеров нужно было убедить поддержать ключевой для президента законопроект. Сам Трамп позднее на съезде своей партии 1 февраля 2018 г. рассказал, что не думал об изменении режима использования нефтегазовых ресурсов Аляски, но его убедил это сделать друг, знакомый с отраслью [15].

29 ноября 2017 г. председатель Комитета Сената по энергетике и природным ресурсам Лиз Меркауски внесла поправки в законопроект HR1, касающиеся рассматриваемого вопроса. После этого она закономерно поддержала проект, что обеспечило необходимое большинство при итоговом голосовании 20 декабря: 51 голос «за» при 48 «против».

В дебатах представителей политических партий, состоявшихся между внесением поправки и принятием закона, прозвучали аргументы обеих сторон [3]. Одна позиция была выражена республиканцем Биллом Кассиди (Cassidy):

> Этот законопроект немного больше открывает Аляску для развития энергетики – 2000 акров. Это меньше, чем аэропорт в Фарго, Северная Дакота. Я никогда там не был, но 2000 акров – это не так уж много земли, на этих 2000 акрах под землей много нефти. Поскольку мы разрабатываем наши энергетические ресурсы… используя американские экологические стандарты, создавая американские рабочие места, мы меняем жизнь семей, таких как моя [3].

Противоположную точку зрения выразила Мария Кантвелл (Cantwell), член Комитета по энергетике от Демократической партии:

> Бурение в Арктике не имеет никакого отношения к серьезной бюджетной политике. <...> Законопроект требует, чтобы Арктический национальный заповедник управлялся как нефтяной заповедник, что является беспрецедентным. <...> Законопроект не содержит четких требований по соблюдению законов об охране окружающей среды или защите дикой природы. <...> Этот законопроект не обеспечивает энергетической безопасности [3].

Кантвелл настояла на включении в протокол текстов писем от экспертов. В частности, главный научный сотрудник Polar Bears International Стивен Амстрап (Amstrup) писал:

> Я обращаюсь сегодня, потому что обеспокоен вероятными последствиями для белых медведей Аляски, если Арктический национальный заповедник дикой природы будет открыт для разработки нефти и газа [3].

С подобными заявлениями выступили и другие экологические организации.

К обсуждению были привлечены общины коренных малочисленных народов Аляски. При этом одни (гвичинцы) выступили против бурения, так как оно помешает разведению северных оленей, а другие (инупиаки) поддержали нефтяные разработки, часть доходов от которых поступает аборигенам [1].

Для понимания контекста важно отметить, что отец Лиз Меркауски, будучи в 1995–2001 гг. председателем Комитета Сената по энергетике и природным ресурсам, безуспешно лоббировал бурение нефтяных скважин в заповеднике, а в качестве губернатора Аляски (2002–2006 гг.) заключил сделку по строительству там газопровода, получая средства от нефтегазовых и энергетических компаний (более 720 тыс. долл. в 1992–2010 гг.) [2]. Заняв место отца в Сенате, Лиз продолжала подобные усилия. Так, в 2009 г. она вносила проект о бурении нефтяных скважин в Аляскинском природном заповеднике, который не был принят, а в 2017 г. выступила с упомянутой поправкой в законопроект HR1. В 2016–2024 гг. Лиз получила от корпораций ТЭК более 4 млн долл., в том числе 216,6 тыс. долл. от компании ConocoPhilips, как через отдельных лиц, так и через КПД. Только в избирательной кампании 2016 г., предшествовавшей внесению поправки, она получила 6,1 млн долл. пожертвований, из которых 1,5 млн долл. от нефтегазовых и энергетических компаний [2].

Если для Меркауски политический и финансовый интерес был связан с разрешением добычи нефти в заповеднике, то для Марии Кантвелл интерес был в противоположном: ранее, в 2005 г., она блокировала разрешение бурения в Аляскинском заповеднике, что сделало ее популярной в природоохранном сообществе, например в Лиге избирателей-экологов (League of Conservation Voters), которая впоследствии передала ей 330 тыс. долл. [2].

Проследим судьбу этого закона. Он предусматривал проведение двух аукционов по распределению участков для нефтяных разработок в федеральном заповеднике на Аляске. На первом аукционе в 2021 г. победила региональная корпорация промышленного развития и экспорта (Alaska Industrial Development and Export Authority). Крупные корпорации ТЭК не участвовали, так как новая администрация Джо Байдена собиралась отменить закон. Действительно, заключенные соглашения вскоре были были заморожены, последовали судебные разбирательства между штатом Аляска и МВД США.

Второй запланированный аукцион не состоялся. Несмотря на это, в 2023 г. компания ConocoPhilips получила разрешение от администрации Байдена на разработку месторождений на территории Национального резерва Аляски [19]. Прибыль компании, по данным ее ежегодных отчетов, выросла с 6,3 млрд долл. в 2018 г. до 9,2 млрд долл. в 2024 г., а в 2022 и 2023 гг. превышала 10 млрд долл. [5].

Данный кейс демонстрирует пример встречного лоббизма, при котором действия сенаторов обусловлены не только их партийной принадлежностью, но и личными финансовыми интересами. Вовлечение в дискуссию экспертов и местных сообществ было проявлением астротурфинга, а технология обструкции выражалась в поправках, изменивших изначальное содержание законопроекта.

Второй кейс – это проект об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места (Infrastructure Investment and Jobs Act, шифр HR3684), внесенный 4 июня 2021 г. демократическим членом Палаты представителей от Орегона Питером де Фазио (DeFazio) и ставший законом 15 ноября того же года [18]. Проект предусматривал масштабное финансирование инфраструктуры, в том числе для борьбы с изменением климата (Раздел D): развитие зарядной инфраструктуры; снижение выбросов грузовиков; сокращение выбросов углерода; снижение транспортной загруженности; трансформация транспорта; программа «Здоровые улицы».

О вовлеченности корпораций ТЭК в обсуждение законопроекта свидетельствует, во-первых, его упоминание в отчетах ExxonMobil о лоббистской деятельности за 4-й квартал 2021 г. и за 1-й квартал 2022 г. [8]. Штатный лоббист ExxonMobil Кейт Маккой (McCoy) заявляла, что публичная поддержка корпорацией налога на выбросы является «инструментом пропаганды» и в реальности законодатели не собираются его вводить [11]. Кроме того, лоббистские расходы одной только ExxonMobil за период рассмотрения законопроекта выросли на 13,2% (до 7,7 млн долл. в квартал), хотя до этого снижались в течение 8 лет [8].

Аргументы демократов в ходе дебатов по законопроекту 30 июня 2021 г. сводились к очевидности проблемы изменения климата и необходимости сокращения выбросов углерода. Ключевые идеи выступлений представителей меньшинства (республиканцев) были следующими [4]:

> Стоимость законопроекта 547,9 млрд долл… при этом нет ясности, каким образом американцы будут вынуждены оплачивать это безответственное увеличение расходов.
>
> Демократы вновь исключили республиканцев из процесса разработки законопроекта.
>
> Законопроект радикально меняет транспортные программы, игнорируя неопределенность, вызванную пандемией COVID-19, и ее влияние на жизнь, работу и передвижение граждан.
>
> Основной недостаток законопроекта – навязывание климатических целей нового «зеленого» курса.
>
> Республиканцы предложили альтернативный законопроект… который обеспечил бы гибкость для штатов, сохранив их контроль над транспортными приоритетами.
>
> Демократы отвергли предложение республиканцев о реформе разрешительной системы, которая позволила бы ускорить реализацию инфраструктурных проектов. Это означает, что даже «зеленые» проекты будут выполняться дольше и обходиться дороже.
>
> Это очередной партийный законопроект демократов, который не поможет штатам и муниципалитетам реализовать необходимые проекты, не создаст рабочих мест и не улучшит транспортную инфраструктуру страны.

Среди конгрессменов, голосовавших против законопроекта в Комитете по транспорту – Сэм Грейвз (Graves), получивший от нефтегазовых компаний 392 тыс. долл. в 2020–2024 гг., Родни Дэвис (Davis) – 220,6 тыс. долл. от ТЭК в 2020 г., Гаррет Грейвз (Graves) – 535,4 тыс. долл. от ТЭК, в том числе в 2020 г. – 11 тыс. долл. от Shevron и 10,1 тыс. долл. от ExxonMobil [2].

Слушания в Сенате 4 августа также выявили участие интересантов. Так, республиканец Кевин Крамер (Cramer) отметил, что новые требования ограничивают энергетическую индустрию, российский природный газ выбрасывает на 50 % больше парниковых газов, чем американский, а добыча американской нефти чище и безопаснее, чем в других странах, ссылаясь при этом на материалы экспертных исследований. Следует отметить, что этот сенатор – крупный лоббист интересов топливно-энергетических компаний, от которых получил в 2020–2024 гг. почти 1,5 млн долл. [2].

На слушаниях выступили и представители отрасли. Дэн Эберхарт (Eberhart) из нефтесервисной компании Canary заявил, что климатические требования провоцируют отток капитала и сокращение инвестиций в нефтегазовом секторе, что ослабляет энергетическую безопасность США. Дэвид Баттерворт (Butterworth) из профсоюза трубопроводчиков отметил риск потери рабочих мест в отрасли строительства трубопроводов, отметил критическую значимость трубопроводов для энергоснабжения США и заявил, что природный газ останется ключевым источником энергии на ближайшие 30 лет. При этом эксперты ссылались на исследования Американского института нефти о негативном воздействии законопроекта HR3684 на экономику страны. В свою очередь, данный экспертный центр получил от ExxonMobil 10 млн долл. в виде пожертвований в 2022 г. [7].

В полной мере лоббистские усилия обеих партий проявились в попытках его обструкции в виде внесения поправок и затягивания принятия. Всего поступило 539 поправок, из которых 530 от сенаторов, 306 от республиканцев, 228 от демократов и 4 от независимых конгрессменов. Семь поправок предполагали отложенное рассмотрение, что характеризует политику затягивания, при этом лишь две поправки такого плана были предложены демократами (прошла одна), а остальные пять – республиканцами (все они прошли) [18]. Это указывает на то, что находясь в меньшинстве, республиканцы эффективно использовали регламентные процедуры для обструкции законопроекта.

Часть принятых республиканских поправок касались уменьшения расходов на экологические мероприятия. Например, поправка Шелли Капито (Capito) сократила в два раза объем инвестиций на борьбу с изменением климата. В 2020–2024 гг. этот сенатор получила от компаний ТЭК 1 млн долл. [2]. Лоббистами отрасли выступали влиятельные сенаторы – Джон Баррассо (Barracco), председатель Комитета по транспорту, получивший от ТЭК 2 млн долл. в указанный период, и Джон Корнин (Cornyn), член Комитета по бюджету, партийный организатор республиканцев в Сенате, получивший 4,3 млн долл. [2].

Существенную роль в успешных лоббистских вмешательствах в ход рассмотрения данного закона сыграло активное взаимодействие энергетического лобби с демократическим большинством Конгресса. Федеральная избирательная комиссия зафиксировала, что 11 сенаторов (в том числе 6 демократов) получали финансовые взносы от ExxonMobil с целью сдержать утверждение налога на выбросы углерода в рамках законопроекта HR3684 [11]. Среди них демократ Крис Кунс (Coons), занявший место Байдена в Сенате, и демократ Джо Мэнчин (Manchin) – председатель профильного Комитета по энергетике и природным ресурсам (получил 1,7 млн долл. от ТЭК в 2020–2024 гг., в том числе более 960 тыс. долл. через корпоративный КПД ExxonMobil) [2].

После принятия закона прибыль корпораций ТЭК увеличилась, в частности вследствие более низких взносов и отчислений, чем предусматривал законопроект. Так, у ExxonMobil чистая прибыль в 2021–2022 гг. выросла в 2,4 раза, а производство нефти увеличилось на 117 тыс. баррелей в сутки [7], что было бы невозможным в случае принятия закона в исходной редакции.

Результаты. Одним из недавних примеров республиканского большинства был 115-й Конгресс при президенте Трампе, где такое большинство существовало в обеих палатах. Было внесено 11 199 законопроектов, из которых 296 (2,6 %) касались энергетической тематики; стали законами 417 проектов, из них 15 (3,6 %) – в сфере энергетики. Вероятность принятия законопроекта составляла в среднем 3,7 %, а в анализируемой сфере была выше – 5,1 %. В этот период топливно-энергетические компании передали в пользу Республиканской партии 45,7 млн долл., а Демократической партии – 7,3 млн долл. [13]. Одновременно прибыль крупнейших корпораций ТЭК США выросла на 33,2 % – с 28,9 до 35,6 млрд долларов.

В первом рассмотренном кейсе удалось доказать наличие лоббистских практик. Разрешение на нефтедобычу в природном заповеднике предложила сенатор от Аляски, надеясь этим повысить доходы штата. Норма вводилась поправками в законопроект иной тематики, что типично для спорных инициатив (элемент обструкции). Для обоснования поправок сторонники использовали экспертные данные, привлекали местных активистов (элементы астротурфинга). Противники законопроекта использовали те же технологии, в результате он был принят минимальным большин-

ством, а новая администрация заморозила его реализацию. Обе стороны получали выплаты от заинтересованных организаций: противник (сенатор Кантвелл) – от экологической лиги, а инициатор (сенатор Меркауски) – от нефтяной компании, которая в итоге получила право работы на территории Национального резерва Аляски и нарастила свою прибыль.

В свою очередь, 117-й Конгресс, действовавший при Байдене, имел демократическое большинство в Палате представителей и почти равное число сенаторов от обеих партий. Количество внесенных законопроектов увеличилось до 15 055, из них по теме энергетики – 496 (3,3 %), а число принятых законов сократилось до 358, причем ни один проект по энергетике не стал законом. Рассмотренный нами кейс формально относился к природоохранным инициативам (подобных законов было принято 4, или 1,1 % от числа внесенных). В целом вероятность прохождения законопроекта через все этапы рассмотрения в этом созыве понизилась до 2,4 %. В этот период корпорации ТЭК направили в пользу Республиканской партии 41,8 млн долл., а Демократической – 9,5 млн долл. [13]. Их чистая прибыль выросла в 2,3 раза – с 38,6 до 91,2 млрд долл., то есть больше, чем в период правления республиканцев, что, конечно, было обусловлено не только политическими, но и макроэкономическими факторами.

Во втором кейсе доказано лоббистское вмешательство в ход рассмотрения законопроекта о борьбе с изменением климата со стороны как минимум одной корпорации ТЭК – ExxonMobil, которая указала законопроект в своем отчете о лоббизме, оплатила услуги специальных лоббистов, отраслевых экспертов и большого числа конгрессменов и сенаторов. Корпоративные интересанты умело воспользовались сложившимся паритетом партийных сил в Сенате, работая как с республиканцами, так и с демократами. В ходе обсуждения проекта применялась обструкция – затягивание рассмотрения и внесение блокирующих поправок, часть из которых была принята. В результате расходы на климатические мероприятия удалось снизить в 2 раза от исходной редакции, а корпорации ТЭК получили рекордную прибыль в период демократической администрации, несмотря на ее официальный «зеленый» курс в энергетике.

Рассмотренные кейсы близки по времени и тематике, но демонстрируют широкую вариативность лоббистских практик. Они показывают, что предложенные критерии операционализации лоббизма (наличие корпоративного интересанта, штатного лоббиста для работы по законопроекту и (или) аффилированного эксперта, деятельность аффилированных СМИ и (или) гражданских активистов, деятельность одного или нескольких конгрессменов в интересах корпорации, динамика прибыли корпорации) применимы для различных политических условий. Вместе с тем подобная операционализация требует скрупулезного качественного анализа, что затрудняет ее применение. В будущих исследованиях необходимо стремиться к более широкому использованию экономико-статистических данных для решения подобного класса задач с тем, чтобы операционализация лоббистских практик стала неотъемлемым элементом оценки регулирующего воздействия любой законодательной инициативы. Это будет способствовать повышению прозрачности политического процесса как в Соединенных Штатах, так и в других странах мира.

REFERENCES

1. Alaska Political Leaders Hope to See Trump undo Restrictions on Oil Drilling. *Associated Press*, 2024, Nov. 17. URL: https://apnews.com/article/alaska-trump-oil-drilling-refuge-d43f2c3a1e12a7cc4bbcc4db26b2ba4e

2. Congress Members Profiles. *OpenSecrets.* URL: https://www.opensecrets.org/members-of-congress

3. Congressional Record. *Senate*, 2017, Dec. 1. URL: https://www.congress.gov/115/crec/2017/12/01/CREC-2017-12-01-pt1-PgS7655-2.pdf

4. Congressional Record. *Senate*, 2021, June 30. URL: https://www.congress.gov/117/crec/2021/06/30/167/114/CREC-2021-06-30.pdf

5. *ConocoPhilips Annual Reports.* URL: https://www.conocophillips.com/company-reports-resources/annual-report/annual-report-archive/

6. Crepaz M. How Parties and Interest Groups Protect Their Ties: The Case of Lobbying Laws. *Regulation & Governance*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 1370-1387. DOI: 10.1111/rego.12308

7. *Exxon Mobil Annual Reports.* URL: https://investor.exxonmobil.com/sec-filings/annual-reports

8. *Exxon Mobil Lobbying Report*, 2022. URL: https://corporate.exxonmobil.com/-/media/global/files/policy/lobbying/exxonmobil-2022-lobbying-report.pdf

9. Furnas A.C., Heaney M.T., Lapira T.M. The Partisan Ties of Lobbying Firms. *Research and Politics*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 1-9. DOI: 10.1177/2053168019877039

10. Green J., Hadden J., Hale T., Mahdavi P. Transition, Hedge, or Resist? Understanding Political and Economic Behavior Towards Decarbonization in Oil and Gas Industry. *Review of International Political Economy*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 1-28. DOI: 10.2139/ssrn.3694447

11. Inside Exxon's Playbook: How America's Biggest Oil Company Continues to Oppose Action on Climate Change. *Greenpeace*, 2021, June 30. URL: https://unearthed.greenpeace.org/2021/06/30/exxon-climate-change-undercover/

12. Laboutková Š., Vymìtal P. A Black Box Assessment of Institutional Quality: The Challenge of Evaluating Lobbying Transparency. *Policy Studies*, 2023, vol. 44, no. 3, pp. 336-355. DOI: 10.1080/01442872.2022.2053092

13. Oil and Gas Lobbying Profile. *Open Secrets*. URL: https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries/summary?cycle=2023&id=E01

14. Pacca L., Curzi D., Rausser G., Olperet A. The Role of Party Affiliation, Lobbying, and Electoral Incentives in Decentralized US State Support of the Environment. *Journal of the Association of Environmental and Resource Economists*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 617-653.

15. President Trump Speaks at Annual GOP Congressional Retreat in West Virginia. *NBC News*, 2018, Febr. 1. URL: https://x.com/NBCNews/status/959121232477081600

16. Public Law on 19.12.1995 No 104-165 Lobbying Disclosure Act. *CONGRESS.GOV.* URL: https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/1060

17. Public Law on 22.12.2017 No 115-197 Tax Cuts and Jobs Act. *CONGRESS.GOV.* URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1/titles

18. Public Law on 15.11.2021 No 117-158 Infrastructure Investment and Jobs Act. *CONGRESS.GOV.* URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3684/all-actions

19. Record of Decision for the Willow MDP Project. *Bureau of Land Management*, 2023, Mar. 13. URL: https://eplanning.blm.gov/eplanning-ui/project/109410/570

20. Statsch P., Berkhout J. Lobbying and Policy Conflict: Explaining Interest Groups' Promiscuous Relationships to Political Parties. *Interest Groups & Advocacy*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 1-20. DOI: 10.1057/s41309-019-00072-x

21. You H.Y. Dynamic Lobbying: Evidence from Foreign Lobbying in the U.S. Congress. *Economics & Politics*, 2023, vol. 35, no. 2, pp. 445-469. DOI: 10.1111/ecpo.12223

Information About the Authors

Georgiy A. Borshchevskiy, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, borshchevskiy-ga@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-9099-9847

Victoria V. Belova, Master's Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, viktoriy28112002@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-4443-9846

Информация об авторах

Георгий Александрович Борщевский, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, borshchevskiy-ga@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-9099-9847

Виктория Владимировна Белова, магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, viktoriy28112002@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-4443-9846

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.14

UDC 94(574)«1991/2025»
LBC 63.3(5)64-6

Submitted: 14.05.2026
Accepted: 31.07.2026

CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN KAZAKHSTAN AND NEIGHBORING CENTRAL ASIAN COUNTRIES: POST-SOVIET TRAJECTORIES

Sergei V. Golunov
SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This study examines the specific features and post-Soviet trajectories of Kazakhstan's cross-border cooperation (CBC) with Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Uzbekistan. *Methods and materials.* It applies a comparative historical analysis to identify common and distinctive characteristics of cooperation along the three borders. Existing conceptual approaches to CBC are interpreted in light of their frequent Eurocentric bias and their limited applicability to centralized Central Asian settings. The study draws on international agreements, statistical data, official communications, news-agency reports, and regional press materials, including approximately 3,000 items identified in the Integrum database. *Analysis.* The article examines geographical conditions, changes in border regimes, socioeconomic and political dynamics, institutional contacts between adjacent administrative regions, and the main areas and functions of cooperation. *Results.* The models that emerged differ substantially from the "classical" EU model in their blurred conceptual and territorial focus, limited funding, weak institutionalization, and the central authorities' controlling role. Their trajectories nevertheless diverge. Kazakh–Turkmen CBC remained weak and minimally institutionalized because of unfavorable geography and Turkmenistan's restrictive policies. Kazakh–Uzbek CBC shifted from tight control and low-intensity contacts to economic liberalization and centrally managed interregional cooperation from the late 2010s. Kazakh–Kyrgyz CBC followed a more stable and comparatively open trajectory, with the most developed institutions but also the greatest disparity between the participating countries' economic capacities. *Funding.* This research was conducted under Project No. AP23489647, "Kazakhstan's Cross-Border Cooperation with Neighboring Central Asian Countries," with support from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Key words: cross-border cooperation, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan.

Citation. Golunov S.V. Cross-Border Cooperation Between Kazakhstan and Neighboring Central Asian Countries: Post-Soviet Trajectories. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 164-173. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.14

© Golunov S.V., 2026

УДК 94(574)«1991/2025»
ББК 63.3(5)64-6

Дата поступления статьи: 14.05.2026
Дата принятия статьи: 31.07.2026

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Сергей Валерьевич Голунов
Университет СДУ, г. Каскелен, Казахстан

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена специфике и постсоветским траекториям приграничного сотрудничества (ПС) Казахстана с Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном. *Методы и материалы.* Для выявления общих и специфических характеристик взаимодействия в зонах трех границ применяется сравнительно-исторический анализ. Существующие концептуальные подходы к ПС интерпретируются с учетом присущего многим из них евроцентризма и их ограниченной применимости к централизованным условиям Центральной Азии. Исследование основано на международных соглашениях, статистических данных, официальных сообщениях, материалах информационных агентств и региональной прессы, включая около 3 тыс. сообщений, выявленных в базе «Интегрум». *Анализ.* Рассматриваются географические условия, изменения пограничных режимов, социально-экономическая и политическая динамика, институциональные контакты между сопредельными административными регионами, а также основные сферы и функции сотрудничества. *Результаты.* Сформировавшиеся модели существенно отличаются от «классической» модели ЕС размытым концептуальным и территориальным фокусом, ограниченным финансированием, слабой институционализацией и контролирующей ролью центральных властей. Вместе с тем их траектории расходятся. Казахстанско-туркменское ПС оставалось слабым и минимально институционализированным вследствие неблагоприятных географических условий и ограничительной политики Туркменистана. Казахстанско-узбекское ПС перешло от жесткого контроля и малоинтенсивных контактов к экономической либерализации и централизованно управляемому межрегиональному сотрудничеству с конца 2010-х годов. Казахстанско-кыргызское ПС развивалось по более стабильной и сравнительно открытой траектории, отличаясь наиболее развитыми институтами и одновременно наибольшим неравенством экономических потенциалов участвующих стран. Дальнейшее изучение этих моделей способно углубить концептуализацию приграничного сотрудничества за пределами европейского контекста. *Финансирование.* Исследование осуществлено в рамках проекта № AP23489647 «Приграничное сотрудничество Казахстана с сопредельными странами Центральной Азии» при поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан.

Цитирование. Голунов С. В. Приграничное сотрудничество между Казахстаном и сопредельными странами Центральной Азии: траектории развития в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 164–173. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.14

Introduction. Cross-border cooperation (CBC) is a practically important phenomenon addressed by a substantial body of scholarship and guidance documents. Researchers and practitioners emphasize that CBC can bring participants considerable benefits extending beyond commercial profit. It enables adjacent territories to overcome peripheral geographic positions; make effective use of complementary capacities; jointly plan various forms of infrastructure; provide rapid assistance in emergencies; match labor demand with supply; reduce socioeconomic inequalities across borders; foster good-neighborly relations; and settle local conflicts, among other benefits [3; 8].

This study analyzes the trajectories of Kazakhstan's CBC with neighboring Central Asian countries (Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Uzbekistan) during the post-Soviet period (1990s–2020s) in order to identify their common and distinctive features. Conceptually, it addresses CBC that, unlike the EU's CBC, develops under conditions of limited funding, strict centralized control over regions, and generally weak institutionalization of cross-border interactions [8].

The study seeks to help fill a theoretical gap: conceptualizations developed primarily from EU experience insufficiently account for these and other conditions. At the same time, the participating parties must address largely specific challenges, including overcoming logistical, political, legal, and other barriers; developing trade; allocating water resources; and exchanging agricultural experience. These issues shape the structure of the main section, which examines geographical conditions, changes in border regimes, and the specific features of contacts between administrative regions, as well as domains and functions of cooperation.

Methods and materials. The study combines a comparison of CBC along the Kazakhstan–Kyrgyzstan, Kazakhstan–Turkmenistan, and Kazakhstan–Uzbekistan borders with an analysis of its development during the post-Soviet period (1992–2025) and a synthesis of its common patterns.

Conceptually, the study applies existing conceptualizations of CBC to Central Asian realities. Despite its conceptual and practical significance, CBC has been studied in a largely one-sided manner. A clear majority of conceptual works take European experience as their point of departure, whereas peer-reviewed studies offering developed conceptualizations of CBC in other regions are far less common, and comprehensive studies of CBC in Central Asia are exceptionally rare [8]. EU cross-border cooperation, meanwhile, operates under uniquely favorable conditions: its incorporation into a project of deep integration, unprecedentedly generous competitive project funding from the EU regional-policy budget (nearly EUR 1 billion annually), and legal support for the establishment of cross-border institutions. CBC in the "rest of the world," which is more typical globally, develops without deep integration or legal support for cross-border institutions, with modest funding and tighter central-government control over regions' external relations [7].

The Eurocentric bias in CBC research becomes apparent as soon as attempts are made to define the phenomenon and has received growing scholarly attention since the late 2010s [7; 13; 18]. The most frequently cited definition is found in the 1980 Madrid Convention, which understands CBC as interaction between territorial communities in different countries aimed at strengthening good-neighborly relations, together with the agreements concluded between them [5]. Other definitions, even with some modifications, such as recognizing the particular contribution of nonstate actors, likewise tend to place subnational authorities at the center of CBC [16; 19]. The problem is that outside the EU, subnational authorities generally lack the power to conclude agreements, while central authorities may also play an active role in cooperation between border areas. The author therefore proposes adjusting the definition by removing the emphasis on the leading role of regional authorities and focusing instead on border communities as beneficiaries. In this study, CBC denotes systematic cross-border interactions among lawful actors that should be mutually beneficial to communities in adjacent border areas and, at least potentially, may be endorsed by public authorities.

The study draws on a broad range of sources, including official documents, primarily international agreements on various aspects of CBC; statistical data, in particular data enabling comparison of the parties' economic capacities; official communications from central and regional authorities; news-agency reports; and the regional press. Approximately 3,000 such reports, identified by keyword searches in the Integrum World Wide database, were processed. Given the journal's length limit, references are provided primarily for sources substantiating little-known, contested, or difficult-to-identify events and facts. Widely known and readily verifiable information is generally not accompanied by separate references.

Analysis. ***Geographical conditions.*** The lengths of Kazakhstan's borders with neighboring Central Asian states are, from west to east: 456 km with Turkmenistan, 2,351 km with Uzbekistan, and 1,242 km with Kyrgyzstan (see Figure).

Landscape conditions for cross-border contacts along these borders are largely unfavorable. Kazakhstan's border with Turkmenistan and most of its border with Uzbekistan traverse desert and semidesert areas in which major settlements are hundreds of kilometers apart. The nearest major urban centers in the adjacent regions of Kazakhstan and Turkmenistan – Zhanaozen and Turkmenbashi – are more than 400 km apart, while the distance between Kazakhstan's Aktau and Uzbekistan's Nukus approaches 1,000 km. Notably, although the Kazakhstan–Uzbekistan border exceeds 2,000 km, most cross-border flows pass through a relatively short section of only a few hundred kilometers in the eastern borderland.

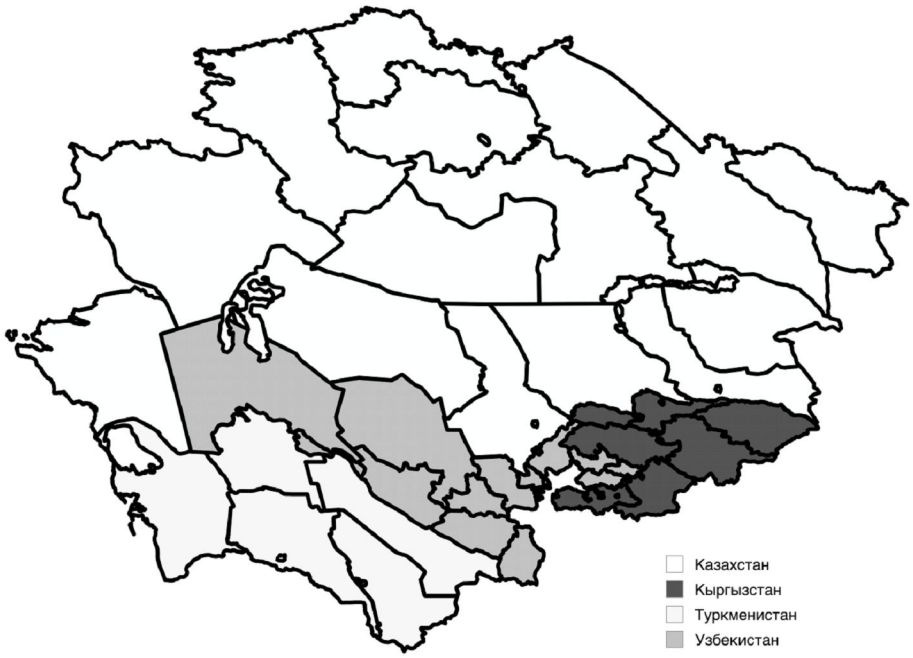


Figure. Kazakhstan and neighboring Central Asian states by first-level administrative subnational units

Notes. The map was compiled and edited by the author from an image created with MapChart (mapchart.net), CC BY-SA 4.0 license.

Cross-border transport connections along the Kazakhstan–Kyrgyzstan border run through three valleys: Talas in the western borderland, Chuy in the central part, and Karkara in the east. The most intensive flows pass through the Chuy Valley, where the Kyrgyz capital, the city of Bishkek, is located.

Transboundary water management has a major influence on CBC in the region. Along the Kazakhstan–Uzbekistan border, the relevant rivers and canals belong to the Syr Darya basin; along the Kazakhstan–Kyrgyzstan border, the key resources are those of the Talas basin in the western borderland and the Chu basin in the central part. In most instances, Kazakhstan is the downstream state, giving its neighbors a certain advantage in resolving disputes.

On the Kazakh side, Mangystau Province adjoins the Kazakhstan–Turkmenistan border; on the Turkmen side, it is Balkan Velayat. On the Kazakhstan–Uzbekistan border, the Kazakh side comprises Mangystau, Aktobe, Kyzylorda, and Turkistan provinces, while the Uzbek side comprises the Republic of Karakalpakstan and Navoi, Jizzakh, Syrdarya, and Tashkent provinces. Aktobe, Kyzylorda, and Navoi provinces have no official transport link with the neighboring country and no border checkpoints on their respective sections.

On the Kazakh side, the Kazakhstan–Kyrgyzstan border adjoins Turkistan Province, including a short section without transport links, Zhambyl Province, and Almaty Province; on the Kyrgyz side, it adjoins Talas, Chuy, and Issyk-Kul provinces. The westernmost and sparsely populated region, Talas Province, lacks a full internal transport connection with central Kyrgyzstan, making transit through Zhambyl Province critically important.

An important feature of these border landscapes is the proximity of the capitals of Uzbekistan and Kyrgyzstan – Tashkent, with a population of over 3 million, and Bishkek, with over 1.3 million – to the border. This channels most cross-border flows toward them. The Kazakh metropolitan centers nearest to the foreign capitals are Shymkent, with 1.3 million residents, and Almaty, with 2.3 million, both of which hold special administrative status in Kazakhstan. Given their economic weight, the Tashkent–Shymkent and Almaty–Bishkek pairs are the principal axes of attraction for Kazakh–Uzbek and Kazakh–Kyrgyz CBC, respectively.

Changes in border regimes. The collapse of the Soviet Union gradually transformed previously nominal boundaries into barriers that tightly regulated cross-border movements. The

borders also became markers separating, in some cases, sharply contrasting political, economic, legal, and migration regimes. Under these conditions, establishing CBC required adaptation to these barriers and contrasts.

Until approximately the late 1990s, however, most travelers crossing these borders still faced no serious restrictions. Border regimes began to tighten substantially from the end of the 1990s. In 1999, Turkmenistan introduced visa requirements for citizens of CIS countries, including Kazakhstan, although under a 2001 intergovernmental agreement, permanent residents of Kazakhstan's Mangystau and Atyrau provinces were granted visa-free entry to Turkmenistan's Balkan Velayat for stays of up to five days [1]. In practice, this arrangement ceased to operate in 2016.

Also in 1999, following an attack on Tashkent by an international terrorist group, Uzbekistan began systematically taking unilateral measures to tighten control over the busy eastern section of the border, including patrols, the construction of barriers, and periodic restrictions on border crossings and the movement of goods. Together with Kazakhstan's countermeasures, this heightened tensions in Kazakh–Uzbek relations and led to numerous incidents involving border guards and local residents. In 2001–2002, the parties concluded two border-delimitation agreements [11]; within several years, the active section had become a zone enclosed by barbed-wire fences.

The Kazakhstan–Kyrgyzstan border regime also tightened somewhat in the late 1990s and early 2000s, as border guards and customs officers began systematic patrols. Unlike the borders with Turkmenistan and Uzbekistan, this did not create major problems for travelers using official checkpoints, although the number of checkpoints fell considerably. Kazakhstan also periodically conducted campaigns against the transit smuggling of Chinese goods. These campaigns produced enormous queues, with waits of up to several days. In addition, from the second half of the 2000s, Astana sharply tightened conditions for Kyrgyz exports of meat and dairy products [10].

The second half of the 2010s brought simplified border-crossing rules both between Kazakhstan and Kyrgyzstan and, somewhat later and for different reasons, between Kazakhstan and Uzbekistan. Kyrgyzstan's accession to the Eurasian Economic Union in August 2015 abolished customs controls and later eased Kazakhstan's sanitary and quarantine restrictions on imports of meat, dairy, and plant products. The advent of Shavkat Mirziyoyev's administration in Uzbekistan led to the liberalization of the country's economic policies and rules governing citizens' travel abroad, substantially easing many import and export restrictions and legalizing the largest smuggling flows [22]. Thus, the period of tighter border and customs controls gave way to their relaxation, creating more favorable conditions for CBC.

Socioeconomic and political dynamics. During the post-Soviet period, CBC between Kazakhstan and neighboring Central Asian countries developed under fundamentally new political and economic conditions. These conditions were shaped largely by the divergence of the countries' economic and political trajectories, ranging from Turkmenistan's strict political authoritarianism and policy of economic self-sufficiency, partly shared by Uzbekistan under Islam Karimov, to the considerably more liberal economic policies and relatively high informational openness of Kyrgyzstan and Kazakhstan. The state of interstate relations also mattered greatly: it ranged from caution and partial closure in Kazakhstan's relations with Turkmenistan and Karimov-era Uzbekistan and brief periods of heightened tensions with Kyrgyzstan over border control and water allocation in 2010 and 2017 to policies of openness and expanded cooperation under Mirziyoyev in Uzbekistan and, for the most part, between Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Politically, the greater rigidity of the Turkmen and, under Karimov, Uzbek regimes impeded CBC because these governments imposed restrictions on transboundary mobility, including their own citizens' ability to leave the country, and on the free circulation of information, including information important for intensifying CBC. They also minimized official contacts between their regional authorities and counterparts in neighboring countries. Restrictions on mobility and interregional contacts between Kazakhstan and Uzbekistan were nevertheless less severe, as no tough visa restrictions for entrance and exit were implemented.

Economic barriers arose from differences in the parties' openness to foreign economic interaction. Uzbekistan's exchange-rate controls

and tight restrictions on exports of fruit and vegetables, imports of Kazakh flour, and consumer goods from third countries drove a substantial share of cross-border economic contacts underground; from the second half of the 1990s, seizures of multi-ton consignments of contraband, much of it transported outside checkpoints, became routine (see, for example, [15]). In cross-border relations between the countries with the most open economic regimes – Kazakhstan and Kyrgyzstan – persistent points of contention included Kyrgyzstan's inadequate control over the transit flow of Chinese goods and the quality of its meat and dairy products. In the second half of the 2010s, Uzbekistan substantially liberalized its economic policies, while Kazakhstan and Kyrgyzstan partly resolved disputes over transit flows and the quality of Kyrgyz products.

Some researchers argue that moderate inequality is most favorable for CBC: its absence leaves the parties with insufficient incentives, while excessive inequality provokes conflict by encouraging unilateral protective measures [4]. The diverging economic trajectories of the region's countries during the post-Soviet period deepened inequalities both between countries and among regions within them, while the interstate gap widened sharply in Kazakhstan's favor. In 1992, the ratio of Kazakhstan's GDP per capita at purchasing power parity to that of Turkmenistan was 1.6, to Uzbekistan 2.9, and to Kyrgyzstan 3.4. By 2013, these ratios had peaked at 2.0, 3.7, and 5.9, respectively, before narrowing only slightly by 2025 to 2.0, 3.3, and 4.8 [21].

Assessing the impact of inequality on CBC, however, requires attention to border-region conditions and disparities among regions within the same country. The proximity to the border of the capitals of Kyrgyzstan and Uzbekistan, which lead their countries in GDP per capita, and their location opposite relatively "poor" Kazakh regions not only offsets inequality but even reverses it: Bishkek's GDP per capita is 1.2 times that of Zhambyl Province, while Tashkent's is 1.7 times that of Turkistan Province [1].

Finally, an important feature of the economic development and cross-border connections of some of the areas under consideration has been the growing role of agriculture combined with partial deindustrialization, especially in Kyrgyzstan. The development of privately driven agriculture in place of the planned system diversified production and increased fruit and vegetable output three- to fourfold over the Soviet-period level [2]. Agricultural growth has placed greater pressure on water resources and increased the need to coordinate measures against the transboundary spread of locusts. Cooperation in these areas plays an important role in the CBC arrangements discussed below.

Institutional formats of official contacts between border regions. During the Soviet period, contacts between authorities in adjacent regions of union republics to resolve local economic and other issues were routine, but key strategic decisions, such as the development of interrepublican transport infrastructure, were made by the union center. Even in the first half of the 1990s, the press apparently did not yet portray cooperation between regions of neighboring states as international, and regional leaders were not prepared to substantially reconfigure it.

The earliest evidence identified by the author of contacts between authorities in adjacent provinces aimed at jointly addressing a range of problems and concluding international agreements dates to the second half of the 1990s [6]. Bilateral and even multilateral contacts between the authorities of Kazakh and Kyrgyz border provinces and local branches of central agencies, particularly interior and emergency agencies, quickly became regular. By contrast, official meetings between subnational authorities of Kazakhstan and Uzbekistan mentioned in the press were sporadic until the second half of the 2010s (see, for example, [20]), while contacts between subnational-level officials in Kazakhstan and Turkmenistan were extremely rare.

In every instance, regions had to coordinate their official international contacts with higher-level authorities. A distinctive informal feature of Kazakhstan's policy for developing regional ties with Uzbekistan, less characteristic of the other relationships examined here, was the rotation of officials between the posts of akim (governor) of Turkistan Province and ambassador to Uzbekistan. As of early 2026, four of the fourteen people who had served as akim of the province had also been ambassadors to the neighboring country.

In the second half of the 2010s, Mirziyoyev's government adopted a policy of intensifying interregional contacts with Kazakhstan, primarily

to increase bilateral foreign trade, develop industrial cooperation, and improve cross-border transport links. A major step was the organization of Kazakh–Uzbek interregional forums involving both borderland and non-borderland provinces. Four forums have been held to date: three in border regions, in Shymkent in 2018, Urgench in 2020, and Turkistan in 2021, and one outside them, in Samarkand in 2024. Irregular intervals between the forums and the decision to replace them with meetings of the Council of Heads of Regions in November 2025 may, however, indicate that the two governments were not fully satisfied with the format's effectiveness. Kazakhstan and Kyrgyzstan also tested interregional forums, but the 2023 forum in Taraz remains the only one. One likely explanation is the greater effectiveness of contacts specifically between the two countries' borderland provinces, given that intensive overland connections between southern Kyrgyzstan and Kazakhstan are impeded by mountainous terrain.

Areas of cooperation. Priority areas for CBC-related projects in the borderlands under consideration include trade, agriculture, water management, environmental protection, infrastructure development, logistics, emergency management, law enforcement, culture, and others. Some projects span two or more areas: trade-development projects, for example, may also optimize the logistics of cross-border routes.

A substantial share of projects is connected in one way or another with agriculture. Uzbek and Kyrgyz producers supply Kazakhstan with large quantities of fruit and vegetables, while Kazakhstan exports wheat and flour, livestock products, eggs, and other goods to neighboring countries. Cotton growing is one of the key areas of agricultural cooperation between Turkistan Province and neighboring provinces of Uzbekistan.

Agricultural CBC extends well beyond the supply of products. Repeated attempts have been made to formalize farmers' access to markets in neighboring provinces: fairs have been held, including in Zhambyl Province, and projects to establish joint markets at the border have been discussed. These projects have yet to produce tangible results because of difficulties in coordination and attracting investors. For example, a 2007 agreement between the governments of Kazakhstan and Kyrgyzstan to construct permanent borderland trading centers [17] was never implemented. Projects to create agro-industrial production chains have likewise remained largely unrealized.

Locust control is a specific form of agricultural cooperation that requires joint monitoring and synchronized treatment of affected areas. It is coordinated by the agriculture ministries and has been conducted systematically by neighboring parties since the 2000s.

Agricultural CBC is not limited to officially authorized, large-scale projects. Grassroots initiatives involving the supply of small machinery, such as cotton-harvesting equipment, spare parts, seeds, and breeding livestock, as well as exchanges of experience and the introduction of new technologies, are often more dynamic and effective. Turkistan Province, for example, has adopted Uzbek experience in biological pest control. Since approximately the second half of the 2010s, some farms in the same province have drawn on Uzbek experience in growing exotic fruits, including bananas, papayas, oranges, mandarins, kiwis, and dragon fruit [14]. Uzbek farmers, in turn, have adopted Kazakh experience in livestock farming.

Water management is a priority area of CBC because the allocation of water resources and maintenance of acceptable water quality are critical for border regions. This is especially true of Turkistan and the Zhambyl provinces, which depend heavily on transboundary water resources originating in neighboring countries. Water cooperation between Kazakhstan and Uzbekistan is highly centralized, although local authorities also participate in decision-making. Kazakh–Kyrgyz cooperation, by contrast, follows the integrated water resources management approach adopted by the United Nations in the 1990s. Established in 2006 to address water allocation, maintain water infrastructure, and monitor water quality, the Chu–Talas Water Commission includes representatives of central and regional authorities, local communities, and nongovernmental organizations in its governance.

The Chu–Talas Commission is one of the few functioning cross-border institutions in the region and was actively promoted by organizations within the UN system and the OSCE. Cross-border institutions are not typical of Central Asia, whose governments generally seek to keep civic

activity within controlled national frameworks. The depoliticized environmental sphere, including water management, may be considered a partial exception: other cross-border institutions have emerged along Kazakhstan's borders with neighboring Central Asian countries, although nongovernmental actors and local communities participate in them less extensively than in the Chu–Talas Commission.

The International Fund for Saving the Aral Sea was established on an intergovernmental basis in 1993 with the involvement of several authoritative international organizations to coordinate efforts to mitigate the consequences of the sea's catastrophic desiccation. Some of its activities, such as regulating water allocation, extend beyond the Aral Sea region. Others focus on border areas, particularly the large-scale Kazakh–Uzbek cooperation launched in 2021 to coordinate the planting of saxaul and other drought-resistant vegetation on the dried seabed.

At tri-border junctions, cooperation is developing to coordinate the activities of protected areas located on opposite sides of borders. Environmental cooperation at the junction of Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan, which began in the late 1990s, gained broad international recognition, leading to the inscription of the transboundary Western Tien-Shan natural site on the UNESCO World Heritage List in 2016. In the 2020s, similar cooperation began to develop at the junction of Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan to preserve the biodiversity of the desert Ustyurt Plateau.

Landscape constraints and Central Asia's continental location in some instances heighten the importance of cross-border infrastructure projects, which generally require joint planning of facilities constructed by the parties in parallel on their respective territories. Such projects are often implemented well behind schedule or remain on paper, partly because of difficulties in securing funding and agreeing on parameters among the participating parties. A prominent example is the proposed road shortening the route between Almaty and Lake Issyk-Kul. Its implementation has been announced at least four times during the post-Soviet period, most recently in 2023, yet the prospects for completion remain unclear. Another example is the project, officially approved in 2021, to build a railway and highway between Kyzylorda and the Uzbek city of Uchkuduk. It could stimulate cross-border traffic along a sparsely connected desert section of the border, but funding problems have also delayed implementation [9].

Since the late 2010s and early 2020s, the Kazakh government has promoted the establishment of joint centers near the borders with Kyrgyzstan, the Alatau Industrial, Trade and Logistics Complex, and Uzbekistan, the Central Asia International Center for Industrial Cooperation. These centers are intended to serve both as key trade and logistics hubs and as zones for the joint production of goods using complementary resources of companies in neighboring countries. Both projects are also considerably behind their original schedules, although their political priority in Kazakhstan's bilateral cooperation with its neighbors provides grounds to believe that the facilities will ultimately be commissioned.

Local emergency-service units cooperate quite closely, especially along the Kazakhstan–Kyrgyzstan border, where earthquakes, mudflows and landslides, forest fires, floods, and other emergencies are relatively common. Although local emergency authorities are subordinate to central governments, this does not prevent periodic meetings between the two sides, joint exercises, and the maintenance of operational communication channels.

The need to resolve issues arising locally without delay contributes to intensive cooperation among local units of law enforcement agencies, border guards, and customs services through regular meetings, information exchange, operational communications, and joint operations.

In tourism, Kazakhstan and its neighbors seek to increase local cross-border flows to tourist and recreational sites and to organize joint cross-border routes for visitors from third countries. Almaty travel companies have established stable links with hotels on the shores of Issyk-Kul and in several Uzbek cities, as well as with Uzbek and Kyrgyz carriers that receive Kazakh tourists after they cross the border on foot because vehicle crossings take much longer. In 2007, the governments of Kazakhstan and Kyrgyzstan concluded an agreement on mutual recognition of visas held by third-country nationals traveling through adjacent provinces of the neighboring country [12]. Cross-border itineraries

covering two or more Central Asian countries are being developed, but these efforts have not yet produced large-scale results.

CBC in culture and sports has symbolic significance, serving to demonstrate good-neighborly relations and ethnocultural solidarity between territories in neighboring countries. Such events are quite frequent, while local initiatives are often tightly controlled by central authorities.

Results. The models of Kazakhstan's CBC with neighboring Central Asian states that have emerged to date differ substantially from the "classical" EU model in their blurred conceptual and territorial focus, much more modest funding, and the central authorities' key controlling role.

At the same time, the trajectories of cooperation in the three border areas differ substantially. In the Kazakh–Turkmen borderland, unfavorable landscape conditions and the Turkmen side's highly restrictive policies meant that the period under study saw no substantial movement toward more intensive or institutionalized cross-border contacts. CBC with Uzbekistan, by contrast, changed considerably: tight control over cross-border flows and low-intensity contacts between subnational authorities in adjacent territories during the 2000s and first half of the 2010s gave way, from the second half of the 2010s, to the liberalization of economic ties and a centrally managed intensification of interregional cooperation. Finally, the relatively stable trajectory of the Kazakh–Kyrgyz CBC featured comparatively high levels of economic and political openness and the most developed institutionalization among the three border areas, but also the greatest disparity in the economic capacities of the participating countries.

Further study of these models, which differ markedly from the European model but may be closer in their parameters to conditions more typical globally, can make a substantial contribution to the conceptualization of cross-border cooperation.

NOTE

[1] Based on data from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan, the National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, and the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic.

REFERENCES

1. *Agreement Between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of Turkmenistan on Mutual Trips of Citizens*, 2001, Mar. 1. URL: https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=8323
2. *Agriculture Development in the Central Asia Regional Economic Cooperation Program Member Countries: Review of Trends, Challenges, and Opportunities*. Manila, Asian Development Bank, 2019. 115 p.
3. Basboga K. The Role of Open Borders and Cross-Border Cooperation in Regional Growth Across Europe. *Regional Studies, Regional Science*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 532-549. DOI: 10.1080/21681376.2020.1842800
4. Blatter J., Clement N. II Introduction to the Volume: Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America. *Journal of Borderlands Studies*, 2000, vol. 15, no. 1, pp. 14-53. DOI: 10.1080/08865655.2000.9695541
5. Council of Europe. European Outline Convention on Transfrontier Co-Operation Between Territorial Communities or Authorities. *European Treaty Series, No. 106*. Madrid, 1980. URL: https://rm.coe.int/1680078b0c
6. Delovye svyazi rasshiryayutsya [Business Ties Are Expanding]. *Znamya truda (Zhambyl)* [Banner of Labour], 1997, Nov. 26.
7. Golunov S. Beyond Eurocentrism: Rethinking Cross-Border Cooperation in a Global Context. *Alternatives: Global, Local, Political*, 2025. DOI: 10.1177/03043754251380323
8. Golunov S., Bitabar A. *Bridging Borders: Central Asian Cross-Border Cooperation in a Comparative Global Perspective*. Cham, Springer Nature Switzerland, 2025. 119 p.
9. Ismailov K. Uzbekistan, Kazakhstan Plan to Attract Financing for Kyzylorda–Uchkuduk Project. *Trend News Agency*, 2024, June 14. URL: https://www.trend.az/casia/uzbekistan/3912576.html
10. Kazakhstan snyal ogranicheniya na vvoz myasnoi produktsii iz Kyrgyzstana [Kazakhstan Lifts Restrictions on Imports of Meat Products from Kyrgyzstan]. *Sputnik Kyrgyzstan*, 2018, Oct. 19. URL: https://ru.sputnik.kg/20181019/kazahstan-kr-ogranichenie-vvoz-myaso-1041610977.html
11. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan. Delimitation and Demarcation of State Border*. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/594?lang=en

12. *Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Visa Requirements*. URL: https://mfa.kg/consular-service/obshie-vizovie-trebovaniya_en.html

13. Nadalutti E., Rüland J. Beyond Eurocentrism: Globalising and Decentring Research on Micro-Regional Cross-Border Cooperation. *Geopolitics*, 2025, vol. 30, no. 5, pp. 2337-2359. DOI: 10.1080/14650045.2025.2476970

14. Nizovkina M. Ekzoticheskie frukty vse chashche vyrashchivayut na yuge Kazakhstana [Exotic Fruits Are Increasingly Grown in Southern Kazakhstan]. *Inbusiness.kz*, 2023, Oct. 3. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/ekzoticheskie-frukty-vse-chashe-vyrashivayut-na-yuge-kazahstana

15. Novitskaya L. Granitsa na grani [Border on the Brink]. *Oko*, 2006, July 22. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30063278

16. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-Operation. *European Urban and Regional Studies*, 2003, vol. 10, no. 2, pp. 153-171. DOI: 10.1177/0969776403010002004

17. *Ramochnoe soglashenie mezhdu Pravitelstvom Respubliki Kazakhstan i Pravitelstvom Kyrgyzskoy Respubliki o sozdanii Mezhdunarodnykh tsentrov prigranichnogo sotrudnichestva "Aukhatty–Ken-Bulun" i "Aisha Bibi–Chon-Kapka"* [Framework Agreement Between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Kyrgyz Republic on the Establishment of the International Centers for Cross-Border Cooperation "Aukhatti–Ken-Bulun" and "Aisha Bibi–Chon-Kapka"], 2007, Apr. 26. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000122_

18. Scott J.W. Cross-Border, Transnational, and Interregional Cooperation. Richardson D., Castree N., Goodchild M.F., Kobayashi A., Liu W., Marston R.A., eds. *The International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology*. Malden, MA, Wiley, 2017, pp. 1-10. DOI: 10.1002/9781118786352.wbieg0616

19. Sousa L. Understanding European Cross-Border Cooperation: A Framework for Analysis. *Journal of European Integration*, 2013, vol. 35, no. 6, pp. 669-687. DOI: 10.1080/07036337.2012.711827

20. Uzbek, Kazakh Border Regions Sign Cooperation Deal. *UzDaily.Uz*, 2007, May 14. URL: https://www.uzdaily.uz/en/uzbek-kazakh-border-regions-sign-cooperation-deal

21. *World Bank. GDP per capita, PPP (Current International): Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Uzbekistan, Turkmenistan*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=KZ-KG-UZ-TM

22. *World Bank. Uzbekistan: Toward a New, More Open Economy*, 2019, Aug. 22. URL: https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/publication/economic-update-summer-2019

Information About the Author

Sergei V. Golunov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, SDU University, Abylai Khana St, 1/1, 040900 Kaskelen, Kazakhstan, sergei.golunov@sdu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-5859-576X

Информация об авторе

Сергей Валерьевич Голунов, доктор политических наук, профессор, Университет СДУ, ул. Абылай Хана, 1/1, 040900 г. Каскелен, Казахстан, sergei.golunov@sdu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-5859-576X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.15

UDC 327.5
LBC 63.3

Submitted: 27.05.2025
Accepted: 07.12.2025

KAZAKHSTAN'S FOREIGN POLICY IN THE FIELD OF REGIONAL SECURITY: FROM POST-SOVIET FORMATION TO INSTITUTIONALIZATION WITHIN THE SCO (1991–2024)

Kairat M. Batyrbayev
Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Svetlana B. Kozhirova
Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Dana A. Karymsakova
Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This article presents a comprehensive historical and political analysis of Kazakhstan's foreign policy strategy evolution in the field of regional security and cross-border cooperation in the post-Soviet period (1991–2024). The introduction focuses on the Shanghai Cooperation Organisation's (SCO) role as a key institutional platform for implementing Kazakhstan's multi-vector foreign policy and strengthening stability in Central Asia. *Methods and materials.* The research methods and materials are based on the principles of historical institutionalism and a structural-chronological approach, which allowed identifying three distinct stages of transformation in foreign policy: the post-Soviet formation (1991–2000), SCO active institutionalisation (2001–2010) and the adaptation to new international challenges and the changing geopolitical situation (2011–2024). The empirical basis consists of the SCO's statutory and programmatic documents, strategic documents in Kazakhstan's national security field, materials from summits and statements by politicians and a wide range of scientific publications. *Analysis.* The analytical section examines specific initiatives undertaken by Kazakhstan, such as its active participation in the creation of the Regional Anti-Terrorist Structure (RATS), the development of large-scale cross-border cooperation projects, such as the Khorgos International Centre for Cross-Border Cooperation, and the advancement of proposals to deepen economic and transport links in the region. *Results.* The results demonstrate Kazakhstan's consistent contribution to the formation of a sustainable regional security architecture, its increased mediating role, and its growing influence on the development of multilateral institutions. The study fills an existing historiographical gap by establishing a direct link between the initial post-Soviet challenges and the country's current strategy and offers new analytical perspectives for studying the dynamic processes of regional security and integration in Central Asia. *Authors' contribution.* K.M. Batyrbayev developed the research concept, collected and systematised empirical materials, and prepared the initial draft of the manuscript; S.B. Kozhirova provided overall scientific supervision and developed the research methodology; D.A. Karymsakova conducted the analysis of historiographical sources, participated in data systematisation, and contributed to the preparation of comparative analytical tables.

Key words: Kazakhstan, SCO, regional security, cross-border cooperation, multi-vector approach.

Citation. Batyrbayev K.M., Kozhirova S.B., Karymsakova D.A. Kazakhstan's Foreign Policy in the Field of Regional Security: From Post-Soviet Formation to Institutionalization Within the SCO (1991–2024). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 174-186. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.15

© Батырбаев К.М., Кожирова С.Б., Карымсакова Д.А., 2026

УДК 327.5
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 27.05.2025
Дата принятия статьи: 07.12.2025

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ПОСТСОВЕТСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ШОС (1991–2024 гг.)

Кайрат Маратович Батырбаев
Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

Светлана Басейовна Кожирова
Международный университет «Астана», г. Астана , Республика Казахстан

Дана Алимжановна Карымсакова
Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья представляет собой комплексный историко-политический анализ, основанный на первичных документах ШОС и Республики Казахстан, а также историографическом синтезе, эволюции внешнеполитической стратегии Республики Казахстан в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества в постсоветский период (1991–2024 гг.). Актуальность исследования обусловлена тем, что постсоветское становление казахстанской политики безопасности и институциональная динамика ШОС в существующей литературе, как правило, рассматриваются раздельно, в связи с чем статья восполняет этот пробел, предлагая анализ, связывающий оба сюжета. *Методы и материалы* исследования базируются на принципах исторического институционализма и структурно-хронологическом подходе, что позволило авторам выделить три этапа трансформации внешнеполитического курса: этап постсоветского становления (1991–2000 гг.), стадия активной институционализации ШОС (2001–2010 гг.) и современный период адаптации к новым международным вызовам и изменяющейся геополитической конъюнктуре (2011–2024 гг.). Эмпирическую базу работы составили уставные и программные документы ШОС, стратегические документы в сфере национальной безопасности Казахстана, материалы конференций, саммитов и заявления политических деятелей, а также широкий спектр научных публикаций. Обзор историографии показывает, что большинство работ фокусируются на текущей деятельности организации, недооценивая историческую преемственность между постсоветскими вызовами и современной ролью Казахстана в ШОС; настоящее исследование восполняет этот пробел, предлагая комплексный анализ трансформации внешнеполитического курса Казахстана с акцентом на его вклад в региональную архитектуру безопасности. *Анализ.* В структурированной согласно предложенной периодизации аналитической части детально рассматриваются конкретные инициативы Казахстана по каждому из трех этапов, такие как активное участие в создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) на этапе институционализации ШОС (2001–2010 гг.), развитие масштабных проектов приграничного сотрудничества на примере Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос», а также выдвижение предложений по углублению экономической и транспортной взаимосвязи в регионе – на этапе адаптации к новым вызовам (2011–2024 гг.). *Результаты.* Полученные результаты наглядно демонстрируют последовательный вклад Казахстана в формирование устойчивой архитектуры региональной безопасности, его возросшую посредническую роль и растущее влияние на развитие многосторонних институтов. Исследование восполняет существующий историографический пробел, устанавливая прямую связь между первоначальными постсоветскими вызовами и современной стратегией страны, а также предлагает новые аналитические перспективы для изучения динамичных процессов региональной безопасности и интеграции в Центральной Азии. *Вклад авторов.* К.М. Батырбаев разработал концепцию исследования, осуществил сбор и систематизацию эмпирических материалов, а также подготовил первоначальный вариант рукописи; С.Б. Кожирова осуществляла общее научное руководство, разработала методологическую основу исследования; Д.А. Карымсакова провела анализ историографических источников, участвовала в систематизации данных и подготовке сравнительно-аналитического табличного материала.

Ключевые слова: Казахстан, ШОС, региональная безопасность, приграничное сотрудничество, многовекторная внешняя политика.

Цитирование. Батырбаев К. М., Кожирова С. Б., Карымсакова Д. А. Внешняя политика Казахстана в сфере региональной безопасности: от постсоветского становления к институционализации в рамках ШОС (1991–2024 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 174–186. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.15

Введение. Распад СССР в 1991 г. стал переломным моментом для международных отношений на постсоветском пространстве, запустив процесс трансформации политики, экономики и систем безопасности новых независимых государств. Советское наследие, с одной стороны, обеспечило Казахстану промышленную и образовательную основу для становления независимого государства, с другой – потребовало адаптации к новым вызовам, включая вопросы безопасности и управления протяженными границами. Для Казахстана этот период ознаменовался необходимостью формирования национальной политики безопасности и приграничного сотрудничества в условиях институционального вакуума и роста транснациональных угроз. Страна столкнулась с вызовами, связанными с обеспечением суверенитета, демаркацией границ и поиском баланса между интересами глобальных и региональных держав – России, Китая, США и Европы [24, с. 15]. В этом контексте Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 г., стала ключевой платформой для реализации многовекторной внешней политики Казахстана, способствуя институционализации подходов к региональной безопасности и трансграничному сотрудничеству [37, с. 25].

Уточним предмет исследования: несмотря на то что дальнейшее изложение во многом строится вокруг ШОС, статья посвящена внешней политике Казахстана в сфере региональной безопасности в целом, участие в ШОС рассматривается как один из ключевых, но не единственный инструмент ее реализации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического пути Казахстана в выстраивании стратегии безопасности и региональной интеграции в условиях отсутствия готовых моделей в постсоветский период. Несмотря на значительное внимание к современному функционалу ШОС в отечественной и зарубежной историографии, эволюционные аспекты участия Казахстана в ее становлении, по нашей оценке, остаются недостаточно изученными (см., например: [14, с. 30]).

Проблема исследования, таким образом, состоит в том, что постсоветское становление казахстанской политики безопасности и последующая институциональная динамика ШОС в существующей литературе, как правило, рассматриваются раздельно, без установления прямой преемственности между ними.

Цель статьи – определить ключевые этапы, факторы и результаты эволюции политики Казахстана в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества в рамках ШОС (1991–2024 гг.). Гипотеза исследования состоит в том, что стратегия Казахстана в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества развивалась поступательно в условиях институциональной адаптации и внешнеполитического балансирования, что обеспечило устойчивое включение страны в механизмы региональной интеграции на площадке ШОС и позволило ей сформировать образ посредника и инициатора в Евразийском регионе.

В целом исследование направлено на выявление ключевых этапов и факторов, определивших роль Казахстана в ШОС, а также на оценку его вклада в укрепление региональной стабильности и интеграции. Полученные результаты имеют значение для понимания динамики международных отношений в Центральной Азии и перспектив развития ШОС.

Методы и материалы. Исследование опирается на широкий круг источников, обеспечивающий комплексный анализ эволюции внешнеполитической стратегии Казахстана в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества в рамках ШОС. Основу источниковой базы составляют следующие категории: официальные документы, включая Устав ШОС [34], декларации и программные документы организации (2001–2024 гг.) [3], а также стратегии национальной безопасности Республики Казахстан (2007, 2012, 2021 гг.) [8] и концепции внешней политики (1995, 2001, 2014, 2020 гг.) [17, с. 123]. Эти материалы позволили реконструировать институциональные приоритеты

Казахстана и ШОС. Стенограммы и выступления включают тексты речей первого Президента Казахстана Н.А. Назарбаева и других официальных лиц на саммитах ШОС [20; 3], а также протоколы встреч в рамках «Шанхайской пятерки» (1996–2000 гг.) [28]. Архивные материалы из архивов и фондов, в том числе МИД Казахстана, содержат переписку по вопросам демаркации границ и протоколы переговоров по созданию ШОС [20]. Периодические издания, такие как «Казахстанская правда» [30], и аналитические доклады, включая отчеты Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), дополняют источниковую базу [41, p. 22]. Научная литература представлена работами казахстанских, российских и зарубежных авторов по вопросам региональной безопасности и ШОС, включая монографии Б. Бузана (Великобритания) [39, p. 50], а также работы Ма Ифэн (КНР) [16].

Методологическая основа исследования сочетает исторический институционализм и структурно-хронологический подход [40, p. 45]. Исторический институционализм применялся для анализа изменений в институциональной структуре ШОС и внешнеполитических стратегий Казахстана, выявления факторов, обусловивших их эволюцию. Структурно-хронологический подход позволил выделить три ключевых этапа трансформации: 1991–2000 гг. (постсоветский старт), 2001–2010 гг. (институционализация ШОС) и 2011–2024 гг. (адаптация к новым вызовам). Дополнительно использовались методы контент-анализа официальных документов и выступлений для выявления приоритетов внешней политики Казахстана, сравнительного анализа стратегий Казахстана и других государств-членов ШОС, а также кейс-стади инициатив, таких как создание РАТС и проект «Хоргос» [21, с. 76]. Теоретическая рамка базируется на концепции «региональных комплексов безопасности» Барри Бузана, которая использовалась для интерпретации взаимодействий государств Центральной Азии в контексте транснациональных угроз [39, p. 50]. Подход к многоуровневому регионализму позволил проанализировать роль Казахстана как посредника между национальными, региональными и глобальными уровнями управления безопасностью [38, p. 55].

В отличие от большинства существующих исследований, акцентирующих внимание преимущественно на текущей деятельности ШОС или концептуальном анализе ее мандата, ниже представлена авторская периодизация трансформации внешнеполитической стратегии Казахстана в сфере региональной безопасности, основанная на институциональной логике и фазовых изменениях международной среды. Предложенные три этапа – 1. Постсоветский старт (1991–2000 гг.). 2. Институционализация ШОС (2001–2010 гг.). 3. Адаптация к новым вызовам (2011–2024 гг.) – позволяют системно увязать внутренние приоритеты Казахстана с эволюцией региональной архитектуры безопасности и формируют вклад в изучение многоуровневого регионализма в Центральной Азии.

Анализ. 1. *Постсоветский старт: начальные вызовы региональной безопасности и приграничного сотрудничества Казахстана (1991–2000 гг.).* Распад СССР разрушил централизованную систему безопасности, оставив Казахстан перед необходимостью формирования национальной политики в условиях институционального вакуума. После распада СССР Казахстан унаследовал значительный военный потенциал, включая ядерный арсенал [2, с. 115], что стало фактором стратегической ответственности молодого государства. В то же время отсутствие самостоятельных институтов обороны и пограничного контроля обнажило новые риски безопасности, требовавшие институциональных решений.

Ключевым шагом стало решение об отказе от ядерного оружия в 1992 г., поддержанное Лиссабонским протоколом, что укрепило международный статус Казахстана и снизило региональную напряженность [19, с. 23]. Параллельно формировалась национальная система безопасности: в 1993 г. принята Военная доктрина, акцентировавшая защиту суверенитета [25], а Пограничная служба КНБ начала обустройство границ, особенно с Китаем. Эти меры сопровождались сложностями, обусловленными необходимостью адаптации институциональных структур и практик, унаследованных от советского периода, к условиям независимого государственного развития.

Политическая элита Казахстана начала выстраивать многовекторную внешнюю политику, балансируя между сохранением связей с Россией через СНГ и развитием отношений с Китаем и Западом. В 1995 г. была принята первая Концепция внешней политики, закрепившая принципы равноправного партнерства, миролюбия и диверсификации международных связей (согласно анализу в источнике) [17, с. 123].

В условиях нестабильности в Центральной Азии, вызванной гражданской войной в Таджикистане (1992–1997 гг.) и ростом экстремизма в Ферганской долине, Казахстан выступал за региональное сотрудничество [5, с. 74]. Важным этапом стало подписание в 1996 г. Соглашения об укреплении доверия в военной области в рамках «Шанхайской пятерки», участники которого зафиксировали, что оно является важным вкладом в поддержание мира в азиатско-тихоокеанском регионе [28]. Это соглашение заложило основу для будущей ШОС, создав механизмы транспарентности и сокращения войск в приграничных зонах. Начальный период характеризовался переходом от ответных действий к поиску многосторонних форматов, что привело к тому, что Казахстан начал позиционировать себя как активный участник системы региональной безопасности.

2. *Формирование институциональных рамок: участие Казахстана в становлении и развитии ШОС (2001–2010 гг.).* Следует подчеркнуть, что изначальный мандат ШОС был ориентирован на обеспечение мира, безопасности и стабильности в Евразии, а экономическое сотрудничество рассматривалось как инструмент укрепления доверия между участниками – Хартия ШОС прямо называла в числе основных целей организации «укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства» и «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму» [34, ст. 1]. Создание ШОС в 2001 г. стало поворотным моментом для Казахстана, предоставив платформу для реализации его многовекторной внешней политики [37, с. 25]. Трансформация «Шанхайской пятерки» в ШОС, с присоединением Узбекистана, отражала необходимость системного ответа на транснациональные угрозы. Казахстан сыграл ключевую роль в институционализации организации, поддерживая расширение ее мандата. В 2004 г. в Ташкенте была открыта штаб-квартира РАТС, что стало важным шагом в борьбе с экстремизмом [33, с. 34]. Казахстан активно участвовал в разработке оперативных планов РАТС, а в 2007 г. на саммите в Бишкеке Нурсултан Назарбаев как Президент Республики Казахстан подчеркнул, иллюстрируя официальную позицию Казахстана следующим тезисом: «*Как активный сторонник региональной интеграции, Казахстан поддерживает усилия ШОС в укреплении зоны безопасности, политической стабильности и устойчивого экономического роста в Центральной Азии… Отрадно, что во всех государствах-членах Организации наблюдается устойчивый социально-экономический рост, происходит увеличение объемов взаимной торговли и инвестиций между государствами – членами ШОС*» [20]. Эта позиция подтверждает последовательную приверженность Казахстана многосторонним механизмам обеспечения региональной безопасности в рамках ШОС.

Экономическое измерение ШОС находилось в фокусе казахстанской политики. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев предлагал создание транспортных коридоров и Банка развития ШОС [1, с. 28]. Инициатива по созданию Банка развития ШОС получила поддержку со стороны Китая и России. Премьер-министр Китая Вэнь Цзябао выразил согласие с предложением, подчеркнув необходимость разработки механизмов финансового сопровождения проектов в рамках ШОС [7]. В последующие годы идея создания Банка развития ШОС оставалась в повестке дня. На саммите ШОС в 2023 г. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев вновь поднял вопрос о необходимости создания совместного инвестиционного фонда и банка развития, отметив, что за более чем 20 лет существования организации не удалось реализовать ни одного крупного экономического проекта под ее эгидой [23].

Хотя идея банка не была реализована, инициативы по логистической взаимосвязанности, такие как проект «Западная Европа – Западный Китай», укрепили транзитный потен-

циал Казахстана [6, с. 68]. Приграничное сотрудничество стало важным направлением. В 2004 г. Казахстан и Китай подписали рамочное соглашение о создании Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос», который к 2011 г. превратился в специальную экономическую зону [27, с. 35].

Сотрудничество по укреплению безопасности продолжало развиваться в рамках совместных тактических маневров. Антитеррористические учения «Мирная миссия» в 2007 г. позволили отработать сценарии пресечения трансграничных угроз [10]. Помимо военных учений, актуальность приобретало и противодействие наркотрафику как одному из трансграничных вызовов безопасности. По данным UNODC, в 2001–2010 гг. через Казахстан проходило до 10 % афганского героина, направлявшегося в Европу [41, p. 22]. Наряду с силовыми и правоохранительными механизмами Казахстан развивал и гуманитарное измерение сотрудничества. Казахстан также продвигал гуманитарное сотрудничество, поддерживая создание Университета ШОС [32]. В этот период Казахстан утвердился как инициатор и посредник, способствуя формированию устойчивой архитектуры безопасности.

3. *Активизация многостороннего сотрудничества и институциональная зрелость ШОС (2011–2024 гг.).* С 2011 г. ШОС столкнулась с новыми вызовами, включая расширение состава (присоединение Индии и Пакистана в 2017 г.). Главы государств-членов прямо охарактеризовали его как «исторический характер приема Республики Индии и Исламской Республики Пакистан в качестве полноправных государств – членов Организации» [3], геополитическую конкуренцию и рост нетрадиционных угроз [12, с. 131]. Казахстан адаптировал свою стратегию, акцентируя превентивные меры и интеграцию безопасности с устойчивым развитием. В 2015 г., в ходе параллельного саммита БРИКС и ШОС в Уфе, Н. Назарбаев предложил концепцию «экономики безопасности», имеющую межплатформенный характер и отражающую стремление Казахстана интегрировать экономические и гуманитарные меры в повестку региональной стабильности [18]. Это нашло отражение в сопряжении программы «Нурлы жол» с инициативой «Один пояс, один путь» [16, с. 165].

Приграничное сотрудничество продолжало развиваться. Проект «Хоргос» к 2020 г. привлек инвестиции в размере 3 миллиардов долларов [36, с. 121]. Учения «Сары-Арка – Антитеррор – 2019» прошли на территории Республики Казахстан с участием компетентных органов государств – членов ШОС под координацией РАТС и укрепили координацию в борьбе с терроризмом [26]. Об этом также свидетельствует статистика правоохранительных органов: по данным МВД Казахстана, в 2015–2020 гг. было выявлено свыше 500 попыток нелегального пересечения границы [4, с. 12]. Казахстан инициировал обсуждение экологической безопасности в рамках своего председательства в ШОС (2023–2024 гг.), организовав в Секретариате ШОС 26 февраля 2024 г. круглый стол «Экологическая безопасность в государствах – членах ШОС», приуроченный к объявленному в 2024 г. «Году экологии ШОС» [15], поднимая вопросы управления реками Или и Иртыш [22, с. 235].

В условиях глобальной нестабильности Казахстан выступал за модернизацию ШОС, предлагая создание диалога с ЕАЭС и ООН. Эти инициативы укрепили роль организации, а Казахстан зарекомендовал себя как лидер, способствующий региональной интеграции. При этом важно разграничить сферы: индустриально-технические аспекты кооперации преимущественно реализуются в рамках ЕАЭС и СНГ, в то время как ШОС выполняет координационную и консультационную роль в укреплении многоуровневого взаимодействия.

Если сопоставить инициативы Казахстана с подходами других ключевых государств Центральной Азии, то можно выделить ряд особенностей. Например, Узбекистан, особенно после 2016 г., демонстрирует возрастающую заинтересованность в усилении роли ШОС в экономической интеграции и приграничном сотрудничестве, включая развитие транспортных узлов и логистики [35]. Кыргызстан же акцентирует внимание на гуманитарном сотрудничестве, особенно в контексте образования и культуры [11]. Казахстан отличается более проактивным институциональным лидерством: он регулярно инициирует форматы, выходящие за рамки мандата ШОС,

включая обсуждение цифровой и экологической безопасности. Данное сопоставление демонстрирует, что Казахстан не только адаптируется к формирующимся вызовам, но и стремится задавать повестку, позиционируясь как системообразующий участник региональной кооперации.

Также стоит отметить, что в последние десятилетия Казахстан сталкивался с рядом глобальных и региональных вызовов, оказывающих влияние на стратегические приоритеты в сфере безопасности. К числу таких вызовов относятся развитие ситуации в Афганистане, изменения в геополитической обстановке в Восточной Европе и введение международных санкций в отношении ряда государств.

Во-первых, развитие ситуации в Афганистане после 2001 г., включая вывод сил международной коалиции и последующие изменения, создало новые риски для Центральной Азии, связанные с трансграничной преступностью, наркотрафиком и угрозами экстремизма. Казахстан, осознавая потенциальные вызовы, активно участвовал в международных усилиях по стабилизации ситуации, включая гуманитарную помощь и поддержку образовательных программ для афганских студентов [13].

Во-вторых, события в Восточной Европе в 2014 и 2022 гг. привели к переосмыслению подходов к региональной безопасности. Казахстан, придерживаясь принципов многовекторной внешней политики, подчеркнул важность соблюдения суверенитета и территориальной целостности государств, а также необходимость мирного разрешения конфликтов [9]. В этом контексте страна усилила взаимодействие с различными международными партнерами, включая Китай, Турцию и государства Европейского союза, что, на наш взгляд, было связано с целью диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления собственной безопасности.

В-третьих, введение международных санкций в отношении ряда дружественных стран оказало влияние на экономические и торговые связи в регионе. Казахстан столкнулся с необходимостью адаптации к новым условиям, включая поиск альтернативных маршрутов для экспорта энергоресурсов и развитие транспортной инфраструктуры, например, в рамках Транскаспийского международного транспортного маршрута [29]. Кроме того, страна активизировала усилия по привлечению инвестиций и укреплению сотрудничества в рамках ШОС, в частности, продвигая Международный финансовый центр «Астана» в качестве платформы для прямых и портфельных инвестиций в региональные проекты [23], что позволило смягчить негативные последствия внешнеэкономических ограничений.

Практическое участие Казахстана в институтах ШОС демонстрирует, что построение региональной безопасности и интеграции опирается на принципы равноправия и взаимного учета интересов всех государств-участников – включая Россию и Китай как ключевые для региона державы, чьи позиции во многом определяют институциональную повестку организации. При этом предложенная в статье периодизация носит аналитический, а не оценочный характер и не призвана служить оценкой вклада отдельных государств. В итоге Казахстан продемонстрировал способность гибко реагировать на внешние вызовы, адаптируя стратегию безопасности и внешнеполитические приоритеты в условиях турбулентной геополитической обстановки. Это подчеркивает важность многовекторного подхода и активного участия в региональных и международных организациях для обеспечения устойчивого развития и безопасности страны. Обобщенное сопоставление целей, инициатив и глобального контекста по каждому из трех этапов представлено в таблице ниже.

Результаты. Настоящее исследование, посвященное эволюции внешнеполитической стратегии Казахстана в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества в рамках ШОС за период 1991–2024 гг., позволило выявить ключевые этапы трансформации и оценить вклад Казахстана в региональную интеграцию. Анализ подтвердил применимость предложенной периодизации, которая отражает качественные сдвиги, выраженные в переходе от постсоветского поиска внешнеполитической идентичности к институциональной зрелости и адаптации внешнеполитического курса в рамках ШОС к новым вызовам международной среды.

На первом этапе (1991–2000 гг.) Казахстан заложил основы своей политики безопас-

Сравнение целей внешнеполитической стратегии Казахстана в сфере региональной безопасности и приграничного сотрудничества (1991–2024 гг.)

Comparison of the goals of Kazakhstan's foreign policy strategy in the field of regional security and cross-border cooperation (1991–2024)

Этап	Основные цели	Ключевые инициативы	Глобальный контекст
1991–2000 гг. Постсоветский старт	Обеспечение суверенитета, демаркация границ, формирование многовекторной внешней политики	Отказ от ядерного оружия, участие в «Шанхайской пятерке», Военная доктрина (1993 г.)	Распад СССР, институциональный вакуум, гражданская война в Таджикистане, нестабильность в Ферганской долине
2001–2010 гг. Институционализация ШОС	Создание институциональных рамок ШОС, борьба с транснациональными угрозами, экономическая интеграция	Создание РАТС, проект «Хоргос», предложение о создании Банка развития ШОС	Война в Афганистане (2001 г.), рост угроз экстремизма, глобализация и развитие китайских глобальных инициатив
2011–2024 гг. Адаптация к новым вызовам	Превентивные меры, интеграция безопасности с устойчивым развитием, модернизация ШОС	Концепция «экономики безопасности», сопряжение «Нурлы жол» с «Один пояс, один путь», экологические инициативы	Украинский кризис (2014, 2022 гг.), вывод войск из Афганистана (2021 г.), санкции против России, рост геоэкономической фрагментации, обострение конкуренции США – КНР

Примечание. Составлено по: [2; 3; 12; 15; 18; 20; 22; 25; 28; 31; 33; 34; 37].

ности в условиях постсоветского вакуума. Отказ от ядерного оружия, принятие первой Концепции внешней политики и участие в создании «Шанхайской пятерки» стали важными шагами в обеспечении суверенитета и поиске региональных партнеров, предвосхитившими последующую институционализацию сотрудничества в рамках ШОС. Эти меры позволили Казахстану преодолеть институциональный дефицит и начать формирование многовекторной внешней политики.

Таким образом, первый этап демонстрирует общую логику постсоветской трансформации, поскольку становление национальных институтов безопасности выступало необходимой предпосылкой для последующей институционализации многостороннего сотрудничества, а это, в свою очередь, определяет переход к следующему этапу анализа.

Второй этап (2001–2010 гг.) ознаменовался институционализацией ШОС и активным участием Казахстана в ее развитии. Создание РАТС, запуск проекта «Хоргос» и инициативы в области экономической интеграции подчеркивают переход страны от реагирования к проактивному участию. Совместные учения и гуманитарные проекты укрепили позиции страны как посредника, способствующего снижению трансграничных угроз и углублению кооперации.

На третьем этапе (2011–2024 гг.) Казахстан адаптировал свою стратегию к новым вызовам, включая расширение ШОС, рост нетрадиционных угроз, обострение геополитической нестабильности и геоэкономической фрагментации. Сопряжение инициатив «Нурлы жол» и «Пояс и путь», наряду с самостоятельным развитием экологической повестки, стало признаком смещения акцентов ШОС в сторону экономической связанности и устойчивого развития, дополняющих ее традиционный фокус на вопросах безопасности.

С учетом накопленного опыта и устойчивой внешнеполитической линии, можно предположить, что в будущем Казахстан продолжит укреплять свою роль как посредника и инициатора внутри ШОС, способного предлагать компромиссные решения и институциональные инициативы. В условиях трансформации международного порядка Казахстан, вероятно, будет стремиться к расширению повестки ШОС за пределы традиционных угроз – в сферу цифровой безопасности, противодействия киберугрозам и обеспечения устойчивости критической инфраструктуры.

Эти направления пока недостаточно институционализированы в рамках ШОС, что открывает окно возможностей для Казахстана в качестве модератора новых форм сотрудничества. Потенциал в этих сферах обусловлен высокой степенью ИКТ-развития и стремлением Казахстана к технологической интеграции с Азией и Европой.

Кроме того, в условиях углубляющейся геоэкономической фрагментации, вызванной разрывом логистических цепочек, санкционной политикой и конкуренцией торговых блоков, ШОС может стать площадкой для координации евразийских экономических маршрутов и альтернативных форматов взаимодействия. Казахстан, обладая выгодным транзитным положением и устойчивой внешнеэкономической репутацией, способен сыграть важную роль в создании новой системы региональной кооперации.

Таким образом, исследование подчеркивает уникальную роль Казахстана в трансформации подходов к региональной безопасности в рамках ШОС – от опоры на платформу для решения локальных вопросов к механизму региональной и глобальной безопасности. Многовекторная внешняя политика страны не только обеспечила внутреннюю устойчивость, но и создала предпосылки для ее дальнейшего лидерства в евразийском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдаков И. Ю. Шанхайская организация сотрудничества и перспективы развития международного транспорта в странах-участницах ШОС // Человек и природа: социальный капитал / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина. Симферополь: Аян: Доля, 2009. С. 28–30.
2. Амангельдин Р. Вклад Казахстана в дело ядерного разоружения // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1–4 (20). С. 115–116.
3. Астанинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 9 июня 2017 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5206
4. Ахметкалиев М. О. Совершенствование государственной политики в сфере незаконной миграции в условиях глобальных вызовов : магист. проект. Астана: Акад. гос. упр. при Президенте Республики Казахстан, 2022. 120 с.
5. Бобохонов Р. С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 годы). Причины, ход, последствия и уроки // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 74–83.
6. Вардомский Л. Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 8 (494). С. 59–80. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2015-8-59-80
7. Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. URL: https://globalaffairs.ru/articles/priruchit-drakona/
8. Глава государства подписал Указ «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021–2025 годы» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhdenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354
9. Глава МИД: Казахстан заинтересован, чтобы Украина оставалась целостным государством // Informburo.kz. 2022. 11 марта. URL: https://informburo.kz/novosti/glava-mid-rk-kazaxstan-zainteresovan-ctoby-ukraina-ostavalas-celostnym-gosudarstvom
10. Главы государств ШОС наблюдали за учениями «Мирная миссия-2007» // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2007. 18 авг. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/200708/t20070818_763607.html
11. Гунгер В., Басарбеков Б. Кыргызстан высоко ценит всестороннее сотрудничество с ШОС и Китаем // Вечерний Бишкек. 2026. 14 июля. URL: https://www.vb.kg/doc/460103_kyrgyzstan_vysoko_cenit_vsestoronnee_sotrydnichestvo_s_shos_i_kitaem.html
12. Еникеев Ш. М., Лукин А. В., Новиков Д. П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 1. С. 129–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06
13. ЕС профинансирует обучение афганских женщин в Казахстане // Афганистан.Ру. 2018. 11 марта. URL: https://afghanistan.ru/doc/119199.html
14. Кембаев Ж. М. Проблемы и перспективы членства Республики Казахстан в Шанхайской Организации Сотрудничества // Юрист. 2012. № 11. С. 44–52.

15. Круглый стол «Экологическая безопасность в государствах-членах ШОС», 26 февраля 2024 г. // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://rus.sectsco.org/20240228/1283382.html

16. Ма Ифэн. Казахстанский проект «Нурлы жол» и китайская инициатива «Один пояс и один путь»: точки сопряжения и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2022. № 5. С. 159–179.

17. Мамедов А. В. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 121–130. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130

18. Мировые встречи и деловые поездки Президента Н. Назарбаева в 2015 году // Inform.kz. 2015. 8 дек. URL: https://www.inform.kz/amp/mirovye-vstrechi-i-delovye-poezdki-prezidenta-n-nazarbaeva-v-2015-godu-foto_a2847697

19. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Проблема сохранения Будапештского Меморандума как действенной гарантии ядерной безопасности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 22–37.

20. Назарбаев Н. А. Выступление на саммите ШОС в Бишкеке, 16 августа 2007 года // Uchet.kz. URL: https://uchet.kz/news/vystuplenie-prezidenta-n-a-nazarbaeva-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-v-rasshirenno/

21. Назарова К. Б., Вэн Цзян, Сагиндыкова Ж. К. Сравнительный анализ подходов России и Китая к развитию Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2023. Т. 144, № 3. С. 71–79. DOI: 10.32523/2616-6887/2023-144-3-71-79

22. Национальный доклад о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов Республики Казахстан за 2020 год. Астана: М-во экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан, 2020. 280 с.

23. Павленко О. Токаев: за 20 лет ШОС не удалось реализовать ни одного крупного проекта // Коммерсантъ. 2023. 4 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6083185

24. Плотников Д. С. Центральная Азия в контексте мировой политики. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. 94 с.

25. Постановление Президента Республики Казахстан от 11 февраля 1993 г. № 1094 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U930001094

26. Сартаева Д. Сары-Арка – Антитеррор – 2019 // Saryarqatv.kz. 2019. 27 июня. URL: https://saryarqatv.kz/ru/news/12780

27. Смагулов А. Б. Перспективы развития сухого порта СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» в рамках расширения международного сотрудничества // Проблемы науки. 2016. № 4 (5). С. 35–38. URL: https://scienceproblems.ru/images/PDF/2016/4/PN-4-5.pdf

28. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/518552

29. Сумароков Е. Транскаспийский международный транспортный маршрут: неопределенный потенциал // РЖД-Партнер. 2025. 18 дек. URL: https://www.rzd-partner.ru/kolonka-eksperta/transkaspiyskiy-mezhdunarodnyy-transportnyy-marshrut-neopredelennyy-potentsial/

30. Тусупбекова Л. По пути безопасности и сотрудничества // Казахстанская правда. 2011. 16 июня (№ 189).

31. Указ Президента Республики Казахстан от 15 июня 1995 г. № 2331 «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002331_

32. Университет ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://rus.sectsco.org/20231127/1179905.html

33. Устав Региональной антитеррористической структуры ШОС. Ташкент: Секретариат ШОС, 2004. 50 с.

34. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450

35. Хонназаров Г. Многогранность внешней политики Нового Узбекистана // Uza.uz. 2024. 19 дек. URL: https://uza.uz/ru/posts/mnogogrannost-vneshney-politiki-novogo-uzbekistana_669937

36. Цюй Цюжунь. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 121–126. DOI: 10.17223/19988613/81/14

37. Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии / М. В. Данилович [и др.]; под ред. А. А. Розанова. Минск; Алматы; Женева, 2012. 194 с.

38. Adler E., Barnett M. Security Communities. New York: Cambridge University Press, 1998. 250 p. DOI: 10.1017/CBO9780511595361

39. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p. DOI: 10.1017/CBO9780511610226

40. Mahoney J., Rueschemeyer D. Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. London: Routledge, 2010. 300 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803963

41. UNODC. World Drug Report. Vienna: UN, 2010. 80 p.

REFERENCES

1. Avdakov I.Yu. Shanhayskaya organizatsiya sotrudnichestva i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo transporta v stranakh-uchastnitsakh ShOS [The Shanghai Cooperation Organization and Prospects for the Development of International Transport in the SCO Member States]. Kulpin-Gubaydullin E.S., ed. *Chelovek i priroda: sotsialnyj kapital* [Man and Nature: Social Capital]. Simferopol, Ayan Publ., Dolya Publ., 2009, pp. 28-30.

2. Amangeldin R. Vklad Kazakhstana v delo yadernogo razoruzheniya [Kazakhstan's Contribution to Nuclear Disarmament]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatelskiy zhurnal*, 2014, no. 1-4 (20), pp. 115-116.

3. Astaninskaya deklaratsiya glav gosudarstv – chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva ot 9 iyunya 2017 goda [Astana Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation of June 9, 2017]. *Ofitsialnyj sayt Prezidenta Rossii* [Official Website of the President of Russia]. URL: http://kremlin.ru/supplement/5206

4. Akhmetkaliev M.O. *Sovershenstvovanie gosudarstvennoy politiki v sfere nezakonnoy migratsii v usloviyakh globalnykh vyzovov: magist. proyekt* [Improving State Policy in the Field of Illegal Migration in the Context of Global Challenges. Master's Project]. Astana, Akad. gos. upr. pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2022. 120 p.

5. Bobokhonov R.S. Grazhdanskaya voyna v Tadzhikistane (1992–1997 gody). Prichiny, hod, posledstviya i uroki [The Civil War in Tajikistan (1992–1997). Causes, Course, Consequences and Lessons]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2011, no. 4, pp. 74-83.

6. Vardomskiy L.B. Tranzitnyj potentsial Kazakhstana v kontekste evraziyskoy integratsii [Transit Potential of Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration]. *EKO*, 2015, no. 8 (494), pp. 59-80. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2015-8-59-80

7. Gabuev A. Priruchit drakona. Kak ispolzovat finansovye ambitsii Kitaya v ShOS [Tame the Dragon. How to Use China's Financial Ambitions in the SCO]. *Rossiya v globalnoy politike*, 2015, no. 1. URL: https://globalaffairs.ru/articles/priruchit-drakona/

8. Glava gosudarstva podpisal Ukaz «Ob utverzhdenii Strategii natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan na 2021–2025 gody» [The Head of State Signed a Decree «On approval of the National Security Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2021–2025»]. *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]. URL: https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhdenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354

9. Glava MID: Kazakhstan zainteresovan, chtoby Ukraina ostavalas tselostnym gosudarstvom [Foreign Minister: Kazakhstan Is Interested in Ukraine Remaining an Integral State]. *Informburo.kz*, 2022, Mar. 11. URL: https://informburo.kz/novosti/glava-mid-rk-kazaxstan-zainteresovan-ctoby-ukraina-ostavalas-celostnym-gosudarstvom

10. Glavy gosudarstv ShOS nablyudali za ucheniyami «Mirnaya missiya-2007» [The SCO Heads of State Observed the Exercises "Peace Mission-2007"]. *Ministerstvo inostrannykh del Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China], 2007, Aug. 18. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/200708/t20070818_763607.html

11. Gunger V., Basarbekov B. Kyrgyzstan vysoko tsenit vsestoronnee sotrudnichestvo s ShOS i Kitaem [Kyrgyzstan Highly Values Comprehensive Cooperation with the SCO and China]. *Vecherniy Bishkek*, 2026, July 14. URL: https://www.vb.kg/doc/460103_kyrgyzstan_vysoko_cenit_vsestoronnee_sotrydnichestvo_s_shos_i_kitaem.html

12. Yenikeev Sh.M., Lukin A.V., Novikov D.P. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva v novykh geopoliticheskikh usloviyakh [The Shanghai Cooperation Organisation in New Geopolitical Conditions]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 129-148. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06

13. ES profinansiruet obuchenie afganskikh zhenshchin v Kazakhstane [EU Will Finance the Training of Afghan Women in Kazakhstan]. *Afganistan.Ru*, 2018, Mar. 11. URL: https://afghanistan.ru/doc/119199.html

14. Kembaev J.M. Problemy i perspektivy chlenstva Respubliki Kazakhstan v Shankhayskoy Organizatsii Sotrudnichestva [Problems and Prospects of Membership of the Republic of Kazakhstan in the Shanghai Cooperation Organization]. *Yurist*, 2012, no. 11, pp. 44-52.

15. Kruglyj stol «Ekologicheskaya bezopasnost v gosudarstvakh-chlenakh ShOS», 26 fevralya 2024 g. [Round Table "Environmental Security in the SCO Member States", February 26, 2024]. *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva* [Shanghai Cooperation Organisation]. URl: https://rus.sectsco.org/20240228/1283382.html

16. Ma Yifeng. Kazakhstanskiy proekt «Nurly zhol» i kitayskaya initsiativa «Odin poyas i odin put»: tochki sopryazheniya i perspektivy [Kazakhstan's Nurly Zhol project and China's Belt and Road Initiative: Points of Convergence and Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 2022, no. 5, pp. 159-179.

17. Mamedov A.V. Vneshnyaya politika Kazahstana: utochnyaya prioritety [Kazakhstan's Foreign Policy: Adjusting the Priorities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2024, vol. 26, no. 1, pp. 121-130. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130

18. Mirovye vstrechi i delovye poezdki Prezidenta N. Nazarbaeva v 2015 godu [World Meetings and Business Trips of President N. Nazarbayev in 2015]. *Inform.kz*, 2015, Dec. 8. URL: https://www.inform.kz/amp/mirovye-vstrechi-i-delovye-poezdki-prezidenta-n-nazarbaeva-v-2015-godu-foto_a2847697

19. Mikhaylenko E.B., Verbitskaya T.V. Problema sokhraneniya Budapeshtskogo Memoranduma kak deystvennoy garantii yadernoy bezopasnosti [The Problem of Preserving the Budapest Memorandum as an Effective Guarantee of Nuclear Safety]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*, 2017, no. 4, pp. 22-37.

20. Nazarbaev N.A. Vystuplenie na sammite ShOS v Bishkeke, 16 avgusta 2007 goda [Speech at the SCO Summit in Bishkek, August 16, 2007]. *Uchet.kz*. URL: https://uchet.kz/news/vystuplenie-prezidenta-n-a-nazarbaeva-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-v-rasshirenno/

21. Nazarova K.B., Wen Jiang, Sagindykova Zh.K. Sravnitelnyj analiz podkhodov Rossii i Kitaya k razvitiyu Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva [Comparative Analysis of the Approaches of Russia and China to the Development of the Shanghai Cooperation Organization]. *Vestnik Evraziyskogo natsionalnogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya* [Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series], 2023, vol. 144, no. 3, pp. 71-79. DOI: 10.32523/2616-6887/2023-144-3-71-79

22. *Natsionalnyj doklad o sostoyanii okruzhayushchey sredy i ob ispolzovanii prirodnykh resursov Respubliki Kazakhstan za 2020 god* [National Report on the State of the Environment and on the Use of Natural Resources of the Republic of Kazakhstan for 2020]. Astana, M-vo ekologii, geologii i prirodnykh resursov Respubliki Kazakhstan, 2020. 280 p.

23. Pavlenko O. Tokaev: za 20 let ShOS ne udalos realizovat ni odnogo krupnogo proekta [Tokayev: In 20 years, the SCO Has Not Been Able to Implement a Single Major Project]. *Kommersant*, 2023, July 4. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6083185

24. Plotnikov D.S. *Tsentralnaya Aziya v kontekste mirovoy politiki* [Central Asia in the Context of World Politics. Textbook]. Perm, Perm. gos. nats. issled. un-t, 2020. 94 p.

25. *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 11 fevralya 1993 g. № 1094 «Ob utverzhdenii Voennoy doktriny Respubliki Kazakhstan»* [Resolution of the President of the Republic of Kazakhstan No. 1094 of February 11, 1993 "On Approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan"]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U930001094

26. Sartaeva D. Sary-Arka – Antiterror – 2019 [Sary-Arka – Antiterror – 2019]. *Saryarqatv.kz*, 2019, June 27. URL: https://saryarqatv.kz/ru/news/12780

27. Smagulov A.B. Perspektivy razvitiya sukhogo porta SEZ «Khorgos – Vostochnye vorota» v ramkakh rasshireniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Prospects for the Development of the Khorgos – Eastern Gate SEZ Dry Port Within the Framework of Expanding International Cooperation]. *Problemy nauki* [Science Problems], 2016, no. 4 (5), pp. 35-38. URL: https://scienceproblems.ru/images/PDF/2016/4/PN-4-5.pdf

28. Soglashenie mezhdu Rossiyskoy Federatsiey, Respublikoy Kazakhstan, Kirgizskoy Respublikoy, Respublikoy Tadzhikistan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ob ukreplenii doveriya v voennoy oblasti v rayone granitsy ot 26 aprelya 1996 goda [Agreement Between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on Confidence-Building in the Military Field in the Border Area of April 26, 1996]. *Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov* [Electronic Library of Historical Documents]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/518552

29. Sumarokov E. Transkaspiyskiy mezhdunarodnyj transportnyj marshrut: neopredelennyj potentsial [Trans-Caspian International Transport Route: Uncertain Potential]. *RZhD-Partner*, 2025, Dec. 18. URL: https://www.rzd-partner.ru/kolonka-eksperta/transkaspiyskiy-mezhdunarodnyy-transportnyy-marshrut-neopredelennyy-potentsial/

30. Tusupbekova L. Po puti bezopasnosti i sotrudnichestva [On the Path of Security and Cooperation]. *Kazakhstanskaya pravda*, 2011, June 16 (no. 189).

31. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 iyunya 1995 g. № 2331 «O ratifikatsii Soglasheniya mezhdu Respublikoy Kazakhstan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy o kazakhstansko-kitayskoy gosudarstvennoy*

granitse» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 2331 of June 15, 1995 "On Ratification of the Agreement Between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China on the Kazakh-Chinese State Border"]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002331_

32. Universitet ShOS [SCO University]. *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva* [Shanghai Cooperation Organisation]. URL: https://rus.sectsco.org/20231127/1179905.html

33. *Ustav Regionalnoy antiterroristicheskoy struktury ShOS* [Charter of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure]. Tashkent, Secretariat ShOS, 2004. 50 p.

34. Khartiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva ot 7 iyunya 2002 goda [Charter of the Shanghai Cooperation Organisation of June 7, 2002]. *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii* [Official Website of the President of Russia]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450

35. Khonnazarov G. Mnogogrannost vneshney politiki Novogo Uzbekistana [The Multifaceted Foreign Policy of the New Uzbekistan]. *Uza.uz*, 2024, Dec. 19. URL: https://uza.uz/ru/posts/mnogogrannost-vneshney-politiki-novogo-uzbekistana_669937

36. Qu Qiurun. Kazakhstan v initsiative «Odin poyas, odin put» (2013–2022 gg.) [Kazakhstan in the Belt and Road Initiative (2013–2022)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2023, no. 81, pp. 121-126. DOI: 10.17223/19988613/81/14

37. Danilovich M.V. et al. *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva i problemy bezopasnosti Evrazii* [The Shanghai Cooperation Organisation and the Security Problems of Eurasia]. Minsk; Almaty; Geneva, 2012. 194 p.

38. Adler E., Barnett M. *Security Communities*. New York, Cambridge University Press, 1998. 250 p. DOI: 10.1017/CBO9780511595361

39. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 564 p. DOI: 10.1017/CBO9780511610226

40. Mahoney J., Rueschemeyer D. *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. London, Routledge, 2010. 300 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803963

41. *UNODC. World Drug Report*. Vienna, UN, 2010. 80 p.

Information About the Authors

Kairat M. Batyrbayev, Master of Social Sciences, Lecturer, Higher School of Art and Humanities, Astana International University, Prosp. Kabanbai batyra, 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, eami.kairat@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-8350-1151

Svetlana B. Kozhirova, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Higher School of Art and Humanities, Astana International University, Prosp. Kabanbai batyra, 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, s.kozhirova@yandex.kz, https://orcid.org/0000-0001-7545-6676

Dana A. Karymsakova, Master of Social Sciences, Doctoral Student, Astana International University, Prosp. Kabanbai batyra, 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, dana.sabi@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-4279-7080

Информация об авторах

Кайрат Маратович Батырбаев, магистр социальных наук, преподаватель Высшей школы искусства и гуманитарных наук, Международный университет «Астана», просп. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, eami.kairat@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-8350-1151

Светлана Басейовна Кожирова, доктор политических наук, профессор Высшей школы искусства и гуманитарных наук, Международный университет «Астана», просп. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, s.kozhirova@yandex.kz, https://orcid.org/0000-0001-7545-6676

Дана Алимжановна Карымсакова, магистр социальных наук, докторант, Международный университет «Астана», просп. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, dana.sabi@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-4279-7080

www.volsu.ru

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.16

UDC 930.1:2
LBC 63.3(0)-7

Submitted: 22.07.2025
Accepted: 16.01.2026

CATHOLIC INTEGRISM CONTRA "SOLOVYOV'S MODERNISM" (BASED ON MATERIALS FROM UMBERTO BENIGNI ARCHIVAL COLLECTION)

Elena V. Besschetnova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation;
Saints Cyril and Methodius Church-Wide Graduate and Postgraduate School, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the perception of Vladimir Solovyov's philosophical and theological ideas in the context of Italian Catholic thought of the late 19th – early 20th centuries. *Methods and materials.* The work uses the method of contextual reconstruction and the microhistorical method of the "evidence paradigm." The main source base is the materials of Umberto Benigni's personal collection in the Vatican Apostolic Archives (AAV). *Analysis.* The study aims to show the complex dynamics of the interaction of Russian religious philosophy and Catholic thought, emphasizing the uniqueness of the experience of Russian Catholics of the Eastern rite in the context of global discussions about the future of Christianity. Particular attention is paid to the contribution of Catholic integrists, in particular Umberto Benigni, to the interpretation of Solovyov's project of Christian unity. The author examines the perception of the thinker's ideas, identifying similarities and differences in approaches to the main issues of church life and the future of Christianity. This study uses historical examples to illustrate the main trends in the development of Christian thought and practice in the early 20th century. The use of archival collections helped to establish an important addition to the study of the historical interaction of Russian religious philosophy and Western European Catholic thought. *Results.* The author concludes that integrists, while preserving the purity of traditional Catholic doctrine, negatively perceived Solovyov's project of Christian unity. This reception largely determined the further development of Catholic thought and became entrenched in the Western intellectual tradition. *Funding.* The article was prepared at National Research University Higher School of Economics within the framework of the work under the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00642 "The idea of Christian unity in Russian thought of the 20th – 21st centuries."

Key words: integrism, Christian unity, modernism, Russian Catholics, Universal Church, interfaith dialogue.

Citation. Besschetnova E.V. Catholic Integrism contra "Solovyov's Modernism" (Based on Materials from Umberto Benigni Archival Collection). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 187-198. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.16

© Бессчетнова Е.В., 2026

УДК 930.1:2
ББК 63.3(0)-7

Дата поступления статьи: 22.07.2025
Дата принятия статьи: 16.01.2026

КАТОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕГРИЗМ CONTRA «СОЛОВЬЕВСКИЙ МОДЕРНИЗМ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА УМБЕРТО БЕНИНЬИ)

Елена Валерьевна Бессчетнова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация;
Общецерковная Аспирантура и Доктурантура им. Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию восприятия философских и богословских идей Вл.С. Соловьева в контексте итальянской католической мысли конца XIX – начала XX века. Исследование ставит своей целью показать сложную динамику взаимодействия русской религиозной философии и католической мысли, подчеркивая уникальность опыта русских католиков восточного обряда в контексте глобальных дискуссий о будущем христианства. *Методы и материалы.* Основной базой источников являются материалы личного фонда интегриста Умберто Бениньи в Апостольском Архиве Ватикана (AAV), материалы Апостольской библиотеки Ватикана. В работе использован метод контекстуальной реконструкции и микроисторический метод «уликовой парадигмы». *Анализ.* Особое внимание уделяется вкладу католических интегристов, в частности, Умберто Бениньи в интерпретацию проекта христианского единства Соловьева. Автор рассматривает особенности восприятия идей мыслителя, выявляя сходства и различия подходов к основным вопросам церковной жизни и будущего христианства, показывая, что рецепция существенно зависела от контекста антимодернистской кампании понтификата Пия X. Несмотря на внешнее согласие с отдельными аспектами концепции Соловьева, интегризм, отрицая принципиально саму возможность равноправного диалога между христианскими конфессиями, существенно повлиял на позицию Святого Престола в XX веке. Настоящее исследование позволяет проиллюстрировать основные тенденции в развитии христианской мысли и практике в начале XX века. Архивные источники (дневниковые записи, рабочие заметки, личная переписка) помогли выявить важные дополнения к пониманию взаимосвязи русской религиозной философии и западноевропейской католической мысли. Особое внимание было уделено сложной динамике восприятия и оценки творчества Соловьева в Европе начала XX века. *Результаты.* Автор делает вывод, что интегристы, сохраняя чистоты традиционной католической доктрины, негативно восприняли проект христианского единства Соловьева. Данная рецепция во многом определила дальнейшее развитие католической мысли и закрепилась в западной интеллектуальной традиции. *Финансирование*. Статья выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках реализации работ по гранту РНФ № 25-28-00642 «Идея христианского единства в русской мысли XX–XXI веков».

Ключевые слова: интегризм, христианское единство, модернизм, русские католики, Вселенская Церковь, межконфессиональный диалог.

Цитирование. Бессчетнова Е. В. Католический интегризм contra «соловьевский модернизм» (по материалам фонда Умберто Бениньи) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 187–198. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.16

Введение. Во второй половине XIX – начале XX в. философия и богословие русского мыслителя Вл.С. Соловьева (1853–1900) получили широкий отклик не только в России, но и в западноевропейском интеллектуальном пространстве, в частности в католических кругах. Еще при жизни философа его взгляды привлекли внимание католических деятелей и сторонников идеи христианского единства: кардиналов Винченцо и Серафимо Ванутелли, статс-секретаря Ватикана кардинала Мариано Рамполла, епископа дьяковарского (боснийнского и сремского) Йосипа Юрая Штроссмайера, каноника иллирийского капитула св. Иеронима в Риме и редактора первого в Хорватии научного журнала *Književnik* Франьо Рачки, о. Чезаре Тондини де Кваренги из ордена варнавитов, способствовавшего подписанию конкордатов Святого Престола с православными странами на Балканах и разра-

батывавшего единый календарь для православных и католиков, епископа Розеа Феликса Журдан де ла Пассардиер, сыгравшего значительную роль в появлении движения христианских демократов, французского журналиста католического издания *L'Univers* Евгения Тавернье и других. В начале XX в. идеи Соловьева были популярны преимущественно в среде католических модернистов. Богослов и руководитель славянского отделения Института Восточной Европы Аурелио Пальмьери опубликовал несколько статей о философе, назвав его апостолом христианского единства. Мишель д'Эрбиньи написал работу *Vladimir Soloviev: Un Newman russe* (1911), благодаря которой в католических кругах о Соловьеве заговорили как «провозвестнике идеи христианского единства и унии Рима с православными церквями» [22, p. 13].

Одно из самых интересных взаимодействий произошло между идеями Соловьева и позицией итальянского богослова, антимодерниста, организатора движения католического интегризма Умберто Бениньи (1862–1934). Бениньи в годы понтификата Льва XIII проявил интерес к программе социального христианства. В этот период он начал писать знаменитую работу *La Storia sociale della Chiesà* (1906). Пик его активности пришелся на период понтификата Пия X, когда Бениньи поставил свою неутомимую деятельность на службу католического интегризма. Папа Пий X 8 сентября 1907 г. опубликовал энциклику *Pascendi dominici gregis*, адресатом которой были сторонники модернизации. Понтифик обвинял их в глупом увлечении идеями, подразумевающими демократизацию церковного управления, его децентрализацию и формирование рациональной теологии. Пий X назвал модернизм синтезом еретических идей и предупредил, что его приверженцы будут найдены не только среди врагов Церкви, но и среди духовенства [19]. Современный исследователь и архивист Алехандро Марио Диегес, резюмируя актуальные научные позиции о влиянии позиции папы на взгляды интегристов, отметил: «Энергичные репрессии, осуществляемые Римской курией, и дисциплинарные меры, введенные понтификом, особенно в энциклике *Pascendi Dominici gregis*, наложились на интенсивную обличительную деятельность интегристов, которые, отказываясь идти на какой-либо компромисс с требованиями, считавшимися модернистскими, осуждали – справедливо или несправедливо – любого, кто, как им казалось, отклонялся от каноничности» [17, p. 495]. Бениньи был одним из авторов данной энциклики. Он поддерживал церковную программу Пия X под лозунгом «Восстановить все во Христе». Речь шла об восстановлении «церковной империи», возвращении политического статуса понтифика и об укреплении влияния Римско-католической церкви в европейском обществе после революционной турбулентности, потери светской власти папой во второй половине XIX века.

Бениньи стал одним из лидеров интегризма в борьбе против экуменизма, либерализма и христианской демократии в католическом мире. Он являлся руководителем антимодернистского бюллетеня *La Corrispondenza Romana* (позднее *La Correspondance de Rome*) [1] и лидером организации *Sodalitium Pianum* [2]. Данная сеть стремилась бороться с любыми проявлениями либерализации в католической среде, защищая традиционные ценности и доктринальную ортодоксальность. Бениньи поддержал жесткий контроль над внутренней жизнью церкви, содействуя созданию атмосферы недоверия и репрессий в отношении сторонников обновления и реформ. Он считал, что основные католические принципы остаются неизменными вне зависимости от духа времени, государственных интересов и возможности практической выгоды: «Всегда остается только то, чему учил Христос, что церковь провозгласила, папы и Соборы определили. И то, что называется интегризмом создано для того, чтобы утверждать эту позицию против любых противоположных усилий [20, p. 27].

Метод и материалы. Анализ материалов фонда Бениньи, хранящихся в Апостольском Архиве Ватикана, не только подтверждает знакомство интегристов с проектом христианского единства Соловьева, но и позволяет реконструировать ранее неизвестные детали последующей рецепции идей философа, их влияние на религиозную атмосферу и специфику церковного устройства как в России, так и на Западе. Если в случае оценки значения наследия Соловьева для католиче-

ства современные исследователи едины и пишут о том, что философ стал предтечей идей, ставших во второй половине XX в. основой межконфессионального диалога, и повлиял на отдельные положения Второго Ватиканского собора [3], то изучение влияния философа на религиозное пространство России зачастую ограничивается только исследованием его ключевой роли в становлении русской религиозной философии, минуя важный и малоизученный сюжет из истории религии России – создание и непростые условия деятельности католических общин византийского обряда после Манифеста 17 октября 1905 года.

Интегризм и «соловьевский модернизм» русских католиков восточного обряда. Появление русских католических общин византийского обряда стало уникальным духовным явлением, ставшим возможным благодаря особой религиозно-философской атмосфере Серебряного века. Идеи Соловьева во многом определили не только интеллектуальные, но и религиозные поиски эпохи. Философ считал, что православию в России для преодоления внутреннего духовного кризиса необходимо воссоединение с Вселенской Церковью во главе с Римским Первосвященником. Он не призывал к буквальной унии с Римом, а разрабатывал проект, при котором на первом этапе возможен равноправный диалог конфессий, а «впоследствии устранение исторических противоречий и восстановление единства Церкви» [1, с. 55]. В сущности, Соловьев исповедуя православие, не становясь латинянином, признавал Рим центром христианской ойкумены [4, с. 26]. Русские католики восточного обряда первой половины XX в. считали философа своим пророком и детоводителем в религиозных исканиях [23, p. 113]. В их среде был сформирован миф о присоединении мыслителя к католичеству при сохранении византийского обряда. Так, в номере от 9 сентября 1910 г. французского журнала *L'Univers* была опубликована статья, написанная первым католическим священником восточного обряда Николаем Толстым [4]. Он писал, что 18 февраля 1896 г. Соловьев исповедался ему, причастился и произнес Тридентский символ веры, что, по его словам, несомненно означало присоединение философа к католической церкви [2, с. 80]. В действительности вопрос о принятии Соловьевым католичества остается спорным. Скорее для самого философа таинство, произошедшее в домовом храме католического священника, имело символическое, а не практическое значение. Он хотел подчеркнуть значимость своей идеи о необходимости признания авторитета Римского Первосвященника, но при этом официально отрекаться от православия не собирался. Данный шаг противоречил его пониманию сущности Вселенской Церкви, как «свободного богочеловеческого союза, в котором конфессиональные различия являются историческими заблуждениями» [16, p. 2]. Однако русские католики восточного обряда интерпретировали его идеи преимущественно с практической стороны, рассматривая их как призыв присоединения к Риму без отказа от православной традиции. Они сочетали византийскую литургию, почитание православных святых (кроме неканонизированных Римом) и верность понтифику. 21 мая 1908 г. от имени Пия X о. Алексий Зерчанинов, тайно перешедший в католичество, также, как и вышеупомянутый о. Николай Толстой, был провозглашен «главой миссии священников и мирян греко-славянского обряда, которые живут в русской империи и подчиняются лишь Папскому Престолу» [3, с. 45]. Главным условием Святого Престола для Русской католической церкви восточного обряда стало требование «строго следовать и не нарушать законов греко-славянского обряда, не допускать никакого смешения с латинским или каким-либо другим» [3, с. 45]. Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» разрешил переход из православия в другие конфессии. За 1905–1909 гг. в католичество перешло 233 000 человек. В 1909 г. в Санкт-Петербурге была открыта церковь Сошествия Святого Духа на ул. Полозовой, 12. Богослужения велись на церковнославянском языке с поминовением Папы Римского. К 1912 г. община выросла, храм перенесли на Бармалееву улицу. В 1913 г. у общины появился свой официальный печатный орган – журнал «Слово Истины». Он издавался священником о. Иоанном Дейбнером, который старался публиковать статьи как католических, так и православных авторов, продвигая идеи единства Церкви.

Стоит отметить, что Пий X занимал прагматичную позицию в вопросе о восточных католиках. Он утвердил для них Апостольскую экзархию, разрешив богослужение на церковнославянском языке и сохранение византийских традиций. Однако ряд ограничений в рамках магистральной политики все-таки присутствовал. Папа запретил латинским священникам переходить в восточный обряд, опасаясь смешения традиций. Кроме того, русские католики должны были приносить антимодернистскую присягу (1910) [5].

В свою очередь интегристы активно саботировали инициативы Пия X по интеграции восточных католиков. Через сеть *Sodalitium Pianum* они собирали сведения о «подозрительной» деятельности русских католиков. Информаторы Бениньи, среди которых были и его идейные оппоненты, выделяли две ключевые группы русских католиков: первая группа, сконцентрированная вокруг прихода храма Святых апостолов Петра и Павла в Москве и клирика Игнатия Каевского и агента *Sodalitium Pianum*, вторая группа относилась к приходу Сошествия Святого Духа в Санкт-Петербурге [21, p. 582–583]. На протяжении 1909–1910 гг. Аурелио Пальмьери [6] информировал Бениньи о своих знакомствах. Он же представил Бениньи в своем письме без точной даты священника прихода Святой Екатерины в Санкт-Петербурге Константина Будкевича [7] как своего близкого друга и человека, к которому можно обращаться с целью навести справки об отдельных персонах, положению дел в Санкт-Петербурге и попросить совета [11]. Информатором Бениньи был также будущий экзарх Русской католической церкви восточного обряда Леонид Федоров. В фонде Бениньи хранятся шесть его писем в основном по поводу о. Николая Толстого, его ареста и плачевного состояния его семьи [10]. Бениньи был хорошо информирован о деятельности митрополита Андрея Шептицкого [9, л. 268] [8] и о. Владимира Абрикосова [9]. У Бениньи хранились документы о кн. Натальи Ушаковой [10], о. Иоанне Дейбнере [11] и кн. Марии Волконской [12] [13, л. 1–5]. Отдельное внимание уделялось критике идей Соловьева, которые воспринимались как пример «скрытого модернизма». Бениньи ввел в употребление понятие *modernismo solovieano* [12, л. 151]. Любые попытки диалога с православными в рамках проекта философа о воссоединении церквей, интегристы клеймили как «предательство», так как в их доктрине единство возможно было лишь через безусловное подчинение Риму.

Бениньи петербуржскую общину православных, перешедших в католичество византийского обряда, в своих материалах называл «соловьевский петербургский православно-кафолический круг» [9, л. 264]. Он отмечал, что члены данной группы «принимают все, что обнаруживают в русском православии, менее строго» [12, л. 149], следуя идее философа Соловьева, «желавшего объединения Восточной и Западной Церкви в духе милосердия» [9, л. 264]. Бениньи критиковал новый формат вероисповедания, утверждая, что восточные католики никогда не признавали абсолютный авторитет Рима, оставались верны традиции православной церкви. Бениньи использует термин православные-каФолики, тем самым подчеркивая оппозицию новой общины учению Римско-католической церкви. С одной стороны он апеллирует к учению Восточных Отцов Церкви, заложивших основы православного богословия, согласно которому кафоличность является одним из основных свойств Церкви Христовой, наряду с единством, святостью и апостоличностью; с другой стороны он подразумевает официальное название Православной церкви в России Синодального периода (от 1721 до 1917 г.) – Русская Греко-Кафолическая Православная Церковь; а с третьей стороны он намеренно делает акцент на влиянии идей Соловьева на русско-католическую общину, подчеркивая, что термин «кафолический» используется в значении «вселенский». Бениньи пишет: «Кто такие православные каФолики? Это группа новообращенных русских, перешедших из синодального православия, которые объявили себя православными каФоликами, очевидно не желая называть себя католиками по сути. Эта кажущаяся странность является логическим следствием их учения. Для этих так называемых обращенных из греческого раскола в Римскую церковь, раскольническая церковь является «истинной» церковью (потому что она имеет священство и таинства), но она «неполна»; поэтому ее целостность необходимо «вос-

становить», при этом целесообразно по причинам благоразумия и пропаганды – оставаться в раскольнической церкви, придерживаясь по совести основ римской веры (начиная с Первенства Римского Понтифика), интерпретированной согласно смыслу Восточных Отцов» [9, л. 264].

Бениньи также подчеркивает, что именно Соловьев подготовил идейную почву для появления и развития нового формата вероисповедания, отмечая, что термин «православно-кафолический», в значении в котором его использует новая община русских католиков восточного обряда, принадлежит Соловьеву. Бениньи писал в своих заметках: «Когда Соловьев стал тайным католиком (чтобы избежать Сибири, а также потому, что его теория определила взгляды современных православных кафоликов, которые выдают себя за его учеников и продолжателей), случилось так, что русское правительство провело перепись, в которой нужно было указать свою религиозную принадлежность. Соловьев, находившийся в Москве, поведал тогда еще живой княгине Волконской (и ныне здравствующая княгиня Мария это хорошопомнит), что он без доли смущения написал в переписном листе: «православный-КАФОЛИК». Таким образом (продолжал Сол. – *Е. Б.*) полиция наверняка поймет, что я принадлежу к господствующей Церкви, в то время как я намерен *in pectore* [13] сказать, что я *catholicus* с Папой» [9, л. 264].

Рецепция Бениньи книги «Россия и Вселенская Церковь». Стоит отметить, что в своей оценке идей Соловьева Бениньи опирается на работу «Россия и Вселенская Церковь». Работа представляет собой опыт апологии идеи восстановления единства Церкви вокруг духовного авторитета римского понтифика. Книга была написана на французском языке и впервые опубликована в Париже издательством *Albert Savine* в 1889 году. Перевод на русский язык был выполнен Г.А. Рачинским и издан в 1911 году. Во введении к книге философ формулирует свой символ веры: «Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей своих, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признали таковым святой Ириной, святой Дионисий Великий, святой Афанасий Великий, святой Иоанн Златоуст, святой Кирилл, святой Флавиан, блаженный Феодорит, святой Максим Исповедник, святой Феодор Студит, святой Игнатий и т. д., – а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках и не напрасно слышавшего слова Господа “ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь мою. – Утверди братьев твоих. – Паси овец моих, паси агнцев моих”. Бессмертный дух блаженного апостола, невидимый служитель Господа в правлении видимой Церковью Его, ты знаешь, что ей нужно земное тело для своего проявления» [6, с. 144].

По всей вероятности, Бениньи обратился к изучению книги Соловьева еще в период работы в качестве научного ассистента отдела исторических исследований Ватиканской апостольской библиотеки (начиная с 1895 г.). В настоящий момент в ее фондах хранятся два экземпляра книги Соловьева «Россия и Вселенская Церковь». Первый экземпляр – это издание французской работы 1889 года. Его направил папе Льву XIII с дарственной надписью еп. Штроссмайер – основной посредник философа при Святом Престоле [14] [15]. Второй экземпляр книги (второе издание 1889 г.) принадлежал Бениньи. Он был приобретен библиотекой Ватикана в начале 1938 г. вместе с остальными печатными материалами из его личного доступа [14, p. 765]. В книге сохранились пометки ее владельца. Бениньи заинтересовали рассуждения Соловьева об основе Церкви, ее историческом и общественном значении. Стоит отметить, что сам философ во введении определяет Вселенскую Церковь как тройственный богочеловеческий союз: союз священства, в котором преобладает безусловное начало и которое создает Церковь как Храм Бога; союз царства с преобладанием человеческого начала, которое создает христианское государство так же, как Церковь – Живое тело Бога; и союз пророчества, которое является синтезом Божественного и человеческого и формирует христианское общество как Церковь – Богоневесту. Вселенская Церковь как истинный богочеловеческий союз не может быть ограничена только религиозной сферой, она необходимо

затрагивает общественную жизнь, способствует обновлению и преображению социальных и политических процессов. Она есть истинная Божественная форма существования единого человечества [6, с. 146]. Соловьев описал путь к наилучшему общественному устройству и устранению социальных противоречий через врастания государства и гражданского общества в истину Церкви.

Бениньи свою первую пометку сделал во введении. Он подчеркнул последнюю часть фразы: «Я не ставлю себе задачей разоблачение внутреннего противоречия этого революционного индивидуализма с тем, чтобы показать, как отвлеченный "человек" внезапно превратился в не менее отвлеченного "гражданина", как свободный и властный индивид роковым образом оказался рабом и беззащитной жертвой державного Государства или "нации", то есть шайки темных личностей, вынесенных революционным водоворотом на поверхность общественной жизни и освирепевших от сознания своего внутреннего ничтожества» [6, с. 146]. В данном абзаце Соловьев затрагивает тему специфики революционных движений XVIII–XIX вв., поднятую им еще в работе «Чтения о Богочеловечестве» (1878). Философ подчеркивает несостоятельность идеи строительства общественный порядка, основанного на принципах социальной справедливости. Революция отменила традиционное понимание права, основанное на религиозных принципах, и заменила его правами человека, сведенными к свободе, равенству и братству. Соловьев отмечает, что данные принципы остались «пустыми словами», так как не были реализованы на практике. Провозглашенное равенство стало юридической фикцией: при сохранении экономического неравенства власть перешла от аристократии к буржуазии, а народное большинство осталось бесправным. Соловьев указывает, что в обществе, основанном на конкуренции, равенство прав без равенства сил бессмысленно. Кроме того, революция ознаменовала кризис религиозного начала: религия утратила роль «безусловного центра» жизни, превратившись в частное дело. На ее место пришли социализм (попытка реорганизовать общество на материальных началах) и позитивизм (светская замена теологии).

Движение католического интегризма возникло как реакция против политических и культурных изменений, последовавших именно после эпохи Просвещения и Великой Французской революции. События 1789 г. рассматривались как апогей антихристианского бунта. В этом смысле Бениньи видел в революциях угрозу «социальному Царству Христа» – идеалу общества, где государство подчинено церкви, настаивал на том, что католицизм – единственная основа легитимности государственности, выступал за сохранение абсолютистских монархий, корпоративизма и сословных представительств вместо парламентской демократии [21, p. 18].

Далее во введении Бениньи отметил фразу: «Человечество предположило, что, раз оно исповедует божество Христа, оно тем самым избавлено от обязанности принимать всерьез Его слова» [6, с. 149]. В данном случае Соловьев обличает современное общество, которое превратила христианскую веру в ритуальный формализм, забыв о жизни по Евангелию. Исповедание догматов стало «индульгенцией» для бездействия. Для Соловьева подлинная вера – это синтез истины (догмата) и жизни (практики). Бениньи также заинтересовала идея Соловьева о ключевом значении личности Богочеловека Иисуса Христа в организации всемирной истиной жизни и взгляд на Церковь как наилучший общественный идеал, осуществление которого возможно не в «природном», а «духовном» человечестве. Он подчеркнул следующие три фразы: «Основа Церкви, если говорить в самых общих выражениях, есть единение божеского и человеческого» [6, с. 178]; «Как Бог в Троице своих ипостасей безусловным образом обладает полнотною своей божественной субстанции, своим небесным телом или своей существенной Премудростью, так Богочеловек в троичности своей мессианской власти во всей полноте обладает Вселенскою церковью» [6, с. 269]; «Совершенно свободное и внутреннее единение людей с Божеством и между собою есть та конечная цель, та пристань, к которой мы направляем свой корабль» [6, с. 159]. Данные три фразы отражают как историософские взгляды мыслителя, так и основные положения его софиологии и экклезиологии. Исто-

рия для Соловьева – это путь воссоединения человечества с Богом, путь к свободному всеединству и полноте бытия. Философ подчеркивал, что три Ипостаси (Отец, Сын, Дух) нераздельно обладают единой божественной субстанцией, что отражает принцип всеединства – гармоничного сочетания множественности в единстве. Божественная Премудрость (София) – предвечная идея Творения, посредница между Богом и миром в данном случае воплощает творческую силу и гармонию мироздания. Подобно тому как Троица обладает божественной полнотой, Христос через свою троичную власть [15] во всей полноте обладает Вселенской Церковью, которая понимается как «мистическое Тело Христа, объединяющее человечество в богочеловеческом единстве» [18, p. 53]. Церковь выше государства, она должна подчинить его своим целям, сделать своим свободным орудием. Бениньи отдельно отметил фразу «Сколько ни терзайте евангельские тексты, относящиеся к тем вечным правам, которые Иисус Христос завещал своей Церкви, в них все равно не найдете права передачи этих полномочий в руки светской власти» [6, с. 179]. Интегристы придерживались идеи подчинения государства религиозно-моральным принципам Римско-католической церкви. Православие и/или протестантизм они считали ересью и провозгласили католичество единственно возможной христианской религией, отвергая национальные церкви. Данная позиция в определенной степени соответствовала взглядам Соловьева. Философ резко осуждал национальное обособление Православной церкви в России, считая его препятствием для вселенского единства, но при этом он настаивал на универсальном внеконфессиональном характере христианства. Соловьев в своих работах не призывал к прямой унии с Римом, а считал его духовным центром христианского человечества [5, с. 423]. Интегристы в свою очередь отвергали любые формы регионального автономизма, настаивая на унификации богословия и практики под контролем Ватикана.

С одной стороны, в «России и Вселенской Церкви» Бениньи нашел идеи, схожие с его собственными представлениями о статусе и роли Церкви в общественной жизни, ее взаимоотношениях с государством, а также критику рационализма и материализма, но с другой стороны неприемлемые для него идеи экуменизма, которые он рассматривал как чрезмерное влияние либерализма на философа [17, p. 501]. Сам Соловьев такое возможное противоречивое отношения к своим взглядам определил еще при появлении первых рецензий на работу «Россия и Вселенская Церковь». Он писал 9 декабря 1889 г. Франьо Рачкому: «Книгу мою французскую не одобряют с двух сторон: либералы за клерикализм, а клерикалы за либерализм» [7, с. 374]. Философ строил свою систему всеединства, соединяя платонизм, немецкий идеализм и христианскую мистику. Бениньи отвергал любые спекулятивные новации, признавая только средневековую схоластику в качестве единственной ортодоксальной методологии [17, p. 503]. Софиологию он объявил пантеистической ересью, нарушающей трансцендентность Бога, и настаивал на исключительности томизма как единственной допустимой философской основы богословия. Кроме того, для Бениньи равноправный диалог христианских конфессий был невозможен. Он видел в нем ложное притязание на единство без обязательного перехода не католиков в истинную католическую веру. Данный момент понижал статус Римско-католической церкви, как единственной истинной Церкви, основанной Иисусом Христом. Бениньи считал, что идея теократии была фундаментальна для католичества. Она сводиться к защите христианской политики, которую творит, прежде всего, государство, находящееся в подчиненном к церковной власти состоянии. Данный принцип сближения церкви и государства только формально соответствовал проекту свободной теократии Соловьева. Философ был убежден, что принцип подчинения церковной власти как Богу, то есть Абсолютной Истине, ошибочен и не соответствует духу христианства. Он писал в своем письме Евгению Тавернье «Надо раз навсегда отказаться от идеи могущества и внешнего величия теократии. <…> Прежде справедливость, а потом могущество, величие и слава» [8, с. 419].

Иными словами, несмотря на принадлежность к разным культурно-религиозным традициям, во взглядах Бениньи и Соловьева присутствуют, с одной стороны, очевидные точки притяжения, а с другой – фундаментальные противоречия. Проекты Соловьева и интегристов были направлены на восстановление христианского единства, укрепления позиций Церкви в период массового влияния светских идеологий и секуляризации. Однако их взгляды, формально кажущиеся близкими, содержательно находятся на противоположных идейных полюсах. Глубокое неприятие идеи равноправного диалога между конфессиями и отказ от свободы совести стали определяющими факторами интерпретации идей Соловьева католическими интегристами. Философ, несмотря на свое страстное желание в 1880-е гг. сформулировать практическое решение проблемы христианского единства, предлагает, прежде всего, религиозно-философское видение вопроса. Бениньи выступает как идеолог и церковный деятель, отстаивающий позиции Римско-католической церкви и авторитет папства в европейском обществе начала XX века.

Результаты. Рецепция идей Соловьева в католической среде XX в. была сложной и неоднородной. Несмотря на широкое признание философа как предшественника современного межконфессионального диалога, его концепция подвергалась жестокой критике со стороны консервативных течений католицизма, особенно со стороны интегристов, выступавших против какого-либо компромисса с модернистскими движениями. Представители интегризма последовательно подавляли влияние модернизма и искали способы сохранить чистоту традиционной католической доктрины, что привело к негативной оценке программы христианского единства Соловьева. Стоит отметить, что данное негативное отношение существенно повлияло на дальнейшее развитие католической мысли и закрепилось в западной интеллектуальной традиции. Оно оказалось решающим фактором ограниченности воздействия идей Соловьева на процессы обновления католической церкви в 1960-х годах. Несмотря на то, что основные положения Декрета об экуменизме (Unitatis Redintegratio) Второго Ватиканского Собора по своему пафосу совпадают со взглядами русского философа, по другим ключевым вопросам, таким как экклезиология и участие церкви в социальном преобразовании, на Соборе были приняты решения, согласующиеся с духом интегризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основной печатный орган католических антимодернистов и представителей интегризма.

[2] *Sodalitium Pianum*, также известное как *La Sapinière* («Еловый лес»), – это секретная антимодернистская организация, созданная в начале XX в. по инициативе Папы Пия X.

[3] См. об этом: Likoudis J. Vladimir Soloviev ('The Russian Newman') on Christian Politics and Ecumenism // The Catholic Social Science Review. 2011. № 16. P. 195–211; Noble I. Essays in Ecumenical Theology I: Aims, Methods, Themes, and Contexts. Leiden: Brill, 2019. P. 191–215; Obolevich T. The Metaphysical Foundations of the Ecumenical Project of Vladimir Solovyov // Journal of Eastern Christian Studies. 2015. Vol. 67, iss. 1–2. P. 33–45.

[4] Николай Толстой (1867–1938) – бывший православный священник, присоединился к католичеству в 1894 году. Тайно служил литургию византийского обряда в домашней церкви в Москве, за свою деятельность был несколько раз арестован. Фактически истоки возникновения общины русских католиков восточного обряда восходят к тайному переходу о. Николая Толстого и о. Алексия Зерчанинова.

[5] Антимодернистская присяга, известная как Sanctorum Antistitum, была введена в Римско-католической церкви в 1910 г. папой Пием X. Присяга обязывала католических священнослужителей и преподавателей католических учебных заведений к неукоснительному следованию предписаниям папского указа Lamentabili и энциклики Pascendi dominici gregis.

[6] Аурелио Пальмьери (1870–1926) – католический священник, переводчик и исследователь русской религиозной мысли и Русского Православия. Директор славянского отделения Института Восточной Европы в Италии.

[7] Константин Будкевич (1867–1923) – католический священник, прелат Святого Отца, с 5 сентября 1905 г. настоятель прихода св. Екатерины в Санкт-Петербурге, был репрессирован во время гонений на христианство в Советской России.

[8] Митрополит Андрей Шептицкий (1865–1944) – епископ Украинской грекокатолической церкви. Митрополит Галицкий и архиепископ Львовский с 17 декабря 1900 г. по 1 ноября 1944 года.

[9] Владимир Владимирович Абрикосов (1880–1966) – русский католический священник, видный деятель Русской католической церкви начала XX в., был женат на активной деятельнице русского католического движения Анне Ивановне Абрикосовой, основательнице женской монашеской общины Третьего ордена доминиканцев в Москве (позднее монахиня Екатерина).

[10] Наталья Сергеевна Ушакова (ум. в 1918 г.) – прихожанка и попечительница общины русских католиков восточного обряда, стоящая у истоков прихода Сошествия Святого Духа, племянница П.А. Столыпина.

[11] Иван Александрович Дейбнер (1873–1936) – русский католический священник восточного обряда, видный деятель русского католичества начала XX века.

[12] Мария Михайловна Волконская (1863–1943) – русская католичка и деятельница Русского апостолата.

[13] В сердце (лат.).

[14] На экземпляре сохранилась надпись: Nompignusine Auctoris Vladimiri Solowiew, in pignus reverentiae, pietatis et obedientiae, offert Sanctissimo et Glorioso Pontifici Leoni 13.

[15] Соловьев выделяет три аспекта мессианской власти Богочеловека: пророческий (истина), священнический (благодать), царский (единство).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессчетнова Е. В. Идея христианского единства Вл.С. Соловьева в условиях вызовов XX–XXI веков // Соловьевские исследования. 2024. № 4 (84). С. 55–65.
2. Бессчетнова Е. В. Стал ли Вл.С. Соловьев католиком (историко-философский анализ) // История философии. 2021. Т. 26, № 1. С. 76–86.
3. Венгер А. Рим и Москва 1900–1950. М.: Рус. путь, 2000. 408 с.
4. Макарова А. В. В.С. Соловьев и русские католики: сходство и расхождения в понимании церковного единства и непогрешимости // Соловьевские исследования. 2022. № 1 (73). С. 26–39.
5. Соловьев Вл. С. Письмо в редакцию газеты «Новое время» // Соловьев Вл. С. Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. С. 423–424.
6. Соловьев Вл. С. Россия и Вселенская Церковь // Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. С. 143–278.
7. Соловьев Вл. С. Письмо канонику Рачкому // Соловьев Вл.С. Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. С. 372–380.
8. Соловьев Вл. С. Письмо Е. Тавернье // Соловьев Вл.С. Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. С. 418–422.
9. Заметка «Кто такие православные каФолики?» // Archivio Apostolico Vaticano (далее – AAV). Fondo Benigni 47. F. 264–268v.
10. Переписка Аурелио Пальмьери и Умберто Бениньи // AAV. Fondo Benigni 11. F. 68r – 83v.
11. Переписка Леонида Федорова и Умберто Бениньи // AAV. Fondo Benigni 15. F. 325r – 335r.
12. Заметка «Петербуржские русские католики и их “Слово Истины”» // AAV. Fondo Benigni 18. F. 149–151.
13. Материалы о русских католиках // AAV. Fondo Benigni 30. F. 1r – 5v.
14. Biblioteca Apostolica Vaticana. Guida ai fondi II. F. 765, 954.
15. Biblioteca Apostolica Vaticana. R.G. Storia. V. 1752.
16. Berdnikova A. The History and Future of Theocracy by Vladimir Solovyov: Sources, Editions, and the Manuscript // Studies in East European Thought. 2024. P. 1–19.
17. Dieguez A. M. Modernismo e integrismo nell’Europa Orientale: sondaggi di ricerca // Rivista di storia del cristianesimo. 2021. № 18 (2). P. 495–518.
18. Pilch J. Breathing the Spirit with Both Lungs: Deification Vladimir Solov’ev. Leuven: Peeters, 2018. 249 p.
19. Pius X Pascendi Dominici Gregis (September 8, 1907). URL: https://www.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_19070908_pascendi-dominici-gregis.html
20. Poulat E. “Modernisme” et “Intégrisme”. Du concept polémique à l’irénisme critique // Archives de sociologie des religions 14e Année. 1969. № 27. P. 3–28.
21. Poulat E. Integrism and Integral Catholicism. A Secret International Anti-Modern Network: La Sapinière (1909–1921). Paris: Casterman, 1969. 628 p.
22. Rupp J. Ecclesiastical Message of Vladimir Soloviev Illustration of Vatican II. Paris: Lethielleux, 1974. 110 p.
23. Simon C. Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2009. 283 p.

REFERENCES

1. Besschetnova E.V. Ideya khristianskogo yedinstva Vl.S. Solovyova v usloviyakh vyzovov XX–XXI vekov [Vl. S. Solovyov's Idea of Christian Unity in the Conditions of the 20–21st Centuries Challenges]. *Solovyovskiye issledovaniya* [Solovyov Studies], 2024, no. 4 (84), pp. 55-65.

2. Besschetnova E.V. Stal li Vladimir Solovyov katolikom (istoriko-filosofskiy analiz) [Did Vl.S. Solovyov Become a Catholic (Historical and Philosophical Analysis)]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 76-86.

3. Wenger A. *Rim i Moskva 1900–1950* [Rome and Moscow 1900–1950]. Moscow, Russkiy Put Publ., 2000. 408 p.

4. Makarova A.V. Solovyov i russkiye katoliki: skhodstvo i raskhozhdeniya v ponimanii tserkovnogo yedinstva i nepogreshimosti [Solovyov and Russian Catholics: Similarities and Differences in Understanding Church Unity and Infallibility]. *Solovyovskiye issledovaniya* [Solovyov Studies], 2022, no. 1 (73), pp. 26-39.

5. Solovyov Vl.S. Pismo v redaktsiyu gazety «Novoye vremya» [Letter to the Editors of the Newspaper "New Time"]. Solovyov Vl.S. *Sobranie sochineniy. T. 11* [Collected Works. Vol. 11]. Brussels, Zhizn s bogom Publ., 1969, pp. 423-424.

6. Solovyov Vl.S. Rossiya i Vselenskaya Tserkov [Russia and the Universal Church]. Solovyov Vl.S. *Sobranie sochineniy. T. 11* [Collected Works. Vol. 11]. Brussels, Zhizn s bogom Publ., 1969, pp. 143-278.

7. Solovyov Vl.S. *Pismo kanoniku Rachkomu* [Letter to Canon Rachki]. Solovyov Vl.S. *Sobranie sochineniy. T. 11* [Collected Works. Vol. 11]. Brussels, Zhizn s bogom Publ., 1969, pp. 372-380

8. Solovyov Vl.S. *Pismo Ye. Tavernye* [Letter to E. Tavernier]. Solovyov Vl.S. *Sobranie sochineniy. T. 11* [Collected Works. Vol. 11]. Brussels, Zhizn s bogom Publ., 1969, pp. 418-422.

9. Zametka «Kto takiye pravoslavnyye kaFoliki?» [The Article "Who Are Orthodox Catholics?"]. *Archivio Apostolico Vaticano* (hereinafter – AAV), Fondo Benigni 47, f. 264-268v.

10. Perepiska Aurelio Palmyeri i Umberto Benigni [Correspondence Between Aurelio Palmieri and Umberto Benigni]. *AAV*, Fondo Benigni 11, f. 68r-83v.

11. Perepiska Leonida Fedorova i Umberto Benigni [Correspondence Between Leonid Fedorov and Umberto Benigni]. *AAV*, Fondo Benigni 15, f. 325r-335r.

12. Zametka «Peterburzhskiye russkiye katoliki i ikh "Slovo Istiny"» [The Article "St. Petersburg Russian Catholics and their 'Word of Truth' "]. *AAV*, Fondo Benigni 18, f. 149-151.

13. Materialy o russkikh katolikakh [Materials About Russian Catholics]. *AAV*, Fondo Benigni 30, f. 1r-5v.

14. *Biblioteca Apostolica Vaticana*, Guida ai fondi II, f.765, 954.

15. *Biblioteca Apostolica Vaticana*, R.G.Storia. V. 1752.

16. Berdnikova A. The History and Future of Theocracy by Vladimir Solovyov: Sources, Editions, and the Manuscript. *Studies in East European Thought*, 2024, pp. 1-19.

17. Dieguez A.M. Modernismo e integrismo nell'Europa Orientale: sondaggi di ricerca. *Rivista di storia del cristianesimo*, 2021, no. 18 (2), pp. 495-518.

18. Pilch J. *Breathing the Spirit with both Lungs: Deification Vladimir Solov'ev.* Leuven, Peeters, 2018. 249 p.

19. *Pius X Pascendi Dominici Gregis (September 8, 1907)*. URL://http://www.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_19070908_pascendi-dominici-gregis.html

20. Poulat E. "Modernisme" et "Intégrisme". Du concept polémique à l'irénisme critique. *Archives de sociologie des religions 14e Année*, 1969, no. 27, pp. 3-28.

21. Poulat E. *Integrism and Integral Catholicism. A Secret International Anti-Modern Network: La Sapinière (1909–1921).* Paris, Casterman, 1969. 628 p.

22. Rupp J. *Ecclesiastical Message of Vladimir Soloviev Illustration of Vatican II.* Paris, Lethielleux, 1974. 110 p.

23. Simon C. *Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia*. Roma, Pontificio Istituto Orientale, 2009. 283 p.

Information About the Author

Elena V. Besschetnova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 1, 105066 Moscow, Russian Federation; Doctoral Student, Saints Cyril and Methodius Church-Wide Graduate and Postgraduate School, Pyatnitskaya St, 4/2, Bld. 1, 115035 Moscow, Russian Federation, ebesschetnova@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-5340-1316

Информация об авторе

Елена Валерьевна Бессчетнова, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник школы философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1, 105066 г. Москва, Российская Федерация; докторант, Общецерковная Аспирантура и Доктурантура им. Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия, ул. Пятницкая, 4/2, стр. 1, 115035 г. Москва, Российская Федерация, ebesschetnova@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-5340-1316

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.17

UDC 94(519):24
LBC 63.3(5Кор)-7+86.35-3

Submitted: 21.05.2025
Accepted: 26.01.2026

KOREAN WON BUDDHISM: PRACTICAL TEACHING ON THE SALVATION OF MAN AND THE WORLD

Yuri G. Smertin

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article examines the history of the creation of the religious movement Won Buddhism and analyzes the main provisions of its doctrine and the content of its practices, as well as social activities. Won Buddhism is one of the four major religions of the Republic of Korea, along with traditional Buddhism, Protestantism, and Catholicism. Founded in 1916, it has come a long way: from the idea of a village seeker of truth, Park Chung-bin (Sotaesan), to create a teaching that would meet the realities of the new time, to one of the most widespread, respected, and rapidly growing religions of modern South Korea. *Methods and materials.* The study is based on the civilizational approach to the study of history, based on the specifics of cultural and historical societies (in this case, we are talking about the syncretic nature of the Korean civilization, the basis of which is shamanism, Buddhism, Taoism, and Confucianism). The main source was the doctrinal work Wonbulgyo kyojon ("The Holy Scriptures of Won Buddhism"). It includes the texts of Sotaesan and the thoughts and attitudes of his successor Chongsan. *Analysis*. The sources and scholarly publications reviewed suggest that the new religion seeks to harmoniously combine the ideas of traditional for Korea religious and philosophical teachings while addressing the needs of modern people, i.e., it is syncretic and modernist in nature. Won Buddhism appeals to a broad audience sympathetic to Buddhism but unwilling to delve into the complex philosophical foundations of its traditional form. This religious movement brings together laypeople and clergy in their everyday activities, thereby fostering its democratization and, as a result, the growth of adherents seeking to resolve their pressing problems. Proselytism is also facilitated by a commitment to the material development of both society and the individual, which manifests itself in active charitable work. *Results*. The main conclusion is that the success of Won Buddhism is due to the fact that it includes the teachings of traditional religions that have formed throughout Korean history and strives to correspond to social changes and modern ways of thinking.

Key words: Korea, Sotaesan, Wonbulgyo kyojon, Ilwonsang, Dharmakaya, interreligious dialogue, history of Won Buddhism.

Citation. Smertin Yu.G. Korean Won Buddhism: Practical Teaching on the Salvation of Man and the World. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 199-211. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.17

УДК 94(519):24
ББК 63.3(5Кор)-7+86.35-3

Дата поступления статьи: 21.05.2025
Дата принятия статьи: 26.01.2026

КОРЕЙСКИЙ ВОН-БУДДИЗМ: ПРАКТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И МИРА

Юрий Григорьевич Смертин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

© Смертин Ю.Г., 2026

Аннотация. *Введение*. В статье рассматривается история создания религиозного движения вон-буддизм, анализируются основные положения его доктрины и содержание практик, а также социальная деятельность. Вон-буддизм является одной из четырех основных религий Республики Корея наряду с традиционным буддизмом, протестантизмом и католицизмом. Основанный в 1916 г., он прошел долгий путь: от возникшей у деревенского искателя истины Пак Чунбина (Сотхэсана) идеи создания учения, которое отвечало бы реали-

ям нового времени, до одной из самых распространенных, уважаемых и быстро растущих религий современной Южной Кореи. *Методы и материалы*. Исследование выполнено на основе цивилизационного подхода к изучению истории, исходящим из специфики культурно-исторических обществ (в данном случае речь идет о синкретическом характере корейской цивилизации, основу которой составляют шаманизм, буддизм, даосизм и конфуцианство). Главным источником стало доктринальное сочинение «*Вонбульгё кёджон*». Оно включает тексты Сотхэсана, мысли и установки его преемника Чонсана. *Анализ*. Из привлеченных источников и научных публикаций следует, что новая религия стремится гармонично сочетать идеи традиционных для Кореи религиозно-философских учений с учетом потребностей людей современной эпохи, то есть носит синкретический и модернистский характер. Вон-буддизм ориентируется на широкую аудиторию, симпатизирующую буддизму, но не готовую углубляться в сложные философские основы в его традиционной форме. Это религиозное движение в повседневной деятельности сближает мирян и священнослужителей, чем способствует его демократизации и, как результат, росту адептов, стремящихся решить свои насущные проблемы. Прозелитизму также способствует установка на заботу о материальном развитии как общества, так и отдельного человека, что проявляется в активной благотворительной деятельности. *Результаты*. Основной вывод заключается в том, что успех вон-буддизма обусловлен тем, что он включает в себя учения традиционных религий, сформировавшихся на протяжение всей корейской истории, и стремится соответствовать социальным изменениям и современным способам мышления.

Ключевые слова: Корея, Сотхэсан, Вонбульгё кёджон, Ильвонсан, Дхармакая, межрелигиозный диалог, история вон-буддизма.

Цитирование. Смертин Ю. Г. Корейский вон-буддизм: практическое учение о спасении человека и мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 199–211. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.17

Введение. Изучение истории и современного состояния вон-буддизма имеет значительную научную значимость. Эта религия, интерпретировавшая традиционную буддийскую доктрину с учетом потребностей современной эпохи и жизненных реалий общества, уделяющая активное внимание социальной политике, нашла приверженцев на только в Республике Корея, но и в других странах. Отечественное кореведение пока не уделило значительного внимания этой так называемой новой религии. Наиболее полно ее доктринальные основы и организационная структура анализируются в работе Л.Е. Соловьева [31]. В статье Е.Н. Кирилловой описываются исторические условия возникновения вон-буддизма и его общественная значимость [16]. Этот религиозный и социальный феномен в различных его аспектах нашел отражение в трудах западных ученых [1; 2; 9; 26]. Но наибольший интерес к вон-буддизму как религиозному и социальному явлению проявляют корейские исследователи. Существует целый корпус работ, авторы которых изучают доктринальные основы вон-буддизма, его связь с другими религиями, эволюцию в условиях современной Южной Кореи, социальную активность и т. п. [5–8; 13; 14; 33; 44; и др.] Собственно говоря, западные кореведы во многом опираются на работы корейских ученых и их источниковую базу.

Цель исследования – создание по возможности целостного представления о религиозном движении вон-буддизма в его различных аспектах. Задачами являются: во-первых, изучение истории возникновения и становления вон-буддизма; во-вторых, рассмотрение его религиозной доктрины; в-третьих, анализ современного состояния данного религиозного движения и его имплементации в корейское общество.

Методы и материалы. Работа основывается, прежде всего, на принципе историзма, в соответствии с которым события и факты рассматриваются в их развитии, взаимной связи, обусловленной трансформацией общественного сознания Кореи в рассматриваемый период. Применение историко-системного метода позволило рассмотреть эволюцию доктринальных основ и организационных структур вон-буддизма в их взаимосвязи с трансформацией общественного сознания под влиянием политических и социальных процессов, происходивших в корейском обществе с конца XIX до начала XXI века. Идеографический метод применялся для изучения исторических событий в Корее и выявления психологических аспектов действий акторов сквозь призму изучаемой эпохи.

Главным источником для изучения вон-буддизма является каноническое произведе-

ние «*Вонбульгё кёджон*» («Священные писания вон-буддизма»), впервые опубликованное в 1962 г. на корейском языке. В нем содержатся обзор доктрины, инструкции по ежедневной религиозной практике, а также «Беседы Великого учителя» (Сотхэсана). Его рассуждения в основном излагаются в контексте повествований или диалогов с указанием на повод, по которому они были произнесены. Священное писание также включает мысли и установки его преемника Чонсана и некоторые буддийские сутры. В нашем исследовании мы использовали перевод «Вонбульгё кёджон» на английский язык, в котором участвовали корейские и западные ученые, а также официальные представители духовенства [36]. Этот сборник подготовлен Комитетом по авторизованному переводу, созданному при штаб-квартире вон-буддийской организации. Это современное и наиболее авторитетное издание канона, учитывающее специфику религиозных понятий и терминов, а также языковые реалии прошлого.

Анализ. *История религиозной организации.* Конец XIX – начало XX в. отмечены появлением новых религиозных учений, одним из которых было Чынсандо, основанное Кан Ильсуном (Чынсаном) на рубеже веков и проповедовавшее идеи установления земного рая через обновление сознания всех человеческих существ. Это было реакцией на глубокие социальные изменения, связанные с проникновением западного влияния после подписания неравноправных «договоров о дружбе и торговле» с европейскими державами в 1880-х гг., последовавшей за этим активной деятельности протестантских миссионеров, установлением Японией колониального режима (1910) и ее агрессивной культурной экспансией. Простые люди, особенно крестьяне, страдали от притеснений, эксплуатации и вымогательства как со стороны коррумпированного правящего класса, так и местных правительственных чиновников. Все это происходило на фоне повторявшихся эпидемий, наводнений, очень холодных зим и голода [19, p. 342–343]. В то же время в Корею проникали материальные достижения западного мира, переживавшего стремительный научно-технический прогресс.

Корейский буддизм, задавленный официальным неоконфуцианством династии Чосон и находившийся на периферии общественной жизни, также реагировал на новую социальную и политическую обстановку. Многие его последователи заговорили о необходимости активной деятельности в условиях новой реальности. Внутри традиционного буддизма возникли реформаторские движения, стремившиеся восстановить его место в жизни корейского общества и утвердить свою идентичность. Один из проектов включал в себя перевод буддийских текстов с классического китайского на корейский язык (хангыль) как способ распространения учения среди широкой публики [24, p. 112–113]. Другой формой реакции на новую ситуацию стало создание принципиально нового буддизма, что выразилось в возникновении вон-буддизма.

Создателем вон-буддизма, его первым патриархом стал Пак Чинсон. Он родился 5 мая 1891 г. в бедной деревне на юго-западе Корейского полуострова в семье крестьянина. Как и большинство юношей в его деревне, Пак был зачислен в местную начальную школу, где изучал китайскую классику, но вскоре бросил занятия, потеряв к ним интерес. В отличие от других школьников, он интересовался метафизическими вопросами. Согласно официальной истории вон-буддийской организации, Пак с ранних лет погрузился в изучение природных явлений и человеческих взаимоотношений. После многолетних духовных поисков и практик, в том числе молитв горному духу Сансину на близлежащей горе, юноша убедился в тщетности своих попыток понять смысл человеческой жизни и Вселенной. Тогда он стал искать просветленного человека, который мог бы стать его учителем. В течение 6 лет Пак Чинсон встречался со многими учителями, странствующими монахами, но никто не мог ответить на его вопросы. К 25 годам он впал в депрессию, и его знакомые стали опасаться за его ментальное здоровье [37].

Прорыв произошел ранним утром 28 апреля 1916 года. В ходе медитации Пак достиг просветления, обретя, как он полагал, понимание природы реальности, и принял новое имя Пак Чунбин. С этой даты принято начинать историю вон-буддизма, или *вонбульгё*. Вскоре после этого он стал изучать основные тексты буддизма, конфуцианства и даосизма,

чтобы понять природу своего просветления [8, p. 302]. Наибольшее впечатление на него произвела «Алмазная сутра» (одна из махаянских сутр «совершенной мудрости»). Пак Чунбин понял, что Будда Шакьямуни заслуживает признания как величайший мудрец и решил сделать буддизм основой своего учения, приспособив его к современным условиям. Он заявил, что буддизм должен превратиться «из буддизма, рожденного на чужой земле, в буддизм Кореи» [24, p. 112].

В 1917 г. Пак Чунбин создал организацию под названием «Ассоциация сбережений» (*Чхочхук чхоап*). Он сказал своим первым девяти последователям: «Проект, который мы начинаем, не предназначен для обычных людей, и, если мы хотим осуществить его, от нас потребуются исключительная настойчивость и старание. Поскольку в настоящее время мы все бедны, мы не сможем заложить фундамент для решения этой задачи, если не будем исключительно бережливы и не будем заниматься тяжелым физическим трудом» [39, p. 108]. Затем он потребовал, чтобы члены Ассоциации воздерживались от курения и употребления алкоголя ради накопления первоначального капитала.

Уже на следующий год собранные средства были вложены в строительство насыпей и дамб для рисовых полей на заброшенных землях прибрежной полосы в надежде увеличить фонд Ассоциации за счет продажи зерна. В основе этих действий лежала идея о том, что практическая и духовная жизни должны идти рука об руку, идея, нашедшая свое выражение в изречении Пак Чунбина, гласящем: «По мере развития материальной цивилизации развивайте духовную цивилизацию» [39, p. VII]. Впоследствии эта сентенция стала девизом вон-буддизма и, соответственно, помещена в самом начале его писания.

Проект мелиорации был завершен в августе 1919 г., урожай риса был продан, после чего Пак Чунбин с учениками удалился в монастырь Пхонэ в горах полуострова Пхёнсан (сейчас – территория КНДР). Там были разработаны основные принципы учения и организации религии и началось его систематическое преподавание [26, p. 122]. Пак учил, что идеальный мир, который он называл «безграничным раем», не может быть реализован без развития как материальной, так и духовной культуры. В новом учении устранялось предубеждение традиционных религий против ценностей материального мира.

Наконец, в 1924 г. была создана религиозная организация под названием «Общество по изучению Дхармы Будды» со штаб-квартирой в Иксане (провинция Северная Чолла), а Пак Чунбин, как основатель, получил почетный титул Сотхэсан, ставший его общеизвестным именем. Здесь он наставлял своих, уже более многочисленных, последователей в соответствии с новой доктриной. Японские оккупационные власти не препятствовали деятельности Общества. Это был период так называемого культурного правления, наступившего после серии антиколониальных протестов по всей Корее, начавшихся после 1 марта 1919 г. и заставивших японцев сделать некоторые послабления, прежде всего в гуманитарной сфере [32, p. 258–260].

Большое внимание Сотхэсан уделял участию женщин в деятельности своей организации. На протяжении многих веков корейское общество находилось под сильным влиянием конфуцианства, и традиционные отношения между полами характеризовались преобладанием мужчин. Сотхэсан привлекал женщин из самых разных слоев общества: первых жен, вторых жен, вдов, молодых, старых, неграмотных, образованных, в основном простолюдинок, – всех, кто тяготился конфуцианским патриархатом [27, p. 353–354].

Первые девять учеников основателя были мужчинами. Однако, когда необходимость в структурировании организации стала очевидной, был создан коллективный руководящий орган – Верховный совет, состоявший из девяти мужчин и девяти женщин. Таким образом, было институциализировано некоторое равенство полов уже на раннем этапе развития учения. В дальнейшем осознание паритета между полами стало нормой для членов вон-буддийской общины. Интересно, что Сотхэсан уравнивал мужчин и женщин не за счет признания за последними умственных способностей сильного пола; он видел специфические недостатки у тех и других и мечтал о некоем синтезе их достоинств. «Обучая многих учеников мужского и женского пола, я заметил, что мужчины по большей части более

щедры, но более беспечны, так что отсутствие надежности становится серьезным недостатком. Женщины, как правило, более щепетильны, но жестки, так что отсутствие гибкости становится их серьезным недостатком. Чтобы воспитать в себе идеальный характер, мужчины, оставаясь великодушными, должны работать над тем, чтобы их внутренний мир был твердым и искренним; а женщины, оставаясь щепетильными, должны работать над развитием всестороннего и великодушного внутреннего ума» [39, p. 186].

После 1941 г., когда началась война на Тихом океане, деятельность Общества по изучению дхармы Будды осложнилась. Японские власти вынудили Сотхэсана включить японскую национальную клятву в программы религиозных служб и взыскивали доходы от проведения ритуалов. Организация была вынуждена присоединиться к Лиге буддистов, возглавляемой японскими буддийскими монахами. Количество ритуальных собраний было сокращено, чтобы использовать время для обучения прихожан японскому языку и привлечения к принудительному труду [6, p. 54].

Базовым религиозным писанием стал сборник текстов «Правильный канон буддизма» (*Пульгё чхонджон*), в который вошли письменные тексты Сотхэсана и записанные учениками его мысли по поводу учения, практики, состояния современного мира. Книга была издана в августе 1943 г. на корейском языке через два месяца после кончины основателя. В ней впервые фигурировал символ *Ильвонсан* (с корейского: форма одного круга), использующийся вон-буддизмом в качестве изображения Будды Дхармакаи [1]. Пустой внутри круг станет символическим объектом религиозного поклонения и эталоном религиозной практики.

1 июня 1943 г. Сотхэсан, как считается, вошел в нирвану в возрасте 53 лет после того, как передал «стих Истины» своим ученикам: «Бытие переходит в небытие, а небытие – в бытие, вращаясь и возвращаясь; в конечном счете, и бытие, и небытие пусты, но эта пустота совершенна» [36, p. VII]. Будучи лидером нового религиозного учения в течение 28 лет, в мрачный период японской колониальной оккупации Кореи и Второй мировой войны, он заложил прочный фундамент вон-буддизма.

Преемником Учителя-основателя стал Сон Кю (1900–1962). Период его руководства совпал с окончанием Второй мировой войны, прекращением японской колонизации. Строительство новой Кореи происходило в условиях политической нестабильности, коррупции в правительстве Ли Сынмана, медленной перестройки преимущественно аграрной экономики, неэффективного использования американской помощи, подавления ростков демократии. Тем не менее, некоторый прогресс был достигнут, и можно сделать вывод, что развитие вон-буддизма как организации происходило на фоне стабилизации независимого южнокорейского государства.

Сон Кю (Чонсан) сыграл решающую роль в систематизации учения, упорядочивании религиозной практики и создании церковной структуры. Он также занимался написанием истории нового религиозного движения. Именно Чонсан в 1947 г. переименовал Общество по изучению Дхармы Будды в *Вонбульгё* (Вон-буддизм) и создал новый канон «*Вонбульгё кёджон*» («Священные писания вон-буддизма»), опубликованный после его смерти в 1962 году.

Чонсана сменил на посту Верховного Дхарма-мастера Ким Тэго (Тэсан, 1962–1994). Четвертым патриархом был Ли Кванджон (Чвасан, 1994–2006). Его дело продолжили Чан Ынчхоль (Кёнсан, 2006–2018) и Ким Чжувон (Чонсан, 2018–2024). С 2024 г. духовным лидером организации является Сон Дочжон (Вансан).

Доктринальные верования вон-буддизма. Объектом верования и религиозной практики, как уже отмечалось, стал круговой символ *Ильвонсан*. Вот как его глубинный смысл определял Сотхэсан: «В нашем Ордене мы храним Ильвонсан также, как в прошлом буддисты хранили изображения Будды. Однако, в то время как изображение Будды воплощает физическую форму Будды, Ильвонсан воплощает ум-сущность Будды. Физическая форма представляет собой лишь его человеческий облик, но ум-сущность огромен и бесконечен, сочетая в себе бытие и небытие, и поддерживая себя в течение трех временных периодов – прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, он является изначальным источником мириада вещей на небе и на зем-

ле… Конфуцианство называет его Великим пределом; даосизм – природой, или Путем; буддизм – чистым Буддой Дхармакая. В принципе, все это разные выражения для одного и того же… все они в конечном итоге приводят к истине Ильвона… Поэтому наш Орден определил истину Ильвонсана как парадигму для соотнесения этой конечной истины с нашей повседневной жизнью, а также разъяснил два пути – веры и практики» [39, p. 127]. Осознав это, вон-буддист, как считается, достигает единства с Буддой, то есть просветления, что и является его высшей целью. Войти в такое состояние можно двумя путями, следовать которыми следует одновременно.

Первый путь – через «Врата веры» (*синан мун*) – основывается на признании человеком долгов перед «Четырехкратной милостью»: долга перед Небом и Землей, (то есть перед Природой, дающей людям возможность существования), долга перед родителями (давшим жизнь и воспитавшим), долга перед ближними (имеются ввиду соплеменники, оказывающие услуги в рамках взаимопомощи), долга перед законом (ради правильного управления собственным домом, государством и, в конечном счете, к умиротворению всего Универсума) [31, p. 310–311]. По мнению Сотхэсана, болезни мира можно излечить только в том случае, если люди будут чувствовать себя обязанными и благодарными Четырехкратной милости.

Чтобы воздать за эти четыре милости, необходимо исполнять «Четыре необходимости»: самосовершенствование, следование руководству мудрых и знающих, образование детей, уважение к занимающим общественные посты. Реализации «Четырех необходимостей» является обязательным условием становления справедливого общества, свободного от социальной и гендерной дискриминации. «Четыре милости» и «Четыре необходимости» объединяются в «Добродетельны путь жизни» (*инсаный ёдо*) [10, p. 38–44]. Каждый человек, следующий ему, способен изменить мир к лучшему.

Второй путь – «Врата практики» (*сухэн мун*). Существует три вида практики: осознанное моральное поведение (*шила*), духовная концентрация (*самадхи*), исследование фактов и принципов (*праджня*-мудрость). Этого можно достичь, следуя восьми статьям. Необходимо развивать веру, рвение (ум должен двигаться вперед для достижения цели), вопрошение (желание узнать, то, чего мы не знаем о человеческих делах и универсальных принципах) и преданность («непреклонное состояние ума, что является движущей силой для достижения цели»). Нужно также отказаться от неверия, жадности, лени и глупости («отсутствия осознания большого и малого, бытия и небытия, а также правильного и неправильного, пользы и вреда») [38, p. 52–53]. При этом важное значение придается дзен-медитации, которую можно проводить в любое время и в любом месте, как в движении, так и в покое. Имеется ввиду, что сама жизнь, решение жизненных проблем может стать медитацией. «Это не только способ поддерживать мирное, сосредоточенное и правильное состояние ума, но и способ эффективно использовать свой изначальный разум в повседневной деятельности» [43]. Во время религиозных служб медитация перед символом *Ильвансан* имеет центральное значение.

Таким образом, вон-буддизм учит, как интегрировать духовную практику в повседневную жизнь. Ежедневное поведение рядового верующего регулируется десятью заповедями. «1. Не убивай [живых существ] без уважительной причины. 2. Не воруй. 3. Не совершай сексуальных домогательств. 4. Не употребляй одурманивающие вещества (имеется ввиду алкоголь) без уважительной причины. 5. Не играй в азартные игры. 6. Не употребляй грубых выражений. 7. Не ссорься без уважительной причины. 8. Не присваивай государственные средства. 9. Не занимай деньги у близких друзей и не одалживай им без уважительной причины. 10. Не кури табак без должной на то причины» [38, p. 89]. Обращает на себя внимание отсутствие категоричности в некоторых запретах. Их исполнение зависит от ситуации, что делает вон-буддизм привлекательным для людей, живущих обычной жизнью в современном мире.

Приверженец вон-буддизма должен постоянно заниматься самообразованием. Оно сосредоточено вокруг одиннадцати видов обучения: 1) произнесение имени Будды; 2) сидение в медитации; 3) изучение писаний вон-буддизма; 4) чтение лекций перед аудиторией

(для развития потенциальной мудрости); 5) обсуждение и обмен мнениями (во время групповой дискуссии); 6) практика ыйдо (исследование с помощью фактов вопросов и тем, вызывающих сомнение); 7) исследование принципа природы (решение проблем, связанных с фундаментальными принципами существования всех существ во Вселенной); 8) регулярное ведение дневника по основным вопросам жизни (запись рабочих часов, доходов и расходов, собственных мыслей); 9) ведение ежедневного дневника (запись осознанных и бездумных поступков, нарушений предписаний); 10) внимательность (помнить, что решил делать, а чего не делать в соответствии с ситуацией; 11) хорошее поведение (применять на практике то, чему научился) [3, p. 140–141].

Главной целью учения Сотхэсана, как и в традиционном буддизме, было освобождение всех живых существ от страданий и избавление мира от моральных недугов. Однако он хотел сделать учение Будды более практичным и подходящим для современного общества, чтобы как можно большее количество простых людей могли бы применять его для улучшения своей жизни. В связи с этим характерен пример, который приводил Сотхэсан своим последователям. Это история пожилой пары, желавшей помолиться Будде, чтобы он оказал влияние на их невестку, чье поведение, по их мнению, было далеко от благочестия.

«Однажды, когда Мастер-основатель проживал в обители Поннэ, мимо проходила пожилая пара и сказала, что их невестка настолько несдержанна и непочтительна, что они направляются в монастырь Сильсан, чтобы сделать подношение Будде в связи с этой ситуацией. Услышав об их проблеме, Мастер-основатель спросил их: “Откуда вы знаете, что нужно делать подношения изображению Будды, но не живому Будде?” Пожилая пара спросила: “Где же живой Будда?” Мастер-основатель ответил: “Невестка, живущая в вашем доме, это и есть живой Будда. Поскольку именно у нее есть право быть благосклонной или неблагосклонной к вам; почему бы вам сначала не попробовать сделать подношение ей?” Они спросили: “Как мы можем сделать такое подношение?” Мастер-основатель ответил: “На деньги, которые вы собирались потратить на подношение Будде, купите ей подарок, который она оценит, и относитесь к ней с таким же уважением, с каким относились бы к Будде. Тогда, в зависимости от того, насколько вы искренни, проявится эффект от вашего подношения”. Пара вернулась домой и сделала так, как им было сказано. В конечном итоге, через несколько месяцев невестка стала действительно почтительной. Пожилая пара вернулась к Мастеру-основателю и благодарила его снова и снова, а Мастер-основатель сказал своим ученикам, сидевшим рядом с ним: “Это прагматичное поклонение Будде, которое непосредственно направлено на конкретный объект прегрешения и заслуги”» [40, p. 136–137]. Идея о том, что все живые существа обладают природой Будды не придумана Сотхэсаном. Она является основополагающей в корейском сон-буддизме (япон. *дзен*, кит. *чань*). Осознав это, человек достигает просветления, но путь к нему долог и труден. Сотхэсан превратил это учение в мудрость для повседневной жизни. Таким образом, вон-буддизм стремился перестроить традиционные учения корейского буддизма, чтобы сделать их применимыми к людям из всех слоев общества, а не только к монахам и монахиням, живущим в уединении в монастырях.

Для вон-буддизма характерна попытка синтезировать три религиозно-философские традиции – буддизм, конфуцианство и даосизм – в единое целое. По мнению Сотхэсэна, буддизм занимается преодолением заблуждений путем просветления, конфуцианство сосредоточено на природе человеческих отношений, а даосизм – на развитии собственной природы в гармонии со Вселенной. Таким образом, «в прошлом эти три традиции распространяли свои собственные доктрины; однако в будущем мир не сможет быть освобожден ни одной из них. Поэтому мы объединили эти доктрины… на основе целостности как духа, так и плоти и одновременной практики универсальных принципов и человеческих дел» [40, p. 126].

Проявления этого синтеза наглядно выражены как в религиозной доктрине, так и во внешней атрибутике [25, p. 5–6]. Несомненно, традиционный буддизм с его главными идеями кармы, просветления, сансары и нирваны является основой вон-буддизма. В то же время многие его положения, как уже отмечалось, переосмыслены в духе времени.

Использование символа в виде круга также не было изобретением Сотхэсана. Одна из самых известных визуализаций круга в китайской чань-буддийской традиции – это знаменитые «Десять картин укрощения буйвола», иллюстрирующие идею, что просветление выявляет подлинную природу личности, что его может достичь обыкновенный человек, делающий обыкновенные вещи необыкновенным путем [12, p. 360–369]. Образ пустого круга появляется на восьмой картине; он символизирует всеобъемлющую Пустоту – основу всех вещей. Это состояние Просветления, когда преодолен дуализм личности и действительности, когда человек приобретает Природу Будды. Но это не завершение Пути. После изображения круга на следующих двух картинах просветленный человек не уходит от мира, а живет в нем среди обычных людей, с которыми он делится своим просветленным бытием и вдохновляет их идти путем Будды. Исследователи отмечают сходство философской основы и многих практик вон-буддизма с буддизмом Сон [13].

Дополнительным источником влияния на вон-буддийскую доктрину, несомненно, стало конфуцианство, которое на протяжении многих веков было доминирующей философской доктриной в Корее. Во времена Сотхэсана буддизм воспринимался образованной частью общества как религия простонародья и антисоциальное учение. Неоконфуцианцы критиковали буддийских монахов, которые оставили своих родителей ради монастырской жизни и не исполняли свой сыновний долг, являющийся основополагающим принципом морали. Они считали буддийских монахов эгоистами, боящимися трудностей мирской жизни [18]. Вон-буддизм, стремившийся обеспечить синтез конфуцианской и буддийской моральных систем, переосмыслил принцип сыновней почтительности в нужном для себя плане. Его идеологи делали акцент на том, что буддизм склонен подчеркивать бесформенные аспекты, в то время как конфуцианство сосредоточено на форме. Хотя знак в виде круга указывает на абсолют, или истинную пустоту, он также служит формальным выражением моральной дисциплины [4, p. 26–27].

Что касается даосизма, то его прямое влияние на вон-буддизм не так очевидно. Эта китайская религия, появилась в Корее в VII в. и имела популярность у элитной части общества вплоть до XVI в., когда со стороны конфуцианских ученых стала нарастать оппозиция «вредным учениям» [15, p. 92–93]. Даосизм перестал рассматриваться интеллектуалами в качестве средства обеспечения гармонии между человеческим и космическим. Конфуцианцы считали, что добиваться этого нужно не молитвами и «недеянием», а моральным поведением. Однако даосские идеи оказали влияние на местный буддизм, шаманизм и народную культуру [11, p. 792–820]. Можно, видимо, говорить об опосредованном влиянии. Так, история буйвола и пастуха, вначале разделенных, но в конце концов объединившихся, демонстрируя тем самым идею единства всего сущего, – это старинная даосская притча, которая была модифицирована чаньским монахом Линьцзи в IX в. [2] [17, p. 224]. Знак Одного круга является общим для даосизма и дзен-буддизма.

Вон-буддизм в современном мире. Вон-буддизм имеет четкую организационную структуру, отражающую его принципы. Верховный глава (*Чонбопса*) – главный авторитет в толковании учения. Следующим в управленческой иерархии является Центральный штаб (*Чунъань чхонбу*), координирующий всю деятельность организации. Он расположен в г. Иксан, где находится духовный и административный центр Вонгван. Ключевыми руководящими органами при Центральном штабе является Высший совет (*Чхэго вивонхве*), состоящий из видных духовных наставников и мирян. Он утверждает важнейшие решения, бюджет, выбирает Верховного главу. Совет правления (*Исахве*), исполнительный орган, отвечает за текущее управление и выполнение решений Высшего совета. Главный храм (Поновон) находится в Иксане. В местных храмах (*кёдан*) проходит регулярная жизнь общины: богослужения, медитация, обучение, общение. Во главе стоит наставник (*кёму*). Таким образом, вон-буддизм сочетает в своей организации централизованное руководство для сохранения единства учения с демократическими процедурами и широким участием мирян, что делает его современной и динамичной религиозной организацией [46]. Вся эта структура служит главной цели – вов-

леченности организации и ее членов в общественную жизнь. В последний год своей жизни Сотхэсан сказал: «Поскольку цель нашей религиозной задачи – религиозное назидание, образование и благотворительность, мы добьемся успеха только в том случае, если эти три направления работы будут полностью сбалансированы» [39, p. 485–486].

В религиозном назидании большое значение имеют ритуальные собрания в кёданах («залах обучения»). Внешне они напоминают обычную протестантскую церковь. Прихожане сидят на скамьях, а впереди находится приподнятая платформа для проповедей. Позади кафедры, где стоит священник, помещена большая версия *Ильвонсана*. Служба состоит в основном из молчаливой медитации, проповеди и пения гимнов, затем следует угощение и общение. Эти собрания, проходящие по воскресеньям, должны укреплять общий дух участников и побуждать их строить свою повседневную жизнь в соответствии с моральными аспектами учения [44, p. 87]. Кроме того, в течение недели проводятся медитации, занятия по изучению «Священных писаний», а также заседания комитетов, связанных с деятельностью храма. При многих храмах работают детские сады и ясли [1, p. 17].

Священнослужители вон-буддизма, как мужчины, так и женщины, называются *кёмуним*, что буквально означает «тот, кто предан учению». Большинство из 2 тыс. священнослужителей – женщины [3, p. 55]. Они соблюдают целибат, носят модифицированную корейскую одежду, а не традиционные монашеские одеяния. Мужчины-священники, как правило, женаты, одеваются как обычные корейцы. Этим подчеркивается, что вонбульгё – это буддизм, отличный от традиционного корейского буддизма, интегрированный в повседневную городскую жизнь, а не буддизм отдаленных горных монастырей.

В последнее время все чаще поднимается вопрос о безбрачии женщин-священнослужительниц. Активистки гендерного равенства в этом вопросе объединились в Клуб вон-буддийских женщин-клириков и после тщательного изучения изречений Сотхэсана пришли к выводу, что нет никаких доктринальных оснований для сохранения этого отжившего ограничения [1, p. 29].

Следуя завету Сотхэсана, вон-буддисты особое внимание уделяют образованию, в том числе для девочек и женщин. Ими создан ряд учебных заведений, включая средние и старшие школы. Учебные заведения вон-буддизма высоко ценятся не только верующими. В этой связи важнейшую роль играет Университет Вонгван, в котором учатся и молодые люди, далекие от вон-буддизма. В этом реализуется основная идея Сотхэсана о том, что религия не должна приводить к какой-то суеверной зависимости, а, наоборот, способствовать достижениям и вкладу свободных и рациональных людей в общее дело материального и духовного прогресса. В Университете обучаются около 25 тыс. студентов на факультетах вон-буддизма, делового администрирования, фармацевтики, медицинских наук, социальных наук, креативной инженерии, стоматологии и др. [45].

Благотворительная деятельность – это третья часть религиозной миссии вон-буддизма. Чтобы превратить мир в рай, эгоизм в мире должен быть заменен альтруизмом, поскольку, по мнению Сотхэсана, до тех пор, пока люди остаются эгоистичными, мир никогда не изменится к лучшему, независимо от того, сколько материальных благ будет накоплено. Вонбуддисты активно участвуют в различных формах социального служения. Результатом их благотворительной деятельности стало открытие и содержание детских домов, домов престарелых, больниц восточной медицины. Нуждающимся и пострадавшим от стихийных бедствий предоставляется бесплатная материальная и медицинская помощь. Вонбуддисты сотрудничают с другими религиозными группами и неправительственными организациями в области сохранения окружающей среды [1, p. 18]. Финансируется вся эта деятельность мирянами, среди которых немало состоятельных людей.

Следует отметить, что организация старательно избегает отождествления с каким-либо политическим движением и официально не поддерживает конкретные политические программы. Это не простой эскапизм, поскольку приверженность социальным проблемам остается неизменной, но по религиозным, а не политическим мотивам. Конечно, многие вонбуддисты имеют свои предпочтения, которые они демонстрируют на выборах.

Точных данных о количестве приверженцев вон-буддизма в Республике Корея нет. Согласно национальной переписи населения 2015 г., последней, в которой статистика по религиозным группам приводится в полной форме, в стране насчитывалось более 100 тыс. зарегистрированных вон-буддистов [34]. Но на самом деле количество приверженцев этой религии намного больше, их численность руководство оценивает до 1,2 млн человек. Возможно, что эта цифра несколько завышена, но стоит иметь ввиду, что многие корейские буддисты при подобных опросах не делают различия между традиционным буддизмом и вонбуддизмом [42]. Отметим, что в 2024 г. из более, чем 50 млн населения Южной Кореи 51 % не относили себя ни к какой религии, 20 % – к протестантизму, 11 % к католицизму, 17 % к буддизму и 2 % – к другим религиям [21].

Для удовлетворения духовных потребностей адептов вонбульгё существует более 550 храмов. Вон-буддизм перешагнул границы Южной Кореи и нашел последователей в Америке, Европе, Австралии, Африке, Новой Зеландии. 55 его храмов действуют в 19 странах мира [2, p. 66]. Имеется храм и в России. В московском *кёдане* каждое воскресенье проводятся службы, читаются лекции по вонбуддизму и занятия по т. н. практике сознания [23]. Число прихожан точно не известно. В Москве также находится Религиозная организация вон-буддистов, зарегистрированная в 1998 году [28]. С 1993 г. функционирует школа Вонгван, где россияне изучают корейский язык и культуру Кореи на основных занятиях, но дополнительно могут пройти курс по вонбуддийской практике сознания [29].

Наибольше количество структур вонбуддизма за рубежом приходится на США. В Филадельфии в 2021 г. был учрежден Институт постдипломного образования с тремя факультетами, включая факультет вон-буддийских исследований, выпускающий потенциальных священнослужителей, причем учеба ведется на английском языке, и выпускники не говорят по-корейски [8, p. 302]. Все это делается для дальнейшего распространения учения и религиозной практики в мире.

Чем это корейское религиозное движение может быть привлекательным для иностранцев? Л.Р. Ланкастер еще в середине 1970-х гг. предполагал, что в США влияние буддизма связано скорее с медитацией для снятия тревоги и стресса, чем с религиозной доктриной и практикой. «Введение таких духовных упражнений… может в долгосрочной перспективе оказаться самым важным вкладом буддизма в американскую жизнь» [22, p. 84]. С того времени тревожность в США и мире только увеличивалась. Вон-буддизм далек от политики, он предлагает достаточно простую духовную философию, говорит с людьми понятным языком, поддерживает права человека и гендерное равенство, занимается благотворительностью, озабочен защитой окружающей среды. В 1992 г. Департамент общественной информации Организации Объединенных Наций аккредитовал вон-буддизм как неправительственную организацию [41]. Все это увеличивает его популярность среди тех, кто разочаровался в ригористическом христианстве.

Отличительной чертой вон-буддизма является стремление к сотрудничеству с другими религиями, преодолению религиозных барьеров. Чонсан, второй патриарх и преемник Сотхэсана, учил морали «трех принципов идентичности»: «Во-первых, все мировые религии должны в равной степени разрушить стены, разделяющие различные религии, и дать возможность другим понять, что все принципы – это не что иное, как одна истина, хранящаяся в одном мире, и обучать этой истине других. На этой основе мы должны действовать сообща, чтобы создать этот единый мир. Во-вторых, люди всех рас и наций должны сообща преодолеть существующие между ними границы и понять, что все расы и нации – это всего лишь единая семья и единое потомство. Обучая этому других; исходя из этого, они должны действовать сообща, чтобы создать этот единый мир. В-третьих, все, кто занимается своей работой в мире, должны преодолеть предубеждения своих соответствующих предприятий и понять, что все предприятия в этом мире – это всего лишь единое предприятие на одном рабочем месте. Обучая этому других, исходя из этого, они должны действовать сообща, чтобы создать единый мир» [36, p. 516–517].

Лидеры вон-буддизма призывали к созданию Организации Объединенных Религий по типу Организации Объединенных Наций [35, p. 18–21]. По словам четвертого патри-

арха Ли Кванчжона, «мы должны осознавать тот факт, что все религии несут в себе одну и ту же истину, хотя их обряды и толкование истины могу быть разными» [20, p. 15]. Следуя этике «трех принципов идентичности», вон-буддизм участвует в межконфессиональных организациях. Он является активным членом Ассоциации коренных корейских религий и Корейской конфедерации религии за мир, участвует во Всемирном братстве буддистов.

Результаты. К концу XIX в. корейский буддизм находился в состоянии опустошения в результате подавления его официальной неоконфуцианской идеологией и политикой. Столкновения корейцев с иностранными державами также создали условия, в которых религиозные лидеры испытывали ощущение кризиса, и многие буддисты заговорили о необходимости активного участия буддизма в изменении реальностей корейского общества.

Основатель религиозного движения Сотхэсан был умелым администратором, сумевшим создать работоспособную структуру организации, которую унаследовали его преемники. Они избирались демократическим путем, что позволило избежать фракционности и расколов, свойственных другим новым корейским религиям.

С самого начала эта религия представляла свои доктрины и практики в ясной форме и ориентировалась на широкую аудиторию, далекую от философских глубин традиционного буддизма. К тому же, здесь нет критического разграничения между мирянами и священством, что способствует вовлеченности организации в жизнь простых людей и стремлению решать их насущные проблемы. К другим характеристикам следует отнести тенденцию к рационализации и, таким образом, модернизации религиозных практик и доктрин, а также заботу о материальном развитии общества.

Вон-буддизм учит, что просветление достижимо здесь и сейчас через правильную тренировку ума и праведную жизнь в миру. Он предлагает практичный путь, объединяющий духовное развитие с активным социальным служением, где священным является каждый момент повседневной деятельности, совершенной с осознанным умом. Это делает доктрины и религиозные постулаты, сформулированные в учении Сотхэсана и приспособленные к современности, привлекательными для значительной части корейского общества.

Вон-буддизм привержен идеи образования, как светского, так и духовного. Через школы и высшие учебные заведения он распространяет свои идеи, увеличивая и тем самым свою паству, и готовит будущих квалифицированных лидеров движения.

Вон-буддизм толерантен в отношении других религий. Он признает их значимость и выступает за межрелигиозный диалог во имя всеобщего мира и благополучия всех людей. В современном мире, раздираемом военными конфликтами и ксенофобией, идеи глобальной солидарности могут находить отклик у мыслящей части общества, как на Востоке, так и на Западе.

В отличие от других новых религиозных движений, чье влияние то росло, то ослабевало в зависимости от времени, вон-буддизм пережил медленный, но устойчивый рост, и его общее влияние в корейском обществе значительно увеличилось. Он остается одной из самых прочных национальных религий в Республике Корея.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дхармакая – «тело Дхармы» (Истины), одно из трех тел Будды в буддизме Махаяны, его высшее, непостижимое проявление, присутствующее во всех живых существах [30, p. 454].

[2] История буйвола и пастуха, вначале разделенных, но в конце концов объединившихся, демонстрируя тем самым идею единства всего сущего, – это старинная даосская притча, которая была модифицирована чаньским монахом Линьцзи в IX в. [17, p. 224].

REFERENCES

1. Adams D.J. Won Buddhism in Korea: A New Religious Movement Comes of Age. *Transactions of Royal Asiatic Society. Korea Branch*, 2009, vol. 84, pp. 1-35.

2. Baker D. Constructing Korea's Won Buddhism as a New Religion: Self-Differentiation and Inter-Religious Dialogue. *International Journal for the Study of New Religions*, 2012, vol. 3, no 1, pp. 47-70.

3. Choi Joon-sik. *Won-Buddhism: The Birth of Korean Buddhism*. Seoul, Jimoondang, 2011. 175 p.

4. Chung B. What Is Won Buddhism? *Korea Journal*, 1984, vol. 24, no. 5, pp. 26-28.

5. Chung Bongkil. Beneficence as the Moral Foundation in Wŏn Buddhism. *Journal of Chinese Philosophy*, 1996, vol. 23, pp. 193-211.

6. Chung Bongkil. Introduction. *The Scriptures of Won Buddhism: A Translation of the Wŏn Pulgyokyojŏn with Introduction*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2003, pp. 3-109.

7. Chung Bongkil. *The Dharma Master Chŏngsan of Wŏn Buddhism: Analects and Writings*. Albany, State University of New York, 2012. 342 p.

8. Chung Bongkil. Wŏnbulgyo. *Handbook of East Asian New Religious Movements*. Leiden, Brill, 2018, pp. 301-320.

9. Cozin M. Wŏn Buddhism: The Origin and Growth of a New Korean Religion. Kendall L., Dix G., ed. *Religion and Ritual in Korean Society*. Berkeley, University of California, 1987, pp. 171-184.

10. *Fundamentalnaya kniga von-buddizma Vonbulgyo Chong Dzhon* [The Fundamental Book of Won Buddhism Wonbulgyo Chongjon]. S.l., Korean Cultural Center "Spiritual Heritage", 2008. 208 p.

11. Jung Jae-seo. Daoism in Korea. Kohn L., ed. *Daoism Handbook*. Boston, Brill, 2000, pp. 792-820.

12. Kapleau Ph. *The Three Pillars of Zen: Teaching, Practice, and Enlightenment*. New York, Anchor books, 1989. 483 p.

13. Kim Bokin. The "Irwŏn" Symbol and Its Ecumenical Significance. *Buddhist-Christian Studies*, 1994, vol. 14, pp. 73-87. URL: https://www.jstor.org/stable/1389825?origin=crossref

14. Kim Dogong. The Relation Between Buddhism and Won Buddhism. *Journal of the Korean Academy of New Religions*, Special Edition, August 2010, pp. 166-198. DOI: 10.22245/jkanr.2010...166

15. Kim G.N. *Istoriya religij Korei* [History of Korean Religions]. Almaty, Izd-vo Kaz. nats. un-ta, 2001. 230 p.

16. Kirillova E.N. Sovremennoe techenie von-buddizma v Koree: istoriya veroucheniya i vliyanie na obshchestvo [The Modern Trend of Won Buddhism in Korea: The History of the Religion and Its Impact on Society]. *Nauchnyj progress i ustoychivoe razvitie* [Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, Scientia Publ., 2025, pp. 279-282.

17. Koller J. *Oriental Philosophies*. New York, Scribner, 1985. 392 p.

18. Korean Buddhism. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: https://plato.stanford.edu/entries/korean-buddhism/#CriDefBu

19. Kurbanov S.O. *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI v.* [The History of Korea from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century]. Saint Petersburg, S. Petersburg University Publ., 2018. 744 p.

20. Lee Kwang-Jeong (Venerable Chwasan). *Won Buddhism: A New Religion in the Era of Creation*. Iri, Won Pulkgyo Chonghwa-sa, s.n. 18 p.

21. Lesage J.E., Cooperman A., Starr K. J., Manolo, Corichi W. M., Lesage K. Religion and Spirituality in East Asian Societies, 2024, June 17. *Pew Research Center*. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2024/06/17/religion-and-spirituality-in-east-asian-societies/

22. Lewis R.L. Growth of Buddhism in the West: Its Reality and Meaning. Lee S.-K., Rhi K.Y., eds. *Buddhism in the Modern World*. Seoul, Dongguk University, 1976, pp. 76-84.

23. *Moskovskiy kyodan* [Moscow kyodan]. URL: https://wonbuddhism.ru/contacts/

24. Park J.Y. Won Buddhism, Christianity, and Interreligious Dialogue. *Journal of Korean Religions*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 109-131.

25. Park Kwangsoo. *The Won Buddhism (Wonbulgyo) of Sot'aesan: A Twentieth Century Religious Movement in Korea*. San Francisco, International Scholars Press, 1997. 407 p.

26. Pye M. Won Buddhism as a Korean New Religion. *NUMEN. International Review for the History of Religions*, 2002, vol. XLIX, no. 2, pp. 113-141.

27. Ranallo-Higgins F.M. *Redacting Buddha: Sacred Scripture and Religious Identity in the Korean New Religious Movement of Wŏn Buddhism. PhD in Asian Languages and Cultures Diss.* Los Angeles, University of California, 2019. 420 p.

28. *Religioznaya organizatsiya Von Buddistov* [Religious Organization of Won Buddhists]. URL: https://companies.rbc.ru/id/1037739760134-ro-ro-von-buddistov/#general

29. *Shkola Von Gvan* [Won Kwang School]. URL: https://web.archive.org/web/20160219144505/http://koredo.ru/shkola-von-gvan

30. Sidorov S. *Buddizm: istoriya, kanony, kultura* [Buddhism: History, Canons, Culture]. Moscow, AST Publ., 2005. 487 p.

31. Solov'ev L.E. Von-buddizm: religiya prakticheskogo prosvetleniya [Won Buddhism: The Religion of Practical Enlightenment]. *Etnos i religiya* [Ethnicity and Religion]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAN Publ., 1998, pp. 304-323.

32. Son Chzhunkho. *Koreya Yuzhnaya i Severnaya. Polnaya istoriya* [South and North Korea: Complete History]. Moscow, AST Publ., 2023. 320 p.

33. Song G. *A Short Introduction to Won Buddhism*. URL: https://www.buddhistdoor.net/features/a-short-introduction-to-won-buddhism/

34. *South Korea Population and Housing Census 2015.* URL: https://ghdx.healthdata.org/record/south-korea-population-and-housing-census-2015

35. Taesan. The Necessity of the Establishment of the United Religions. *Living Buddha: The Won-Buddhist Review*, 2005, no. 1 (1), pp. 18-21.

36. *The Doctrinal Books of Won-Buddhism (Wonbulgyo Kyosŏ)*. Shinyong-dong, Department of International Affairs of Won-Buddhist Headquarters, 2016. 1003 p. Preface, pp. V-XIV.

37. *The History of Won-Buddhism (Wonbulgyo Kyosa). Pt. 2. Founding of the Order*. URL: http://wonscripture.org/Main/SubIndex/kyosa010205

38. The Principal Book of Won-Buddhism (Wonbulgyo Chŏngjŏn). *The Doctrinal Books of Won-Buddhism* (*Wonbulgyo Kyos*). Shinyong-dong, Department of International Affairs of Won-Buddhist Headquarters, 2016, pp. 15-101.

39. The Scriptures of the Founding Master. T*he Doctrinal Books of Won-Buddhism* (*Wonbulgyo Kyosŏ*). Shinyong-dong, Department of International Affairs of Won-Buddhist Headquarters, 2016, pp. 103-487.

40. *The Scriptures of Won Buddhism: A Translation of the Wonbulgyo kyojon with Introduction*. Honolulu, Honolulu University of Hawai'i Press, 2003. 413 p.

41. *Won Buddhism UN Interfaith*. URL: https://wonbuddhist.org/about-us-2/

42. *Won Buddhism. Dale's Korea Temple Adventures*. URL: https://koreantempleguide.com/won-buddhism-P

43. *Won Buddhism*. URL: http://www.wonbuddhism.org/our-practice/timeless-zen

44. Yang Eun-yong, The History, Basic Beliefs, Rituals, and Structure of Won-Buddhism. Kim Sung-hae, Heisig J., eds. *Encounters: The New Religions of Korea and Christianity*. Seoul, Royal Asiatic Society, Korea Branch, 2008, pp. 73-93.

45. *Wonkwang Daehakgyo* [Wonkwang University]. URL: https://www.wku.ac.kr/

46. *Wonbulgyo* [Won Buddhism]. URL: https://www.won.or.kr/main

Information About the Author

Yuri G. Smertin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Foreign Regional and Oriental Studies, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, my@jusmertin.ru, https://orcid.org/0000-0002-0432-0197

Информация об авторе

Юрий Григорьевич Смертин, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, my@jusmertin.ru, https://orcid.org/0000-0002-0432-0197

www.volsu.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.18

UDC 32.019.5
LBC 66.06

Submitted: 26.08.2025
Accepted: 11.10.2025

SOCIAL ARCHITECTURE OF RUSSIA'S FUTURE: KEY CHALLENGES AND RISKS IN THE CONTEXT OF CURRENT DIGITAL TRANSFORMATIONS (BASED ON EXPERT RESEARCH MATERIALS)

Sergey V. Volodenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article provides a comprehensive analysis of the challenges and risks posed by digital technologies to the formation of the social architecture of Russia's future. Within the author's conceptual framework, social architecture is understood as a dynamic process of purposeful design of institutional, normative, and communicative conditions. Grounded in specific value priorities, these conditions channel spontaneous social interactions towards the formation of a stable, equitable, and adaptive social system. The relevance of the study is determined by the systemic nature of digital transformation, which does not merely modify but fundamentally redefines traditional social institutions, values, and trust models. The aim of the work is to identify and systematize key technological risks and to assess the vulnerability of core social institutions within this context. *Materials and methods.* The research methodology is based on a qualitative content analysis of 22 structured interviews with leading Russian and international experts in political science, sociology, philosophy, and public administration. The sample was formed using purposive sampling. Data processing followed the principles of grounded theory, employing a three-level coding system (open, axial, and selective). *Analysis.* The analysis of empirical data revealed and detailed a spectrum of key clusters of technological risks: information and cognitive manipulation; ubiquitous control and surveillance; decentralized systems; virtual environments; infrastructure technologies; and technologies of direct human impact. It was established that the greatest threat originates from information management technologies implemented through platform ecosystems. An assessment of the vulnerability of specific social institutions was also conducted, identifying the education system, political institutions, and the sphere of labor as the most vulnerable. *Results.* The study yielded the following key findings: 1) a ranking of digital technologies according to their destabilizing potential, with the greatest threat stemming from the synergistic effect of their combination; 2) identification of systemic vulnerabilities within key institutions, which face a crisis of legitimacy, functional erosion, and rising inequality; 3) substantiation of the necessity for a comprehensive, interdisciplinary response, encompassing anticipatory legal regulation, the development of digital literacy, the formulation of ethical norms, and the cultivation of strategic vision among social architects. It is concluded that without coordinated action, Russia faces the prospect of significant socio-political crises. *Funding.* The study was carried out as part of the state assignment of Sevastopol State University. Project: "Design of the social architecture of Russia's future: images and scripts," registration number 1025031000058-9-5.6.1.

Key words: social architecture, digital technologies, artificial intelligence, socio-political challenges, institutional vulnerability.

Citation. Volodenkov S.V. Social Architecture of Russia's Future: Key Challenges and Risks in the Context of Current Digital Transformations (Based on Expert Research Materials). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 212-223. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.18

© Володенков С.В., 2026

УДК 32.019.5
ББК 66.06

Дата поступления статьи: 26.08.2025
Дата принятия статьи: 11.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сергей Владимирович Володенков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена комплексному анализу вызовов и рисков, которые несут цифровые технологии для формирования социальной архитектуры будущего России. В рамках авторского подхода социальная архитектура понимается как динамический процесс целенаправленного проектирования институциональных, нормативных и коммуникативных условий, которые, будучи основанными на определенных ценностных приоритетах, направляют спонтанные социальные взаимодействия в русло формирования устойчивой, справедливой и адаптивной социальной системы. Актуальность исследования обусловлена системным характером цифровой трансформации, которая не просто модифицирует, а фундаментально переопределяет традиционные социальные институты, ценности и модели доверия. Цель работы – идентифицировать и систематизировать ключевые технологические риски и оценить уязвимость основных социальных институтов в этом контексте. *Методы и материалы.* Методология исследования основана на качественном контент-анализе 22 структурированных интервью с ведущими российскими и зарубежными экспертами в области политологии, социологии, философии и государственного управления. Выборка формировалась целевым методом. Обработка данных проводилась в соответствии с принципами обоснованной теории с использованием трехуровневой системы кодирования (открытого, аксиального и селективного). *Анализ.* В ходе анализа эмпирических данных был выявлен и детально охарактеризован спектр из ключевых кластеров технологических рисков: манипуляция информацией и сознанием, повсеместный контроль и слежка, децентрализованные системы, виртуальные среды, инфраструктурные технологии и технологии прямого воздействия на человека. Установлено, что наибольшую угрозу несут технологии управления информацией, реализуемые через платформенные экосистемы. Также проведена оценка уязвимости конкретных социальных институтов, в результате которой наиболее уязвимыми были признаны система образования, политические институты и сфера труда. *Результаты.* По итогам исследования получены следующие результаты: 1) ранжирован спектр цифровых технологий по степени их дестабилизирующего потенциала, при этом наибольшая угроза исходит от синергетического эффекта их сочетания; 2) выявлена системная уязвимость ключевых институтов, которым грозят кризис легитимности, эрозия функций и рост неравенства; 3) обоснована необходимость комплексного междисциплинарного ответа, включающего опережающее правовое регулирование, развитие цифровой грамотности, выработку этических норм и формирование стратегического видения у социальных архитекторов. Сделан вывод о том, что без скоординированных действий России грозит реализация серьезных общественно-политических кризисов. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1.

Ключевые слова: социальная архитектура, цифровые технологии, искусственный интеллект, общественно-политические вызовы, институциональная уязвимость.

Цитирование. Володенков С. В. Социальная архитектура будущего России: ключевые вызовы и риски в условиях актуальных цифровых трансформаций (по материалам экспертного исследования) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 212–223. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.18

Введение. Современная эпоха характеризуется беспрецедентным ускорением технологических, социальных и ценностных трансформаций, что актуализирует проблему целенаправленного конструирования желаемого будущего. Классические подходы к социальному прогнозированию, базирующиеся на линейных экстраполяциях, демонстрируют свою ограниченность перед лицом нарастающей сложности, нелинейности и турбулентности глобального мира [19]. Как справедливо отмечал У. Бек, мы живем в «обществе риска», где производство богатства систематически сопровождается производством рисков [2]. Данная концепция находит свое новое, усиленное звучание в условиях Четвертой промышленной революции, стирающей традиционные границы между физической, цифровой и биологической сферами [16]. В этой связи возникает острая необходимость в новых теоретико-методологических подходах, способных не только диагностировать возникающие вызовы, но и предлагать стратегии проактивного формирования социального порядка.

В ответ на эти вызовы в научный дискурс активно внедряется интегративная парадигма «социальной архитектуры будущего» [4; 8], под которой в рамках данного исследования нами понимается системный, ценностно-ориентированный и адаптивный процесс целенаправленного проектирования институциональных, нормативных и коммуникативных условий для эмерджентного возникновения просоциальных практик и устойчивых структур, обеспечивающих гармоничное развитие общества в условиях неопределенности.

Ключевым преимуществом данного подхода является его проактивный и системный характер, позволяющий не просто реагировать на вызовы, но и формировать желаемые свойства социальной среды, минимизируя риски за счет предвосхищающего проектирования «правил игры», что позволяет гибко реагировать на непредсказуемость технологических изменений, снижая риски утопического проектирования и усиливая способность социальной системы к самоорганизации и устойчивому развитию в условиях турбулентности.

Данный подход не предполагает жесткого социального инжиниринга и, в отличие от утопического социального инжиниринга XX в., представляет собой процесс целенаправленного формирования условий для эмерджентного возникновения просоциальных практик и устойчивых структур. Это перекликается с идеями П. Бурдье о социальном пространстве как структурированном ансамбле полей, где происходит непрерывная борьба за различные виды капитала и право на символическое конструирование реальности [5]. В рамках этого подхода «социальный архитектор» выступает не в роли всезнающего «инженера», предписывающего жесткие схемы, а в роли рефлексирующего субъекта, формирующего «правила игры» – институциональные рамки, стимулы и среды, – которые направляют спонтанное социальное взаимодействие в желаемое русло. Интегративная парадигма социальной архитектуры будущего обеспечивает более адекватный ответ на современные вызовы по сравнению с линейными подходами, поскольку она: 1) учитывает нелинейность и турбулентность социальных процессов; 2) ориентирована на ценности и цели общества; 3) предусматривает адаптивное и проактивное управление; 4) учитывает синергетические эффекты цифровых технологий.

Ключевым фактором, детерминирующим и одновременно усложняющим процессы социального архитектурирования, выступают глобальные цифровые трансформации. Цифровые технологии, от искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных до распределенных реестров и нейроинтерфейсов, не являются нейтральными инструментами; они онтологически выступают носителями определенных ценностей, скрытых идеологий и встроенных предвзятостей, что формирует принципиально новые угрозы для социального суверенитета и человеческой автономии [21]. Они активно трансформируют традиционные социальные онтологии, переопределяя такие фундаментальные категории, как приватность, доверие, идентичность и социальная справедливость. Алгоритмические системы, платформенная экономика и тотальная датафикация становятся новыми метаинститутами, которые не просто дополняют, но активно вытесняют и подменяют собой традиционные институты социализации, политического участия и экономического обмена.

Таким образом, формируется своего рода «цифровая антиномия»: с одной стороны, технологии открывают беспрецедентные возможности для повышения эффективности управления, развития государства и общества, а также расширения их коммуникативных практик; с другой – они генерируют системные риски, угрожающие самим основам социально-политического устройства. В этом контексте возникает насущная потребность в строгой научной идентификации и ранжировании этих рисков, что и составляет основную цель данного исследования.

В связи с этим целью настоящего исследования является выявление и комплексный анализ ключевых вызовов и рисков, генерируемых актуальными цифровыми трансформациями, для процесса формирования социальной архитектуры будущего России. Основной исследовательский вопрос заключается в следующем: *какие конкретные цифровые технологии обладают наибольшим дестабилизирующим потенциалом для ключевых элементов социальной архитектуры (институтов, ценностей, доверия) и порождают наиболее значимые общественно-политические риски?* Ответ на этот вопрос позволит перейти от констатации угроз к выработке конкретных мер упреждающего управления и построения стратегической устойчивости социальной системы.

Методы и материалы. Для получения эмпирических данных был применен метод качественного контент-анализа 22 структурированных экспертных интервью с ведущими российскими экспертами в области политологии, социологии, философии и государственного управления. Выборка формировалась целевым методом с охватом экспертов, специализирующихся на проблематике цифровизации и социальных изменений, и включала профессоров и доцентов ведущих вузов России (МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Дальневосточный федеральный университет, Южный федеральный университет, СПбГУ, РУДН, Тихоокеанский государственный университет и др.), Республики Беларусь (Белорусский государственный экономический университет, Республиканский институт высшей школы), Сербии (Центр стратегических альтернатив, Центр Евразийских исследований Института международной политики и экономики), Китая (Центр изучения Азии Цзилиньского университета), США (University of Texas Rio Grande Valley), главных научных сотрудников академических институтов РАН (Институт системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН). Все респонденты имеют ученые степени докторов или кандидатов наук, публикации в журналах Q1 / Q2 и опыт участия в разработке государственных программ и стратегий в сфере цифровой трансформации и социальной политики.

Интервью проводились по структурированному гайду, включавшему следующие тематические блоки: 1) оценка влияния различных цифровых технологий на социальные институты; 2) идентификация наиболее рискогенных технологий для социальной архитектуры; 3) оценка уязвимости конкретных социальных институтов России.

Интервью строилось вокруг центрального вопроса о дестабилизирующем потенциале цифровых технологий в социально-политической сфере, а также включало тематические блоки, касающиеся: а) оценки рисков конкретных технологических кластеров; б) уязвимости социальных институтов; в) возможных мер регулирования. Такой подход позволил реконструировать систему аргументации экспертного сообщества относительно деструктивного потенциала цифровых технологий.

Методология анализа данных была основана на принципах обоснованной теории [18] и предусматривала трехуровневую систему кодирования полученных в ходе исследования эмпирических материалов:

1. *Микроуровень (открытое кодирование)*: идентификация базовых семантических единиц и ключевых понятий. На этапе открытого кодирования были выявлены такие часто встречающиеся семантические единицы, как «фильтрующий пузырь», «алгоритмическая дискриминация», «эрозия доверия», «симулякр», «цифровая стратификация», «алгоритмическая колонизация повседневности», «эрозия эпистемического доверия», «биоразрыв».

2. *Мезоуровень (аксиальное кодирование):* кластеризация выявленных единиц по

концептуальным парадигмам (таким как «технологии манипуляции информацией и сознанием», «технологии всепроникающего контроля»). В процессе аксиального кодирования эти единицы были сгруппированы в шесть концептуальных кластеров рисков (например, единицы «таргетированная реклама», «дипфейки», «бот-сети» объединились в кластер «манипуляция информацией и сознанием»), которые и легли в основу представленного ниже анализа. В результате процедуры открытого и аксиального кодирования транскриптов интервью были сформированы шесть ключевых концептуальных кластеров технологических рисков, которые и структурируют последующий анализ: 1) манипуляция информацией и сознанием; 2) всепроникающий контроль и слежка; 3) децентрализованные и распределенные технологии; 4) технологии создания виртуальных сред (VR / AR, метавселенные); 5) инфраструктурные и вычислительные технологии следующего поколения; 6) технологии прямого воздействия на человека. Эти кластеры отражают консенсус экспертного сообщества относительно основных векторов цифровых угроз;

3. *Макроуровень (селективное кодирование)*: построение концептуальных взаимосвязей между категориями и идентификация ключевых консенсусных точек экспертов.

Анализ. Анализ эмпирических данных, полученных в ходе экспертных интервью, позволил выявить спектр технологических рисков, сгруппированных в несколько взаимосвязанных кластеров, каждый из которых представляет собой вызов для различных элементов социальной архитектуры, что соответствует цели исследования.

Выявленные в ходе кодирования интервью шесть кластеров технологических рисков были проанализированы через призму их воздействия на ключевые элементы социальной архитектуры, определенные выше: институциональные рамки, ценностные основания и модели доверия. Это позволяет перейти от общей диагностики рисков к оценке их влияния на конкретные социальные конструкции.

Центральное место в системе угроз занимают *технологии манипуляции информацией и сознанием*, включающие генеративный ИИ, дипфейки, социальных ботов и алгоритмы Big Data. Единогласно признанные экспертами как наиболее значимый источник риска, эти технологии реализуют на практике концепцию «гиперреальности» Ж. Бодрийяра, где симулякры активно замещают собой объективную реальность [3]. Их деструктивный потенциал многогранен: от целенаправленного манипулирования общественным мнением и эрозии доверия к ключевым социальным институтам до фундаментального подрыва основ рациональной публичной дискуссии и самого понятия истины [12].

Ключевым механизмом воздействия здесь выступает феномен «алгоритмической власти» [13], которая через инструменты микротаргетирования и персонализированного управления вниманием ведет к атомизации общества и его радикальной поляризации. Алгоритмы платформ, оптимизированные под максимизацию вовлеченности, создают замкнутые «фильтрующие пузыри» [14], где пользователи оказываются изолированы в информационных экосистемах, усиливающих их существующие убеждения и предубеждения. Это не только создает прямую угрозу таким базовым ценностям, как социальная справедливость и солидарность, но и подрывает саму возможность формирования общего символического пространства, необходимого для функционирования любого общества, формирует своего рода алгоритмическую колонизацию повседневности.

Особую опасность представляет синергетический эффект от сочетания этих технологий. Генеративный ИИ способен производить убедительный персонифицированный контент в промышленных масштабах, социальные боты обеспечивают его вирусное распространение, а системы анализа больших данных позволяют с беспрецедентной точностью идентифицировать уязвимые группы и индивидуальные психографические профили для последующего манипулятивного воздействия [22]. Возникающая система тотального охвата общества синтетическим контентом ведет к глубокой эрозии эпистемического доверия – способности общества различать истинное и ложное и разделять общую реальность [3; 12]. Это создает принципиально новые вызовы для социального суверенитета и человеческой автономии, требуя переосмыс-

ления традиционных моделей медиавоздействия и выработки новых механизмов защиты публичной сферы. Как подчеркнул один из респондентов, «платформенные экосистемы становятся ключевым оператором по перераспределению символической власти в цифровую эпоху».

Не менее значимую угрозу социальной архитектуре будущего воплощают *технологии всепроникающего контроля и слежения*, включающие биометрическую идентификацию, системы массового наблюдения, интернет вещей (IoT) и инфраструктуру «умных городов». Данные технологии материализуют и трансформируют метафору фукианского «паноптикона» [7], где индивид внутренне усваивает возможность постоянного наблюдения, в цифровой «сентоптикон» [11], характеризующийся тотальной видимостью индивида для невидимых алгоритмических систем при их собственной непрозрачности.

Ключевые риски этого кластера носят системный характер: они включают не только кардинальное снижение уровня приватности и создание системы предиктивного контроля, основанного на анализе больших данных и алгоритмическом прогнозировании поведения, но и формирование мощного потенциала для политической и социальной дискриминации. Последняя реализуется через механизмы скоринга и ранжирования граждан, что ведет к возникновению новой формы социального неравенства – «цифровой стратификации», где возможности индивида определяются его алгоритмическим профилем [22].

Важнейшим аспектом становится то, что эти технологии не просто наблюдают, но и активно конструируют социальную реальность через управление поведением на основе предсказаний и автоматизированного принятия решений. Это приводит к эрозии автономии личности и добровольному самоограничению свободы действий из-за осознания постоянной видимости – феномен, известный как «хантингтоновская самоцензура» в цифровой среде. В совокупности это подрывает саму основу доверительных отношений в триаде «государство – общество – человек», трансформируя социальный договор в систему тотального подчинения алгоритмическим метрикам и нечеловеческим регуляторам.

Особый вызов монополии государства на регулирование финансовых и информационных потоков несут *децентрализованные и распределенные технологии* (блокчейн, DLT – Distributed Ledger Technology). Их фундаментальная угроза заключается не только в технической децентрализации, но и в концептуальной дезинтермедиации – устранении традиционных посредников (банков, нотариусов, государственных реестров), которые исторически выступали проводниками государственной политики и гарантами институционального доверия.

Это создает благоприятные условия для интенсификации криминальной и антигосударственной деятельности: от масштабирования теневой экономики через криптовалютные платежи до организации децентрализованных автономных образований (DAO), действующих в правовых серых зонах. Технологии смарт-контрактов и анонимные криптовалюты обеспечивают не только обход санкций и отмывание средств, но и создают инфраструктуру для новых форм координации противоправной деятельности, устойчивых к традиционным механизмам государственного вмешательства.

Ключевой риск заключается в том, что дестабилизация традиционных финансовых и социальных институтов приводит к эрозии монополии государства на легитимное насилие и обеспечение безопасности. В контексте децентрализованных технологий эксперты отмечали парадокс: «Технологии, провозглашаемые инструментами прозрачности, на практике могут способствовать фрагментации публичного пространства». Это созвучно с выводами Ш. Зубофф [22] о смещении доверия от институциональных гарантий к алгоритмической достоверности, что косвенным образом подрывает легитимность государства как верховного гаранта порядка и социального контракта. На практике применение такого рода технологий может способствовать фрагментации публичного пространства и созданию альтернативных систем власти, неподконтрольных традиционным демократическим институтам.

В свою очередь, технологии создания виртуальных сред (VR/AR, метавселенные) представляют угрозу иного, экзистенциально-

го порядка: их деструктивный потенциал заключается не просто в дополнении, но в прогрессирующем замещении реальных социальных связей и практик виртуальными суррогатами. Это порождает комплекс взаимосвязанных рисков, начиная с глубокой манипуляции индивидуальным и коллективным восприятием реальности через создание иммерсивных, но контролируемых сред, где граница между действительным и смоделированным постепенно размывается [3].

Такое замещение ведет к формированию деструктивных нормативных моделей и кризису идентичности, что находит теоретическое обоснование в концепции «бегства от свободы» Э. Фромма [6]: индивиды, сталкиваясь с атомизацией и неуверенностью в реальном мире, могут добровольно уходить в регулируемые цифровые пространства, жертвуя автономией ради чувства принадлежности и определенности.

В долгосрочной перспективе это угрожает устойчивости реальных социальных институтов, поскольку подрывает саму основу социального воспроизводства – непосредственное человеческое взаимодействие, общие переживания и коллективные ритуалы [5]. Возникает парадокс: технологии, предлагающие беспрецедентные возможности для подключения и коммуникации, могут фактически затруднять формирование подлинных общих ценностей и коллективной идентичности, основанных на разделяемом опыте физического мира и совместном преодолении реальных вызовов. Это создает риск возникновения «цифрового раскола» нового типа – не только в доступе к технологиям, но и в способности сохранять аутентичные социальные связи в условиях тотальной виртуализации [20].

Роль катализатора и системного усилителя рисков всех предыдущих групп выполняют *инфраструктурные и вычислительные технологии* следующего поколения (квантовые вычисления, сети 5G / 6G). Квантовые компьютеры создают фундаментальную угрозу взлома существующих криптографических протоколов – алгоритм Шора позволяет взламывать асимметричные криптосистемы (RSA, ECC), составляющие основу современной цифровой безопасности. Это ставит под угрозу конфиденциальность данных, целостность финансовых систем и защищенность критической национальной информационной инфраструктуры.

Параллельно сети связи нового поколения (5G / 6G) обеспечивают сверхбыструю генерацию и распространение синтетического контента (включая дипфейки высокой точности), а также реализацию массового анализа данных для слежения и контроля в реальном времени. Низкая латентность и высокая пропускная способность этих сетей создают условия для беспрецедентной масштабируемости атак на общественное сознание и системы коллективного принятия решений.

Особую опасность представляет их синергетический эффект: квантовые вычисления могут нейтрализовать криптографическую защиту данных, в то время как сети 5G / 6G обеспечивают практически мгновенную передачу этих данных и координацию распределенных систем управления. Это многократно увеличивает не только масштаб и скорость реализации угроз из других кластеров, но и их разрушительный потенциал – от тотального компрометирования государственных тайн до дестабилизации всей финансовой системы и систем военного управления. Возникает качественно новая модель угроз, где технологическая конвергенция создает непреодолимые вызовы для традиционных систем безопасности и социально-политической стабильности.

Качественно новый уровень антропологических и социальных рисков связан с *технологиями прямого воздействия на человека* (нейротехнологии, биотехнологии, генная инженерия), открывающими возможность фундаментального вмешательства в сознание и биологию человека в рамках парадигмы «H+» (трансгуманизм). Данный кластер порождает беспрецедентные этические дилеммы, связанные с переопределением самой человеческой природы и границ телесной автономии.

Нейротехнологии (интерфейсы «мозг-компьютер», глубокая стимуляция мозга) ставят под вопрос традиционное понимание свободы воли и психической целостности личности, создавая возможности для целенаправленной модификации когнитивных процессов и эмоциональных состояний без осознанного

согласия индивида. Биотехнологии и CRISPR-Cas9 системы редактирования генома, в свою очередь, открывают путь к формированию «биологического неравенства» – стратификации общества на основе генетических характеристик и искусственно расширенных биологических возможностей.

Это ведет к риску возникновения новой формы социальной сегрегации – «биоразрыва», где привилегированный доступ к технологиям создает непреодолимый разрыв между «улучшенными» и «естественными» людьми не только в экономическом, но и физиологическом измерении. Такая трансформация бросает вызов самим основам социальной справедливости и правам человека, требуя пересмотра существующих правовых парадигм и выработки новых механизмов защиты человеческой идентичности в условиях технологий, способных изменить онтологический статус человека.

Проведенный анализ позволил также выявить ключевую консенсусную позицию среди экспертов: *приоритетная угроза исходит от технологий управления информацией; центральная роль в этом процессе принадлежит платформенным экосистемам и Big Data; фундаментальными являются угрозы приватности и автономии личности; а социальная поляризация выступает системным следствием распространения алгоритмического управления.*

Второй блок анализа был сфокусирован на оценке уязвимости конкретных социальных институтов России. Наиболее уязвимым был признан институт образования, которому грозит девальвация роли педагога, утрата монополии на знание и усиление образовательного неравенства. Оценивая уязвимость данного института, эксперты указывали на риск «подмены глубинного обучения симуляцией вследствие неконтролируемой интеграции генеративного ИИ». Один их респондентов прямо констатировал: «Мы наблюдаем начало трансформации “цифрового разрыва” в устойчивое “когнитивное неравенство”, что создает прямые вызовы национальной безопасности». В связи с этим возникает существенный риск снижения качества человеческого капитала и ослабления роли образования как ключевого института социализации, что уже отмечают в своих исследованиях современные ученые [1; 9; 20].

Высокую уязвимость демонстрируют и политические институты, и система управления, сталкивающиеся с кризисом легитимности, технологической неадекватностью посреднических функций, рисками манипуляции волеизъявлением [22] и общей дискредитацией. Суммарный эффект этих вызовов формирует реальную угрозу системного политического кризиса, трансформации моделей политического участия и усиления отрыва власти от реальных социальных запросов.

В свою очередь, системообразующая для социальной стабильности сфера труда и социально-экономических отношений подвергается рискам массового вытеснения человеческого труда [10], радикальной трансформации и поляризации рынка труда, девальвации традиционных трудовых институтов и эрозии профессиональной идентичности [17], что угрожает ростом социального неравенства [15], массовой безработицей и кризисом смысла труда.

Критически уязвимым является и институт средств массовой коммуникации, учитывая его центральную роль в конструировании национального символического и ценностно-смыслового пространства. Риски включают утрату монополии государства и традиционных СМИ на производство и распространение информации, усиление манипулятивного потенциала, фрагментацию информационного поля и распространение дезинформации, что в конечном итоге подрывает доверие к информации как таковой и затрудняет формирование целостного общественного мнения.

Наконец, эксперты особо выделили риски эрозии традиционных ценностей и институтов (семья, религия), которые сталкиваются с конкуренцией со стороны новых ценностных систем и цифровой социализации, продвигающей нормы, зачастую противоречащие традиционным, что формирует вызовы кризиса национально-культурной идентичности и ослабления социальной сплоченности.

Результаты. Проведенное экспертное исследование позволило выявить системную и взаимосвязанную природу технологических рисков, угрожающих социальной архитектуре будущего России. Анализ эмпирических дан-

ных свидетельствует о том, что дестабилизирующий потенциал цифровых трансформаций проистекает не столько из отдельных технологий, сколько из их синергетического эффекта, который превращает их в инструменты беспрецедентного масштаба воздействия. Ранжирование рисков по степени дестабилизирующего потенциала, выполненное на основе экспертных оценок, показало, что наиболее значительную угрозу несут технологии манипуляции информацией и сознанием (генеративный ИИ, дипфейки, социальные боты), реализуемые через масштабные платформенные экосистемы. Их применение ведет к эрозии эпистемического доверия, то есть коллективной способности различать истинное и ложное и разделять общую реальность, подрыву рациональной публичной дискуссии и радикальной социальной поляризации посредством механизмов алгоритмического управления и создания «фильтрующих пузырей». В совокупности это ставит под вопрос саму возможность формирования общего символического пространства и консенсусной реальности – фундаментальных предпосылок для целенаправленного социального проектирования.

Центральным выводом работы является установление системной, но при этом дифференцированной уязвимости ключевых социальных институтов, которые оказываются неадекватны скорости и глубине технологических изменений. Анализ экспертных оценок выявил, что угрозы носят не абстрактный, а конкретный характер, по-разному воздействуя на различные элементы социальной архитектуры. При этом кризисные явления имеют кумулятивный характер, затрагивая самые основы социального договора. Так, система образования сталкивается с риском подмены глубинного обучения симуляцией, а не просто с его цифровизацией, что на фоне неконтролируемой интеграции генеративного ИИ ведет к девальвации роли педагога-наставника и трансформации «цифрового разрыва» в устойчивое «когнитивное неравенство», угрожая качеству человеческого капитала – ключевому «строительному материалу» будущего, а также национальной идентичности. Политические институты демонстрируют нарастающий кризис легитимности, обусловленный технологической неадекватностью их традиционных посреднических функций, рисками манипуляции волеизъявлением и растущим отрывом от реальных социальных интересов. Это создает предпосылки для системного кризиса самих основ общественного договора. Сфера труда и социально-экономических отношений, в свою очередь, оказывается под угрозой массового вытеснения человеческого труда алгоритмами, радикальной трансформации рынка труда и эрозии не только традиционных моделей социальной защиты, но и профессиональной идентичности, что чревато не только ростом социального неравенства, но и кризисом смысла труда как важнейшего социального института.

Обобщая, можно констатировать, что совокупность выявленных рисков формирует комплексный вызов и деформируют *ключевые элементы социальной архитектуры, определенные в данном исследовании как проектируемые институциональные и ценностные рамки.* Так, технологии всепроникающего контроля и слежки, материализующие модель «сентоптикона», подрывают основу доверия – фундамент любых социальных институтов. Манипуляция сознанием через платформенные экосистемы разрушает общее символическое пространство и консенсусную реальность, без чего невозможна координация ценностно-ориентированных действий. В свою очередь, прямое воздействие на человеческую природу (H+) ставит под вопрос сами антропологические основания социальной справедливости и институциональной устойчивости. Это обусловливает необходимость не реактивного, а проактивного и комплексного междисциплинарного ответа, каждая мера которого должна быть адресована конкретному вызову и направлена на укрепление конкретных элементов социальной архитектуры. Такой ответ должен включать развитие опережающего правового регулирования, формирование высокой цифровой и медиаграмотности населения, разработку четких этических норм для ИИ, укрепление реальных социальных институтов и локальных сообществ, а также формирование стратегического, ценностно-ориентированного видения у «социальных архитекторов».

Опережающее правовое регулирование призвано создавать устойчивые институциональные рамки, ограничивающие деструктив-

ный потенциал технологий и риски всепроникающего контроля («сентоптикон») и децентрализованных систем, угрожающих монополии государства на легитимное регулирование. Развитие цифровой и медиаграмотности населения необходимо для защиты и воспроизводства здоровых ценностных оснований общества, повышения его резистентности к манипуляциям, сохранения и развития ценностно-смыслового фундамента общества. Выработка этических норм для ИИ и укрепление локальных сообществ должны способствовать восстановлению и поддержанию социального доверия – базового «цемента» любой социальной архитектуры, подвергаемого в настоящее время эрозии со стороны алгоритмической дискриминации и виртуализации социальных связей. Наконец, формирование стратегического видения у управленцев необходимо для обеспечения самой возможности проактивного и системного проектирования желаемого будущего, позволяющего направлять технологическое развитие в русло укрепления, а не разрушения социальной целостности, а не реактивного латания возникающих проблем. Таким образом, успешное проектирование социальной архитектуры будущего России напрямую зависит от способности государства и общества перейти от диагностики актуальных угроз к активному формированию таких институциональных, правовых и ценностных рамок, которые обеспечат просоциальное применение технологий для построения гармоничной и устойчивой социальной системы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность за помощь в проведении исследования д-ру полит. наук, профессору А.Ю. Мамычеву и д-ру полит. наук, доценту С.Н. Федорченко.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses gratitude for assistance in conducting the research to Doctor of Sciences (Politics), Professor A.Yu. Mamychev and Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor S.N. Fedorchenko.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арамисов Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. Т. 8, № 2. С. 27–44. DOI: https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

4. Борисенков А. А., Макаров А. В., Лайков М. А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 3 (115). С. 823–832. DOI: https://doi.org/10.35775/PSI.2025.115.3.006

5. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

6. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2018. 288 с.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

8. Харичев А. Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 12. С. 5–7.

9. Шпак А. А., Кирко В. И. Социальное неравенство в цифровую эпоху: концепция Йорга Шеффера // Социология искусственного интеллекта. 2024. Т. 5, № 4. С. 21–48.

10. Acemoglu D., Restrepo P. Artificial Intelligence, Automation and Work // NBER Working Paper. 2018. № 24196. 41 p. URL: Artificial Intelligence, Automation and Work. DOI: https://doi.org/10.3386/w24196

11. Bauman Z., Lyon D. Liquid Surveillance: A Conversation. Cambridge: Polity Press, 2013. 186 p.

12. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991. 301 p.

13. Napoli P. M. Automated Media: An Institutional Theory Perspective on Algorithmic Media Production and Consumption // Communication Theory. 2014. Vol. 24, № 3. P. 340–360. DOI: https://doi.org/10.1111/comt.12039

14. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.

15. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, MA: Belknap Press, 2014. 685 p.

16. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016. 192 p.
17. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York: W.W. Norton & Company, 2000. 176 p.
18. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2015. 456 p.
19. Toffler A. Future Shock. New York: Random House, 1970. 505 p.
20. van Dijk J. A. G. M. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. 208 p.
21. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // Daedalus. 1980. Vol. 109, № 1. P. 121–136.
22. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.

REFERENCES

1. Aramisov T.R. Sotsialnoe gosudarstvo v tsifrovuyu epokhu: tsifrovye vozmozhnosti ili tsifrovoe neravenstvo [Welfare State in the Digital Age: Digital Opportunities or Digital Inequality]. *Tsifrovaja sotsiologiya* [Digital Sociology], 2025, vol. 8, no. 2, pp. 27-44. DOI: https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44
2. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p.
3. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.
4. Borisenkov A.A., Makarov A.V., Laykov M.A. Socialnaya arkhitektura kak novoe napravlenie deyatelnosti vnutripoliticheskogo bloka [Social Architecture as a New Direction of Activity Within the Domestic Policy Bloc]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2025, vol. 15, no. 3 (115), pp. 823-832. DOI: https://doi.org/10.35775/PSI.2025.115.3.006
5. Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow, In-t eksperiment. sotsiologii; Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2005. 576 p.
6. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow, AST Publ., 2018. 288 p.
7. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.
8. Kharichev A.D. Sotsialnaya arhitektura: ot zaprosov v nastoyashhem k gorizontam budushhego [Social Architecture: From Demands in the Present to the Horizons of the Future]. *Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniya* [Civic Education Notebook], 2025, no. 12, pp. 5-7.
9. Shpak A.A., Kirko V.I. Sotsialnoe neravenstvo v tsifrovuyu epokhu: kontseptsiya Yorga Sheffera [Social Inequality in the Digital Age: The Concept of Jörg Scheffer]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of Artificial Intelligence], 2024, vol. 5, no. 4, pp. 21-48.
10. Acemoglu D., Restrepo P. Artificial Intelligence, Automation and Work. *NBER Working Paper*, 2018, no. 24196. 41 p. DOI: https://doi.org/10.3386/w24196
11. Bauman Z., Lyon D. *Liquid Surveillance: A Conversation*. Cambridge, Polity Press, 2013. 186 p.
12. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MIT Press, 1991. 301 p.
13. Napoli P.M. Automated Media: An Institutional Theory Perspective on Algorithmic Media Production and Consumption. *Communication Theory*, 2014, vol. 24, no. 3, pp. 340-360. DOI: https://doi.org/10.1111/comt.12039
14. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York, Penguin Press, 2011. 294 p.
15. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA, Belknap Press, 2014. 685 p.
16. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva, World Economic Forum, 2016. 192 p.
17. Sennett R. *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York, W.W. Norton & Company, 2000. 176 p.
18. Strauss A., Corbin J. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks, SAGE Publications, 2015. 456 p.
19. Toffler A. *Future Shock*. New York, Random House, 1970. 505 p.
20. van Dijk J.A.G.M. *The Digital Divide*. Cambridge, Polity Press, 2020. 208 p.
21. Winner L. Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, 1980, vol. 109, no. 1, pp. 121-136.
22. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, Public Affairs, 2019. 704 p.

Information About the Author

Sergey V. Volodenkov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119991 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Research Laboratory "Socio-Political Analysis and Forecasting", Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, s.v.cyber@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2928-6068

Информация об авторе

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корпус 4, 119991 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Социально-политический анализ и прогнозирование», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, s.v.cyber@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2928-6068

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.19

UDC 323.174:004.8
LBC 66.3(2Рос),124+32.973.202

Submitted: 01.04.2026
Accepted: 07.07.2026

THE POTENTIAL OF AI MODELING IN OVERCOMING THE PARADOXES OF THE DEVELOPMENT OF SMALL MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (USING THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article attempts to study the potential of large language models of artificial intelligence for the formation of development plans for small municipalities in Russia in conditions of depopulation. *Methods and materials.* The theoretical and methodological basis of the research is the theory of rational choice. The empirical basis of the study was statistical data for three districts of the Volgograd region, in-depth interviews with youth representatives ($N = 9$) who moved from small municipalities of the Volgograd region to the regional center, as well as 10-year development plans generated by AI models (DeepSeek, Qwen, AlisaAI, and GigaChat) for each municipality, including SWOT analysis, project portfolios, and cost estimates. The *analysis* of the interviews made it possible to update the thesis about the rationalization of youth relocation and consolidation in a large city due to the lack of prospects for the development of the respondents' "small homeland." The key paradox is the phenomenon of "loyalty without hope," when, with a positive assessment of local administrations, young people do not believe in the future of the municipality. This reinforces the gap between municipal powers and the structural problems of the province. *Results.* AI modeling has demonstrated a high degree of differentiation of development plans depending on the types of municipality. It has been established that the feasibility of the generated strategies directly depends on how much the title projects "fall" on the regional and federal agenda. Giving the municipal center the status of a reference settlement is critically important for attracting additional investments and constructing a long-term positive "image of the future." *Funding.* The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-03377 "Prospects of using large language models of artificial intelligence for the formation of development plans for small municipalities of the Russian Federation," https://rscf.ru/project/25-28-03377/

Key words: urban planning, management, political subjectivity, municipalities, artificial intelligence, loyalty, image of the future.

Citation. Makarenko K.M. The Potential of AI Modeling in Overcoming the Paradoxes of the Development of Small Municipalities of the Russian Federation (Using the Example of the Volgograd Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 224-233. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.19

УДК 323.174:004.8
ББК 66.3(2Рос),124+32.973.202

Дата поступления статьи: 01.04.2026
Дата принятия статьи: 07.07.2026

ПОТЕНЦИАЛ ИИ-МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПАРАДОКСОВ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Makarenko K.M., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье предпринята попытка изучения потенциала больших языковых моделей искусственного интеллекта для формирования планов развития малых муниципальных образований в России в условиях депопуляции. *Методы и материалы.* Теоретико-методологическую основу исследования составляет теория рационального выбора; эмпирическую базу исследования – статистические данные по трем районам Волгоградской области, глубинные интервью с представителями молодежи ($N = 9$), переехавшими из малых муниципалитетов Волгоградской области в региональный центр, а также сгенерированные ИИ-моделями (DeepSeek, Qwen, АлисаAI, GigaChat) 10-летние планы развития для каждого муниципального образования, включающие SWOT-анализ, портфели проектов и оценку их стоимости. *Анализ* интервью позволил актуализировать тезис о рационализации молодежью переезда и закрепления в крупном городе из-за отсутствия перспектив развития «малой Родины» респондентов. Ключевой парадокс – феномен «лояльности без надежды», когда при позитивной оценке местных администраций молодежь не верит в будущее муниципалитета. Это усиливает разрыв между муниципальными полномочиями и структурными проблемами провинции. *Результаты.* ИИ-моделирование продемонстрировало высокую степень дифференциации планов развития в зависимости от типов муниципалитета. Установлено, что реализуемость сгенерированных стратегий напрямую зависит от того, насколько титульные проекты «попадают» в региональную и федеральную повестку. Придание муниципальному центру статуса опорного населенного пункта критически важно для привлечения дополнительных инвестиций и конструирования долгосрочного позитивного «образа будущего». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03377 «Перспективы использования больших языковых моделей искусственного интеллекта для формирования планов развития малых муниципальных образований РФ», https://rscf.ru/project/25-28-03377/

Ключевые слова: городское планирование, управление, политическая субъектность, муниципальные образования, искусственный интеллект, лояльность, образ будущего.

Цитирование. Макаренко К. М. Потенциал ИИ-моделирования в преодолении парадоксов развития малых муниципальных образований Российской Федерации (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 224–233. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.19

Introduction. One of Russia's biggest problems is its strong territorial differentiation. Doctor of Sciences (Geography), Professor at Moscow State University N.V. Zubarevich in 2011 identified four types of Russian territories that differ in their specifics both in economic and socio-demographic terms. A special place is occupied by the periphery – small towns and villages, where a significant (38%), but showing a decreasing trend, part of Russians lives [26]. N. Zubarevich's own forecast for the future of the "Four Russias" is inclined to the gradual growth of the "first Russia" due to the relocation of the population from the rest of its parts [27]. The movement of young people, primarily to the capital and large cities is a natural desire to improve life. According to the VTsIOM survey, only 2% of young people do not plan to leave their city, and the main centers of attraction are Moscow and the Moscow region (10%), Krasnodar (8%), St. Petersburg (6%), Yekaterinburg (3%), Sochi (3%), etc. [13]. Internal migration of the population is a natural process, but at the same time it generates a number of problems of spatial development. Economist M. Sergeev noted that young people account for "the most noticeable flow of internal migration," and "the reduction of the population in rural areas and small towns reduces the chances of overcoming the depopulation of Russia" [17]. This brings to the fore one of the most important problems of modern Russia, which poses a threat to Russia's national security and its stability.

The comprehensive progress of modern Russia seems unpromising and even impossible without taking into account the modernization of the "Russia of Small Towns." At the same time, there are a number of problems that create barriers to the development of these territories: first, the personnel shortage caused by the migration of talented young people to large agglomerations, and, secondly, the digital divide, which is becoming one of the most important tasks of national development. In addition, insufficient attention is paid to priority projects for the development of small towns and municipalities. Regional development programs tend to focus on the development of the regional center, while other municipalities are on the periphery of government and public attention.

Methods and materials. The research is based on the theory of rational choice in the framework of the neo-institutional approach.

Migration of young people from small towns and municipalities is driven by a rational strategy to maximize benefits, which leads to long-term degradation of the periphery. Rationalizing the behavior of actors in the context of resource scarcity leads to more attention to AI projects that are presented as objective.

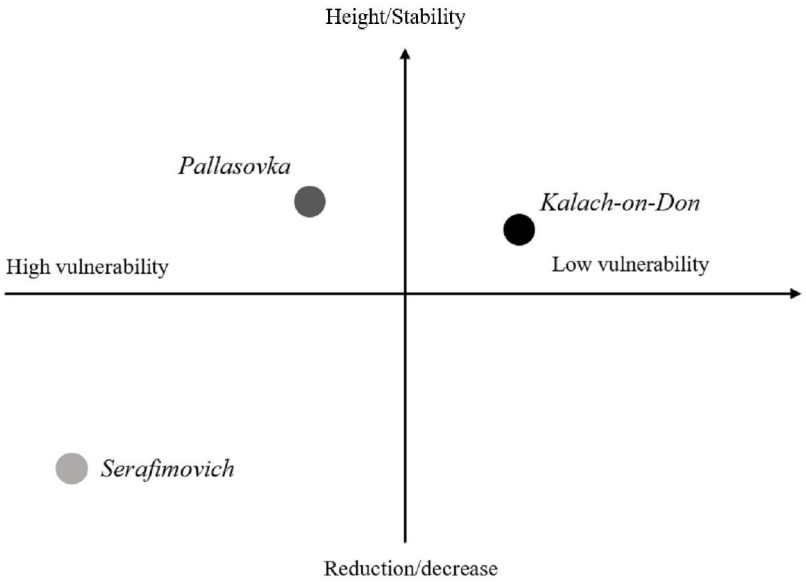
One of the scientific gaps that the research team of the grant project is trying to overcome is determining the potential of AI for analyzing and modeling political scenarios at the municipal level. The microlevel was chosen not by chance, but on the basis of a rational scientific strategy: the development of small objects is due to the influence of a smaller number of factors that can be measured and formalized (at least some of them). The transition to a higher level of the region or the country as a whole creates prospects for abstracting plans and reducing real analytical potential, at best, to domestic futurism.

The analytical framework of the study will be based on the developed classification of municipalities with two bases: the vertical axis – demographic trend (negative – positive) and the horizontal axis – vulnerability of the economy (high – low). Thus, the matrix with two bases forms four quadrants: crisis (lower left), stagnation (lower right), stable (upper left), developing (upper right).

The choice of municipalities in this study is based on an attempt to present objects with different characteristics, but within a single region, which will allow us to assess the locality factor to a greater extent, reducing the impact of climatic, cultural and other conditions that would have to be taken into account if we chose municipalities from different regions of the Russian Federation. Three municipal districts of the Volgograd Region will serve as the objects: Serafimovichsky, Kalachevsky, and Pallasovsky (see Figure). The choice of municipalities was determined both by their pronounced territorial differentiation (remoteness from the regional center, Volgograd), and by the nature of economic activity, as well as by the size and dynamics of the population.

Specific research methods included in-depth interviews with young people who previously lived in small municipalities of the Volgograd region, but currently live in Volgograd. The interview guide included several mandatory blocks: motivational, nostalgic, socio-political, and predictive. In-depth interviews were conducted with 9 informants, including both student and working youth representatives, which allowed us to form ideas about different strategies for youth migration and their further consolidation in a large city.

In addition, the article reflects the use of tools based on large language models of AI in order to create development plans for small municipalities of the Volgograd region based on the developed promt [1] and the unified reference on municipalities provided to four AI models (DeepSeek, Qwen, AlisaAI, GigaChat) [2].



Classification matrix of municipalities

The advantage of this method is that it is possible to simulate scenarios of the "image of the future" for each municipality based on an assessment of the municipality's strengths and weaknesses, threats and development opportunities (SWOT analysis). This approach makes it possible to translate hypothetical arguments about the prospects for the development of territories into verifiable scenario modeling, which corresponds to the principles of modern political science.

In this article, the "image of the future" is understood as a discursive construction in which there is a narrative about the desired trajectory of the territory's development. Operationally, the image of the future is revealed through three indicators: the source of goal setting, the range of available development alternatives, and the method of resource mobilization.

Analysis. Domestic researchers A.V. Odintsov, A.I. Shipitsin, and A.Yu. Marchenko wrote about the "centripetal migration" of young people from Russian regions [12]. A.A. Gerasimov concluded that the formation of stable gender disparities both in donor and recipient municipalities is due to different migration strategies for women and men [4, p. 92]. Researchers of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences O.O. Smirnov and V.A. Bezverbny noted that small cities of Russia at the present stage face a systemic set of problems of economic, social and political nature [18, pp. 65-66]. The motives of migration of young people from small towns are presented on both objective and subjective grounds. At the same time, researchers V.A. Belyaev and E.R. Kalimullina point out that psychological motives can be traced to the presence of irrational simulacra of large cities, which may prevail over real (objective) motives [1, pp. 237-238].

N.V. Mkrtchyan's article notes that the key factor of relocation for young people from small towns is educational, related to finishing school and trying to get a higher education, which is concentrated in large cities. The general, fundamental reason for the outflow of population from small cities in Russia is economic: "low incomes, a narrow labor market and other economic problems inherent in the outback" [10, p. 231]. After conducting a series of interviews, the author came to the conclusion about the hierarchy of factors that determine the outflow of the population from small towns: economic, the state of urban infrastructure, the lack of a leisure environment (multifunctional shopping centers, sports complexes, cafes, etc.) [10, p. 233].

Doctor of Economics V. B. Zotov noted that the realities of modern Russia are the development of megacities with the extinction of medium and small cities. At the same time, the author noted either the complexity of implementation or the low efficiency of existing tools of state support for the development of medium and small cities [25, p. 41]. With the mass desire of young people to move from small towns to large agglomerations, Doctor of Sociology P. Razov notes that the combination of "economic and social conditions, infrastructure development and cultural environment" can serve as a basis for preserving the local population [22].

The institutional framework for overcoming territorial differentiation in Russia is defined by the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation adopted in 2024 for the period up to 2030 with a forecast up to 2036 [19]. The Strategy itself not only captures the existence of objective problems (high depopulation rates of small and medium-sized cities, declining infrastructure, reduced quality of human resources and, as a result, a deterioration in the quality of life of people in the province, etc.), but also offers institutional mechanisms for solving problems (formation of reference settlements, use of ICTs and AI in spatial development, etc.).

One of the key definitions in the Strategy is "a strong locality – a locality whose priority development contributes to achieving national goals and ensuring national security, including by ensuring access to education, medical care, cultural services and other needs for residents of the adjacent territory" [19]. Thus, the development potential of a small city (with a population of up to 50 thousand people) is largely determined by the possibility of becoming a "reference" and being involved in projects that are significant for the region and the country.

Territory management and development is the result of the work of many institutions and specific people. At the same time, the phenomenon of urban governance itself is undergoing significant changes, which is due to the unprecedented growth of cities and a significant improvement in the quality of life of people in the 20th and 21st centuries. Thus, E.A. Grigorieva points out

that the idea of ideal urban governance has been transformed from justice to efficiency over the past century [5]. Thus, focusing on results for the city as a whole, attracting investment, and forming long-term strategies has become the most important criterion for the quality of management.

Artificial intelligence in recent years has had a huge impact on all spheres of life. H. Kissinger and his co-authors noted that AI can radically transform the perception of reality, the process of cognition, diplomacy, and the entire international system [7]. If AI changes the forms and nature of interstate interaction, can it become a decision-making actor at the national, regional or municipal level? In this article, this issue is considered not from an ethical but from an instrumental perspective: is AI capable of helping with management, and if so, to what extent?

Despite the fact that according to VTsIOM, 52% of Russians trust artificial intelligence technologies in 2024, the attitude to the use of AI in different areas differs significantly. For example, 80% and 76% of respondents are more likely to favor the use of artificial intelligence technologies in industry and science, while the lowest level of support for AI technologies is recorded in the field of public administration – 37% [3]. Thus, public administration is perceived by respondents as a sensitive area, where the clarity and algorithmic nature of artificial intelligence may not correspond to "humanity", i.e. social orientation. Discussing the "limits of trust" in AI, journalists A. Tamarovich and A. Almamatov wrote that new technologies "will be introduced into the public administration sphere... even without the consent of voters. [...] implementation will be strictly 'top-down', although not without problems" [20].

MGIMO Rector, academician A.V. Torkunov, reflecting on the impact of digitalization and the introduction of AI in the political sphere, noted that" The result of these transformations is not just a multiplication of the number of political participants, but the emergence of fundamentally new players", including "digital corporations and the algorithms they create (formal logical rules underlying artificial intelligence) and digital media (platforms, social networks, applications, etc.)." And the key characteristic of the new political reality is "the intermediary role of digital platforms in relations between citizens and the state, networkization and hybridization of political players and functions" [21, p. 25].

In this regard, it is crucial to understand how young people themselves – a key subject and object of migration processes-perceive the opportunities and limitations of their hometown. The answer to this question allows us not only to diagnose the problem, but also to assess the potential for implementing algorithmic management tools, which Academician A.V. Torkunov wrote about.

To collect relevant data, it was decided to conduct a series of in-depth interviews with representatives of young people in the Volgograd region who moved to Volgograd from small municipalities in the region. The sample population is represented by both students and those who work in budget and commercial organizations, which allows us not only to diversify the average portrait of an informant, but also to get an idea of different motives for moving and getting a foothold in a large city. It is necessary to recognize the limitation associated with the composition of the sample population, since we excluded the representatives of young people who remained in their hometown. Forming a larger sample of informants, including those who have returned and those who have never left, can be the basis for future research.

Taking into account the fact that most of our informants were students, the phenomenon of moving "for the future" is of interest, which cannot be reduced solely to economic reasons, but also has a clear socio-political character:

I left because there are no prospects for development in the city. The city-forming plant has ceased its normal functioning since 2012. My relatives: my stepfather and grandfather-travel by car to another city every day and spend a conditional 30–40 minutes a day just to get to their workplace, because there is no work in their city (interview 2, male).

I left a hopeless place... (interview 5, male).

I moved away from stereotypes. In our city, people live as they were told in their Soviet childhood. They look at others and think what "fools" they are. I decided to leave so that I wouldn't get caught up in these negative thoughts (interview 6, female).

In the course of our interviews, we encountered a dominant reaction: the close circle – relatives and friends – of informants

reacted positively to the desire to move to a larger city, expressing sadness only at the very fact of parting with their loved one. While peers who remain in a small town are perceived by informants as those who "simply could not leave":

It wasn't a direct conversation, it was more like this... We both knew that this was true, but we didn't say it directly (interview 1, male).

The outflow of young people provokes further migration of this socio-demographic group, prompting the remaining ones to feel alienated and want to leave, so as not to experience a sense of social atomization.

The data obtained are also confirmed by current research conducted by VTsIOM, according to which the absolutization of the economic factor is erroneous. The move of young people from small towns is associated with an attempt to escape "from the oppressive atmosphere, from the feeling of a missed life." Young people run to megacities in search of interest and happiness [14]. One of our respondents noted this tendency at a "pace" that is too slow for a young person in small towns. The thirst for speed forms a strategy for further migration to cities with an even faster "pace" of life: Moscow, St. Petersburg, Krasnodar-thereby strengthening the centripetal trend of population outflow.

The migration of young people from small towns in Russia entails systemic political consequences that go far beyond demographic and economic problems. A crisis of political reproduction of local elites is forming. The most active, educated and ambitious representatives of the younger generation are leaving-precisely those who could form a talent pool for municipal authorities, local entrepreneurship and civic activism.

The massive outflow of young people, among other things, contributes to undermining the legitimacy of local authorities in the eyes of residents. If the city cannot offer prospects, it is perceived as the failure of the entire management system, which leads to an increase in political cynicism and apathy. In the long run, this creates the risk of turning small towns into "territories without a future", where there are no subjects capable of formulating and defending local interests before regional and federal authorities. As a result of youth migration, small towns lose not only people, but also their political subjectivity, becoming more dependent on the decisions of the regional and/or federal center.

One of the most interesting details was the loyalty and positive attitude of some informants to the local authorities, while completely disbelieving in the "bright future" of the small Motherland.

With the arrival of the new administration and its team, it really began to change [for the better] (interview 1, male).

The merit of the head is that you can see where the money is going. All this landscaping: the embankment, parks – everything was done with her. Previously, money was also allocated, but no one understood where it was going. But the city has no positive future. There is no place to work, everyone is leaving, the city is getting old, and young people only come to visit (interview 6, female).

These statements indicate an important discrepancy: the loyalty of informants is directed not at the institution of local government, but at specific individuals ("new administration," "head"). This allows us to talk about personalized trust while maintaining institutional skepticism. Instrumental effectiveness (progress in improvement) translates into personal support for the head, but not into institutional legitimacy in general. This is precisely the paradox: people see improvements, but do not associate them with the long-term prospects for the development of the municipality.

Despite the small volume of interviews conducted, we can draw a primary conclusion about the phenomenon of "local loyalty without hope." The thesis requires additional verification on a broader sample of respondents. At this stage of the study, we can note that the essence of the phenomenon lies in the fact that no informant, even those who speak positively about the activities of local authorities, is ready to return to their small Homeland in the long term. Against this background, it is almost paradoxical to read the statement of the respondent (who noted the importance of "tempo") about the possibility of moving back to his village for a permanent life:

Only if you want a calm, measured life. Only in this version (interview 1, male).

The problem of the "image of the future" is one of the most urgent in modern Russian political science. In 2025 alone, according to Elibrary.ru there were 2,442 publications devoted to this issue [15]. In this context, reflections and results of empirical research are most represented at the national level, or at the level of large cities, while small municipalities remain on the periphery of scientific attention. The lack of an image of the future for a small city creates a lack of prospects, which, as we saw during the interviews, is a key trigger for moving young people. Our research interest was focused on the question of whether the image of the future for a particular municipality can be constructed by large AI language models.

The spatial development strategy of the Russian Federation establishes two principles that are relevant for our research: reliance on a digital platform for analyzing territories and a differentiated approach to their development [19]. These provisions justify the need for data collection and legitimize the use of AI modeling as a tool that can implement the claimed differentiated approach in practice.

It should be noted that the prospects for using AI in current political tasks have already been reflected in publications [9; 11]. A. Demekhina and Y. Milshina note that in recent years, artificial intelligence plays "a key role in shaping and stimulating urban development" [2]. At the same time, AI should not be perceived as a universal tool, which is due, among other things, to its political bias [23; 24].

The question of the potential of using AI to form plans for the development of a small city caused a positive but balanced reaction from informants:

I think we can [use AI], because we already know examples where artificial intelligence helps doctors make diagnoses and allows us to optimize paperwork. This is quite possible if you write the right promt (interview 4, female).

I think it can be used as an idea-making tool, but it must pass a serious and extensive analysis by a living person who would check whether it is adequate (interview 2, male).

The political science perspective of the study is also justified by the question of the potential presentation of such a project and its subsequent implementation. If in the structure of political power of small cities in Russia, the dominant position is usually occupied by the heads of city administrations (at the same time, as HSE Professor V.G. Ledyaev notes in his research, leadership in cities was determined not only by the position in the formal power structure, but also

Summary table of results of AI design of development plans for small municipalities of the Volgograd region

Criterion	Serafimovichsky district	Kalachevsky district	Pallasovsky district
Type of municipality	Agricultural-peripheral with tourist potential	Industrial-agricultural suburb	Border resource enclave
Total investment	160–1100 million rubles	1.95–2.7 billion rubles	650 million – 3.4 billion rubles
Key areas of development	Agribusiness, tourism, comfortable environment	Industry, logistics, agribusiness	Agro-processing, renewable energy, youth policy
Tourism potential	Development of Cossack tourism	Suburban and river tourism	Ethnotourism, steppe routes
Unique projects	Agrotechnopark, digital village	Industrial park, yacht port	Wind farm, mobile social hub
Demographic goals	Population stabilization	Growth population	Growth
Target indicators salaries	60–65 thousand rubles	78 thousand rubles	70 thousand rubles
Creating jobs	150–500	400–1500	350–1200
Best	Qwen (low-density accounting, mobile services)	DeepSeek (working out the industrial block)	Qwen (integrated approach to youth)
Key risks	Population outflow	Overheating from large-scale projects	Difficulty retaining young
People funding	Federal programs	PPP grants, infrastructure loans	Private investment, national projects

by the personal qualities of the head of administration, the ability to build constructive relationships including regional ones) [8], this does not mean that there are no potential conflicts [6] with other elite groups, businesses, professional communities, and citizens. The more likely the generated plan is to be implemented, the more understandable the benefits it brings to the regional and federal levels, so this item should be included in the promt. Thus, for municipalities of the Volgograd Region, priorities for the development of logistics infrastructure, including the region's participation in the implementation of the North-South transport corridor, as well as focusing on the agro-industrial sector as one of the key drivers of economic growth are becoming priorities.

At this stage of the grant research implementation, we conducted the first generation of municipal development plans in two Russian (AlisaAI, GigaChat) and two Chinese (DeepSeek, Qwen) large language models. The first iteration of promt resulted in a 10-year development plan for three municipalities in the Volgograd Region. The result is presented in a summary table.

The differences in the proposed strategies [3], in our opinion, can be explained not only by the quality of the software, but also by the features of the training data and the architecture of AI models. The Chinese models DeepSeek and Qwen were probably trained on datasets where the task of spatial planning and demographic regulation was prioritized. This may explain their increased sensitivity to data on population density and the proportion of young people. Russian models (AlisaAI and GigaChat), in turn, demonstrate a more universal, but template-based approach to planning with an emphasis on large-scale infrastructure solutions. A comparative analysis of AI-generated development plans directly shows that the tools of large language models do not just provide "objective" recommendations, but also help to capture the political nature of development, when different types of municipalities require fundamentally different strategies for interaction between government, business and society.

Thus, the analysis of the presented strategies for the development of municipalities in the Volgograd region allows us not only to determine the potential positive image of the future, which is aimed at stabilization and demographic growth, but also to identify a set of "growth points" that can serve as drivers of economic development. The problem is acquiring on a pronounced political character, as development plans are being integrated into key projects of the region and the federal center, turning municipalities into strong points for implementing large-scale tasks. There is a growing demand for heads of administrations who are able to build strong communication strategies at both the horizontal and vertical levels.

A potential limitation of the method used is that the generated results change when new variables are added (or reduced). The more open and verifiable data we provide to a large language model, the more objective the planning will be. This sets not only the task of updating data for the researcher, but also a broader task of creating databases, updating existing data at the state, regional, and municipal levels.

Results. The result of the study was the realization that the key problem of small towns lies not so much in the economic or infrastructural plane, but in the sphere of political subjectivity. The phenomenon of "loyalty without hope" recorded during in-depth interviews reflects the presence of a systemic crisis in Russia's peripheral development, when residents (especially young people) positively assess the work of local authorities on landscaping, but do not see a real opportunity for long-term improvement of the situation. A comparative analysis of AI-generated strategies has shown that the quality of the plan directly depends on the ability of the model to take into account the unique parameters of the territory. At the same time, AI remains a tool (and not a decision-making subject) that allows one to show more clearly not only the strengths and weaknesses of municipalities, but also identify threats that provoke political struggle at different levels.

In a broader context, the results obtained indicate a fundamental limitation of the technocratic approach to territorial management. Effectiveness is not the same as legitimacy. The formation of a positive "image of the future" is connected with the political subjectivity of local authorities: the ability to impose one's will on the region, the ability to reorient social and material resources for the development of small territories. The lack of a clear and understandable "image of the future" for residents will contribute to the further outflow of the most active part of the population, and the province will continue to decline.

AI modeling generates alternative scenarios of development, expands the range of available solutions and shows possible trajectories, but does not overcome the paradox of "loyalty without hope." It creates cognitive and communicative prerequisites for conscious choice. The key condition for overcoming the paradox remains the ability of local authorities to mobilize resources to create a positive "image of the future," where plans generated by artificial intelligence can be an additional positive reinforcement. AI technologies help to diagnose problems and design development, but they are not able to solve issues of institutional distrust.

NOTES

[1] The applications are posted on the page of the Russian Science Foundation research Project No. 25-28-03377 on the website of Volgograd State University [16]. Appendix 1. Developed by the PROMT research team for the formation of development plans for small municipalities.

[2] Appendix 2. Statistical information on small municipalities in the framework of the first iteration of the study [16].

[3] Appendix 3. Summary table of the results of the formation of development plans for small municipalities based on the work of large language models (DeepSeek, Qwen, AlisaAI, GigaChat) [16].

REFERENCES

1. Belyaev V.A., Kalimullina E.R. Mezhpokolennaya mobilnost iz malykh gorodov: realnye motivy i simulyakry [Intergenerational Mobility from Small Towns: Real Motives and Simulacra]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2017, no. 4, pp. 233-238.

2. Demekhina A., Milshina Y. Artificial Intelligence for Urban Planning and Building Smart Cities. Thokchom B., Kaur R., Singh P., Qiu P., eds. *Artificial Intelligence Enabled Real Time Environmental Monitoring*. Singapore, Springer, 2026. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-95-3767-9_12

3. Doverie k II [Trust in AI]. *VTsIOM*, 2024, Dec. 24. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii

4. Gerasimov A.A. Sootnoshenie polov vo vnutriregionalnoy migratsii v Rossii: prostranstvennaya i vozrastnaya differentsiatsiya [Sex Ratio in Intra-Regional Migration in Russia: Spatial and Age Differentiation]. *Demograficheskoe obozrenie*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 91-107.

5. Grigorieva E.A. Ot spravedlivosti k effektivnosti: transformatsiya predstavleniy ob idealnom gorodskom upravlenii [From Justice to Efficiency: The Transformation of Ideas About Ideal Urban Governance]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2025, no. 5, pp. 115-138.

6. Ivanov O.B. *Konflikty bolshogo goroda* [Conflicts of a Big City]. Moscow, Avtor Publ., 2022. 131 p.

7. Kissinger H., Schmidt E., Mundie K. *Genezis: Iskusstvenny intellekt, nadezhda i dusha chelovechestva* [Genesis: Artificial Intelligence, Hope, and the Human Spirit]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2025. 256 p.

8. Ledyaev V.G. *Vlast v malom rossiyskom gorode* [Power in a Small Russian Town]. Moscow, HSE Publ., 2017. 270 p.

9. Li B., Haider S., Callison-Burch C. This Land Is Your, My Land: Evaluating Geopolitical Bias in Language Models Through Territorial Disputes. *Proceedings of the 2024 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies (NAACL 2024)*, 2024, pp. 3855-3871. DOI: https://doi.org/10.18653/v1/2024.naacl-long.213

10. Mkrtchyan N.V. Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [Migration of Youth from Small Towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2017, no. 1, pp. 225-242.

11. Mukhametov D.R. Politicheskiy vayb-marketing: vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta dlya prodvizheniya obraza budushchego [Political Vibe-Marketing: Possibilities of Artificial Intelligence for Promotion of Image of the Future]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2025, no. 3, pp. 27-33. DOI: https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-3-27-33

12. Odintsov A.V., Shipitsin A.I., Marchenko A.Yu. Tsentrostremitelnaya migratsiya molodezhi iz rossiyskoy provintsii: prichiny i tendentsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (On the Example of Volgograd Region)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2020, no. 3, pp. 335-354. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788

13. Okhota k peremene mest [Desire for Change of Scenery]. *VTsIOM*, 2024, Mar. 26. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest

14. Poteryana svyaz s budushchim. Pochemu lyudi pokidayut malye goroda? [Lost Connection with the Future. Why Do People Leave Small Towns?]. *Analiticheskiy tsentr VTsIOM*, 2026, Jan. 20. URL: https://wciom.ru/expertise/poterjana-svjaz-s-budushchim-pochemu-ljudi-pokidajut-malye-goroda

15. *Rezultaty rasshirennogo poiska po zaprosu «obraz budushchego» v nauchnoy biblioteke Elibrary.ru* [Results of an Advanced Search for the Query "Image of the Future" in Elibrary.ru]. URL: https://elibrary.ru

16. *Russian Science Foundation Research Project No. 25-28-03377 on the Website of Volgograd State University.* URL: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/noc_multivariate_socio-political_space/grant-rfn-25-28-03377.php

17. Sergeev M. Pereezd molodezhi v krupnye goroda ukhudshaet demograficheskie perspektivy [Relocation of Young People to Large Cities Worsens Demographic Prospects]. *Nezavisimaya gazeta*, 2024, Mar. 27. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-03-27/4_8980_mobility.html

18. Smirnov O.O., Bezverbny V.A. Potentsial razvitiya sektorov ekonomiki malykh gorodov Rossii: sovremennye tendentsii [Development Potential of Economic Sectors in Small Russian Towns: Current Trends]. *Sotsium i vlast*, 2022, no. 1 (91), pp. 65-77.

19. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda* [Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2036]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf

20. Tamarovich A., Almamatov A. Tekhnokratiya vmesto tsennostey: chem opasno vnedrenie II v upravlenie gosudarstvom [Technocracy Instead of Values: Why the Introduction of AI into Public Administration Is Dangerous]. *Forbes*, 2025, Apr. 14. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/534689-tehnokratia-vmesto-cennostej-cem-opasno-vnedrenie-ii-v-upravlenie-gosudarstvom

21. Torkunov A.V. Tsifrovaya transformatsiya i iskusstvenny intellekt v preobrazovanii politicheskogo mira [Digital Transformation and Artificial Intelligence in the Transformation of the Political World]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2025, no. 5, pp. 24-39.

22. Ustranit effekt glukhoy provintsii: Sotsiolog Razov rasskazal o razvitii malykh gorodov Rossii [Eliminate the Backwater Effect: Sociologist Razov Spoke About the Development of Small Towns in Russia]. *Rossiyskaya gazeta*, 2025, Sept. 25. URL: https://rg.ru/2025/09/25/delo-za-malym.html

23. Westwood S.J., Grimmer J., Hall A.B. *Measuring Perceived Slant in Large Language Models Through User Evaluations. Stanford Graduate School of Business Working Paper No. 4262*, 2025. 90 p.

24. Zinovieva E.S., Trapeznikov V.P. Mezhdunarodno-politicheskaya predvzyatost bolshikh yazykovykh modeley: kriticheskiy diskurs-analiz narrativov ChatGPT, LLaMA, Gemini i DeepSeek [International Political Bias in Large Language Models: A Critical Discourse Analysis of Narratives in ChatGPT, LLaMA, Gemini, and DeepSeek]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2026, no. 1, pp. 157-177. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2026.01.11

25. Zotov V.B. Razvitie i ugasanie rossiyskikh gorodov: prichiny i vozmozhnye resheniya [Development and Decline of Russian Cities: Causes and Possible Solutions]. *Vestnik universiteta*, 2023, no. 2, pp. 41-49.

26. Zubarevich N. Chetyre Rossii [Four Russias]. *Vedomosti*, 2011, Dec. 30. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii

27. Zubarevich N. O tom, kakoe budushchee zhdet "chetyre Rossii" [On the Future of the "Four Russias"]. *RBK Trendy*. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/64e30dd89a7947b8f0158fe1

Information About the Author

Kirill M. Makarenko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

Информация об авторе

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Международ. отнош. 2026. Том 31. № 4. 1–235.

ISSN 1998-9938
9 771998 993261 04